

**ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**ПЛАМЯ
«ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ»**

**ПОБЕДЫ,
КОТОРЫХ
НЕ БЫЛО**

**ПЛАМЯ
«ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ»**

**ПОБЕДЫ,
КОТОРЫХ
НЕ БЫЛО**

ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

**ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**ПЛАМЯ
«ХОЛОДНОЙ
ВОЙНЫ»**

**ПОБЕДЫ,
КОТОРЫХ
НЕ БЫЛО**

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)63
ПЗ7

Серия «Великие противостояния» основана в 2003 году

COLD WAR HOT:
Alternate Decisions of the Cold War
Edited by Peter G. Tsouras

Перевод с английского Ю. Яблокова

Послесловие А. Столярова

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения Greenhill Books/Lionel Leventhal Limited
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 23.09.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 2815.

*Книга подготовлена издательством «Мидгард»
(Санкт-Петербург)*

Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было; Пер. с
ПЗ7 англ. Ю. Яблокова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО
«ЛЮКС», 2004. — 476, [4] с.: 16 л. ил. — (Великие противостояния).

ISBN 5-17-024051-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0132-4 (ОАО «ЛЮКС»)

История не знает сослагательного наклонения, но тем не менее в последние десятилетия все большее признание приобретает интеллектуальная игра под названием «альтернативная история».

Темой этой книги стала недавно завершившаяся «холодная война», альтернативные версии которой предлагают американские, английские и канадские военные историки.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)63

Text and Maps © Lionel Leventhal Limited. 2003
© Перевод Ю. Яблоков. 2004
© Послесловие А. Столяров. 2004
© ООО «Издательство АСТ». 2004

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

История не знает сослагательного наклонения — это утверждение верно как и в рамках парадигмы мифологического мышления, существующей в «круге вечного возвращения» (М. Элиаде), так и в рамках прогрессистской концепции, постулирующей неуклонное поступательное развитие человечества. Тем не менее, в последние десятилетия все большее признание (прежде всего — в западной исторической литературе) приобретает интеллектуальная игра под названием «альтернативная история» — игра, суть которой, упрощая, можно свести к следующей формулировке: «А что было бы, если бы в тот или иной переломный момент человеческой истории события, благодаря воздействию определенных факторов, стали развиваться иначе, нежели в действительности?» Популярность этой интеллектуальной игры, этого «сослагательно-альтернативного» подхода к истории объясняется тем, что, как писал С. Переслегин, «реконструируя прошлое, мы создаем настоящее и, одновременно с этим, анализируя варианты, мы “играем в историю”. Наши “исторические артефакты” не походи друг на друга — как не похожи друг на друга мы сами. Реальное будущее составлено из причудливой комбинации таких конструкций. Реальное прошлое, меняясь в нашем восприятии, управляет этим будущим»¹.

¹ Переслегин С.Б. Редакционное вступление к сборнику «Упущенные возможности Гитлера». М.-СПб., 2001.

Альтернативно-исторические реконструкции оперируют с «узловыми точками» реального прошлого, то есть с теми «фрагментами» действительности, которые являлись ключевыми с точки зрения последующего хода событий. Эти «узловые точки», применительно к истории войн, представляют собой разнообразные стратегические и тактические возможности, упущенные участниками конфликтов или по тем или иным причинам отвергнутые ими. Безусловно, в большинстве случаев реконструкции носят «кабинетный» характер (вследствие чего их авторы периодически «заигрываются» и выдвигают версии и сценарии, которые — в лучшем случае — можно назвать исторически неоправданными), однако благодаря альтернативным построениям иной «срез реальности» порою подается в совершенно неожиданном ракурсе — и снова радуешься тому, что все случилось, как случилось, а не как могло бы (или огорчаешься тому, что благоприятный исход той или иной операции существует только на бумаге, хотя, казалось бы, что мешало воплотить его в жизнь...)

Чем ближе по времени альтернативные версии к реальным событиям, тем значительнее вероятность того, что сработает «эффект близости» — или, как это определяется в квантовой физике, «эффект включенного наблюдателя»: экспериментатор является частью системы, поэтому его присутствие или отсутствие оказывает непосредственное влияние на ход эксперимента. Применительно к альтернативной истории этот эффект можно описать так: «Чем меньше “срок давности” реконструируемых событий, тем значительнее искажения, вносимые авторами реконструкций в историческую действительность». И представляемые вниманию читателя очерки настоящего сборника прекрасно подтверждают это правило.

«Холодная война», одна из самых затяжных войн в истории человечества, завершилась относительно недавно: фактической датой ее окончания признается 1989 год — год падения Берлинской стены. С позиций исторической науки пятнадцать лет — слишком малый срок для беспристрастной оценки исторического явления, тем более — для разработки альтернативных сценариев «реализации» этого явления, по определению претендующих на абсолютную достоверность. Поэтому не удивительно, что альтернативные версии «холодной войны», предлагаемые американскими, английскими и канадскими военными историками, грешат натяжками и домыслами, иногда граничащими с откровенной нелепицей; тем не менее, сам факт обращения к грандиозному военно-идеологическому противостоянию, определявшему «полити-

ческий климат» XX столетия, заслуживает уважения, даже при том, что многие очерки дают событиям «холодной войны» трактовку не военно-историческую, а, скорее, журналистскую.

Как известно, «холодная война» началась 5 марта 1946 г., когда Уинстон Черчилль произнес в Фултоне свою знаменитую речь, из которой, по словам бывшего президента США Рональда Рейгана, не только родился современный Запад, но и мир на нашей планете. В этой речи Черчилль призвал страны мира к объединению на основе «великих принципов свободы и уважения прав человека», а также впервые употребил метафору, ставшую впоследствии общераспространенной: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился “железный занавес”». По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам немецких левых»². Неделий позже в «Правде» Черчилля поставили в один ряд с Гитлером; Сталин заявил, что в своей речи Черчилль призвал Запад к войне с СССР. Дальше были создание НАТО и подписание Варшавского договора, бряцание ядерными ракетами во время Карибского кризиса и «теневое участие» сверхдержав в арабо-израильской войне, американская интервенция во Вьетнаме и вторжение советских войск в Афганистан...

² Цитируется по: «Дуэль». N 21 (164). 23 мая 2000 г.

Авторы большинства очерков, вошедших в настоящий сборник, предпочитают «забывать» о том, что «холодная война» была противостоянием в первую очередь идеологическим, если угодно — геополитическим, и только потом — военным. Поэтому они зачастую игнорируют политику и сводят эпизоды «холодной войны» к маневрированию бронетанковых дивизий и количеству боевых вылетов авиации, приписывая решающую роль в победах и поражениях сторон превосходству в живой силе и технике, а никак не «непрямым действиям» (в терминологии Б. Лиддел Гарта)³. Пожалуй, упрека в «забывчивости» в меньшей степени заслуживают М. Хатауэй, автор очерка «Первая кровь», в котором речь идет о попытке передела «зон влияния» в оккупированном союзниками Берлине, У. Дадли, очерк которого «Огонь и лед» повествует о вероятном сценарии арабо-израильской войны в условиях активного вмешательства в этот конфликт обеих сверхдержав — США и СССР, и Д. Исби, который анализирует возможность успеха советского вторжения в Афганистан — с последующим перерастанием «афганского инцидента» в полномасштабную индо-пакистанскую войну, опять-таки при активном участии сверхдержав. Остальные же авторы обращаются с историей подобно Александру Дюма, утверждавшему, что история — лишь гвоздь в стене, на который писатель вешает свои картины.

В качестве приложения к настоящему сборнику мы публикуем «геополитический» сценарий известного российского писателя А. Столярова; сам автор назвал эту работу «последним сценарием “холодной войны”». Кроме того, книга содержит библиографию англоязычной исторической литературы по теме сборника, как реальной, так и «альтернативной». Безусловно, тема «холодной войны» и ее вероятностных интерпретаций не закрыта; наоборот, эта книга ее только открывает.

Кирилл Королев

³ Впрочем, один из очерков — «развал Красной Армии» П. Цураса — опирается именно на сформулированную видным британским военным историком Б. Лиддел Гартом концепцию «непрямых действий», однако сюжет этого очерка, абсолютно шовинистического по духу и демонстрирующего полное незнание автором особенностей русского национального характера, иначе чем анекдотическим, не назовешь.

**ПЛАМЯ
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

ВВЕДЕНИЕ

Черное семя «холодной войны» стало прорастать задолго до окончания Второй мировой. Еще в 1920-е годы Ленин оставил своим преемникам весьма убедительный документ — блестящую декларацию войны с Западом не на жизнь, а на смерть. В нем он прозорливо определил Соединенные Штаты как средоточие сил Запада. Уже тогда моральный упадок Европы был очевиден и, охватив мысленным взором половину мира, Ленин остановился на стране, которая тогда еще страдала от приступов изоляционизма, вызванного разочарованием от участия в Первой мировой войне, определив ее как «трепещущее сердце Запада».

Сталин охотно принял декларацию Ленина, пропитав ее содержанием каждую клеточку «империи зла», которую он создал из плоти и крови 30 миллионов собственных подданных. Даже в страшные дни декабря 1941 года, когда немцы, подойдя к самой Москве, вели массированный обстрел советской столицы, Сталин многозначительно предупреждал свой перепуганный генералитет о том, что вермахт — это лишь временная проблема. Он громогласно заявлял о не-

обходимости никогда не забывать о том, что «главный враг» (*glavnii vrag*) СССР — это Соединенные Штаты!¹

Спустя четыре года, в июне 1945-го, советский вождь стоял на трибуне Мавзолея, отделанного красным полированным гранитом, и наблюдал за Парадом Победы над временным врагом. Когда шеренга советских офицеров в касках швыряла знамена поверженной германской армии на ступени Мавзолея, Сталин наверняка мысленно переносился через континенты и океаны туда, где должна была произойти последняя и решающая схватка с главным противником коммунизма². Так черное семя «холодной войны», столь бережно хранимое в течение 20 лет, дало наконец свои всходы.

Лишь через три года после сталинского Парада Победы, чрезвычайно напоминавшего древнеримские шествия, Соединенные Штаты, которые пытались уяснить природу послевоенного мира, осознали суть новой схватки. Но как только во враждебности Сталина отпали последние сомнения, американцы мужественно приняли вызов. В результате началась почти 50-летняя борьба, вскоре получившая название «холодной войны». Вне всяких сомнений, это была именно война, так как просто не могло существовать двух других систем, более противоположных друг другу, чем эти. Вне всяких сомнений, это была война, поскольку одна из этих систем, по самой своей сути, была предназначена для разрушения другой. И эта война была «холодной» в том смысле, что ни одна из сторон не

¹ *Glavnii vrag* («the main enemy») — в Советском Союзе термин «главный противник» стал синонимом Соединенных Штатов.

² Эти знамена, великолепно отделанные золотым и серебряным шитьем по черной, красной, голубой и зеленой ткани, до сих пор являются экспонатами Музея вооруженных сил в Москве. Они лежат под стеклом, на уровне пола, чтобы воссоздать то впечатление, которое они производили в момент своего унижения, когда их швыряли на ступени Мавзолея Ленина.

осмеливалась пойти на вооруженный конфликт. Впрочем, на одном из пьяных застолий еще до победы над Гитлером Сталин, лихо подтянув штаны, словно человек, готовый вступить в драку, заявил: «Война скоро закончится. Через 15—20 лет мы снова придем в себя и сделаем еще одну попытку».

Атомная бомба остановила цепь мировых войн. Спустя годы в результате возникновения этого страшного оружия появилась концепция гарантированного взаимного уничтожения¹. Война между двумя сверхдержавами в конечном счете стала бы обоюдным самоубийством. Однако война, в особенности для Советов, была гибким инструментом и включала в себя множество разновидностей. Так, Запад можно было уничтожить, сократив поступление солнечного тепла к поверхности планеты. Победы можно было достичь и на полях идеологических сражений, посредством проведения изощренных пропагандистских кампаний и подрывных действий. За это можно было бороться без риска для себя, используя доверенные стороны. Если бы количество побед, одержанных этими доверенными сторонами, понемногу возрастало, то их совокупность со временем стала бы решающим фактором и привела бы к окончательной победе Советской державы.

Таким образом, вплоть до падения Берлинской стены в 1989 году, огонь «холодной войны» постоянно тлел, неоднократно вспыхивая пожарами горячих, локальных войн, поджигателями которых были и СССР, и США. И те, и другие действовали издалека и без риска для себя. Лишь однажды они вступили в прямую конфронтацию друг с другом — во время Карибского кризиса 1962 года. Тогда весь мир затрепетал, оказавшись на пороге ядерной войны. Поэтому ни одна из сторон больше

¹ Mutually Assured Destruction (MAD), то есть «безумный» (англ.) — *Примеч. пер.*

не позволяла себе подходить так близко к краю пропасти. Лишь трижды (Корея, Вьетнам и Афганистан) две сверхдержавы становились прямыми участницами «горячих» войн, но, соблюдая правила игры, они так и не вступили в открытый конфликт друг с другом. Правила эти были очень простыми — никаких открытых, прямых действий друг против друга. Сталин и Ким Ир Сен спланировали Корейскую войну, будучи уверенными в том, что Соединенные Штаты в нее не вступят. Когда же оказалось, что коммунисты ошиблись, Сталин приложил огромные усилия, чтобы сохранить в тайне ту помощь, которую СССР оказывал северным корейцам и китайцам. Летая на «мигах» в небе Кореи, советские летчики бросали вызов Америке, однако Сталин не соглашался признать, что советская помощь может стать настолько явной, что вынудит американцев действовать¹.

Точно так же было и во Вьетнаме, где СССР ограничивал свою помощь лишь предоставлением вьетнамцам советников и техники. В отличие от Северной Кореи, Северный Вьетнам обладал собственной точкой зрения и, не имея общей границы с Советским Союзом, мог вести себя даже несколько заносчиво. Он охотно брал у СССР все, что только мог, но сохранял определенную степень независимости. Таким образом, использование в «холодной войне» доверенных сторон часто оказывалось палкой о двух концах. Доверенные стороны не всегда точно следовали полученным указаниям. Оказывалось, что, как ни странно, у них есть собственные планы. Во Вьетнаме и Афганистане две сверхдержавы столкнулись с другой проблемой — они не на тех поставили. В результате репу-

¹ Особые директивы требовали тогда от советских летчиков носить китайскую форму и во время воздушных операций общаться между собой, используя хотя бы простейшую китайскую лексику. Впрочем, выполнение этого абсурдного требования стало скорее исключением, нежели правилом.

тации великих держав попали в зависимость от некомпетентных доверенных сторон, а лидеры США и СССР должны были выработать ясную стратегию, чтобы найти выход из тупика.

Две сверхдержавы обнаружили, что их доверенные стороны часто становятся причинами серьезных осложнений, которые угрожают втянуть сверхдержавы в то фатальное противостояние, которого они так боялись. Так, недопустимый просчет, совершенный Насером в 1967 году, привел к полномасштабной войне, которая заставила как тех, кто вкладывал деньги в арабов, так и тех, кто поддерживал израильтян, оказывать поддержку своим подопечным, подняв региональные интересы на уровень интересов великих держав. Никто не предполагал, что «холодная война» пойдет по такому пути. Вероятно, и в Кремле, и в Белом доме не сомневались в своем господстве в данном регионе. Однако на самом деле ситуация оказалась в руках обаятельного, но некомпетентного египтянина, из-за которого сверхдержавы снова оказались в состоянии конфронтации. Более того, подобная ситуация повторилась и во время арабо-израильской войны 1973 года, когда сателлиты и доверенные стороны втянули в войну русских и американцев. Сидя в Каире, Дамаске и Иерусалиме, они лишь дергали за нужные ниточки, подчиняя своим интересам стратегические интересы сверхдержав.

Системы союзов вовлекали обе стороны в региональные конфликты, резко увеличивая риск фатального противостояния. Расколы внутри блоков, созданных обеими сторонами, усложняли и без того запутанную обстановку времен «холодной войны». В результате крупнейшего из этих расколов — китайско-советского — образовалось два лагеря, которые вели конкурентную борьбу за статус выразителя чаяний международного коммунизма. Это соперничество породило опасную разновидность «холодной войны», суть которой сводилась к тому, что, будучи в одинаковой мере смертельными врагами Запада, и русские,

и китайцы, тем не менее, вели на мировой арене борьбу за союзников. Ареной этого соперничества стал Индийский субконтинент, где и те, и другие нашли себе союзников — в Индии и в Пакистане. Это соперничество зашло так далеко, что стало чревато полномасштабной войной между двумя странами, обладавшими ядерным оружием. Возможно, по степени опасности возникновения ядерного конфликта это соперничество не уступало Карибскому кризису.

Если СССР, как и Китаю, приходилось распылять силы по фронтам «холодной войны», то Соединенные Штаты столкнулись с похожей, хотя, конечно, менее серьезной проблемой в отношении Франции. Нежелание французов обременять себя совместными с другими членами НАТО усилиями, направленными против общего врага, представляло собой нечто большее, чем просто проявление национального эгоизма. Оно лишало оборону НАТО в Европе стратегической глубины и приводило к несогласованной политике, в большей степени соответствующей эпохе Людовика XIV, с ее узконациональным мышлением, нежели эпохе грандиозной схватки с «империей зла». Французская политика «круговой обороны» была пощечиной союзникам, столь обильно полившим своей кровью французскую землю во время двух мировых войн. Приказ де Голля вывести из Франции все войска и технику союзников резюмировал отношение французов к данному вопросу. Выполняя поручение президента Джонсона обсудить на совещании с де Голлем план эвакуации баз во Франции, госсекретарь Дин Раск спросил французского президента, не желает ли он также, чтобы Соединенные Штаты вывезли и тела своих погибших солдат, погребенных на французских кладбищах. На мгновение де Голль потерял дар речи и лишь указал Раску на дверь. Однако во время своего официального визита в Канаду в 1968 году он не был так молчалив. Тогда он воскликнул, обращаясь к

толпе жителей города Квебека: «Vive Quebec Libre!» — «Да здравствует свободный Квебек». Это была явная провокация в отношении союзника по НАТО, армии которого потеряли на полях сражений во Франции 80 тысяч своих солдат. Поддержка квебекского сепаратизма явилась беспрецедентным выпадом против территориальной целостности дружественной страны¹.

Таковыми были поля сражений «холодной войны». Эти сражения полыхали по всей планете, когда разгорались вооруженные конфликты и велика была опасность вовлечения в эти конфликты Соединенных Штатов и Советского Союза. Там, где огромные скопления войск двух держав сталкивались лицом к лицу и видели мощь противника, как в Европе, которую разделял «железный занавес», война становилась совсем «холодной»; этот театр военных действий был самым инертным. Однако потенциальная угроза внезапной дестабилизации обстановки отличала «холодную войну» от любой другой войны и от любой другой долговременной конфронтации великих держав. Всегда оставалась вероятность просчетов. И все же, несмотря на чрезвычайно серьезную опасность, миру удалось пережить «холодную войну», чему мы обязаны главным образом невероятной удаче и лишь отчасти — деятельному руководству лидеров сверхдержав.

Эта книга, написанная группой британских, канадских и американских военных историков, исследует альтернативы столь счастливого исхода. История не движется по проторенной колее. Она представляет собой непрерывно изменяющийся сплав замыслов и планов, действий отдельных личностей, счастливых и несчастливых случайностей; все это может привести как к положительным, так и к отрицательным результатам. История — постоянно из-

¹ Стоит ли удивляться, почему в британском Королевском флоте вплоть до самого недавнего времени оставался популярным тост: «Будь прокляты французы!»

меняющаяся совокупность решающих ситуаций, игра выбора и случайности, которую невозможно переиграть. Она основана на стратегии и на смутных догадках. Здесь, в темных расселинах обходных решений, прячутся иные миры и иные исходы войны, более замысловатой и изобилующей большим количеством деталей, нежели любая другая война, вошедшая в анналы истории человеческих конфликтов.

ОБ АВТОРАХ

Джеймс Р. Арнольд — профессиональный историк, специалист по военной истории. Опубликовал более двадцати книг, которые тематически можно разделить на три основные группы: войны Наполеона, Гражданская война в США и современный период. Последние публикации: исследование, посвященное эпохе наполеоновских войн — «Маренго и Хобенлинден: Восхождение Наполеона» и книга «Собственность Джеффа Дэвиса: кавалерия команчей и битва на границах Техаса». Кроме того, Арнольд написал множество очерков для военных журналов, в том числе для британского издания «Journal of the Society for Army Historical Research» и американских журналов «Army History», «Army Magazine» и «Navy History». В главе, написанной для этой книги, автор развил интересующего его тему — влияние служб разведки и шпионажа на развитие военных событий. Совсем недавно Арнольд также стал одним из авторов книги «Победа Страны Восходящего солнца: Как японцы выиграли войну на Тихом океане».

Джон Д. Берт — является редактором журнала «Rare Wars» — независимого периодического издания, посвященного военным играм. По специальности инженер-ядерщик, занимает должность консультанта Комиссии США по ядерному урегулированию. Давно увлекается военной историей. В прошлом сержант морской пехоты и ветеран Вьетнамской войны, Берт имеет степень магистра военной истории и намерен получить степень доктора философии. Сотрудничает в журнале «Command», для которого написал работы «Стратегия и тактика», «Игрок в войну». Кроме того, Берт был первым редактором журнала «Counter-Attack». Один из авторов книг «Победа Страны Восходящего солнца» и «Победа Третьего рейха: Как немцы выиграли войну».

Уэйд Дж. Дадли — имеет степень магистра морской истории и подводной археологии университета Восточной Калифорнии (1997), а также степень доктора истории университета Алабамы (1999). Написанные им главы вошли в сборники «Победа Страны Восходящего солнца» и «Победа Третьего рейха». Автор книг «Капитан Дрейк: Во имя Господа, королевы и барыша!» и «Сквозь деревянную стену: Британская блокада Соединенных Штатов, 1812—1815 гг.». Занимает должность доцента в университете Восточной Каролины, Гринвилл, Северная Каролина.

Пэдди Гриффит — независимый издатель и автор очерков по военной истории. Изучив историю Вьетнамской войны, посвятил ей часть своей книги «Вперед, в бой» (1981). Является автором множества статей на эту тему. В 1995 году подготовил к печати работу Грега Макколи «Buckle for your Dust» — руководство по военным играм (вьетнамская тематика). В 70-х и 80-х годах Гриффит преподавал в Королевской Военной академии в Сандхерсте, где, помимо прочего, читал лекции, посвящен-

ные мятежам и их подавлению. Позже он занимался этой проблематикой в Университете Салфорда. Гриффит также является одним из авторов книг «Победа Страны Восходящего солнца» и «Победа Третьего рейха».

Майкл Р. Хатауэй — работал в Федеральной государственной службе США. В 1999 году вышел в отставку и в настоящее время работает консультантом. Живет в г. Рес-тоне, штат Вирджиния. Имеет степень бакалавра гуманитарных наук в области политологии, присвоенную ему в 1972 году Калифорнийским университетом Беркли. В 1977 году Государственный университет Джексонавилля присвоил ему степень бакалавра гуманитарных наук в военной области, а в 1981-м Университет Голден Гейт присудил Хатауэю степень доктора юридических наук. Получив в 1972 году звание младшего лейтенанта, он в течение трех лет находился на действительной службе в военной разведке армии США. Затем работал в гражданских ведомствах: в Администрации социального обеспечения и в Управлении морских исследований. В 1981 году Хатауэй стал помощником сенатора Альфонсе д'Амато в Комитете по законодательству, связанному с вопросами национальной безопасности. В 1985 году его назначили штатным руководителем Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, а в 1987-м — советником по делам меньшинств и закрытого комитета Сената США по контролю за распространением наркотиков. В 1989 году Хатауэй стал штатным сотрудником специального комитета Сената США по разведке, в 1995 году — заместителем руководителя аппарата Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, а в 1997 году — руководителем этого аппарата. Написанная им глава вошла в книгу «Истинная причина: Вторжение США в Панаму».

Дэвид С. Исби — издал 18 книг и более 350 статей, посвященных вопросам национальной безопасности и

разведки. Является автором трех книг и множества статей об Афганистане: «Война в далекой стране: Афганистан, вторжение и сопротивление»; «Война в Афганистане: Советская империя в период ее наивысшего взлета» и «Война России в Афганистане». Его работы также вошли в сборники «Победа Страны Восходящего солнца» и «Победа Третьего рейха». Адвокат и консультант по вопросам национальной безопасности, Исби в настоящее время живет в Вашингтоне. Часто бывая в странах Южной Азии, он обеспечивал поддержку политической линии правительства США во время двусторонних и многосторонних переговоров, а также, выполняя поручения правительственных организаций, занимался различными исследованиями и выступал в роли эксперта. Так, например, в качестве независимого эксперта по Афганистану, Исби выступал перед комитетами Конгресса. Как эксперт по вопросам национальной безопасности Исби также часто выступает в печати и в электронных средствах массовой информации. До начала перестройки в СССР советское правительство, отдавая дань работам Исби по Афганистану, называло его «буржуазным фальсификатором истории» и «агентом ЦРУ... который не избежит справедливого возмездия».

Кевин Ф. Кайли — бывший артиллерийский офицер морской пехоты. В 1991 году принимал участие в боевых действиях в Кувейте, где служил в составе 10-го полка морской пехоты. Выпускник Вест-Пойнта, командовал двумя артиллерийскими батареями. В настоящее время преподает математику в средней школе в Джексонвилле, штат Северная Каролина. Увлекается коллекционированием игрушечных солдатиков. В данный момент работает над своей первой книгой о наполеоновской армии. Женат, имеет сына, которого они с женой называли в честь погибшего брата Кевина — капитана Майкла Дж. Кайли. Командуя ротой 2-го батальона 503-й воздушно-десант-

ной бригады, капитан Кайли был убит 19 ноября 1967 года в бою близ Дак То, во Вьетнаме. Для Кевина, его жены и сына погибший брат до сих пор остается образцом мужества и бесстрашия.

Форрест Р. Линдсей — подполковник в отставке, прослужил почти 30 лет в корпусе морской пехоты США, принимал участие в боевых действиях во Вьетнаме. За время своей военной карьеры получил множество различных назначений. Как представитель Агентства по ядерной безопасности принимал участие в испытаниях ядерного оружия; будучи инспектором ООН, наблюдал за выполнением условий перемирия в Египте. Представляя Агентство по инспектированию военных объектов, возглавлял созданную на основании договора группу наблюдателей по контролю за вооружениями в бывшем Советском Союзе. Линдсей служил в артиллерии, в штабе батальона, был полковым офицером по материально-техническому обеспечению и командиром 5-го батальона 11-й бригады морской пехоты. Выйдя в 1996 году в отставку, подполковник Линдсей продолжил свою деятельность в корпусе морской пехоты, теперь уже в качестве старшего инженера лаборатории по разработкам и испытаниям боевой техники, в Куантико, штат Виргиния. Он отвечал за создание экспериментальных видов оружия, руководил разработкой и испытаниями 120-миллиметрового автоматического миномета, созданного на базе тяжелого артиллерийского тягача. В издании «*Marine Corps Gazette*» было опубликовано несколько статей Линдсея, посвященных некоторым специфическим вопросам военной науки. Он выступал в качестве докладчика на нескольких военных конференциях, в том числе и на Международной конференции 1998 года, проведенной военным издательством «*Jane's*» — «Артиллерийская поддержка в локальных войнах». Университет Олд Доминион в г. Норфолке, штат Виргиния, присвоил ему степень ба-

калавра. В ближайшее время Линдсей намерен получить степень магистра в области делового администрирования. Подполковник Линдсей также входит в число авторов сборников «Победа Страны Восходящего солнца» и «Победа Третьего рейха».

Шон Мэлони — служил в 4-й Канадской механизированной бригаде и издал затем книгу «Война без сражений: Канадская бригада в составе сил НАТО в Германии 1951—1993 гг.», где детально описал участие наземных сил Канады в действиях НАТО во время «холодной войны» и первые операции в Хорватии и Боснии под эгидой ООН. Мэлони считается ведущим канадским специалистом по военной истории эпохи «холодной войны» и последующего периода. В настоящее время читает в Королевском Военном колледже Канады курс лекций по истории войн. Является автором книг: «Канада и усилия ООН сохранить мир: «холодная война» иными средствами, 1945—1970 гг.»; «Шансы сохранить мир: Канадцы и миротворческие войска ООН, 1991—1995 гг.»; «Операция «BOLSTER»: Канада и наблюдательная миссия Европейского Сообщества 1991—1994 гг.»; «Преграда военным операциям на суше: участие Канады в операции «Sharp Guard», 1993—1996 гг.»; «Командование по обеспечению безопасности на море: Военно-морское планирование НАТО, 1948—1954 гг.»; «Научиться любить атомную бомбу: Канадская стратегия времен «холодной войны» и ядерное оружие, 1951—1968 гг.» (последняя книга будет опубликована в ближайшее время). Доктор Мэлони собрал много материала по Балканам и Ближнему Востоку и историю участия канадских войск в операциях в Косово.

Питер Дж. Цурас — подполковник в отставке, работает старшим аналитиком Института «Бэттл Мемориал» в Вашингтоне. Прежде был старшим аналитиком Центра национальной наземной разведки армии США. Служил

в армии офицером бронетанковых войск. Проходил службу в 1-м батальоне 64-го бронетанкового полка, расквартированного в Германии. Впоследствии служил в разведке и в должности начальника административно-строевого управления корпуса. В 1994 году, после службы в отделе по делам резервистов, вышел в отставку. По делам службы ему довелось побывать в Сомали, в России, на Украине и в Японии. Цурас является автором и редактором 22 книг по международной военной истории и по альтернативной истории. Он автор книг: «Трагедия в день высадки: Немцы наносят поражение союзникам»; «Геттисберг: Альтернативная история»; «Великая Отечественная война»; «Наковальня войны»; «Схватка в преисподней»; «Словарь военных цитат издательства «Гринхилл»»; «Немецкие танки на Восточном фронте: Генерал Эрхард Раус и его танковые дивизии в России». Самые последние публикации: «Победа Страны Восходящего солнца: Альтернативная история, или Как японцы выиграла войну на Тихом океане» и «Победа Третьего рейха: Как немцы выиграла войну». Совсем недавно Цурас приступил к работе над книгой «Победа южан: Альтернативные пути достижения независимости Южными штатами».

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Десять глав этой книги не представляют собой непрерывного повествования и не создают единой сюжетной линии. Скорее, это десять отдельных рассказов, созданных десятью авторами; каждый из них исследовал собственный период или эпизод «холодной войны», исходя при этом из реальных предпосылок, которые могли бы привести к иным результатам. Каждый рассказ замкнут внутри собственной альтернативной реальности.

Сделанные авторами рассказов исторические расчеты альтернативной реальности, естественно, основаны на сведениях, почерпнутых из многочисленных первоисточников, как реальных (см. Библиографию), так и вымышленных. Доверчивый читатель может предпринять энергичные усилия, дабы разыскать указанные вымышленные первоисточники. Во избежание этого ссылки на литературу из «альтернативной реальности» помечены звездочкой (*).

Композиция сборника

Очерки представлены в сборнике в хронологическом порядке. Поэтому открывает книгу рассказ о Берлинской блокаде. Он называется «Первая кровь: Берлин, 1948 г.», автором его является Майкл Хатауэй. Очерк повествует о первом боевом столкновении советских и американских пилотов, летавших в 1948 г. в небе над бывшей столицей Третьего рейха. Это было первое противостояние «холодной войны», равно как и последнее серьезное противостояние в Европе, если не считать Берлинского кризиса 1962 года. Следующий очерк «Пусанская трагедия, 1950 г.», написанный Джеймсом Арнольдом, переносит нас на другой край света, где СССР удается авантюра, целью которой было нанести удар по периферии Западного лагеря.

Следует заметить, что в книге достаточно много места занимают главы, посвященные событиям в Азии. Так, очерк Пэди Гриффита «Вьетнам: Война, которую никто не заметил», повествует о том, как Соединенные Штаты, прислушавшись к мнению британского эксперта по подавлению мятежей сэра Роберта Томпсона, решили полностью изменить в свою пользу ход войны, за что в действительности пришлось заплатить жизнью почти 60 тысяч американских и свыше миллиона вьетнамских солдат.

В последующих трех главах действие разворачивается в 1967—1968 годах. Возможно, этот период оказался самым опасным за все время «холодной войны». В этих главах внимание сосредоточено на событиях, которые разворачиваются на Ближнем Востоке, в Северной Америке и в Восточной Азии. Так, например, четвертая глава переносит нас на Ближний Восток, к событиям войны 1967 года. Очерк Джона Берта «На краю пропасти» выявляет целую серию просчетов, в результате которых как Израиль, так и Палестина получили до сих пор кровоточащие раны.

Показано, что, выйдя из-под контроля, события могли бы развиваться даже еще более драматично, чем было в реальности. В пятой главе «Еще одна жестокая война ради мира: Квебек, 1968 г.» выдающийся канадский военный историк Шон Мэлони рисует картину гражданской войны в Канаде, войны, в основе которой лежит подрывная деятельность внешних сил и поддержка ими сепаратистов Квебека. Форрест Линдсей описывает ужасы войны за лидерство в международном коммунистическом движении. В написанной им шестой главе «Война братьев: Китайско-советская драма» выпущенный на волю ядерный джинн проносится по планете, исполняя собственные, смертельно опасные желания.

Эпоху 1970-х годов открывает Кевин Кайли с панорамой успешного вторжения американцев в Северный Вьетнам в 1970 году. Это прекрасное и логичное завершение повествования, начатого Пэдди Гриффитом; здесь читатель найдет описание конечной стадии войны. В восьмой главе «Огонь и лед: Шестой флот против Пятой эскадры» Уэйд Дадли излагает ход событий, которые привели к беспрецедентному наступлению на третью оборонительную линию во время Ближневосточной войны 1973 года, когда президент США впервые за все послевоенное время вынужден был объявить высшую степень готовности к войне. Девятая глава Дэвида Исби «Афганистан: Советская победа» является шедевром анализа государственной внешней политики. Она повествует о том, как бессилие администрации Картера могло привести к полномасштабной войне на Индийском субконтиненте.

И, наконец, последний, десятый очерк представляет собой попытку создать нечто принципиально новое в жанре альтернативной истории. Это более легкое по стилю повествование, попытка с юмором рассказать о провале советской стратегической операции против НАТО в 1987 году. Здесь автор показывает упущенные возможности стра-

тегии не прямых действий, направленной на использование скрытых особенностей человеческого фактора. Действие происходит в Европе, где во время «холодной войны» две механизированные, оснащенные передовыми технологиями армады стран Варшавского договора и НАТО находились в непосредственной близости друг от друга.

*Питер Дж. Цурас
Александрия, штат Виргиния
2003 год.*

Майкл Р. Хатауэй

ПЕРВАЯ КРОВЬ. Берлин, 1948 год

**Воздушный коридор «Франкфурт—
Берлин», 18 октября 1948 год**

— **К**расные заходят снизу! — воскликнул лейтенант ВВС США Рассел Браун, увидев как советские истребители Як-9 взмыли вверх с высоты 20 тысяч футов, а затем, пикируя, устремились прямо на транспортный самолет С-54 «Скаймастер».

Лейтенант выполнял боевое патрулирование, возглавляя звено «Блю флайт», в которое входили еще три истребителя F-80. Поднявшись на высоту 30 тысяч футов, они летели над транспортным воздушным коридором Франкфурт—Берлин.

В наушниках Брауна раздался тягучий техасский говор лейтенанта Чарли Маккоя.

— Похоже, Иван задумал... — начал было Маккой, но так и не закончил фразу.

Яркие огоньки вспыхнули на фюзеляже С-54, а затем его левое крыло вспыхнуло и отвалилось. Самолет стал стремительно падать.

Тем временем «яки» разделились. Первая пара, та самая, что открыла огонь по С-54, взмыла вверх, левее снижающихся F-80. А вторая некоторое время продолжала пикировать вслед за вошедшим в штопор С-54, после чего вновь стала подниматься, забирая вправо.

Браун со своим ведомым Маккою погнались за первой парой, свернули влево и спикировали. Американцы приближались против солнечного света. Не успели «яки» их разглядеть, как Браун, на скорости сближения в 900 узлов, дал очередь с упреждением в 45 градусов. Он знал, что это не стопроцентное попадание, но все же сделал выстрел. Так же поступил и Маккой.

Два «яка» были застигнуты врасплох. Они наблюдали за тем, как падает С-54 (никто из экипажа не парашютировался), и потому отвлеклись. Браун атаковал ведущего, а Маккой — ведомого: Браун увидел, как машина ведущего изрыгнула пламя, когда «як» открыл ответный огонь. Маккой заметил ярко-желтую вспышку со стороны ведомого. Сделав «свечу», американцы снова взмыли вверх.

— Бандиты снижаются, они улепетывают со всех ног, — раздался в наушниках голос лейтенанта Ральфа Гибсона.

Он был ведущим второй пары, входящей в звено Брауна, и преследовал вторую пару «яков», пилоты которых видели, как Браун и Маккой устроили их приятелям головомойку. Теперь они сами стремительно снижались и неслись прочь в направлении границы коридора.

Сделав «бочку» с переворотом. Браун устремился в чогоню, но в этот момент услышал по радио вызов службы наземного управления перехватами.

— «Блю флайт», прекратите! Прекратите! — зывал начальник управления полетами потребителей.

— Не они же сбили С-54!

— Прекратите, это приказ! — вновь раздался голос начальника управления полетами.

С явной неохотой Браун взмыл вверх и, сделав вираж, ушел вправо. Вновь набрав высоту 30 тысяч футов, он повел звено «Блю флайт» к Берлину.

Спустя час Браун, Маккой и остальные пилоты стояли по стойке «смирно» перед письменным столом командира 36-й группы истребителей полковника Ройала Н. Бейкера.

— Полагаю, сэр, эти «яки» такие смелые, только когда наносят удар из-за угла, но в открытом бою у них кишка тонка, — закончил свой рапорт Браун. — Мы могли бы разделать их и похлеще, — добавил он после паузы.

Полковник Бейкер мрачно посмотрел на лейтенанта.

— Хорошо, что не разделали. Кстати, остановил вас не я, это был приказ генерала Ле Мея. А у меня для вас есть другой приказ — он исходит от «шишки», которая еще повыше рангом. Все то, о чем вы мне только что рассказали, является секретной информацией. Даже сверхсекретной. И вам, и лейтенанту Маккою строго запрещается рассказывать о сбитом самолете. Никаких заявлений в прессе, никаких разговоров в клубе — ни единого слова, никому, вплоть до особого распоряжения. Уяснили?

Браун и остальные пилоты «Блю флайт» понимали, что на этот вопрос может быть лишь один ответ.

— Так точно, сэр! — немедленно рявкнули они.

— Не беспокойтесь, — продолжил Бейкер уже более мягким тоном, — в ВВС знают о том, что вы сделали, и этого вполне достаточно. Разойдись!¹

После этих слов разочарованный, но все же успокоенный лейтенант Браун и его подчиненные, отдав честь, покинули кабинет командира группы. Они хранили мол-

¹ Благодарность ВВС оказалась вполне реальной — Браун вышел в отставку в 1972 г. в чине генерал-майора.

чание о случившемся, выполняя приказ, который оставался в силе вплоть до конца «холодной войны».

Произошло ли это по роковой случайности или же в результате элементарной глупости, но действия пилота «яка» в тот солнечный октябрьский день 1948 года произвели эффект разорвавшейся бомбы, осколки которой разлетелись на тысячи миль от Берлина. Искра упала в пороховой погреб, которым была в то время Германия. Необъявленная «холодная война» переросла в «горячую».

Берлин, 1945–1948 годы

Совет союзников по управлению оккупационными зонами Германии был образован Европейским консультативным комитетом во время Второй мировой войны. Первоначально его членами должны были стать СССР, США и Великобритания, но на Потсдамской конференции в состав комитета была включена и Франция. Каждая держава, осуществлявшая оккупацию Германии, должна была назначить своего представителя в этот совет; и поначалу этими представителями были командующие оккупационными войсками союзников. Соединенные Штаты представлял генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр, которого быстро сменил генерал Джозеф Т. Макнарн, а того, в свою очередь, в марте 1947 года, — генерал-лейтенант Люциус Клэй. Фактически же Клэй с самого начала являлся военным губернатором американской оккупационной зоны и официальным главой Американской военной администрации в Германии (АВАГ). Затем он стал командующим войсками США в Европе и номинально считался военным губернатором.

Фактически блокада Берлина началась 27 марта 1948 года, когда военный губернатор Советской оккупационной зоны и командующий советскими войсками в Германии маршал Василий Данилович Соколовский из-

дал приказ, который определял новые правила регулирования транспортных потоков. Это был первый этап советского плана, целью которого было заставить США, Британию и Францию уйти из Берлина.

31 марта генерал Клэй направил телеграмму генералу Омару Брэдли, который сменил генерала Эйзенхауэра на посту начальника штаба армии США. В своей телеграмме Клэй сообщал Брэдли о новых советских ограничениях в отношении железнодорожных перевозок в Берлин и из Берлина. Эти правила вступали в силу по истечении суток с момента опубликования и должны были нанести существенный ущерб как военным, так и гражданским лицам и грузам. Клэй уведомил Брэдли о том, что намерен приказать американским солдатам, охраняющим поезда, открывать огонь по любому советскому служащему, который сделает попытку проникнуть в поезд без разрешения. Вашингтон одобрил позицию, которую занял Клэй, но в то же время разрешил открывать только ответный огонь.

Русские останавливали поезда в пропускном пункте на границе оккупационных зон в Мариенборне. Французы разрешили советским служащим войти в вагоны своего поезда, и после проверки документов те арестовали и высадили 67 немецких пассажиров. После этого французскому поезду было разрешено следовать в Берлин. Британцы не позволили произвести досмотр своего поезда, и он не был пропущен. Что касается США, было задержано три американских поезда. После пограничного конфликта Клэй, не желая ежедневных повторений подобных инцидентов, отменил железнодорожное сообщение американской зоны с Берлином.

В результате возник небезызвестный «воздушный мост». Поначалу это была всего лишь ответная мера, вызванная прекращением официального железнодорожного сообщения с британской и американской оккупационными зонами Берлина (на этом этапе пассажир-

ские железнодорожные перевозки все же были разрешены, и советские поезда по-прежнему пересекали межзональную границу). И британцы, и американцы стали по очереди перевозить в Берлин пассажиров и грузы самолетами.

На самом деле советский подход к осуществлению блокады представлял собой тактику «два шага вперед — шаг назад». После первоначальной конфронтации русские позволили возобновить движение пассажирских поездов, однако препятствовали грузовым перевозкам. Автомобильное сообщение продолжалось, но были закрыты два британских и американских промежуточных поста, расположенных на берлинской трассе. Гражданским грузовикам порой отказывали в проезде на основании того, что у них якобы неправильно оформлены разрешения. Проезду же официально зарегистрированных автотранспортных средств союзников русские не препятствовали.

Но вскоре стали появляться признаки ухудшения ситуации. 5 апреля на расстоянии примерно двух миль от взлетно-посадочной полосы аэропорта Гатов советский истребитель затеял маневрирование в опасной близости от британского авиалайнера «Викинг» и в конце концов с ним столкнулся. Погибли все, кто находился на борту авиалайнера, а также русский летчик-истребитель. Клэй и его британский коллега генерал-лейтенант сэр Брайан Робертсон немедленно приказали обеспечить воздушное прикрытие истребителями транспортных самолетов союзников в трех воздушных коридорах, начинавшихся в западных оккупационных зонах Берлина. Робертсон спешно искал встречи с маршалом Соколовским. После некоторой задержки они встретились. Маршал заявил, что виновником авиакатастрофы был британский лайнер, который «пошел в лобовую атаку» на советский истребитель. И тем не менее, пропустив мимо ушей это смехотворное объяснение, союзники поверили советским

заверениям в том, что инцидент был непреднамеренным. На этом основании Клэй и Робертсон отменили свой первоначальный приказ обеспечить воздушное прикрытие транспортных самолетов истребителями.

В Лондоне тем временем полным ходом шла конференция западных государств. Ее задачей было принять решения по Германии и по обороне Запада. 1 июня участники конференции достигли соглашения о введении в западных зонах Германии новой валюты. После окончания войны в обращении по-прежнему оставалась рейхсмарка, однако ее покупательная стоимость неуклонно снижалась. СССР, запустив печатный станок Лейпцигского монетного двора, выпускал рейхсмарку в неконтролируемых количествах для скупки товаров. Инфляция набирала силу. Общепринятой обменной валютой стали сигареты.

Не менее важным, чем проведение денежной реформы, стало решение Лондонской конференции обязать военных губернаторов союзников обратиться к главам германских регионов, расположенных в западных оккупационных зонах, с призывом созвать к 1 сентября Законодательную ассамблею, задачей которой стала бы выработка положений конституции федерального государства и территорий, оккупированных союзниками.

Сочетание экономической и политической реформ, принятых в западных оккупационных зонах, подтолкнуло СССР сделать два последних «шага вперед» в ходе Берлинской операции. 24 июня СССР закрыл все автомобильные, железнодорожные и водные пути, ведущие в западные секторы Берлина, причем как для гражданского транспорта, так и для военного транспорта союзников. Эта акция была повсеместно воспринята как формальное начало блокады Берлина. Русские заявили, что причиной приостановки железнодорожного сообщения являются «технические трудности». По другим видам транспорта они не предоставили никаких объяснений.

Клэй был непоколебим. Вместе со своим советником из Госдепартамента США, послом Робертом Мэрфи, он поддерживал идею немедленной отправки из западной оккупационной зоны в Берлин вооруженного конвоя. Вашингтон отнесся к этой идее прохладно.

В противоположность сентенции Теодора Рузвельта о внешней политике Соединенных Штатов, которые, как считал президент, должны «говорить мягким тоном, но держать в руках большую дубинку», послевоенная демобилизация (в которой видели скорее «стремительное бегство») привела к опасному ослаблению позиций США. Генерал Омар Брэдли, который 7 февраля вступил в должность начальника штаба американской армии, заявил, что «армия образца 1948 года не смогла бы вырваться даже из бумажного мешка».

По сравнению с советскими вооруженными силами оккупационные силы союзников в Германии, находившиеся в непосредственном подчинении генерала Клэя, также были весьма слабы. В самом Берлине у Клэя имелись 3-й батальон 16-го пехотного полка, 16-й отдельный полицейский эскадрон и 759-й батальон военной полиции. Общая численность подразделений составляла 4677 человек. («Полицейский» эскадрон представлял собой легкую пехоту, которая должна была выполнять обязанности полиции).

За пределами Берлина, в остальной Германии, Клэй располагал 1-й пехотной дивизией, а также 1-й и 2-й полицейскими бригадами. 1-я полицейская бригада была усилена за счет введения в ее состав 18-й полковой боевой группы, входившей ранее в 1-ю пехотную дивизию, так что в дивизии стало на полк меньше.

Что касается воздушной поддержки, то в составе ВВС США в Европе, которыми командовал генерал-лейтенант Ле Мей, не имелось ни одного бомбардировщика. Генерал располагал лишь двумя звеньями истребителей, куда входили 75 реактивных истребителей F-80 36-й группы, бази-

ровавшейся на аэродроме Фюрстенфельдбрюк, и 75 истребителей Р-47 86-й группы с базой в Нойбиберге. Позже в Германию были направлены две эскадрильи бомбардировщиков В-29, но они так и остались в подчинении командующего стратегической авиацией.

Здесь также находились главные силы оккупационных войск Британии и Франции. Однако вскоре после окончания Второй мировой войны Единое командование объединенными силами союзников прекратило свое существование, а НАТО еще не было создано. Мало того, что военачальники и штабы союзников согласовывали свои действия с действиями своих коллег лишь в той степени, в какой им позволяло это собственное командование, — у них также не было ни единой системы управления, ни общего плана обороны Западной Европы.

Группировка союзников находилась в непосредственной близости от группы советских войск в Германии, численность которой составляла 273 тысяч бойцов сухопутных войск, 4—5 тысяч танков и 1400 боевых самолетов.

В противовес советскому превосходству в обычном оружии Соединенные Штаты располагали атомной бомбой. Однако практически вплоть до самого начала Берлинской блокады они не рассматривали возможность применения бомбы в случае войны. В начале марта 1948 года министр обороны США Джеймс В. Форрестол провел в «малом Белом доме» Трумэна, на военноморской базе Ки-Уэст во Флориде, совещание Объединенного комитета начальников штабов. Целью этого совещания была выработка единого кратковременного плана действий в случае внезапной войны, а также обсуждение военного бюджета. На первое время план военных действий получил кодовое название «Халфмун» («Равелин»).

Генерал Брэдли сообщает об этом плане.

«Это было первое официальное и всестороннее изложение доктрины, впоследствии получившей известность как стратегия ядерного “массированного возмездия”. Если Россия начнет полномасштабную войну и ее огромная армия хлынет в Западную Европу (как мы предполагали), мы ответим атомными бомбардировками советской территории (главным образом крупных населенных центров) с целью уничтожить систему советского управления и отбить у Кремля желание вести войну. Наши тяжелые бомбардировщики В-29 и В-50, взлетая с авиабаз в Англии, Египте и на Дальнем Востоке (Окинава), доставят бомбы к советским целям. Согласно расчетам, сделанным ВВС, потребуется сбросить 133 атомные бомбы на семьдесят советских городов. Поскольку в то время у нас было лишь около пятидесяти бомб, осуществление плана должно было начаться со стратегического воздушного удара по России, который планировалось нанести в первый день войны и продолжать в течение девяти последующих дней. Вслед за первыми двадцатью пятью бомбами будут сброшены остальные двадцать пять, “груз” для последующих бомбардировок будет поступать непосредственно из цехов военных заводов».

Несмотря на то, что они в достаточной мере сознавали свою слабость, Соединенные Штаты твердо решили не уходить из Берлина. После целого ряда совещаний в Вашингтоне 28 июня президент встретился с руководителями высшего ранга и принял решение: «Мы останемся, и точка!» Трумэн также поддержал отправку двух авиационных крыльев В-29 в Британию и двух эскадрилий В-29 в Германию.

А тем временем в Германии Клэй предпринял шаги, направленные на то, чтобы обеспечить Соединенным Штатам возможность остаться в Берлине. 26 июня он вызвал генерала Ле Мея и попросил использовать для снабжения Берлина весь имеющийся в его распоряжении

авиатранспорт. По сути, эта просьба ознаменовала собой открытие Берлинского воздушного моста. В тот же день в Берлине приземлился первый самолет, который доставил 80 тонн молока, муки и медикаментов.

Дипломаты союзников пришли к выводу, что СССР хочет предложить сделку: снять блокаду Берлина в обмен на приостановку инициативы Лондона по созданию правительства в западных оккупационных зонах Германии. СССР хотел обсудить проблемы Германии на совещании министров иностранных дел. Ни Вашингтон, ни Лондон не торопились принять это предложение, поскольку блокада Берлина набирала силу.

Но ВВС США и Королевские ВВС Британии уже начали вносить свои поправки в предложенный сценарий. Они нашли способы и средства снабжения не только берлинских гарнизонов союзников, но и простых горожан. К исходу июля ВВС США и Великобритании в среднем доставляли горожанам и гарнизонам по 2500 тонн продуктов в день против запланированных двух тысяч тонн. Причем летчики были уверены, что, имея большее количество самолетов, они могли бы доставлять до 3500 тонн ежедневно. В летний период времени этого объема перевозок было достаточно для обеспечения нормальной жизни Берлина, но зимой данные поставки не смогли бы удовлетворить потребности города в угле.

Однако решение этой проблемы существовало, причем в нескольких вариантах. Вариант первый — использование более крупных самолетов, что можно было сделать без труда, заменив двухмоторные С-47 на четырехмоторные С-54. Вариант второй — расширение возможностей приема самолетов в самом Берлине. И, наконец, реорганизация расположенных в западных зонах авиабаз, используемых транспортными самолетами.

Когда русские увидели, что воздушный мост эффективен, они начали принимать ответные меры и искать поводы надавить на США. Однако, в отличие от наземных

маршрутов, воздушные коридоры и порядок их использования были определены соглашением, подписанным четырьмя державами. Это соглашение, принятое 25 октября 1946 года Советом союзников по управлению оккупационными зонами, ставило СССР в сложное положение: если русские захотели бы закрыть воздушный мост, они могли бы сделать это, лишь грубо поправ подписанные ими договоренности.

Что касается предложения Клэя о вооруженных конвоях, противодействие советской стороны, создававшей помехи прохождению конвоев, могло поставить войска союзников перед необходимостью первыми открыть огонь по территории советской оккупационной зоны и тем самым полностью возложить на союзные державы ответственность за любой последующий вооруженный конфликт. Однако для того, чтобы уничтожить воздушный мост, русским пришлось бы применить военную силу первыми, тем самым нарушив условия международного соглашения, которое они сами же подписали. В этом случае ответственность за начало военных действий легла бы именно на них.

Между тем агрессивность СССР стала усиливаться. Русские проводили в международных воздушных коридорах учения своих ВВС. Их бомбардировщики пролетали сквозь строй транспортных самолетов союзников, а истребители совершали опасное маневрирование. Русская зенитная артиллерия открывала огонь по мишеням, буксируемым самолетами, и снаряды часто разрывались в воздушном пространстве транспортных коридоров. Русские посылали туда и свои сигнальные ракеты. В 55 случаях наземный огонь стал причиной гибели самолетов, принимавших участие в наведении воздушного моста.

В октябре кризис достиг пика. Когда стало ясно, что плохие погодные условия (ноябрь в Германии считается худшим месяцем для полетов) сами по себе не остановят движение по воздушному мосту, СССР увеличил коли-

чество вторжений в пространство воздушных коридоров союзников. В августе имели место два таких вторжения, в сентябре — семь, а лишь за первые десять дней октября было зафиксировано три подобных случая.

Берлин, 13 октября 1948 года

В среду 13 октября произошло еще одно столкновение в воздухе, на этот раз между совершавшим опасное маневрирование советским истребителем и самолетом С-54 из состава 61-го авиационного крыла воздушной поддержки войск. И снова никому не удалось спастись.

Клэй получил рапорт свидетеля этого инцидента. Вступивший 29 июля в должность командующего воздушным мостом бригадный генерал Уильям Таннер установил трехминутный интервал между самолетами, перемещавшимися по Берлинскому воздушному коридору. Таким образом, когда советский истребитель столкнулся с самолетом С-54, экипаж летевшего следом однотипного транспортного самолета «Мэри Джейн» видел все то, что происходило впереди них и тысячью футами выше¹. Офицер штаба ВВС Клэя полковник Лоренс Ричмонд привел в кабинет генерала двух членов экипажа «Мэри Джейн» и диспетчера радара сержанта Берта Хаскинса, который в момент инцидента дежурил в Центре воздушной безопасности Берлина и следил за этим участком коридора. Ответив на приветствия, Клэй попросил свидетелей происшествия сесть.

— Ларри, так что же случилось тем утром? — спросил он.

¹ В целях безопасности самолеты С-54 следовали на разных высотах, эта разница составляла одну тысячу футов. Интервал движения в горизонтальной плоскости составлял три минуты.

— Полное повторение того, что произошло 5 апреля, — ответил Ричмонд. — Как и в случае с британским «Викингом», советский истребитель пролетел вплотную над С-54 из состава 61-го крыла и умудрился столкнуться с ним на высоте 6 тысяч футов, на расстоянии примерно 15 миль от Темпльхофа. Оба самолета упали на землю, раскрывшихся парашютов никто не видел. Это произошло в левой половине коридора.

— А эти люди видели все своими глазами? — уточнил Клэй.

— Капитан Блэк и лейтенант Фиорино — командир и второй пилот того С-54, который следовал за самолетом, попавшим в катастрофу. Сержант Хаскинс сидел перед экраном радара в Центре воздушной безопасности Берлина и наблюдал за происходящим.

— Что ты видел, сынок? — спросил Клэй у Блэка.

— Это был нормальный полет, и, хотя было облачно, над нами на высоте десяти тысяч футов имелось несколько разрывов в облаках, — отвечал Блэк. — Мы летели на высоте пяти тысяч футов точно по расписанию, следуя с трехминутным интервалом за С-54, который летел впереди. Мы здесь с августа, так что уже привыкли к появлению советских самолетов в воздушном коридоре. По радио мы услышали предупреждение Центра воздушной безопасности Берлина (теперь-то я знаю, что это был голос сержанта Хаскинса), который сообщал, что в коридоре находятся неизвестные высокоскоростные самолеты, которые летят над слоем облачности на высоте примерно двадцать тысяч футов и без предупреждения меняют курс, скорость и высоту. Мы подумали: «О Боже, неужели это опять русские?» Сразу после предупреждения диспетчера мы увидели, как сквозь разрыв в облаках несколько истребителей спикировали вниз.

— Что случилось потом? — спросил Клэй.

— Мы насчитали четыре «яка», которые летели прямо на нас, — продолжил Блэк. — Два истребителя, отде-

лившись от группы, ушли левее нашего курса и спикировали ниже, а два других взмыли вверх и резко ушли влево, то есть от нас вправо, и оказались прямо под слоем облачности. Затем та пара, что ушла вниз, поднялась вверх и оказалась перед нами. Они летели позади С-54 и держались ниже него. Та пара, что находилась под самым слоем облачности, сделала «бочку» и изменила курс. Оказавшись сзади и сверху от С-54, они пошли на сближение. Думаю, они хотели напугать экипаж, пролетая над самым самолетом и уходя в пике перед самым его носом, но один из них просчитался и подлетел слишком близко. Кончиком крыла он задел правый мотор. Крыло отломилось, то же самое произошло с 54-м. И оба закувыркались вниз. Мы не видели ни одного парашюта.

— А остальные «яки»? — спросил Клэй.

— Собравшись вместе, они на низкой высоте начали делать круги над местом крушения. Мы взяли правее и потеряли их из виду к тому моменту, когда сообщение о столкновении передали в Темпльхоф и в авиагруппу, расположенную в Большом Рейне.

— Лейтенант Фиорино, вы видели то же самое? — спросил Клэй.

— Да, сэр, — ответил Фиорино.

— Значит, вы находились в коридоре в момент столкновения?

— Да, сэр, — ответил Блэк. — Возможно, мы были чуть левее осевой линии коридора, поскольку дул юго-восточный ветер и мы все время выравнивали курс, но мы видели землю, и с нами все было в полном порядке.

— Столкновение произошло в коридоре? — спросил Клэй, повернувшись к сержанту Хаскинсу.

— Да, сэр, — подтвердил Хаскинс, который, сидя на краешке стула, нещадно мял головной убор. — Примерно в шести милях севернее осевой линии, но до границы коридора оставалось еще четыре мили. Сэр, перед столкновением эти «яки» в течение двадцати минут то входили

ли в слой облачности, то выходили из него. Я попросил начальника моей смены капитана Джеффоркса сообщить об этом советскому офицеру связи капитану Зорченко, но его нигде не могли найти. Джеффоркс приказал мне повторять по радио предупреждение нашим самолетам до тех пор, пока «яки» не уйдут из коридора.

— А куда упал наш самолет? — спросил Клэй.

— Он упал слева от нас, — сообщил Блэк. — Ближе к границе коридора, но все же в его пределах. Я в этом уверен.

— Да, сэр, он находился примерно в трех милях от границы коридора, когда исчез с моего экрана, — добавил Хаскинс.

— Соедините меня по телефону с генералом Ле Меем, — попросил Клэй, обращаясь к полковнику Ричмонду. — Затем составьте отчет о столкновении и отправьте его в Вашингтон. ВВС обязательно отправят свой отчет, его пришлет 61-е авиационное крыло, но я хочу, чтобы мой отчет попал к Брэдли как можно скорее!

Покинув кабинет вместе со свидетелями столкновения, Ричмонд установил связь с Ле Меем. Услышав вызов своего секретаря, Клэй снял трубку.

— Керт, опять Советы! На этот раз мы потеряли С-54. Я собираюсь повидаться с Соколовским. Но я хочу, чтобы наши авиатранспорты следовали по воздушному коридору под прикрытием истребителей. Это надо сделать как можно скорее.

— Господин генерал, вы же знаете, что у нас не хватает истребителей, но мы это сделаем. Первые истребители взлетят сегодня же.

Известный своей немногословностью Ле Мей был обеспокоен тем, что, если ситуация выйдет из-под контроля, имеющихся в его распоряжении немногочисленных истребителей не хватит накрытие всего протяжения центрального воздушного коридора от Франкфурта до Берлина. И американские самолеты могут стать легкой добычей для армады советских истребителей.

«Я решил, что в создавшейся ситуации лучше всего будет сформировать из числа F-80, входящих в состав 36-й группы, верхний эшелон прикрытия. У нас было всего 75 таких самолетов, из которых примерно 60 были постоянно готовы к вылету. Так что нам пришлось кое-что быстро усовершенствовать. Все, чем мы располагали в 86-й группе, это самолеты P-47 — машины, уступавшие советским фронтовым истребителям, но, возможно, и они могли бы принести нам пользу. Эти 75 истребителей P-47 я также решил задействовать в качестве прикрытия, но их звенья должны были находиться между F-80 и транспортными самолетами. Таким образом, скоростные реактивные самолеты создавали бы верхний уровень прикрытия, а менее скоростные P-47, располагаясь поблизости от тихоходных транспортных самолетов, всегда должны были лететь сверху. Даже с радарными русским было бы затруднительно продолжать свои игры с нашими транспортом, ведь теперь рядом с ними находилось несколько наших истребителей. Согласен, это совсем не напоминало строй военных времен, когда истребители P-51 обеспечивали прикрытия моим бомбардировщикам B-17, но ведь это были не бомбардировщики, а транспорты, да и никакой войны тоже не было, по крайней мере, пока».

Дав указания Ле Мею, Клэй позвонил Соколовскому, с которым, как он тогда считал, у него были дружеские отношения. Встречу удалось организовать лишь на следующий день. Соколовский потребовал, чтобы Клэй приехал в его штаб, расположенный в Карлсхорсте, в здании Советской военной администрации.

Берлин, 14 октября 1948 года

Клэя провели в штаб Соколовского, расположенный в бывшем здании офицерского клуба германского воен-

ного училища. Клэй не говорил по-русски, а Соколовский по-английски, поэтому у каждого имелся переводчик.

— Доброе утро, господин маршал, как ваши дела? — приветствовал Клэй Соколовского.

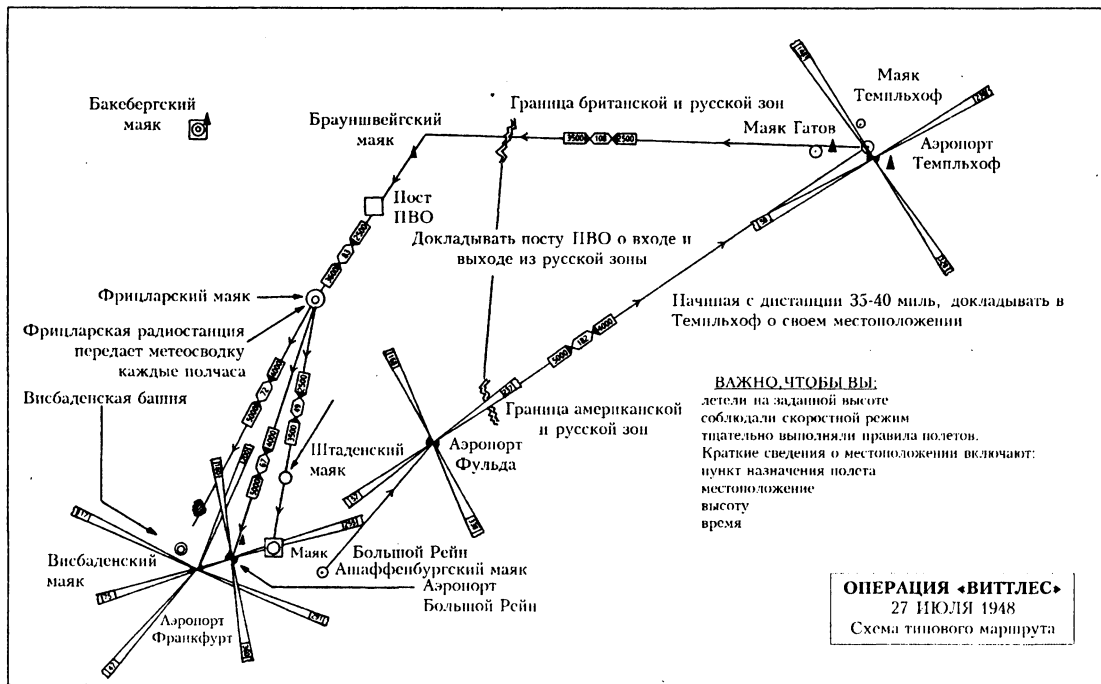
— У меня все в порядке, господин генерал, — ответил Соколовский. — Насколько я понимаю, вам потребовалось срочная встреча, — продолжил он, отказавшись от стандартного набора вежливых фраз. — Что именно вы желаете обсудить?

Лицо Клэя стало более суровым, и он приступил к чтению документа, подготовленного его подчиненными и согласованного с Вашингтоном.

— Господин маршал, вчера, приблизительно в 10:15, один из ваших истребителей, находясь в воздушном коридоре Франкфурт—Берлин, на расстоянии примерно 15 миль к юго-западу от Берлина, выполнял маневры с применением фигур высшего пилотажа, что является грубым нарушением «Правил пилотирования авиатранспорта, осуществляющего полеты в воздушных коридорах Германии и Берлинской оккупационной зоны». При этом Центр воздушной безопасности Берлина не получил никакого предварительного уведомления. В результате этих маневров, представлявших собой нарушение 20 параграфа «Правил пилотирования», категорически запрещающего пилотирование с применением фигур высшего пилотажа, которое подвергает опасности других участников воздушного движения, ваш самолет столкнулся с транспортным самолетом США С-54. Этот самолет, не отклоняясь от своего курса и не меняя заданной высоты, следовал в пределах установленного воздушного коридора, выполняя задание, о котором должным образом был уведомлен Центр воздушной безопасности Берлина. Соединенные Штаты, во-первых, выражают решительный протест в связи с грубым нарушением советскими вооруженными силами «Правил пилотирования», утвержденных 25 октября 1946 года

Советом союзников по управлению оккупационными зонами и подписанных маршалом Жуковым, а также требуют немедленного прекращения подобных нарушений. Соединенные Штаты, кроме того, также обращаются с просьбой разрешить своей следственной группе и похоронной команде доступ к месту крушения С-54 и останкам трех членов его экипажа.

— Господин генерал, по моим данным, этот американский самолет в момент инцидента находился за пределами установленного воздушного коридора, — ответил через переводчика Соколовский, лицо которого стало неподвижным, словно было сделано из камня. — На самом деле ваш самолет устроил провокацию, влетев в район воздушных учений, где один из наших истребительных полков проводил учения, включавшее запуски ракет класса «воздух-воздух». Поскольку столкновение произошло за пределами района, на который распространяется действие «Правил пилотирования», а этот факт легко установить, определив место крушения, ваш протест, вызванный «грубым нарушением Правил», не имеет под собой никаких оснований. Более того, как выяснил советский представитель в Центре воздушной безопасности Берлина, вопиющие нарушения «Правил пилотирования», неоднократно допущенные американскими самолетами, уже превратили это соглашение в пустой звук. Я уполномочен заявить вам, военному губернатору оккупационной зоны США, решительный протест по поводу умышленного вторжения в Советскую оккупационную зону, осуществленного в нарушение Потсдамского соглашения, а также потребовать компенсации за гибель советского летчика и его самолета. К тому же место крушения самолета, осуществившего провокацию, находится в закрытой военной зоне. У меня нет указаний моего правительства разрешать иностранным военным служащим проникать в эту зону. Вот и все, что я хотел вам сказать по данному вопросу.

Операция «Виттлес»

— Господин маршал, — вновь заговорил Клэй, выслушав перевод заявлений Соколовского, — позиция моего правительства ясна. Инцидент случился в воздушном коридоре и был вызван запрещенным маневрированием советского истребителя. Таким образом, я не могу принимать участие в каких-либо дискуссиях по поводу требуемых вами компенсаций. Но я еще раз повторяю мою просьбу, просьбу чисто человеческого характера; — разрешить доступ к месту крушения, хотя бы для того, чтобы забрать останки погибших членов экипажа.

— Господин генерал, я жду указаний из Москвы. До тех пор, пока я их не получу, я не смогу удовлетворить вашу просьбу, — равнодушно ответил Соколовский, и на этом короткое совещание закончилось.

Когда Клэй добрался до своего штаба, он еще раз позвонил Ле Мею.

— Керт, эскорты просто необходимы. Я сейчас же позвоню Робертсону, чтобы он приказал БВСО (Британским ВВС в оккупационной зоне) организовать прикрытие Северного коридора. Соколовский даже не назвал произошедшее случайностью, а взвалил на нас всю ответственность за эту, как он выразился, «провокацию».

— Знаете, генерал, если все и дальше так пойдет, мне наверняка придется просить подкреплений из Штатов. Я перевел истребители из Фюрстенфельдбрюка и Нойбиберга в Висбаден — теперь у них уйдет меньше полетного времени на то, чтобы долететь до Берлина. Я уже поддержал вашу идею насчет конвоев, и сейчас я тоже окажу вам поддержку. Если мы проявим мужество, русские уступят.

Затем у Клэя состоялось телетайпное совещание¹ с министром обороны Ройаллом и начальником штаба

¹ В те времена телетайпные совещания проходили примерно так же, как сейчас проходят сетевые конференции по Интернету.

армии генералом Брэдли. Клэй уже передал им по телеграфу сведения об инциденте, а также сообщил о своем приказе обеспечить силами ВВС США в Европе воздушное прикрытие транспортных самолетов. Они уже поддержали предложенный генералом текст заявления, которое Клэй собирался зачитать на встрече с Соколовским. Теперь он хотел обсудить с ними вопросы стратегии.

— Мы совершенно не готовы к войне с Советами, — отступал Брэдли. — Как вы знаете, у нас есть лишь краткосрочный план ведения боевых действий на случай внезапного начала войны, и ни один из его пунктов не согласован с союзниками.

— Это так, но если мы сейчас уступим, то нам придется закрывать воздушный мост, а это означает, что мы будем вынуждены уйти из Берлина. У вас имеется копия разработанного нами плана организованной эвакуации из Берлина, полученная 30 августа 1948 года. Нам придется вывезти как минимум 8378 человек военнослужащих и гражданских лиц США. И только из нашего сектора, не принимая в расчет французов, перевозка которых будет зависеть от нас, а также германских граждан, которых мы пожелаем защитить от советских репрессий. Только для перевозки наших людей, ручной клади и элементарных предметов домашнего обихода потребуется сделать 546 рейсов С-54 и 91 рейс С-47. Я уж не упоминаю о необходимости эвакуации по воздуху собственности правительства США и архивов, для транспортировки которых потребуется более чем вдвое увеличить количество рейсов. Короче говоря, нам понадобилось бы три дня при хорошей погоде, отсутствии противодействия Советов и спокойствии гражданского населения нашего сектора. И не хотел бы я оказаться в последнем самолете!

— Мы не получали ни от президента, ни от Совета национальной безопасности никакой директивы, отменяю-

щей наше пребывание в Берлине. Так что мы останемся там до конца, — ответил Брэдли¹.

— Как вы знаете, — последовала реплика Клэя, — мы совместно с британцами и французами прикинули, что будем делать в том случае, если разразится война. Вывод был следующим, я цитирую: «Командование вооруженных сил в Европе разработало сценарий обороны Рейна. Краткие итоги: линия обороны вдоль Рейна продержалась 3 дня после начала войны. Затем был осуществлен необходимый в данной ситуации стремительный отход на территорию Франции». Этот вывод следовало бы рассматривать как оптимистический в свете того количества истребителей, которое мы сумели выставить для прикрытия нашего авиамоста от возможных нападений советских самолетов.

— Президент Трумэн дал четкий ответ на этот вопрос: «Мы остаемся, и точка!» Но ваши инструкции все те же — не начинать военных действий, но принять все необходимые меры к обороне. Если Советы желают войны, им придется самим ее начать, — ответил Ройалл.

Однако у Соколовского имелся строгий приказ не начинать войны. У Сталина были другие планы. Еще в сентябре он основал Корейскую Народно-Демократическую Республику (Северную Корею) с разработанной в СССР Конституцией. Столицей КНДР должен был стать Сеул. Еще через шесть месяцев Сталин начнет излагать свои планы Корейской войны приехавшему в Москву Ким Ир Сену.

¹ Считая «возмутительным» отсутствие подобных директив на пороге войны, Брэдли заметил: «В период решающей фазы блокады Берлина, когда мы оказались лицом к лицу с огромной советской военной мощью, Объединенный комитет начальников штабов получал от Совета национальной безопасности такие бездарные рекомендации, что мы не могли выработать плана действий в случае внезапного начала войны. Мы были полностью дискредитированы».

Воздушный коридор Франкфурт–Берлин, 18 октября 1948 года, 12:30

В понедельник 18 октября воздушные полки Соколовского должны были снова, уже в последний раз, попытаться запугать Клэя, Ле Мея и Таннера, заставить их свернуть воздушный мост и уйти из Берлина. Однако, как мы видели, один из русских пилотов, имя которого история не сохранила, решил вместо запугивания открыть стрельбу, тем самым предоставив лейтенанту Расселу Брауну возможность поохотиться за советским истребителем. Впервые после окончания Второй мировой войны ВВС США получили возможность вступить в настоящий бой, но об этом поединке молчали более сорока лет¹.

В то время как Браун и Маккой докладывали о своих поединках с «яками», полковник Евгений Глинка пребывал в угрожающем для подчиненных настроении: он просто кипел от злости. В его кабинете стояли навытяжку лейтенанты Работев и Курчатов, и полковник только что закончил разнос, в ходе которого назвал обоих трусами за то, что они удрали от американских F-80. Эти офицеры пилотировали два «яка», входивших в состав звена, которое сбило С-54. Все еще продолжая лихорадочно трясти головой, полковник приказал лейтенантам выйти вон.

— Каберов! Зайди! — крикнул он, вызывая своего начальника штаба майора Ивана Каберова.

Зная о пристрастии Глинки к водке, Каберов вбежал в кабинет, не ожидая ничего хорошего.

— Слушаю вас, товарищ полковник.

— Я хочу, чтобы каждый летчик и каждый самолет нашего полка как можно скорее поднялись в воздух. Янки

¹ *LeMay and Kantor. Mission with LeMay*, p. 414. Сообщается о «балканском инциденте» времен Второй мировой войны, когда американские истребители сбили 3 или 4 «яка».

уже сбили двух наших ребят, а эти трусы сбежали! — заявил Глинка.

— Половина полка уже в воздухе, но у них мало горючего, — ответил Каберов, понимая, что с Глинкой лучше не спорить. — Нам надо прийти в себя, заправиться и отдать распоряжения...

— Сейчас нет на это времени! — крикнул Глинка, резко оборвав Каберова. — Немедленно отправляй на вылет все готовые истребители, потом будем приходить в себя!

— А какие будут указания? — поинтересовался Каберов.

— Найти и уничтожить американцев! — рявкнул Глинка с нескрываемым презрением.

В спешке полковник совершил несколько серьезных промахов. Во-первых, он не подчинился приказу командующего ВВС СССР. Во-вторых, его 158-й истребительный полк базировался в Штаакене, а также на двух небольших аэродромах, расположенных в непосредственной близости от Берлина. Это означало, что все полеты истребителей с момента взлета и до посадки находились под постоянным радиолокационным контролем американцев. В-третьих, Глинка не стал тратить времени ни на то, чтобы сосредоточить свои силы, ни на то, чтобы перед вылетом должным образом проинструктировать летчиков. В-четвертых, он забыл, что ГРУ и НКВД прослушивают его линии связи. И, наконец, он слишком рассчитывал на лояльность своего начальника штаба, которого так часто оскорблял.

Вернувшись в диспетчерскую, Каберов объявил тревогу и поднял в воздух готовые к полету истребители — единственную эскадрилью Як-9. Включив сигнал тревоги, он привел в действие линию связи с оперативным центром 4-й истребительной дивизии, и еще до того, как первый самолет оторвался от земли, состоялся телефонный разговор между оперативными центрами дивизии и 158-го полка.

— 158-й, это 4-я дивизия. Вы подняли в воздух все ваши находящиеся в боевой готовности силы. Что там у вас происходит? — спрашивал голос по прямому проводу.

— Полковник Глинка приказал отомстить американцам за то, что их F-80 сбили два наших самолета, — бесстрастно ответил Каберов.

— Кого сбили? Почему не доложили? — вопрошала 4-я дивизия.

— Мы узнали об этом, когда звено вернулось на базу, — отвечал Каберов.

— Что, неужели не было никакого доклада по радио? — спрашивала 4-я дивизия.

— Нет. Согласно инструкции, о чрезвычайных происшествиях следует докладывать только лично, — пояснил Каберов.

— Как это случилось? — спрашивала 4-я дивизия.

— Наши летчики доложили, что, когда они пролетали через коридор Франкфурт—Берлин, то были без предупреждения атакованы. На них набросились F-80, и одна пара погибла в бою, в ходе которого досталось также и С-54, он тоже погиб. Другая пара уклонилась от боя.

— А полковник Глинка поднял в воздух истребители для того, чтобы атаковать американцев? Так, что ли? — с некоторым недоверием переспросила 4-я дивизия.

— Да, — подтвердил Каберов.

— Своей властью я запрещаю вылеты других истребителей. Генералу Орлову нужно сначала доложить об этом во Вторую воздушную армию и получить указания.

Так стал раскручиваться ставший впоследствии легендарным «Большой берлинский клубок».

Поднявшись над аэродромом, командир 3-й эскадрильи истребителей услышал по радио взволнованный голос своего командира полковника Глинки.

— «Медведь», это «Красная». Летите в Темпльхоф и разделайте там столько американцев, сколько сможете. Прием.

«Медведь» — капитан Сергей Анопов — ошеломленно слушал голос командира. Как и все летчики полка, он за день до этого прошел инструктаж о правилах поведения во время боевых столкновений. Он понимал, что эти правила исходят от высшего командования, которое категорически запрещало стрельбу. А теперь его командир отменял эти правила.

— «Красная», это война? Мы не получили никакого предупреждения. Прием.

— «Медведь», выполняй приказ! Сегодня они убили двух наших летчиков, и мы им отомстим!

— Понял. Конец связи, — сказал Анопов, размышляя о том, что в течение следующих нескольких минут ему нужно вести себя очень осторожно. Сделав круг над аэродромом Штаакен, 3-я эскадрилья, рассредоточившись по звеньям, выстроилась в боевой порядок и направилась к точке, начиная с которой Наземная служба управляемого сближения (НСУС) брала на себя управление приближающимися С-54. Эта точка, расположенная в шести милях к юго-западу от Темпльхофа, находилась еще в пределах воздушного пространства Советской оккупационной зоны.

Заметив массовое скопление истребителей, которые, выстроившись в боевой порядок, держали курс на ключевую точку в системе подходов к аэродрому Темпльхоф, Центр воздушной безопасности Берлина немедленно вышел на связь с приближающимися транспортными самолетами С-54 и приказал им не начинать снижение. Три С-54, которые должны были заходить на посадку, услышали приказ и стали выполнять стандартный маневр разворота на обратный курс. (Самолеты, не сумевшие зайти на посадку или имевшие технические неполадки, просто возвращались домой, на аэродром Большой Рейн. После одного трагического эпизода Таннер приказал не «загромождать» воздушное пространство над Берлином.)

Привыкший действовать в строгом соответствии с указаниями Наземной службы управляемого перехвата (НСУП), Анопов вышел на связь со своим диспетчером.

— «Аист», это «Медведь». Прошу сообщить курс и расстояние до цели.

«Аист», которым был оператор НСУП 158-го полка, находился в помещении, расположенном по соседству с диспетчерской. Туда же нанес визит и полковник Глинка.

— «Медведь», это «Аист», ваша цель — большой самолет. Курс 200, высота 1500 метров, дистанция 9 тысяч метров. Поднимайтесь на высоту 6 тысяч метров и ложитесь на курс 190. Истребители вероятного противника на высоте 6 тысяч метров, следуют курсом 210.

«Аист» уже определил местонахождение звена истребителей Р-47: оно, пролетая прямо над транспортным потоком, находилось примерно в 10 милях позади того С-54, на перехват которого наводились «яки». Однако «Аист» упустил из виду звено F-80, которое находилось примерно в 20 милях от цели и быстро приближалось.

НСУС Темпльхофа имела радар с предельной дальностью обнаружения на высоте до 40 миль. Так что оператор этого радара видел и «яки», и Р-47, и F-80. Он вышел на связь с истребителями Р-47.

— «Оспрей флайт», это берлинская НСУС. Красные чуть выше и позади вас, летят горизонтально. Тяжеловес С-54 точно под вами.

Командир «Оспрей флайт» приказал своему звену набрать высоту и, пользуясь преимуществом в высоте, развернуться в направлении «бандитов» и зайти на них со стороны солнца. Он знал, что «яки» превосходят его «бидоны» в ближнем воздушном бою, зато «бидоны» могут дать «якам» фору на вертикалях — во время пикирования и набора высоты. Поэтому, дойдя до драки, он предпочел бы сражаться на вертикалях, а не в горизонтальном полете, где «яки» имели преимущество в скорости и в радиусе разворота.

Летчики «Голд флайт» — звена истребителей F-80 — тоже слышали вызов диспетчера. Чтобы развить максимальную скорость, они вошли в небольшое пики. (Высокое давление сделалось бы для них настоящей проблемой, окажись их скорость слишком высокой, — на околозвуковых скоростях дозвуковой самолет реагировал на действия пилота крайне медленно, практически становился неуправляемым.) Они быстро сблизилась с гораздо более тихоходными поршневыми самолетами.

Все произошло внезапно и одновременно. «Медведь» приказал одному из своих звеньев подняться еще выше и обеспечить верхний уровень прикрытия от американских истребителей, о присутствии которых его предупредили, но которых он еще не видел. Это звено чуть ли не врезалось в приближающиеся истребители P-47, которые уклонились от боя, несмотря на то, что были обстреляны.

Самолеты звена «Оспрей флайт» сделали «бочку» и спикировали на другие истребители «Медведя», которые в этот момент заходили на C-54. После того как верхний уровень прикрытия предупредил «Медведя» об опасности, его эскадрилья рассредоточилась — одна пара по-прежнему оставалась поблизости от C-54, а другие развернулись в направлении истребителей P-47. Последние стремительно бросились вниз, в направлении C-54, надеясь отогнать двух «яков», которые продолжали преследование. В то же время они все еще не вступали в бой с остатком сил «Медведя».

Услышав предостережение своих товарищей, «яки», которые преследовали C-54, резко ушли в сторону, уклоняясь от приближающегося к ним командира звена «Оспрей флайт». Вторая пара P-47 открыла по ним огонь с дальней дистанции, взяв высокий угол упреждения, но не добилась результатов. Самолеты звена «Оспрей флайт» делали «свечу», чтобы достичь высоты, с которой «яки», видимо, собирались открыть по ним огонь, когда на большой скорости появились истребители F-80.

Увидев, что наконец подходят и F-80, «Аист» предупредил об этом «Медведя», но в тот момент над ними находились P-47, и «Медведь» не мог среагировать на предупреждение.

Звено F-80 обнаружило, что истребители обеих сторон пытаются занять господствующую высоту. Поскольку F-80 не могли с ходу развернуться, они просто выбрали себе такие цели, спикировав на которые, можно было бы выйти практически в лобовую атаку. Выстрелы трех из четырех самолетов, входящих в состав звена «Голд флайт», попали в ярко раскрашенные «яки», которые пытались проскочить сквозь их боевые порядки.

Эскадрилья «Медведя» снова рассредоточилась. Звено «Оспрей флайт» продолжало занимать позиции на господствующей высоте, а истребители звена «Голд флайт», сделав «свечу», взмыли вверх.

Между тем напуганный пилот C-54 вышел из пике и, следуя на низкой высоте, быстро уходил в американский сектор. Его душили приступы жестокого кашля. (Он вез мешки, доверху заполненные углем, и угольная пыль, поднявшаяся в результате тряски, вызванной резкими маневрами, заполнила грузовой отсек и кабину.)

«Медведь», проклиная «Аиста» за то, что тот позволил F-80 застать его врасплох, приказал получившим повреждения самолетам уходить, а сам, продолжая схватку за господствующую высоту, снова собрал свои разрозненные боевые порядки. Он знал, что численно превосходит американцев в соотношении два к одному; не важно, что реактивные самолеты имели превосходство в скорости, — они уступали его самолетам в маневренности. А он хотел вступить в поединок с истребителями P-47.

Летчики звена «Оспрей флайт» испытывали столь же сильное желание помериться силами с «яками», но у них и в мыслях не было сражаться на условиях, которые им навяжут. Летчики звена «Голд флайт», самолеты которых обладали гораздо большей скороподъемностью, нежели

поршневые, уже вернулись на прежнюю высоту и, вызвав по радио звено «Оспрей флайт», предложили начать совместную атаку против «яков».

В этот момент обе стороны услышали голоса наземных диспетчеров, которые призывали прекратить противоборство. К «Медведю» обратился «Пеликан» — под этим позывным работал оператор НСУС 4-й истребительной дивизии. Он приказал прекратить бой и возвращаться домой. Примерно в то же самое время диспетчер американского НСУС, имевший позывной «Хоум Плейт», обратился к звеньям «Оспрей» и «Голд» и приказал выйти из боя. И снова обе стороны выполнили полученные приказы.

Берлин, 18 октября 1948 года, 13:00

В то время как разворачивались эти события, многое случилось и на земле. Служба НКВД, действуя на основании приказов генерала Орлова, арестовала в Штаакене полковника Глинку. Они также арестовали Каберова и капитана Анопова, после того как тот приземлился. Был арестован и заместитель Глинки майор Петринко, которого обнаружили в собственной квартире в состоянии глубокого алкогольного опьянения. (Накануне вечером он оказался в числе собутыльников Глинки, но не обладал такими способностями, как его командир.)¹

После беседы с Таннером Ле Мей позвонил Клэю. Воздушный мост, несмотря на случившееся, исправно функционировал. Американцы пришли к выводу, что русские не направили к месту поединка каких-либо других само-

¹ Каберов и Анопов уцелели после арестов, вероятно, благодаря своим заслугам во время Великой Отечественной войны — оба были пилотами-асами. Они так и остались служить в ВВС. О Глинке и Петринко больше никто ничего не слышал.

летов и что с их стороны никаких приготовлений к боевым действиям не наблюдается. Американцы собирались продолжать перевозки по воздушному мосту до тех пор, пока русские не вынудят их его свернуть.

У летчиков звена «Голд флайт» состоялась беседа с полковником Бейкером, весьма напоминавшая ту, в которой принимали участие лейтенант Браун, Маккой и Гибсон. Что касается звена «Оспрей флайт», то его летчики получили точно такие же приказы от своего командира. На инцидент, получивший название «Большой берлинский клубок», опустилась завеса молчания, но слухи об этом происшествии (исходившие, видимо, от диспетчеров радаров и летчиков, пилотировавших С-54) годами циркулировали в служебных помещениях летного состава и офицерских клубах ВВС.

В дальнейшем СССР не предпринимал никаких наступательных действий. Клэй решил доложить об этих событиях в Вашингтон, но не предавать инцидент широкой огласке и не заявлять протеста русским. Он пришел к выводу, что лучше предоставить эту возможность Соколовскому.

Берлин, 18 октября 1948 года, 14:00

Приказы, поступившие в полки истребителей «як», были категоричными. Летчикам ни при каких обстоятельствах не разрешалось открывать огонь. Им позволялось лишь совершать облеты транспортных самолетов. При появлении американских или британских истребителей они должны были уходить в зоны безопасности, расположенные за пределами коридора и прикрытые советскими зенитными батареями.

Соколовский сбился с ног, выясняя истинное положение дел. В его распоряжении были данные службы радиоперехвата, представленные ГРУ — советской военной

разведкой, осуществлявшей прослушивание всех радиопереговоров, которые вели американцы в ходе использования воздушного моста. После первого боя между F-80 и «яками» ГРУ перевело на русский язык и срочно направило Соколовскому данные радиоперехвата, одновременно дав ход рапорту, который постепенно пробирался вверх по ступеням командной иерархии ВВС. Начав свой путь с истребительного полка, он добрался сначала до дивизии ВВС, потом — до армии и, наконец, до командующего советскими ВВС в Германии. Перед тем как Соколовский получил сведения из полка, истребители которого стали участниками инцидентов, он уже располагал донесениями ГРУ о разбившихся самолетах. Он знал, что НКВД наблюдал за этими событиями и обязательно докладывал о них лично Берии, а тот мог доложить самому Сталину.

Соколовский получил рапорт генерала Есова, который был тогда командующим ВВС в Германии. Маршал с ужасом читал этот рапорт, в котором утверждалось, что «яки» были без предупреждения атакованы американскими реактивными истребителями и что самолет С-54 рухнул на землю, после того как оказался в самом центре боя. Версия, изложенная в рапорте, противоречила данным диспетчерской службы Центра воздушной безопасности Берлина, которые также были известны британцам и французам. Она не совпадала ни с данными ПВО, ни со свидетельствами очевидцев. И, насколько было известно Соколовскому, она не совпадала и с тем, что докладывали своему начальству американские летчики.

Когда Соколовский изучал этот рапорт, ему позвонил Есов, который доложил о второй за день воздушной битве. На этот раз его доклад был точен. Есов сообщил, что битва разгорелась по вине какого-то пьяного полковника, который действовал в полном несоответствии с приказами. Он также сказал, что, насколько ему известно, ни одна из сторон не потеряла ни одного самолета, но пять

«яков» получили повреждения. Есов посадил под арест всех офицеров истребительного полка, которые несли ответственность за это происшествие.

Соколовский оказался в трудном положении. Как глава советской военной администрации в Германии, он доложил обо всем непосредственно Сталину и получил от него указания. Один из пилотов грубо нарушил приказ. Если он остался жив, Соколовский должен был его расстрелять. И вдруг — еще одна воздушная битва, спровоцированная командиром истребительного полка, пристрастие которого к водке оказалось явно сильнее уважения к приказам. Но Соколовский знал, что, даже расстреляв он всех своих подчиненных, это не спасло бы его, если бы Сталин все же решил возложить на него персональную ответственность за допущенную ошибку.

Соколовский мог попытаться представить дело так, будто донесение истребительного полка о первой воздушной битве полностью соответствовало действительности, но Сталин, несомненно, узнал бы, что факты противоречат утверждениям маршала, и фальшивый рапорт погубил бы его точно так же, как и рапорт об излишнем рвении ныне покойного подчиненного. Однако, примени Соколовский в отношении пьяницы-полковника крутые дисциплинарные меры и напиши он рапорт, полностью соответствующий действительности, ему следовало почтить за счастье, если бы Сталин не расстрелял его или не отправил в ГУЛАГ. Фальшивый рапорт мог привести к Третьей мировой войне, — а если бы ему не поверили, олжи маршала узнали бы и Берия, и ГРУ.

Соколовский позвонил Сталину. Это был самый трудный в его жизни телефонный разговор.

— Василий Данилович, у вас сегодня, кажется, были неприятности? — спросил Сталин.

— Да, товарищ генералиссимус, — подтвердил сразу покрывшийся потом Соколовский, который знал, что Берия уже доложил Сталину о случившемся. — В кори-

доре Франкфурт—Берлин, наш летчик на виду у американских реактивных истребителей сбил американский самолет С-54. Он и его напарник были также сбиты американцами. При этом все погибли.

На другом конце линии наступила пауза. Соколовскому было слышно, как Сталин посасывает свою трубку.

— Вы больше ничего не предприняли? — услышал он наконец голос генералиссимуса.

— Все получили строгий приказ не открывать огонь, даже если сами подвергнутся обстрелу, однако командир полка, в котором служили сбитые летчики, по собственной инициативе предпринял наступательные действия, — ответил Соколовский. — Я приказал прекратить этот бой.

— Значит, они смогли выполнить приказ только после того, как первыми открыли огонь по американцам? — спросил Сталин.

— Товарищ Сталин, я арестовал командира полка и всех других, ответственных за это происшествие, — сказал Соколовский, не сомневаясь в том, что вот-вот услышит свой смертный приговор.

Вновь наступила пауза, и опять стало слышно, как Сталин посасывает трубку.

— Василий Данилович, вы ведь сделаете все необходимое, чтобы в будущем приказы выполнялись беспрекословно, не так ли? — продолжил Сталин. — Думаю, скоро вам надо будет вернуться в Москву за новым назначением. Вы должны приехать и рассказать мне о том, как продвигаются дела с немцами. И, — Сталин вновь сделал паузу, — не обсуждайте с американцами эту тему. Я сам займусь этим вопросом.

Сталин положил трубку, а Соколовский подумал, что, возможно, ему удастся дожить до следующего утра. Но перспектива личного доклада Сталину не внушала ему никакой радости.

После разговора с маршалом Сталин позвонил Молотову, который тогда находился в Париже, на совеща-

нии ООН. Там же были и его коллеги: госсекретарь США Маршалл, министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин и министр иностранных дел Франции Робер Шуманн.

— Вячеслав Михайлович, это Дружков, — начал Сталин¹. — Мне нужно, чтобы американцы прекратили посылать истребители в качестве эскорта для своих транспортных самолетов, следующих в Берлин. Там произошел инцидент. Два наших истребителя, вопреки приказу, сбили один их транспортный самолет, а затем и сами были сбиты американскими истребителями. Был и второй бой, который закончился без потерь. Вот до чего дошло. Соколовский разберется с теми, кто не умеет выполнять приказы, — сказал Сталин и сделал паузу. — В Германии не должно быть никакой войны, — продолжил он. — Установите контакт с Маршаллом и посмотрите, нельзя ли сделать так, чтобы они убрали свои истребители. Риск слишком велик.

— Товарищ Дружков, — начал Молотов, который, обращаясь к Сталину, никогда не произносил вслух его новое звание, «генералиссимус», — это можно сделать. Маршалл сейчас здесь, вместе со своим персоналом. Мы можем с ним поговорить о коридоре.

Молотов поручил Валентину Зорину установить контакт с Маршаллом. После окончания одного из заседаний Зорин был на коктейль-парти, где случайно встретился с Джоном Фостером Даллесом, с которым и вступил в переговоры, заявив, что Соединенным Штатам нужно снизить вероятность возникновения прискорбных воздушных инцидентов в Берлинском коридоре и что Советский Союз также весьма обеспокоен данной проблемой.

Даллес оценил инициативу — он знал о воздушном столкновении, но не знал ни о том, что были сбиты само-

¹ Именно так называл себя Сталин в телефонных беседах и переписке с Молотовым.

лёт, ни о том, что впоследствии состоялась настоящая воздушная битва. Проявив уместную в данном случае уклончивость, он, тем не менее, способствовал установлению контакта Зорина с Маршаллом. Между тем Маршалл только что закончил с Госдепартаментом телеграфное совещание, в ходе которого заместитель госсекретаря Роберт Ловетт сообщил о сбитых самолетах, еще одной воздушной схватке и о последующем снижении военной активности.

Маршалл с облегчением услышал о том, что больше ничего не случилось, так как 13 сентября, во время совещания в Белом доме, Трумэн сказал, что «молит Бога о том, чтобы ему не пришлось принимать такое решение, но если возникнет необходимость, то придется отбросить всякие сомнения» и при чрезвычайных обстоятельствах применить против Советского Союза атомную бомбу. На следующий вечер об этой решимости узнали издатели 19 крупнейших американских газет, собравшиеся в доме Филипа Грэма — издателя «Вашингтон Пост». Издатели разъяснили Маршаллу, Форрестолу, Брэдли, Ловетту и Чипу Болену, который был вхож в администрацию Трумэна, что в американском обществе зреет все большее недовольство действиями Советского Союза в отношении Берлина.

Маршалл поручил Даллесу найти Зорина и выяснить, имел ли тот в виду, что СССР собирается проявить уважение к «Правилам пилотирования в воздушном пространстве Берлина». Зорин заявил, что если американцы и британцы согласятся прекратить патрулирование коридоров своими истребителями, то СССР вновь начнет следовать «Правилам пилотирования». Тогда Маршалл связался по телеграфу с Форрестолом и заявил ему, что Кляю следует отдать приказ о временном прекращении воздушного патрулирования. Форрестол согласился, и Брэдли передал Кляю по телеграфу распоряжение убрать истребители.

Клэй позвонил Ле Мею и приказал ему временно отложить выполнение задачи по воздушному прикрытию. Ле Мей был рад такой передышке, так как на истребителях чрезвычайно быстро изнашивались подвесные топливные баки, а количество запасных частей в Европе сократились до опасного минимума. Если бы воздушное патрулирование продолжалось, то ему пришлось бы заказывать дополнительные баки в США.

Воспользовавшись случаем, Клэй послал начальника американского гарнизона Берлина полковника Фрэнка Хаули на переговоры с его советским коллегой, начальником Берлинской комендатуры генералом Александром Котиковым. Хаули и Котиков обсудили проблему вывоза останков погибших летчиков. К этому времени в советской зоне находились останки шести американских пилотов. Котиков в точности повторил отказ Соколовского пропустить американцев в «закрытую военную зону» для вывоза останков, но сказал, что рассмотрит возможности удовлетворения этой просьбы, носящей гуманитарный характер.

На следующий день у моста Глейнике появились две советские санитарные машины. Когда американская военная полиция поинтересовалась, с какой целью они приехали, советский лейтенант заявил, что они здесь для того, чтобы передать американцам останки членов экипажа самолета, который разбился в советской зоне. О случившемся немедленно был уведомлен полковник Хаули. Удивленный начальник гарнизона отправил к мосту американские санитарные машины и похоронную команду, которой поручил позаботиться об останках погибших летчиков.

Клэй расценил возвращение останков как позитивный шаг, а Ле Мей доложил о прекращении вторжений в пространство воздушного коридора. Хотя пик кризиса уже миновал, блокада Берлина продолжалась еще семь месяцев. СССР очень надеялся, что его старый союзник, «ге-

нерал Зима», делает то, что не смогли сделать ни дипломатия, ни тактика запугивания. Но благодаря хорошей зимней погоде и неуклонному росту интенсивности перевозок, совершаемых самолетами ВВС и ВМС США (с конца октября в перевозках по воздушному мосту принимали участие и две эскадрильи самолетов авиации ВМС R-5D, которые представляли собой морскую версию C-54), британских королевских ВВС и гражданских самолетов, надеждам русских так и не суждено было осуществиться.

Эпилог

Сталин оказался очень невезучим человеком.

Администрация Трумэна отвергла предложенный Сталиным в отношении Германии принцип «услуга за услугу». Американская пропаганда превратила блокаду Берлина в свидетельство обвинения, которое обличало советский режим в жестокости и бесчеловечности. В течение многих месяцев снабжая Западный Берлин всем необходимым, ВВС США тем самым продемонстрировали свое полное превосходство. Хотя Сталин никогда не планировал начинать войну в Берлине, ему пришлось признать, что он ее проиграл. В мае 1949 года он снял блокаду. Хрущев назвал результаты сталинской политики «провалом» и заметил, что «было подписано соглашение, которое ухудшило наши позиции в Западном Берлине». Он был прав. До подписания этого соглашения СССР мог ссылаться на документы Комиссии союзников по управлению оккупационными зонами Германии, в которых утверждалось, что Берлин, хотя и является местом пребывания этого временного органа, все же остается столицей советской оккупационной зоны.

В 1949 году Сталин признал де-факто утверждение в Берлине политической и правовой системы западного об-

разца и, что было зафиксировано в отдельном протоколе, согласился разделить город на Западный и Восточный. Упорное нежелание Сталина признать провал своей дипломатии привело к еще более крупному поражению советской внешней политики в Западном Берлине. Финал блокады Берлина оказался, безусловно, намного более губительным для интересов советской безопасности, чем это хотел представить Хрущев. Большинство стран Западной Европы, запуганных «красной угрозой», в поисках защиты обратились к Соединенным Штатам. Так возник альянс демократических стран, который получил название НАТО и пережил СССР. Именно этот альянс на целых четыре десятилетия стал для Советского Союза самой серьезной военной проблемой. Грубое давление, которое оказывал Сталин на Германию, отвратило от него тех немцев, которые при иных обстоятельствах, возможно, проявили бы нерешительность и, повинаясь «кремлевскому дудочнику», пошли бы по дороге, ведущей к воссоединению Германии, под опекой СССР.

Таким образом, первая кровь была пролита, но тот океан крови, который мог бы пролиться в ходе Третьей мировой войны, так и не стал кошмарной реальностью.

В действительности

СССР вел себя более осмотрительно. Сталин знал, что скоро появится советская атомная бомба (первые ее испытания состоялись 29 августа 1949 года) и средство ее доставки по воздуху — бомбардировщик Ту-4, и уже вынашивал планы Корейской войны. Он видел, что чем сильнее оказываемое давление, тем жестче ответная реакция Соединенных Штатов и союзников. Капиталистические государства не разваливались и не вступали в схватку друг с другом. Напротив, они объединились в союз. Благодаря британскому дипломату и советскому

шпиону Дональду Маклину, который в то время занимал важнейший пост в британском посольстве в Вашингтоне, Сталин кое-что знал о военных планах США и о возможностях американского атомного оружия. Кроме того, требовалось время на то, чтобы залечить тяжелые раны, которые нанесла Советскому Союзу Великая Отечественная война. В целом, Европа в 1948 году была вовсе не тем местом, где могла бы начаться Третья мировая война.

Вот поэтому СССР лишь однажды, а не множество раз, как было описано выше, нарушил пространство американских воздушных коридоров. Это вторжение имело место в октябре 1948 года. СССР никогда не осуществлял прямых нападений на транспортные самолеты воздушного моста. Не было и приказа обеспечить истребителями воздушное прикрытие транспортных самолетов. Служебная записка о «Соответствующих мерах военного противодействия в случае советского вторжения в Берлинский воздушный коридор» датирована 20 октября 1948 года, то есть по времени она полностью совпадает с развитием событий, описанных в настоящем очерке, однако вот о чем сообщал тогда Объединенный комитет начальников штабов:

«В настоящее время инструкции, полученные генералом Клэем, удерживают его от каких-либо прямых действий в отношении советских провокаций, мешающих функционированию Берлинского воздушного моста. Они также удерживают его от принятия последующих оборонительных мер, необходимых для того, чтобы, несмотря на противодействие советских войск, с наименьшим риском выполнить поставленную задачу. Объединенный комитет начальников штабов считает, что не следует далее расширять уже имеющиеся ограничения. В основе этого мнения лежит предположение о том, что с дипломатической точки зрения должно быть ясно — в случае возникновения серьезных инцидентов американские вооруженные силы никоим образом нельзя будет винить в развя-

звании войны; наши силы, расположенные в пределах Берлина, настолько быстро исчерпают свои резервы, что необходимо будет предпринять все возможное для того, чтобы оттянуть возникновение этих непредвиденных обстоятельств, чреватых практически неотвратимыми последствиями».

Короче говоря, Соединенные Штаты не хотели войны.

СССР ужесточил блокаду, перекрыв улицы и ограничив перемещения людей и грузов из советского сектора в западные. Затем русские сосредоточили свое внимание на политических вопросах, создавая условия, необходимые для возникновения Германской Демократической Республики, конституция которой была утверждена 20 марта 1948 года.

Берлинский воздушный мост во многом определил ход истории. Союзникам не пришлось уходить из Берлина, а ведь такой поворот событий мог бы, как считали многие, серьезно подорвать позиции союзников в Западной Германии, а значит, и на всем континенте¹. Не пришлось им и воспользоваться военной силой. Союзники обладали достаточными возможностями и могли начать войну для того, чтобы защитить свой гарнизон и население Западного Берлина, но этих возможностей было явно недостаточно, чтобы выиграть войну. Вместо этого в период с 26 июня 1948 года по 1 сентября 1949 года было совершено 276 926 воздушных рейсов, причем иногда самолеты летали в такую погоду, когда «даже птицы предпочитают ходить пешком». США и Британия доставили в Берлин 2 323 067 тонн самых необходимых грузов. Из этого объема на долю ВВС США приходится 76,7 процента, на долю Королевских ВВС — 17,0 процентов и на долю граждан-

¹ «Госсекретарь США считал, что у его страны был тогда следующий выбор: либо остаться в Берлине, либо смириться с крахом своей европейской политики». — *Pogue*. George C. Marshall: Statesman. P. 305.

ских подрядчиков — 6,3 процента. Не обошлось и без человеческих потерь: 31 американский и 18 британских военнослужащих, 11 пилотов гражданской авиации и 5 немцев погибли во время перевозок по воздушному мосту. Благодаря героическим жертвам этих немногих погибших, а также энергичной, зачастую связанной с риском деятельности большинства пилотов, более двух миллионов жителей Западного Берлина получили гарантии своей свободы. Выиграв время, Соединенные Штаты восстановили свои военные возможности, а страны Запада объединились в политический, экономический и военный альянс, который в конечном счете одержал победу в «холодной войне». Вот мнение генерала Омара Брэдли, изложенное им в 1983 году: «[Берлинскому] воздушному мосту суждено было стать нашим единственным величайшим триумфом в “холодной войне”».

Джеймс Р. Арнольд

ПУСАНСКАЯ КАТАСТРОФА, 1950 год. Триумф Северной Кореи

Садонг, Северная Корея, май 1949 года

Массивные танки 15-го Учебного танкового полка замерли в безукоризненном клинообразном строю. Их орудийные башни синхронно повернулись в направлении линии наспех вырытых земляных укреплений. Раскатистый грохот всколыхнул воздух. От залпа своих 85-миллиметровых пушек 35-тонные русские танки Т-34 слегка качнулись назад. Наводчики быстро определили дистанцию. Вторым и третьим выстрелами они накрыли траншеи. Механики-водители включили трансмиссии танков, и те снова двинулись вперед.

Стрелки, оборонявшие траншеи, не побежали — кандалы на ногах мешали им это сделать. Некоторые из них прижались к земле, другие, неистово передергивая затворы,

палили из японских винтовок «Арисака» 38-й модели. Но пули калибра 6,5 мм не производили никакого впечатления на приближающиеся танки. Горстка не закованных в кандалы храбрецов поднялась из своих окопов. Танки открыли огонь из 7,62-миллиметровых пулеметов, расположенных в передних частях корпусов и в башнях. Под пулеметным огнем пехотинцы бросились вперед, чтобы попытаться швырнуть противотанковые гранаты. Те немногие, кому это удалось, застыли, не веря своим глазам, когда брошенные в танки гранаты лишь испустили густую копоть, вместо того чтобы, как было обещано, взорваться, пробив танковую броню.

Майор Владимир Иванович Орлов улыбнулся. Пять лет назад, во время наступления в Корсуньском котле, он, в то время еще лейтенант, командовал взводом Т-34/85. Тогда его танк уничтожил 11 фашистских, за что Орлов был удостоен звания Героя Советского Союза. Мало кто из танкистов обладал таким богатым боевым опытом. Весь минувший год Орлов занимался тем, что передавал свои знания бойцам Северокорейской Народной армии (СКНА). Он был убежден в том, что настоящий неприятельский огонь является лучшей проверкой стойкости солдат. Вот почему для проведения заключительных учений Орлов попросил северокорейского офицера связи найти «добровольцев» из штрафных батальонов и тюрем. Они должны были оказывать противодействие его хорошо подготовленным танкистам. Ответной реакцией было угодливое согласие.

Из траншеи, расположенной в 200 ярдах, открыло огонь замаскированное противотанковое орудие. Негромкий хлопок выстрела невозможно было услышать среди рева танковых моторов. Однако массивное облако грязного дыма выдало его позицию. Башня танка командира роты стала вращаться в поисках этого нового противника, против которого надо было направить остальные танки.

— Опасность! Замечено противотанковое орудие. Азимут 0100, — передал командир роты своим взводным. — Сблизиться и уничтожить пулеметным огнем! — рявкнул он.

Орлов снова улыбнулся. Его танкисты действовали в полном соответствии с теми правилами, которые они усвоили в ходе боевой подготовки. Замаскированное противотанковое орудие было тем сюрпризом, с помощью которого Орлов хотел проверить их самообладание. Его психологически подготовленные экипажи несомненно считали, что им угрожает опасность со стороны этого противника. На самом деле устаревшее японское орудие модели 01 и калибра 47 мм могло пробить броню Т-34/85 лишь по чистой случайности. Но майор не хотел, чтобы случай вмешивался в ход проводимых им заключительных учений. Поэтому техники, не вводя в курс дела ни артиллеристов, ни танкистов, убрали из каждого броневой снаряда 80 процентов взрывчатки.

Артиллеристы успели сделать еще два выстрела, прежде чем танки методично их расстреляли. Тем временем рота поддержки, преодолев неглубокие траншеи пехоты, раздавила горстку обманутых храбрецов. Орлов выстрелил из ракетницы. Учения были закончены. Повинуясь приказу, танки образовали полукруг, а танкисты, выбравшись наружу, встали по стойке «смирно». Орлов вошел в круг, чтобы высказать свои замечания.

— Ну молодцы, каналы! Хорошо действовали, очень хорошо! Теперь вы получите назначения в новые части и научите подчиненных тому, чему сами здесь научились. Разойдись!

В тот вечер большей части личного состава полка были присвоены офицерские звания. Это была долгожданная награда за два года тяжелой службы. Затем новоиспеченных офицеров перевели в только что сформированную 105-ю танковую бригаду. В организационном отношении это соединение представляло собой зеркальное отраже-

ние советской танковой дивизии эпохи Второй мировой войны, за исключением того, что в ней не было полка тяжелых танков, батальона ракетных установок, а также зенитного и минометного полков. Тем не менее, 105-я насчитывала 6 тысяч человек, сведенных в три танковых полка, оснащенных примерно 140 танками Т-34/85 и 16 самоходными орудиями СУ-76. Их поддержку осуществляли полк механизированной пехоты, батальон разведки и инженерный батальон. Ранней весной 1950 года это элитное соединение было переименовано в 105-ю танковую дивизию. Соблюдая режим полного радиомолчания и великолепно пользуясь маскировкой, дивизия двинулась на юг с целью закрепиться на позициях, расположенных неподалеку от 38-й параллели. Бойцы были в высшей степени уверены в себе, потому что знали, что их враг — капиталистические марионетки, из которых сформирована армия Южной Кореи, — не располагает ни танками, ни современным противотанковым оружием.

Вашингтон, округ Колумбия, январь 1949 — июнь 1950 года

Отношение 33-го президента Соединенных Штатов Гарри С. Трумэна к вооруженным силам сформировалось еще в годы Первой мировой войны, когда он проходил воинскую службу в артиллерийском подразделении Национальной гвардии штата Миссури. Начав службу в звании простого солдата, он накануне отправки подразделения во Францию был произведен в лейтенанты. В боевых условиях Трумэн умело командовал своим подразделением и, получив повышение, стал капитаном. Опыт войны кое-чему его научил, в том числе — глубокому презрению к профессиональным военным. Трумэн был убежден, что генералы, судя по всему, не способны управлять армией без огромных и ненужных затрат. Это чрезвычайней-

но раздражало Трумэна, который гордился своей бережливостью. Он писал, что выпускникам Вест Пойнта нельзя доверять и «пары мулов», так как они либо потеряют этих мулов, либо продадут их, а вырученные деньги потратят на виски.

Его маниакальное желание искоренить лишние затраты в армии в полной мере проявилось во время Второй мировой войны. Занимавший в то время пост сенатора, Трумэн основал и возглавил подкомитет, который занимался расследованием случаев мошенничества и разбазаривания средств, предназначенных для снабжения армии. Эти расследования еще больше убедили его в правильности первоначального мнения. Его деятельность получила столько похвальных отзывов, что в 1944 году президент Рузвельт остановил свой выбор именно на Трумэне, сделав его вице-президентом США. Смерть Рузвельта произвела бывшего рядового Национальной Гвардии штата Миссури в главнокомандующего американских вооруженных сил.

Как только Вторая мировая война закончилась, Трумэн принялся за работу. Он потребовал разработать сбалансированный федеральный бюджет и сократить немислимые военные расходы. Чтобы достичь этих целей, он ввел строго установленные верхние пределы бюджетных расходов на военные нужды. Когда Пентагон представил на рассмотрение урезанный до предела военный бюджет в размере около 15 млрд долларов в год, Трумэн тут же сократил его на треть. Это привело к драматическому сокращению численности находящихся в боевой готовности вооруженных сил, а также уменьшению количества и ухудшению качества вооружения. В 1945 году армия, организационно состоявшая из почти ста дивизий, насчитывала шесть миллионов хорошо подготовленных и вооруженных солдат. Три года спустя ее численность составляла 677 тысяч человек, то есть десять недоукомплектованных и слабо подготовленных дивизий.

Когда Трумэн одержал неубедительную победу на президентских выборах 1948 года, он почувствовал себя свободным от обязанности быть преемником великого наследия Рузвельта. Чтобы облегчить осуществление своей политики, направленной на сокращение военного бюджета, Трумэн назначил на пост министра обороны Луиса Джонсона. У Джонсона имелись два главных достоинства: преданность боссу (он был главным лицом в команде Трумэна по сбору средств во время предвыборной кампании 1948 года) и практически абсолютное невежество в области военной стратегии и систем вооружений. Так что под непросвещенным руководством Джонсона процесс сокращения вооруженных сил еще более ускорился.

В то же самое время Трумэн проводил очень жесткую политику в отношении коммунизма. Он представлял себе международный коммунизм как монолитную силу, управляемую Москвой и склонную к мировому господству. Американский президент был решительно настроен держать эту силу под контролем. Но ему не приходило в голову, что существует несоответствие между его внешней политикой и его же деятельностью, направленной на выхолащивание вооруженных сил США.

В июне 1950 года министр обороны Джонсон и председатель Объединенного комитета начальников штабов, генерал Омар Брэдли предприняли двухнедельную инспекционную поездку на Дальний Восток. Они посетили военные объекты и встретились с высшим командным составом, в том числе и с командующим оккупационными силами США в Японии, генералом Дугласом Макартуром. Глава группы по оказанию военной помощи Корею генерал Линн Робертс провел краткую пресс-конференцию. Робертс перечислил многие пугающие проблемы, с которыми он столкнулся, но заявил, что процесс обучения продвигается. Робертс заверил присутствующих в том, что Южная Корея является более чем достойными противниками для коммунистов. Кто-то спросил у него, обладает ли СКНА возможнос-

тями для нанесения бронетанкового удара. Робертс ответил: «Корея — страна, которая плохо подходит для танков». Все согласились с его заключением. Помимо всего прочего Робертс имел опыт командования бронетанковой группой в боевых условиях, так что он, вероятно, знал, о чем говорил.

Джонсон и Брэдли пришли к выводу, что все в полном порядке. На горизонте не было видно ни единой тучи. 24 июня они вернулись в Вашингтон. Президент Трумэн уехал на отдых домой в Миссури. Вечером того же дня Джонсон узнал о сообщении агентства «Ассошиэйтед Пресс», в котором говорилось, что Северная Корея предприняла полномасштабное нападение на Южную. Однако Джонсон отнесся к этому скептически. Он заявил, что сам ничего подобного не слышал, и что он только что вернулся из поездки по этому региону, в ходе которой никто не предупредил его о возможности нападения. Затем Джонсон лег спать.

Но сообщения встревожили госсекретаря Дина Ачесона. Он позвонил Трумэну, и они обсудили эту ошеломляющую новость. Вплоть до этого момента Кремль сражался на фронтах «холодной войны», не предпринимая открытых военных действий. Трумэн и Ачесон были едины во мнении, что приказ о нападении несомненно был отдан Джо, как они называли Сталина. Но почему это случилось именно сейчас и именно в Корее? Был ли это отвлекающий маневр с целью втянуть американские силы в схватку на Азиатском материке, или русские хотели отвлечь внимание от китайского вторжения на Тайвань? Независимо от ответа, событие само по себе привело Трумэна в ярость. Ему пришлось много поработать над тем, чтобы превратить ООН в международный форум, на котором состоялась дискуссия по корейскому вопросу. В конце концов ООН выступила на стороне Южной Кореи, а затем и оказала ей поддержку. Коммунистическую агрессию следовало расценивать и как удар по ООН, и как пощечину, которую получил лично Гарри Трумэн.

Трумэн делает ставки

В 4 часа утра 25 июня артиллерия и минометы СКНА, следуя тщательно разработанному военными советниками из СССР сценарию, начали артподготовку. Вскоре после этого семь пехотных дивизий прорвались через границу. Во главе наступавших войск следовали танки 105-й дивизии. Атака стала полной неожиданностью для южных корейцев. Лишь четыре из восьми дивизий Южной Кореи были сосредоточены в районе границы. Они испытывали нехватку современного вооружения. Не было и летчиков, способных совершать боевые вылеты. Самым тяжелым вооружением южнокорейской армии были 105-миллиметровые гаубицы, которые использовались в артиллерийских ротах пехотных подразделений армии США во время Второй мировой войны. Эти орудия были настолько изношены, что не выдерживали полной огневой нагрузки. Южнокорейские бронетанковые силы состояли из 27 устаревших броневиков. Но хуже всего было то, что армия не располагала эффективным противотанковым оружием для борьбы с танками Т-34/85. Все 140 противотанковых орудий имели калибр 37 мм и считались устаревшими еще в 1941 году. Южнокорейской пехоте пришлось рассчитывать лишь на противотанковые гранатометы калибра 2,36 дюйма, которые вселяли хоть какую-то надежду остановить танки коммунистов. Однако первые же столкновения лишили их этой надежды. Сеул пал на третий день северокорейского наступления. Подразделением СКНА, которое сыграло решающую роль в захвате города, оказалась 105-я танковая дивизия, удостоенная за эту победу почетного названия «Сеульской».

Когда Северная Корея проигнорировала требования вывести свои войска, США убедили Совет Безопасности ООН оказать помощь Южной Корее. Впервые за всю

свою историю ООН ответила на агрессию применением военной силы. Однако американцы со своей стороны в ответ на продолжающуюся в Корее трагедию лишь постепенно увеличивали масштабы войны. Введенные в заблуждение слишком оптимистичными донесениями о боевых возможностях южнокорейских войск, США сначала направили в Корею всего два судна с минимальным количеством необходимых боеприпасов. Эти транспорты следовали в сопровождении боевых кораблей и самолетов. Затем американцы расширили свое присутствие в Корее, позволив самолетам ВВС и ВМС осуществлять воздушную поддержку наземных сил, но только в районах к югу от 38-й параллели. Между тем 27 июня в Южную Корею прибыл глава группы американских наблюдателей. Спешная инспекционная поездка вскрыла истинное положение дел. Южнокорейские солдаты были наголову разбиты. К югу от Сеула дороги были запружены спасавшимися бегством солдатами и беженцами. Генерал Макартур решил съездить на место и увидеть все собственными глазами.

Когда 29 июня Макартур прилетел в Корею, он выглядел точно так же, как во время Второй мировой войны — выдавшая виды измятая полевая фуражка и похожая на кочерыжку курительная трубка. Он совершил кратковременную поездку вдоль линии обороны южнокорейской армии, которая проходила по реке Хан, к югу от Сеула. Его заключение было жестким: «Я так и не увидел ни одного раненого». Тогда же Макартур пришел к выводу, что Южную Корею может спасти лишь ввод в страну сухопутных сил США. Целое поколение американских военных всегда считало, что американских солдат нельзя втягивать в междоусобные войны азиатских орд. Поспешное решение Макарура ставило крест на этой давнишней стратегии.

29 июня в 17:00 по вашингтонскому времени Трумэн и его высшие советники тайно встретились в президент-

ских апартаментах для приема гостей, расположенных в Блэр-Хаус, где они собирались обсудить предложение Макартура. Перспектива вырисовывалась весьма мрачная. Было очевидно, что южнокорейские войска бегут со всех ног. Казалось, максимум того, на что еще могут надеяться Соединенные Штаты, это создание оборонительного периметра вокруг порта Пусан. Всех беспокоило принятие слишком больших обязательств США в отношении Кореи и ее неспособность сделать ответный ход, когда СССР нанесет главный удар. Президент хотел сделать все, что только возможно, чтобы отбросить коммунистов назад, к 38-й параллели. Но он все время помнил, что гораздо большую угрозу представляет собой Советский Союз. Поэтому в официальном коммюнике сообщалось, что «решение привлечь военно-морские и военно-воздушные силы Соединенных Штатов, а также ограниченный контингент сухопутных войск для обеспечения прикрытия и поддержки южнокорейской армии не означает вступления в войну с Советским Союзом».

Участники совещания в Блэр-Хаус сочли это высказывание весьма двусмысленным. Но у Трумэна начались затруднения, когда он попытался выразить стратегию США публично. Он решительно утверждал, что американская нация не находится в состоянии войны. Один репортер, который пытался найти краткую, как газетный заголовок, характеристику происходящего, спросил Трумэна, нельзя ли назвать данную ситуацию «полицейской акцией» ООН. Президент согласился с подобной формулировкой.

Уничтожение оперативной группы «Смит»

Первые американские солдаты, направленные с оружием в руках в Корею осуществлять «полицейскую акцию», принадлежали к Восьмой армии, которая дислоцировалась

в оккупированной Японии. Они наслаждались спокойной гарнизонной жизнью и не были ни физически, ни психологически готовы к участию в боевых действиях. Однако на бумаге Восьмая армия выглядела мощным воинским соединением. В ее состав входили четыре из десяти дивизий всех сухопутных сил США. Поскольку 24-я пехотная дивизия дислоцировалась на ближайшем к Южной Корее японском острове Кюсю, начальник штаба генерала Макартура решил, что первой туда будет отправлена именно она. Даже согласно официальному отчету о боеготовности, дивизия была укомплектована лишь на 65 процентов. Фактически это была самая неподготовленная к боевым действиям дивизия во всей Восьмой армии. В ней ощущалась такая нехватка личного состава, что штаб Макартура снял 2108 офицеров запаса из остальных трех дивизий армии и направил их в 24-ю. Дополнительный воинский призыв дал еще 2600 человек. Хотя эти меры увеличили численность личного состава дивизии приблизительно до 16 тысяч человек, был упущен из виду тот факт, что новобранцы не успели пройти боевой подготовки в составе своего подразделения. Так что на протяжении кампании капралы и сержанты были самыми необходимыми командирами, поскольку вели солдат в бой. Они стали той опорой, которая позволяла бойцам переносить ужасы войны. Солдаты 24-й дивизии впервые увидели своих командиров, лишь когда поднимались по трапам транспортных самолетов, на которых они должны были совершить «увеселительную прогулку» в Пусан.

У солдат оперативной группы «Смит» оказалось еще меньше времени для того, чтобы подготовиться к схватке. Командир дивизии генерал Уильям Ф. Дин встретился с подполковником Чарльзом Смитом на аэродроме в Японии.

— Когда вы придете в Пусан, — начал он инструктаж, — сразу же двигайтесь на Тэджон. Мы хотим остановить коммунистов как можно дальше от Пусана.

Дин практически не сомневался в том, что, столкнувшись с американскими солдатами, северные корейцы сразу же растают, как снег. К сожалению, тяжелые транспортные самолеты С-54, которые перевозили солдат Смита, повредили непрочное покрытие взлетно-посадочных полос Пусанского аэродрома. Вследствие этого, ВВС прекратили транспортные операции. Примерно половина всего тяжелого снаряжения оперативной группы «Смит» так и осталась в Японии. Тем не менее, это подразделение немедленно было отправлено на фронт.

Ранним утром 5 июля 406-й пехотный полк из состава оперативной группы «Смит» занял позиции в окопах, вырытых по обеим сторонам шоссе Сеул—Пусан. В миле позади них стояла батарея полевой артиллерии, которой командовал Миллер Перри. Его 105-миллиметровые пушки должны были оказать поддержку пехотинцам. В распоряжении Перри находилось еще 134 солдата. В 7:30 туман рассеялся и стало видно, как по шоссе движется танковая колонна СКНА. Танки шли в походном строю, явно не подозревая о присутствии американцев. Когда расстояние между ними и американской пехотой сократилось до мили, шесть гаубиц открыли огонь. Трумэнские сокращения военного бюджета не обошли стороной и бронестрелковые снаряды, так что Восьмая армия располагала весьма ограниченным количеством этих боеприпасов. На всем острове Кюсю их было 18 штук, а на долю батареи Миллера Перри пришлось одна треть этого запаса. Решив приберечь эти снаряды, Перри открыл огонь обычными осколочно-разрывными боеприпасами. Но дождь осколков, похоже, не причинил никакого вреда вражеским танкам.

Ветеран Гуадалканала Смит и раньше попадал в трудные ситуации. Он спокойно приказал расчетам 75-миллиметровых безоткатных орудий не открывать огонь, пока танки не окажутся на расстоянии 700 ярдов. Между тем расчеты противотанковых гранатометов продолжали оставаться на замаскированных позициях, расположенных

вдоль шоссе. Т-34/85 двигались вперед. Безоткатные орудия открыли огонь с такого расстояния, что промахнуться было невозможно. Каждый расчет добился множества прямых попаданий. Но многие снаряды оказались негодными и не взрывались. Более того, даже разорвавшиеся снаряды не нанесли танкам никакого ущерба. Расчеты гранатометов открыли огонь в упор. Один из них сделал 22 выстрела в менее защищенную броней заднюю часть танков. Но, даже стреляя с расстояния 15 ярдов, гранатометчики не причинили танкам никакого вреда. Точно так же, как делали на учениях в Садонге, танки переехали через позиции американской пехоты.

Командир батареи Перри приказал своим артиллеристам открыть огонь бронебойными снарядами. Наконец-то стрельба принесла результат. Два головных танка свернули с дороги. Один из них загорелся. Из объятый пламенем машины выбрались три танкиста. Двое подняли руки. Третий вскинул автомат и убил пулеметчика, который стал первой потерей американцев в этой войне.

Всего оборонявшимся удалось вывести из строя четыре танка. Расстреляв автотранспорт американцев, остальные 29 танков продолжили движение на юг. Затем подошла северокорейская пехота. Ее солдаты оказались на удивление умелыми и стойкими. Один из оставшихся в живых американцев вспоминал:

«Вражеская пехота оказалась вовсе не пестрой ордой, вооруженной древними мушкетами, но хорошо обученными и стойкими солдатами. Многие из их вооружения было не менее современным, чем наше. Вместо того чтобы очертя голову броситься в стихийную атаку, они применяли тактику заградительного огня, двойного охвата, ставили огневые заслоны на путях отхода и умело проникали в тыл».

Оперативная группа «Смит» продержалась до 14:30, когда ее командир приказал отступить. Однако вскоре отход превратился в паническое бегство. Лишь через пять

дней оперативная группа была реорганизована. Общие потери составили 185 человек. Но намного хуже было то, что пошатнулся моральный дух американцев. Новость об этой трагедии облетела всю 24-ю дивизию, а затем распространилась и по всей Восьмой армии. Главным образом распространялись зловещие слухи о том, что коммунисты обладают каким-то смертоносным оружием, которому невозможно противостоять.

СКНА устремляется на юг

Почти две недели потребовалось офицерам американской разведки, чтобы выяснить, какой тип танка их противник использует в Корее. Гораздо меньше времени потребовалось полевым офицерам, чтобы возмущенно потребовать хоть какое-то средство эффективной борьбы с этими танками. Вторая мировая война ясно показала, что самым эффективным противотанковым оружием является лучший танк. Однако поиски, предпринятые в американском арсенале, показали, что буквально все вычищено до дна. В июне 1950 года заводами США не было выпущено ни одного танка. В качестве временной меры рабочие, сняв с постаментов несколько танков М-26 «Першинг», которые были расставлены вокруг Форт-Нокса, приступили к их модернизации. Новейший танк М-46 «Паттон» представлял собой не что иное, как модификацию М-26, оснащенную новой башней, установленной на корпус «Першинга». Поскольку японские мосты не могли выдержать такого веса, ни один из «паттонов» не поступил в распоряжение Восьмой армии. Единственными танками, которыми можно было немедленно воспользоваться, были М-24 «Чафиз» — легкие разведывательные машины, вооруженные 75-миллиметровой пушкой. Последующие события показали, что северокорейские танки превосходят их по всем статьям.

Ввиду отсутствия эффективных танков и противотанковых орудий, пехота должна была найти какое-то другое средство противодействия. Недавно был разработан новый «супергранатомет» калибра 3,5 дюйма. Промышленность только что приступила к производству боеприпасов для этого оружия. 3 июля генерал Макартур направил срочную заявку на их доставку. Но до тех пор, пока они не были доставлены в Корею, в битве людей против танков преимущество было явно на стороне СКНА.

105-я танковая дивизия находилась в авангарде наступления коммунистов, которые захватывали территорию Южной Кореи. 24-я пехотная дивизия перебрасывалась с одной позиции на другую с целью оказывать непрерывное противодействие наступающим. Один американский военнослужащий, впоследствии погибший, сообщал следующее:

«Одну за другой наши позиции... обходили с флангов или захватывали, а 24-я дивизия все откатывалась назад. За одну неделю боев дивизия понесла тяжелые потери, погибло 1500 человек».

На протяжении следующих пяти недель положение немного улучшилось, так как теперь подразделения СКНА продвигались на юг, нанося гораздо менее ощутимый урон оборонявшимся. В целом бои, продолжавшиеся в течение шести недель после вторжения северных корейцев, представляли собой непрерывную цепь поражений южных корейцев и американцев.

Решение командования Северной Кореи

Вечером 22 июля по шоссе Тэджон—Сеул двигался в северном направлении захваченный у американцев джип. В нем находился командир 4-й дивизии СКНА генерал-майор Ли Квон Му. Чтобы не привлекать внимание американских самолетов, джип ехал с выключен-

ными фарами. Му был доволен внушительными успехами своего соединения. Дивизия оказала содействие взятию Сеула, за что получила почетное звание «Сеульской». После великой победы при Тэджоне она стала называться Сеульской гвардейской дивизией. Теперь высшее командование, судя по всему, приготовило для нее новое задание. Джип проехал мимо нескольких колонн грузовиков, перевозивших на юг солдат и боеприпасы. Му также заметил довольно большое количество изуродованных в бою и брошенных экипажами танков. «Товарищам из 105-й дивизии пришлось дорого заплатить за свою победу», — подумал Му.

Му прибыл на совещание с опозданием, так как его задержали взорванные мосты и два налета вражеских самолетов. К своему удивлению, он обнаружил, что здесь присутствует почти все высшее командование СКНА. Вероятно, не менее удивительным для него оказалось и то, что они ждали его прибытия, не начиная без него официальную часть совещания. Вначале с кратким информационным сообщением выступил молодой офицер штаба полковник Ли Хак Ку:

— На сегодняшний день мы достигли удовлетворительных результатов. Наступление соответствует графику, приведенному в плановом документе 2-5. Я бы хотел напомнить всем о том, что приведенный в документе В-1.2 прогноз непредвиденных обстоятельств, в котором мы учли возможность американской интервенции, отводит вероятности участия в кампании империалистических сухопутных сил менее 33 процентов. Мы не ошиблись, предвидя морскую блокаду, и смогли правильно нейтрализовать ее. Мы недооценили воздушную мощь противника. Вследствие этого линии коммуникаций, по которым осуществляется снабжение наших передовых войск, слишком растянулись. Мы должны понять, что каждая отвоеванная нами миля удлиняет наши коммуникации, но одновременно облегчает снабжение войск противника. Бо-

лее того, мы загнали империалистов и их марионеток внутрь постоянно сжимающегося периметра. Но его защищать легче, нежели прежнюю линию фронта, которая проходила через весь полуостров.

Полковник сделал паузу и глубоко затянулся британской сигаретой. Генерал Му внимательно за ним наблюдал. Он слышал, что Ку был перспективным, блестящим и амбициозным офицером с хорошими связями в политических кругах. Убедительность краткого доклада Ку и тот факт, что он курил британские сигареты (что говорило о его принадлежности к самым привилегированным слоям партийной элиты), вполне соответствовали тому, что о нем слышал генерал. «Этот человек мог бы стать весьма полезным союзником», — подумал Му.

Между тем Ку продолжил свой доклад и теперь излагал полученные разведкой данные о боевых порядках противника. На следующей неделе Народной Армии предстояло сражаться с чрезвычайно потрепанной 24-й пехотной дивизией, измотанной 1-й мотопехотной дивизией и свежим американским соединением, которым предположительно станет 25-я пехотная дивизия. Южнокорейские силы еще не в полной мере восстановились, чтобы сыграть значительную роль в предстоящей битве. Но наступление не обошлось без потерь. Северокорейские ВВС уступали противнику. Первоклассная 3-я дивизия СКНА понесла тяжелые потери. 4-я и 6-я дивизии пострадали не так сильно. Однако хуже всего было то, что бесстрашные танковые атаки слишком дорого обошлись 105-й танковой дивизии. В результате действий противника и отказов техники из строя было выведено почти 60 процентов танков этой дивизии.

После эффектной паузы, Ку подвел итоги:

— В целом, предварительные расчеты показывают, что ход сражения складывается в нашу пользу, но время работает против нас. У нас достаточно сил для того, чтобы

сделать еще один мощный бросок. Весь вопрос в том, где именно?

Последовали бурные дебаты. Командующий армией генерал Чан Унг Джун заметил, что до сих пор фронтальные удары, на острие которых действовали танковые группы, заканчивались полной победой, однако потери неуклонно растут. Между тем пехота проявила изумительную способность находить слабые места обороны американцев и обходить их или просачиваться сквозь слабо защищенные участки. Все понимали, что тактика просачивания в тыл противника лучше всего срабатывала на пересеченной местности. Этот факт свидетельствовал в пользу тактики широкого охвата южной части полуострова, выхода к побережью и последующего движения на восток, в направлении Пусана. Но такая операция потребовала бы времени.

Тут впервые слово взял генерал Му. Приводя аргументы в пользу еще одного фронтального наступления, он предложил сосредоточить силы и нанести противнику смертельный удар, направив его вдоль шоссе, которое ведет в Пусан. Как и ожидал Му, полковник Ку энергично поддержал эту идею. Однако старшие командиры начинали свою карьеру еще в те времена, когда в армии господствовала тактика рукопашного боя. Тогда тому, кто умудрился поддержать неудачный план, редко предоставляли повторный шанс отличиться. Прежде чем высказаться, офицеры выжидательно смотрели на генерала Джуна. Однако тот, похоже, был не в состоянии самостоятельно принять решение. Джун явно собирался переложить всю ответственность на подчиненных, независимо от того, какой план будет сегодня принят.

Мнения генералов разделились поровну. Если ветераны длительной войны в Китае отдавали предпочтение проверенному временем обходному маневру, то большинство молодых «ястребов» высказалось в пользу лобового удара. В этот решающий момент снова заговорил гене-

рал Му. Безупречная стратегия, патриотизм, целеустремленность, все приведенные им аргументы в конечном счете сводились к следующему: «Дайте мне еще одну дивизию, 6-ю дивизию, а также танки, и я ручаюсь, что мы сбросим янки в море». В наступившей тишине слышалось лишь тяжелое дыхание собравшихся. Несколько старых генералов неодобрительно качали головами. Снова разгорелись продолжительные дебаты, но в конце концов, с минимальными поправками, был все же принят план генерала Му. Финальное наступление должно было начаться в предрассветные часы 25 июля.

«Стоять насмерть!»

В течение двух дней, которые предшествовали наступлению, генерала Му можно было увидеть повсюду. Он выезжал осматривать хорошо замаскированные позиции вкопанных в землю орудий полевой артиллерии, отрабатывал тактику наступления с командирами рот, беседовал с бойцами диверсионных групп, которым отводилась чрезвычайно важная роль, внушая им, что они должны либо победить, либо умереть. Непродолжительный визит в 6-ю дивизию, которая теперь стояла плечом к плечу с его собственной, лишь подтвердил уверенность генерала в том, что здесь ему не придется тратить много времени. И офицеры, и солдаты этого соединения прекрасно знали свое дело. Рождение дивизии пришлось на 1942 год, когда китайские коммунисты сформировали Корейскую Добровольческую армию, состоявшую из корейцев, дезертировавших из японской Квантунской армии. Понимание того, что они могут выбирать лишь между победой и смертью, превратило эту дивизию в группу опытных и безжалостных убийц. Генерал Му с одобрением прочел воодушевляющее заявление командира дивизии Панг Хо Сана.

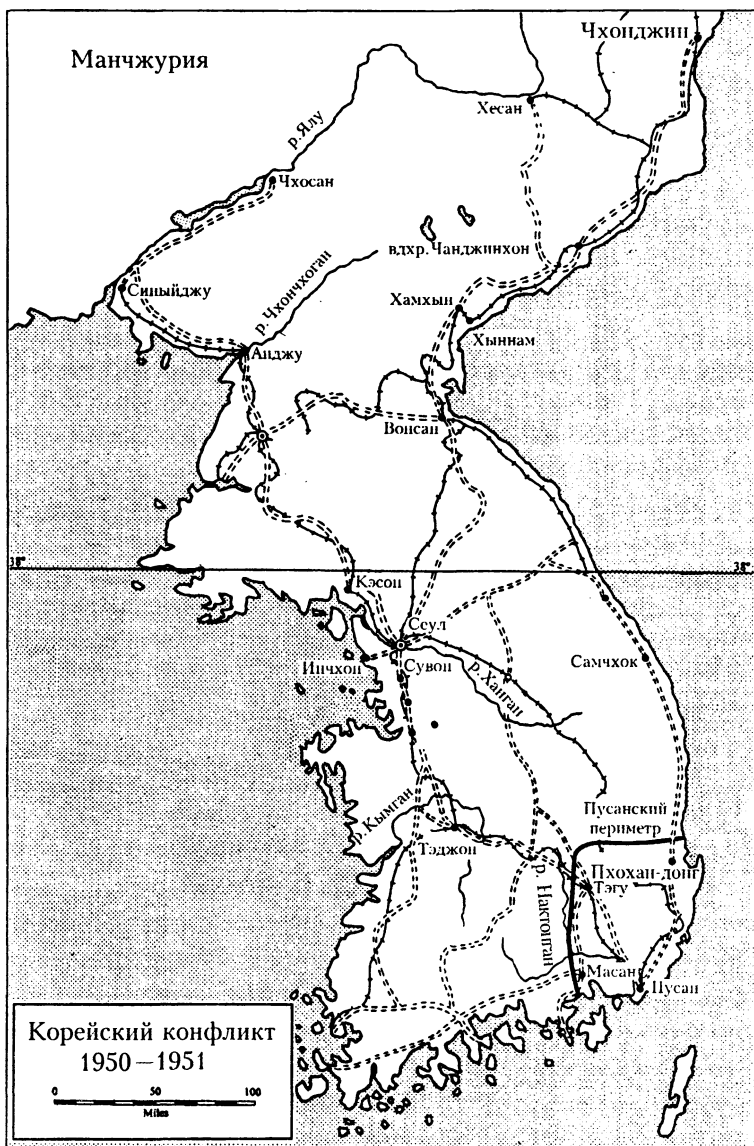
«Товарищи, противник деморализован! Перед нами поставлена задача освободить Тэгу и ликвидировать остатки противника. Освобождение Тэгу — это наша заключительная битва, в ходе которой мы перережем противнику горло».

В равной степени Му был доволен и состоянием дел в 105-й танковой дивизии. Появление на полях сражений нового 3,5-дюймового противотанкового гранатомета заставило танкистов изменить свою тактику. Одного вида танков теперь было недостаточно для того, чтобы обратить противника в бегство. Танковые удары без поддержки пехоты стали слишком рискованными. Именно поэтому Му приказал танкистам собраться в тылу и пройти курс занятий по взаимодействию танков с пехотой, который проводили майор Орлов и другие русские советники. Танкисты аккуратно посещали эти лекции, особенно после того, как на первом занятии какой-то сержант попытался поспорить с Орловым. Му приказал тогда этому сержанту встать по стойке «смирно» и кивнул своему телохранителю. Тот вытащил пистолет и застрелил сержанта.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Му, обращаясь к Орлову.

В ночь перед атакой генерал Му возвратился в свой штаб, чтобы созвать на последнее совещание полковых и батальонных командиров. Обведя собравшихся взглядом, он с большим трудом скрыл свое удивление. Эти замершие в строю командиры, лица которых были практически лишены всякого выражения, одержали много побед, но эти победы достались им недешево. Погибли многие ветераны Китайской войны. «И все же, — подумал Му, — даже когда нас остается совсем мало, все равно этого будет вполне достаточно». Он снова почувствовал себя уверенно и подробно объяснил, что именно должна сделать 4-я дивизия.

По другую сторону линии фронта командующий Восьмой армией генерал Уокер и офицеры его штаба изу-

Корейский конфликт, 1950—1951 гг.

чали карту. Войска генерала отступили внутрь оборонительного периметра, окружавшего Пусан. Одна линия фронта была обращена к северу, а вторая — к западу. Важнейший участок Западного фронта находился в его центральной части, в районе города Тэгу. Южнокорейские войска обороняли Северный фронт, линия которого начиналась на побережье Японского моря и уходила в глубь полуострова, в направлении Тэгу. Оправившись от первого потрясения, южные корейцы, казалось, были в состоянии противостоять пехоте СКНА. Но теперь им пришлось действовать в одиночку, так как у Уокера не было резервных войск, с помощью которых он мог бы оказать поддержку. На Западном фронте все было по-другому. Строго говоря, его вряд ли можно было считать фронтом, поскольку линия, которая, спускаясь на юг от Тэгу и проходя через Масан, упиралась в море, не представляла собой непрерывного оборонительного рубежа. Подразделения военизированной южнокорейской полиции создали опорные пункты на самом юге Корейского полуострова. Однако никто не надеялся, что они окажут эффективное сопротивление, когда коммунисты пойдут в атаку. Но их, по крайней мере, можно было использовать в качестве линии передовых постов, которые предупредили бы о попытке коммунистов совершить глубокий охват через Масан.

Ключевой сектор обороны, несомненно, находился в районе Тэгу. Помимо того что этот город являлся важнейшим автотранспортным и железнодорожным узлом, он представлял собой еще и важнейшее связующее звено между Северным и Западным фронтом. Уокер решил использовать все силы, которые у него имелись, чтобы удержать Тэгу. Он приказал разрозненным остаткам 24-й пехотной дивизии перегруппироваться и оборонять периметр южнее Тэгу. 1-я мотопехотная дивизия едва ли была в лучшей форме. Она тоже рассредоточилась южнее Тэгу, причем ее наиболее мощное подразделение — 7-й мото-

пехотный полк — был передан в подчинение 25-й пехотной дивизии, также находившейся южнее Тэгу. 25-я пехотная дивизия, которой командовал генерал Уильям Б. Кин, должна была защищать сам город.

Единственным полностью укомплектованным полком этой дивизии был 24-й пехотный полк, который полностью состоял из негров. Уокер и Кин разделяли широко распространенное мнение, что «негры не будут сражаться». Поэтому они направили 24-й полк в наименее угрожаемый сектор, расположенный восточнее Тэгу. Потрепанный 27-й пехотный полк занял высоты к югу от города. Между этими двумя полками расположился 19-й пехотный полк, который занял позиции по обеим сторонам шоссе Сеул—Тэгу.

Чтобы подготовить своих людей к надвигающейся битве, генерал издал приказ следующего содержания:

«Мы вступаем в битву с самим временем. Больше не будет отступлений, отходов, перегруппировок и прочего, что определяется навязшей в зубах терминологией. За нами нет оборонительной линии, на которую мы можем отойти. Не будет никакого Дюнкерка и никакого Батаана. Отступление в сторону Пусана стало бы величайшей бойней в истории. Мы должны сражаться до конца. Попасть в плен к этим людям хуже, чем умереть. Я хочу, чтобы каждый понял, что мы собираемся удержать эту линию. Мы намерены победить».

Рассредоточившись веером, пять дивизий СКНА образовали сорокамильную дугу, охватившую город Тэгу с запада и севера. Наступление началось 25 июля сразу же после полуночи. Отборные диверсионные группы, мастерски используя преимущества рельефа местности, просачивались между американскими аванпостами и обходили с флангов главную линию обороны. Перед ними были поставлены две задачи: устроить засады глубоко в тылу противника, перерезав при этом дороги и тропы, по которым американцы будут осуществлять доставку к ли-

нии фронта подкреплений и боеприпасов, а также — атаковать и выводить из строя американскую полевую артиллерию. Вторая задача была более важной. При наличии времени, необходимого на подготовку, американская артиллерия проявляла великолепное умение быстро переносить огонь и уничтожать наступающую пехоту СКНА. Генерал Му рассчитывал на то, что его диверсионные группы лишат американцев этого преимущества.

Непродолжительный артобстрел, предпринятый СКНА, возвестил о переходе к основной фазе наступления, которая началась в 4:00. Русские советники Му хотели, чтобы артиллерия взяла на прицел позиции американских орудий и осуществила классическое подавление огневых точек противника. Му проигнорировал их советы. Даже когда дивизионная артиллерия вела огонь из всех орудий, американская полевая артиллерия превосходила по мощности огня 76-миллиметровые полевые орудия и 122-миллиметровые гаубицы. Более того, с артиллерией возникали сложности, поскольку она не могла быстро передвигаться и отставала от наступающих войск. К тому же американские самолеты уже успели нанести тяжелый урон северокорейским войскам. В силу этих соображений, Му приказал своим орудиям открыть огонь осколочно-разрывными снарядами, рассчитывая перебить провода американской связи, а затем, выстреливая дымовые снаряды, окутать линию фронта дымом.

Крутые возвышенности, окружавшие Тэгу, должны были теоретически дать преимущество оборонявшимся. При достаточном количестве живой силы эти холмы и хребты гарантировали защитникам оборонительных позиций успех, и те могли приостановить наступление СКНА. Но вместо этого американцы настолько растянули линию обороны, что она стала слишком тонкой. Им также помешала нехватка времени, необходимого для подготовки. Слишком много подразделений заняло позиции, расположенные неподалеку от вершин холмов, а

пересеченная местность внизу затрудняла визуальное наблюдение. Небольшие овраги и лощины прорезали почти каждый участок обороны, глубина которого соответствовала глубине оборонительной линии батальона.

И все же солдаты 1-й мотопехотной дивизии, «волкодавы» 27-го пехотного полка, полностью укомплектованный неграми 24-й пехотный полк и даже остатки южнокорейской Столичной дивизии открыли сильный огонь, замедляя продвижение коммунистов и отбивая их многочисленные атаки. Но пехота СКНА упорно продолжала идти вперед. Трудности у защитников возникали в те критические минуты, когда они обращались к самому верному средству в тактической борьбе: к своей полевой артиллерии. На некоторых участках артиллерия отвечала долгожданным заградительным огнем, который прижимал пехоту коммунистов к земле. Но очень часто в ответ на запрос об огневой поддержке раздавалось лишь странное потрескивание: это давали о себе знать атмосферные помехи. В результате первоначального артобстрела кое-где были перебиты линии связи. Но чаще провода перерезали диверсионные группы. В штабе артиллерийской батареи американские связисты обнаружили, что их древнего вида коммутатор вышел из строя из-за чрезмерного количества вызовов. Однако главной причиной того, что артиллерийская поддержка медленно иссякала, была та, что многие орудийные расчеты вступили в рукопашный бой с диверсантами СКНА, которые, казалось, вырастают из-под земли, чтобы атаковать тыл и фланги неприятеля.

Точечные атаки СКНА, направленные против тех частей, которые защищали Тэгу с флангов, продолжались все утро. Они достигали своей цели, связывая в боях войска, оборонявшие линию фронта, и вынуждая резервы противника, пытавшегося удержать позиции, переходить в контратаки. Между тем решающий прорыв произошел на обсаженной тополями дороге Тэгу—Сангджу, которая проходила в семи милях севернее Тэгу. Эта дорога шла по

узкой долине, над западным краем которой нависала гора Юнак-сан, высотой 2700 футов. С востока над долиной возвышалась на 2900 футов гора Ка-сан. Если смотреть с этих высот, то кажется, что дорога вытянулась идеально ровно вдоль оси «север—юг». Солдаты 19-го пехотного полка, которые защищали этот участок, прозвали его Кегельбаном. Их позиция блокировала дорогу и, пересекая долину от края до края, упиралась в склоны возвышавшихся над ней гор. В миле перед американской линией обороны находилась деревня Синджумак. Здесь дорога изгибалась и проходила за грядой холмов, что не позволяло вести огонь прямой наводкой со стороны американских позиций. Именно здесь остановилась 105-я танковая дивизия.

Защитники этого участка принадлежали к воинской части, богатой славными традициями. Сражаясь в составе горстки подразделений регулярной армии США, 19-й полк еще во время Гражданской войны отличился в знаменитом бою, после которого это подразделение стали называть «Чикамаугской скалой». Прибывшие в Корею солдаты 19-го полка гордо именовали себя «чиками». У «чиков» было два дня, за это время они должны были подготовить свои позиции, расположенные как в самом Кегельбане, так и вокруг него. Привыкшие к спокойной гарнизонной жизни в Японии, бойцы обнаружили, что их совершенно выматывают попытки окопаться на пересеченной местности, да еще под палящим солнцем и при такой влажности, какая бывает только в тропических джунглях. Дикие слухи о военной мощи северных корейцев и их жестокости также ослабили моральный дух.

Первый же обстрел лишил «чиков» мужества. Они были новичками на поле боя, и поэтому многие солдаты просто перепугались. Еще во время обстрела оборонявшиеся заметили, что к их траншеям приближаются три эшелона вражеской пехоты. Атака показалась им нерешительной и плохо организованной. Солдаты первого эше-

лона наступавших были сметены огнем автоматического оружия американцев. Пара колесно-гусеничных машин М-16, каждая из которых имела на вооружении четыре пулемета 50-го калибра, открыла ураганный огонь и буквально изрешетила второй эшелон северных корейцев. Солдаты третьего эшелона прекратили атаку и залегли. На поле боя наступило полное затишье. «Чики» изумленно переглянулись. Все оказалось намного проще, чем они предполагали.

На самом деле в эту первую атаку пошли смертники. В отличие от традиционных отрядов смертников, которые состоят из отчаянных головорезов, этот был сформирован из одной тысячи недавно перемещенных южных корейцев, которые были схвачены на улицах Сеула и насильно мобилизованы. Их задачей было обнаружить опорные пункты американцев. И в этом они вполне преуспели.

Над позициями СКНА вспыхнули зеленые и красные сигнальные ракеты. Затем прозвучал горн и стал слышен ужасающий рев запускаемых танковых моторов. Потом раздался резкий грохот целой серии взрывов, возвестивший о том, что полковые 120-миллиметровые минометы СКНА начали обстрел американских опорных пунктов.

Танки Т-34/85 уверенно двигались в направлении американской линии обороны. Укрывшиеся за каждым танком пехотинцы представляли собой боевые группы, вооруженные изрыгающими огонь танковыми пушками. С удивительной точностью 155-миллиметровые орудия 90-й батареи полевой артиллерии поразили пять танков бронебойными снарядами. Затем сама батарея пала в результате бешеной атаки, предпринятой диверсионной группой, которая прибыла на место боя с опозданием.

Безоткатные орудия «чиков» практически ничего не могли поделаться с броней вражеских танков. Когда противник оказался на расстоянии не более 30 ярдов от американских траншей, некоторые храбрецы, встав во весь

рост, открыли огонь из 3,5-дюймовых гранатометов. Первыми выстрелами они поразили множество танков. Теперь атакующим в полной мере пригодились знания, полученные на курсах по отработке взаимодействия танков и пехоты. Северокорейская пехота рассредоточилась и образовала защитный кордон вокруг каждого танка. Танки же стали действовать парами — один обеспечивал огневое прикрытие, а второй, слегка выдвинувшись вперед, подавлял огневые точки противника.

Вскоре янки поняли, что их гранатометы являются орудиями самоубийства. Гранатометчики могли вывести из строя Т-34/85, но при этом они всегда подвергались такому ураганному обстрелу, что были вынуждены либо спрятаться в укрытии, либо погибнуть. Под этим смертоносным огнем все меньше и меньше гранатометчиков проявляли желание воевать. Командир одного из батальонов продемонстрировал, что он вполне дословно понял приказ Уокера «Стоять насмерть!»

— Пока я здесь команду, наше подразделение не отступит ни на дюйм! — крикнул он находившимся поблизости солдатам.

Затем схватил гранатомет и стал подбираться к Т-34. Он попал в головной танк, но 85-миллиметровый снаряд, выпущенный вторым танком этой пары, разорвал офицера надвое. Не обращая внимания на призывы своих командиров, стрелки стали отходить в тыл. Кое-кто из них останавливался и, повернувшись, стрелял в ближайшего северокорейского пехотинца; однако многие, побросав оружие, убегали со всех ног. Второй эшелон танков, прорвавшись сквозь линию окопов, снова выбрался на дорогу и продолжил движение на юг. Вслед шла северокорейская пехота, которая с помощью гранат начала методично уничтожать тех защитников позиции, кто еще уцелел. Невозможно установить, какое впечатление на «чиков» произвел приказ Уокера «Стоять насмерть!», так как большинство тех, кто его выполнял, действительно погибли.

Все утро дымовая завеса и сплошная облачность ограничивали возможности ВВС США, и они не могли оказать наземным войскам эффективную поддержку с воздуха. Примерно в 10:00 самолеты, входившие в состав ВВС США на Дальнем Востоке, приняли кратковременное участие в сражении. Слой облачности находился на высоте ниже 500 футов. Несмотря на это, два звена истребителей F-80 добровольно пошли в атаку. Нырнув в слой облачности, они, словно призрачные хищные птицы, с пронзительным свистом вынырнули над самым полем боя. Вскоре они обнаружили механизированную колонну северных корейцев, которая заполнила шоссе, ведущее в Тэгу. Мощные реактивные двигатели J-33 фирмы «Дженерал Электрик» позволяли этим самолетам развивать очень высокую скорость. В силу этого обстоятельства северокорейская пехота просто не успела рассредоточиться и укрыться от приближающихся истребителей, скорее похожих на метеоры. Шесть носовых пулеметов 50-го калибра, которыми был вооружен каждый самолет, изрыгнули плотные потоки прицельного огня. Результаты были ужасающими. Грузовики взорвались. Тяжелые пули косили разбежавшихся пехотинцев.

Но пилоты понимали, что исход этой битвы зависит от танков. Они знали, что единственным эффективным оружием против вражеских танков является высокоскоростная 5-дюймовая авиаракета. Летчики убедились в том, что лучше всего атаковать танк, снижаясь к нему под острым углом. При этом открывать огонь следовало под углом 30 градусов к цели, когда дистанция до нее составляла примерно 1500 футов. Однако в тот день низкая облачность вынудила атаковать, снижаясь под минимальным углом, что затрудняло прицеливание. Чтобы эффективно действовать в столь сложных условиях, пилотам потребовалось приложить невероятные усилия, а одному из них атака стоила жизни. Заходя на цель, он слишком снизился и врезался в склон холма. Оставшиеся три

пилота тщательно прицелились и, сделав ракетные залпы, подбили пять Т-34/85. Однако недостаточное количество топлива ограничивало время пребывания самолетов над полем боя до 20 минут, по истечении которых они должны были возвращаться на свои японские авиабазы.

Уже когда они легли на обратный курс, слой облачности, казалось, опустился еще ниже, а землю скрыли потоки дождя, туман и дым.

Воздушная атака мгновенно остановила танковый удар коммунистов. Но советские инструкторы вдолбили им в головы, что стремительные действия, направленные против дезорганизованной обороны противника, приводят к поразительным результатам. Именно поэтому усвоившие урок молодые офицеры быстро перегруппировали свои подразделения, и вскоре танки возобновили движение по шоссе. Эта спешка чуть было не стоила им жизни.

Наступавшие не знали о том, что американские войска располагают некоторым количеством собственной бронетехники. Находившиеся в резерве два неполных взвода легких танков М-24 «Чафи» заняли позицию в овраге, расположенном неподалеку от шоссе. Подпустив противника поближе, они открыли огонь с расстояния всего 400 ярдов. К сожалению, американские танкисты также оказались жертвами невероятных сокращений военного бюджета. Вот уже два года они просили обеспечить их запасами горюче-смазочных материалов, необходимых для проведения учебно-боевых стрельб. Но им было отказано, и поэтому их орудия впервые заговорили лишь 25 июля. Поскольку спусковые кнопки орудий не работали, танкисты решили воспользоваться старомодными вытяжными шнурами. Последствия залпов, сделанных пушками двух танков, были настолько ужасающими, что с машин снесло башни. Несколько других танков смогли попасть в цель, но их снаряды не пробиты вражескую броню. Сообразив, что у них нет никакой надежды пробить лобовую броню Т-34/85, оставшиеся в живых американ-

ские танкисты, умело маневрируя, вышли на позиции, пригодные для ведения продольного огня. Ценой всех оставшихся «чафи» им удалось вывести из строя всего один северокорейский танк.

Поддержку легким машинам «чафи» должны были оказывать три средних танка «Першинг», которые только что прибыли в Корею. Лейтенант, командовавший этими «першингами», приказал своим танкистам двигаться вперед по склону оврага, оставаясь ниже верхнего края. Движение по влажной почве оказалось непростым делом, к тому же возникла новая проблема. На танках не было пригодных к работе ремней вентиляторов, и когда ремень на одном из них разорвался, его мотор быстро перегрелся и машина беспомощно сползла на площадку на крутом склоне оврага. Оставшаяся пара достигла назначенного места. Американцы обрадовались, увидев, что заняли идеальную огневую позицию с учетом всех преимуществ местности. Северокорейские танки, двигавшиеся справа налево, должны были пройти прямо перед ними. Тишину разорвали залпы 90-миллиметровых орудий двух «першингов». Два танка Т-34/85 стали вращаться вокруг своей оси, потом остановились и загорелись. Перед тем как противник их обнаружил, «першинги» успели поразить еще три танка.

Весьма показательно, что в случаях неожиданного противодействия командирам подразделений СКНА явно не хватало оперативной гибкости, необходимой для быстрой адаптации к новым условиям. Даже хорошо обученные экипажи 105-й танковой дивизии показали, что и они не лишены этого недостатка. Их научили сражаться с расчетами гранатометов, но недавно проведенные занятия по отработке взаимодействия танков с пехотой не подготовили их к борьбе с бронетанковыми силами противника. Поэтому растерявшиеся северокорейские танкисты действовали столь нерешительно. Они оказались легкой добычей для «першингов». Даже обездвиженной американ-

ской машине удалось вывести из строя два вражеских танка. Фактически, если бы «першингов» было побольше, бронетанковое острие СКНА можно было бы затушить. Однако американские танкисты столкнулись с противником, который имел абсолютное численное преимущество, и не могли оказывать длительного сопротивления. После того как на поле боя осталось 15 пылающих Т-34/85, северокорейским наводчикам удалось подбить последний «першинг», а следовательно, ликвидировать последнюю преграду на пути в Тэгу.

Располагая американцы соответствующими резервами, это могло бы остановить коммунистов уже в самом Тэгу. Однако давление, которое противник оказывал по всему фронту, истощило ресурсы генерала Уокера. Когда последний резерв 25-й дивизии, саперный батальон, попытался продвинуться по шоссе на север, чтобы пополнить ряды защитников еще державшейся позиции, он попал в засаду, устроенную диверсионной группой СКНА. Затем саперов, которые пытались вырваться из засады, догнали северокорейские танки и без труда их передавили. К этому времени янки уже всерьез заболели «танкофобией». Они были не в состоянии реагировать на призывы командиров перегруппироваться. На дороге, протянувшейся между Тэгу и Пусаном, один спасавшийся бегством солдат в разговоре с репортером выразил общее настроение: «Дай-ка мне джип, уж я-то знаю, в каком направлении атаковать. Этот маменькин сынок не создан для того, чтобы стать героем».

Трумэн выходит из игры

Председатель Объединенного комитета начальников штабов доложил президенту о сложившейся ситуации.

— Господин президент, я получил срочное сообщение от генерала Макартура. Наши войска, спасаясь бег-

ством, движутся в направлении Пусана. К счастью, погода прояснилась, и наши самолеты снова наносят удары по коммунистам. Но, согласно прогнозу, погода опять ухудшится. Помимо утренних туманов, надвигается циклон, и мы не слишком уверены в том, что сумеем снова оказать наземным войскам максимальную поддержку с воздуха. Исходя из этого, генерал Макартур вновь просит значительного подкрепления. Он считает, что потребуются как минимум две сухопутные армии, каждая из восьми дивизий.

— Что у нас в запасе? — прервал его Трумэн.

— Для восполнения потерь мы уже собрали все имеющиеся у нас в Японии людские резервы и отправили их туда по воздуху. Боевая группа в составе полка морской пехоты и 2-й пехотной дивизии находится в пути. Эти крупные соединения уже на подходе.

— Когда они туда придут?

— Мы рассчитываем, что 7 или 8 августа, если Пусанский порт еще будет доступен.

— Вот черт! — рявкнул Трумэн. — Есть еще что-нибудь?

— Как вы помните, сэр, у нас было десять дивизий, когда коммунисты начали свое наступление. Четыре дивизии из Японии были направлены в Корею, а 2-я пехотная сейчас в пути. 1-я пехотная дивизия задействована в Германии. Мы не думали, что Корея подходит для танковых сражений и поэтому оставили 2-ю бронетанковую дивизию здесь, в нашем главном резерве. Откровенно говоря, сэр, ни 3-я пехотная, ни 11-я воздушно-десантная дивизии не готовы к боевым действиям. Они очень плохо укомплектованы. Так что остается 82-я воздушно-десантная. Но если мы ее отправим в Корею, то тогда у нас не останется никакого оперативного резерва на случай, если еще что-нибудь произойдет. Кроме того, парашютисты фактически не имеют снаряжения, которое позволило бы им вести длительные боевые действия на земле.

— Так что же нам делать? — спросил Трумэн.

Наступила зловещая тишина, которую внезапно нарушил громкий кашель министра авиации.

— Видите ли, сэр, — начал после некоторых колебаний председатель, — в данной ситуации генерал Макартур просит предоставить ему полную свободу действий, вплоть до применения атомного оружия.

Как все и ожидали, сразу же последовала бурная ответная реакция президента.

— Да будь я проклят, если рискну начать с русскими атомную войну только ради того, чтобы спасти кучку корейцев, которые не удосужились побеспокоиться о собственной защите. Макартур что, совсем свихнулся? Может, кто-нибудь из присутствующих считает, что это замечательная идея? Есть у кого-нибудь другие предложения?

Трумэн по очереди обвел стальным взглядом своих советников. Некоторые из них только качали головами. Другие, опустив глаза, уставились на разложенные перед ними бумаги. И только дерзкий Мэтт Риджуэй, заместитель начальника штаба сухопутных сил, осмелился заговорить.

— Согласен с вами, сэр. Мы настолько истощили свои резервы, что поставили себя в опасное положение. Но нам не следует, поддавшись искушению, предоставлять генералу Макартуру полную свободу действий только потому, что он в данный момент оказался на переднем крае схватки, которая вообще может оказаться лишь незначительным столкновением аванпостов¹.

— И потом, сэр, Европа, как и в 1941 году, стоит у нас на первом месте, а Тихий океан — на втором, — добавил приободренный этим выступлением босс Риджуэя, начальник штаба сухопутных сил Дж. Лоутон Коллинз.

¹ Риджуэй действительно использовал именно это выражение — «столкновение аванпостов» — в служебной записке, которую приводит Блэр в книге «Забывтая война», с. 107.

Наступила длительная пауза. Теперь стало ясно, что поспешное решение вмешаться в конфликт на Корейском полуострове оказалось ошибкой. Гораздо труднее было ответить на вопрос: что теперь делать? Никто из собравшихся этого не знал. Президент Гарри Трумэн полностью отдавал себе отчет в том, что он сам должен принять окончательное решение. Зловещая пауза затянулась. Наконец Трумэн заговорил. Он всегда любил покер, и поэтому совершенно естественным образом ему в голову пришла аналогия с этой игрой.

— Господа, многолетний опыт подсказывает мне, что все это похоже на игру, во время которой чаще играешь плохими картами, чем хорошими. Впрочем, хорошие карты в конце концов тоже придут. Мы сделали рискованный ход, но он оказался неудачным. Чтобы продолжить игру, надо выбросить еще больше денег, но я не буду этого делать. Передайте Макартуру, чтобы он приказал Уокеру эвакуировать войска из Кореи. Пусть приложит свои способности в этой области.

В действительности

За исключением того, что было изложено в самом начале и в самом конце этой главы, все остальные события действительно имели место. Описанные в начале главы учения являются моей выдумкой. Однако 15-й танковый учебный полк действительно стал ядром 105-й танковой дивизии. Что же касается принесенных в жертву заключенных, то не следует забывать о том, что СКНА действительно убивала как американских, так и южнокорейских военнопленных (это подтверждают многочисленные фотографии, сделанные фоторепортерами армии США, на которых засняты трупы американских солдат со связанными за спиной руками) и проводила на улицах только что захваченного Сеула

«народные суды». Режим, который допускал такие вещи, несомненно, был способен совершать и акции, подобные той, что описана в этом очерке.

Чтобы «освободить» Южную Корею, СССР, очевидно, планировал совершить блицкриг, захватить весь полуостров и поставить Запад перед свершившимся фактом. Сначала казалось, что танковые клинья выполняют эту задачу. Однако танки страдали от острой нехватки вспомогательных мобильных подразделений. Множество вышедших из строя танков так и остались стоять на обочинах дорог и были затем уничтожены в ходе воздушных налетов. 105-я танковая дивизия, вначале имевшая от 120 до 140 машин Т-34/85, за всю кампанию получила лишь около тридцати новых танков взамен подбитых. Однако и этого чуть было не оказалось достаточным, поскольку искромсанный Трумэном военный бюджет США не смог обеспечить войска необходимым оружием и боеприпасами. Американским солдатам срочно требовались 3,5-дюймовые гранатометы, бронебойные снаряды, современные танки и 90-миллиметровые противотанковые орудия. Но даже если бы американцы были полностью оснащены всем необходимым, то и тогда было бы невозможно предсказать окончательный результат. Как писал один из командиров полка: «У наших солдат не было стимула сражаться... Они не видели смысла в этой войне... [и] не проявляли никакого интереса к схватке, которая была недостойна даже называться войной».

Эпизод с офицером штаба СКНА также является моим вымыслом, если не считать фамилии этого офицера. Полковник Ли Хак Ку был реальным лицом, начальником штаба 13-й дивизии. Он сдался американцам 21 сентября 1950 года и оказался самым высокопоставленным северокорейским офицером, попавшим в плен. Позже этот человек стал известен как лидер военнопленных коммунистов, поднявших в 1952 году мятеж на острове Чечжудо.

Первый бой, в котором приняли участие высадившиеся в Корее «чики», состоялся 16 июля. В тот день 900 американцев, защищавших оборонительную линию вдоль реки Кум, были атакованы противником. Битва закончилась полным разгромом американцев. На следующий день удалось обнаружить лишь около половины «чиков». 19-й полк 1-й дивизии потерял 43 процента личного состава, в том числе погибли 17 офицеров. В отличие от этой битвы, в бою при Чикамауге 19-й полк, насчитывавший 194 человека личного состава, потерял убитыми всего лишь одного офицера и шестерых солдат. Однако в этом подразделении оказалось множество пропавших без вести, так что общее количество потерь составило 70 процентов.

По всей вероятности, Тэгу был тем городом, который в течение всей Корейской войны чаще всего становился ареной противоборства сторон. Он был ключевым звеном обороны всего Пусанского периметра. Коммунисты предприняли два полномасштабных наступления, целью которых был захват Тэгу, и оба захлебнулись у самых стен города. 23 июля, то есть в тот день, когда происходило вымышленное совещание, командование СКНА совершило огромную стратегическую ошибку. Вместо того чтобы сосредоточить силы для решающего удара, высшее командование коммунистов решило силами 4-й и 6-й дивизий совершить глубокий охват и, двигаясь в южном направлении, выйти к побережью. В моем очерке этот вариант обсуждался, но был отвергнут.

Пэдди Гриффит

ВЬЕТНАМ. Война, которую никто не заметил

Пентагон, 1 декабря 1963 года

Сэр Роберт Томпсон¹ с решительным видом вошел в кабинет министра обороны США Роберта С. Макнамары. Он знал, что военная кампания в Южном Вьетнаме складывается крайне неудачно и что ему, советнику покойного президента Нго Дин Дьема по борьбе с повстанцами, можно предъявить вполне обоснованные обвинения в нескольких поражениях. Тем не менее, он уже давно был готов вмешаться в ситуацию, поскольку чувствовал, что именно сейчас, в самом начале декабря 1963 года, появилась уникальная возможность как следует встрях-

¹ В период с 1961 по 1965 год Томпсон возглавлял миссию британских советников в Сайгоне, а затем, продолжая выступать в роли советника, писал острые политические статьи, комментировавшие ситуацию в стране.

нуть и вьетнамскую, и американскую администрацию и заставить руководителей обеих стран действовать более жестко, что до сих пор им не слишком хорошо удавалось.

Всего месяц назад, в ходе государственного переворота, был убит Дьем, и ему на смену пришло более перспективное военное правительство. И всего лишь десять дней назад был убит президент США Джон Ф. Кеннеди¹. Таким образом, и в Сайгоне, и в Вашингтоне всего за несколько дней произошла неожиданная смена администраций. Пользуясь этим моментом, можно было выдвинуть самые смелые предложения. Томпсон считал, что он точно знает, что именно сейчас следует предпринять, и в данный момент как раз собирался продать свои идеи правительству США.

Сам он был чиновником британской колониальной администрации, карьера которого резко пошла в гору в 1950-е годы, во время успешной кампании по подавлению коммунистического восстания в Малайе, где он с 1959 по 1961 год занимал пост министра обороны. Затем Томпсон перебрался в Сайгон, где пытался научить местные власти методам борьбы с повстанцами. Нужно было адаптировать эти методы к условиям Южного Вьетнама, который, как Томпсон обнаружил, значительно отличался от Малайи и являлся менее перспективным театром военных действий. В период правления Дьема советнику пришлось испытать множество разочарований, так как его советы практически не выполнялись, искажались или неправильно понимались. Он столкнулся с коррумпированной государственной машиной, которая даже самые простые задачи решала с большим трудом, а уж те, что посложнее, были ей просто не по зубам.

¹ Дьем погиб во время состоявшегося 1 ноября 1963 года переворота, организаторами которого были генералы Дунг Ван Минь — «Большой Минь», Тран Ван Дон и Ле Ван Ким. Кеннеди был убит в Далласе 22 ноября того же года, а его преемником стал вице-президент Линдон Джонсон.

Особо огорчало отсутствие единой позиции в высших звеньях иерархии. Правительство, генералитет, молодые офицеры армии и полиция — каждая из этих групп представляла собой некое удельное княжество, которое постоянно строило козни другим, причем нередко дело доходило до перестрелок¹. К тому же на всю эту пирамиду оказывали давление конкурирующие между собой американские службы, которых было немало. Причем конкурентная борьба велась как на уровне представителей этих служб в Южном Вьетнаме, так и на уровне их руководителей в Вашингтоне. Все это не способствовало слаженной работе государственной машины и превращало реализацию любого политического решения в бесконечно сложный и трудновыполнимый процесс. В отличие от Вьетнама, в Малайе британцам удалось достаточно легко сплотить военные и гражданские властные структуры в единую администрацию, которая сумела быстро взять под свое управление все аспекты антипартизанской борьбы.

Кроме того, во Вьетнаме завоевать умы и сердца населения оказалось труднее, нежели это было в Малайе, где удалось довольно быстро успокоить большинство местных жителей. В Малайе питательной средой восстания была непопулярная среди большинства населения прослойка этнических китайцев, которых можно было идентифицировать и изолировать, тогда как во Вьетнаме повстанцами являлись сами вьетнамцы, то есть представители этнического большинства, насчитывавшего по меньшей мере 13 миллионов человек, при общей численности населения в 16 миллионов. Повстанцы получили естественный доступ практически ко всем районам страны, особенно в сельской местности. Помимо всего прочего, они рассчитывали на то, что их восстание окажется на-

¹ Примеры поразительного двурушничества, которое привело к перевороту 1 ноября, можно найти в книге *Halberstam. The Making of a Quagmire*.

много более массовым, нежели малайское. Повстанцы хотели, чтобы на каждое отделение бойцов, которые находились в распоряжении Коммунистической партии Малайи, во Вьетнаме приходился батальон, а то и целый полк партизан, мобилизованных Вьетконгом (ВК). Протяженная сухопутная граница с Лаосом и Камбоджей предполагала наличие множества проходов на территорию Южного Вьетнама, которыми могли воспользоваться зарубежные сторонники повстанцев, тогда как в Малайе практически все границы были морскими, а значит, их было легко перекрыть с помощью морской блокады.

Что касается политических стимулов, то, к сожалению, южновьетнамское правительство не могло предоставить своему населению большей политической независимости, нежели та, которую оно уже получило. Власть находилась в руках независимой некоммунистической администрации, так что здесь нельзя было, как это делали британцы в Малайе, использовать в качестве стимула обещание ввести самоуправление. И напротив, призыв ВК воссоединить Южный Вьетнам с Северным по-прежнему находил положительный отклик среди некоторой части населения. В то же время этот призыв вызывал особое неприятие как в Сайгоне, так и в Вашингтоне.

Самим фактом своего существования Южный Вьетнам был обязан тому, что он оказался альтернативой северовьетнамскому коммунизму. Что касается американцев, то они своей главной целью провозгласили противодействие любому расширению господства и влияния коммунистов, в том числе и северовьетнамских. Если Югу Вьетнама суждено было пасть, то неизбежно начинал действовать принцип домино, повлекший бы падение целого ряда режимов в странах, расположенных в регионе между Индией, Индонезией и Филиппинами, а возможно, и за его пределами. Таким образом, объединение страны стало бы уступкой, на которую не могли пойти американцы, не признав своего поражения. И поэтому в случае

коммунистической экспансии США были бы не в состоянии предложить националистически настроенному большинству желаемое политическое решение проблемы объединения Вьетнама.

Однако Томпсон очень хорошо понимал, что подавляющее большинство вьетнамского населения желает гораздо большего, нежели просто объединения страны, которое для большинства крестьян оставалось абстрактной идеей. Гораздо более важным для вьетнамцев было наличие чуткой, доброй и справедливой власти на местах в сочетании с менее деспотичным налогообложением и сокращением доли земельного абсентизма (система землевладения, при которой помещик не проживает в своем имении) в пользу фермерского землевладения. Именно это ВК и обещал своим сторонникам, и он действительно выполнил эти обещания в некоторых районах подконтрольной ему территории. Несомненно, южновьетнамскому правительству следовало бы самому заняться этим и решить проблему гораздо более эффективным способом, нежели ВК, тем более что тут могли бы оказать щедрую помощь США. Впрочем, в этом случае у правительства уже не было бы возможности пойти на политические уступки и ликвидировать раскол между Севером и Югом. Томпсон ясно понимал, что Соединенным Штатам следует настаивать на проведении реформ местной власти и землевладения, которые являются главным условием завоевания умов и сердец вьетнамцев, а значит, и главным условием победы в этой войне.

В Малайе британцы заставили крестьян жить в «деревнях стратегического значения», где они создали нормальное местное управление, обеспечили защиту населения и изолировали его от партизан. Создание таких деревень, естественно, стало основной темой лекций Томпсона, прибывшего в Сайгон в качестве советника Дьема. Была принята весьма амбициозная программа строительства таких поселений во Вьетнаме. Однако

эта программа оказалась слишком претенциозной, учитывая те скудные средства, которые были на нее ассигнованы. Денег не хватало даже в тех редких случаях, когда они, проделав долгий путь сверху донизу, все же приходили в деревни. Повсеместная коррупция поглотила необходимые финансовые и материальные ресурсы. В то же самое время с помощью политических махинаций и пропагандистских трюков вступившим в сговор коррупционерам удалось скрыть этот факт от властей, предоставляющих им необходимые средства. Многие из деревень были построены лишь на бумаге, а строительство большинства остальных поселений лишь повлекло за собой появление множества бездомных людей, которые, естественно, попадали прямо в руки вербовщиков из ВК. Не лучше обстояли дела и с земельной реформой, поскольку многие из богатых землевладельцев являлись влиятельными друзьями и сторонниками сайгонской политической элиты. Если бы правительство лишило их земли, то оно автоматически лишилось бы главных своих покровителей.

К тому времени, когда Томпсон появился в кабинете министра обороны США Макнамары, он уже закончил длительный и сложный анализ всех этих неудач и был вполне готов подробно разъяснить суть предлагаемых им решений. Он особенно настаивал на том, чтобы в борьбе с партизанами все звенья административного аппарата действовали согласованно и по единому плану. Томпсону было абсолютно ясно, что этот единый, огороженный плотным кольцом защиты, организм должен действовать четко, полностью исключая сбивающие с толку накладки, некомпетентность и неопределенность, которые являлись нормой в структурах власти как Южного Вьетнама, так и Соединенных Штатов. Помимо этого Томпсон хотел, чтобы гораздо больше средств направлялось на строительство стратегических поселений. Однако теперь он желал получить гарантии надежности местной админист-

рации, для чего каждый ее субъект должен был находиться под пристальным наблюдением представителей США. Только в этом случае все могло быть выполнено надлежащим образом и с минимальными потерями, вызванными коррупцией. Эту схему нельзя было ввести сразу же по всей стране, как пытался сделать Дьем. Начинать следовало с относительно небольших районов, а затем, как только будут созданы надежные опорные пункты, планомерно расширять сферу охвата. По мнению Томпсона, в каждой такой деревне должна была находиться небольшая группа американских гражданских специалистов и военнослужащих. Их должен был возглавлять младший офицер или сержант, обладающий необходимыми личными качествами, достаточно инициативный, чтобы помочь местному населению наладить жизнь и, следовательно, привести в действие весь механизм программы.

Томпсон с облегчением обнаружил, что Макнамара отнесся к его визиту чрезвычайно внимательно и что он не только охотно слушает гостя, но и сам умело направляет разговор в интересующую его плоскость. Министр обороны был человеком, который постоянно задавал вопросы всем, с кем встречался, и теперь Томпсон обнаружил, что в последние месяцы существования режима Дьема Макнамара уже практически не верил оптимистическим и мало соответствующим реальности ответам, которые приходили к нему из высших эшелонов ЦРУ и Пентагона. Особенно это касалось донесений об успехах антипартизанской борьбы в дельте реки Меконг. Теперь министру хотелось услышать побольше независимых голосов, которые могли бы подсказать ему контуры нового политического курса. Он вспомнил об огромном вкладе президента Кеннеди, выдвинувшего идею обучения американских военных принципам ведения антипартизанской борьбы. Однако зерна тогда упали на каменистую почву, и эти уроки так и не были до конца усвоены.

Военные упорно цеплялись за свои веками проверенные решения традиционных проблем ведения войн, за такие понятия, как «огневая мощь» и «мобильность». Они практически не были готовы понять, что в партизанской войне гораздо важнее завоевать умы и сердца населения. Макнамара считал крайне важным изменить существующее положение дел и не сомневался в том, что если бы ему удалось как следует все объяснить новому президенту, ситуация бы изменилась. Все дело было в том, что в декабре 1963 года Линдон Б. Джонсон не считал вьетнамский вопрос важным для своей политики и потому, решая такого рода проблемы, он, как правило, довольно точно следовал советам окружения. С высоты Белого дома действия Пентагона в отношении индокитайских повстанцев казались не более чем досадными отклонениями от основной цели — построения «великого общества» внутри самих Соединенных Штатов. Тем не менее Макнамара был убежден в том, что если сейчас Вьетнаму не уделить серьезного внимания, безопасность этой страны будет ухудшаться, причем постепенно эта проблема полностью затмит политический горизонт Вашингтона.

Итак, Макнамара и Томпсон пришли к соглашению, что в данный момент необходимо сосредоточить внимание на Вьетнаме, а именно сесть и определить пять первоочередных задач, а также выделить несколько главных препятствий, которые необходимо преодолеть. Задачи эти оказались следующими:

Создание плотного защитного кольца вокруг всех звеньев командования антипартизанской борьбой с целью не допустить вмешательства со стороны множества южновьетнамских и американских служб, деятельность которых в настоящий момент делает невозможной выработку четкого политического курса. В первую очередь это предполагало гораздо более активную координирующую роль американского посла в Сайгоне, которым тогда был недавно назначенный на этот пост весьма неглупый рес-

публиканский аристократ Генри Кэбот Лодж¹. Необходимо было предоставить ему возможность изо дня в день осуществлять контроль за всеми военными и разведывательными службами, поскольку Пентагон особенно наглядно показал, что он инстинктивно не доверяет доктрине антипартизанской борьбы, а также вообще любой резолюции, в которой есть слова «политический» или «гражданский». В равной степени и посол должен был привыкнуть к новой жесткой позиции по отношению к южновьетнамскому правительству, которому в прошлом не слишком часто удавалось следовать инициативам, находившим поддержку США. Согласно новой точке зрения Томпсона — Макнамары, сложившаяся ситуация имела слишком большое значение для насущных интересов США, теоретически считавшихся союзниками Вьетнама в Юго-Восточной Азии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним словом, больше раздражать жителей Южного Вьетнама было нельзя.

Постепенное возрождение программы строительства деревень стратегического значения. Это, помимо прочего, предполагало привлечение большего количества американских солдат и гражданских специалистов, а также принятие серьезных мер, направленных на подбор, поддержку и защиту полномочных представителей местной вьетнамской администрации, учителей, медицинских работников и специалистов по сельскому хозяйству. По собственному горькому опыту Томпсон хорошо знал, куда могло завести пренебрежение этой проблемой. Поэтому, понимая, что без строгого контроля здесь не обойтись, он решил не повторять прежних ошибок. Особенно Томпсона тревожила необходимость привлечения американских сухопутных сил и морской пехоты к решению самых эле-

¹ «Сегодня в Вашингтоне его считают лучшим из всех послов, которые у нас когда-либо были». *Halberstam. The Making of a Quagmire. P. 248.*

ментарных проблем гражданского населения. Причем эти задачи должны были решать подразделения численностью не более четырех, восьми или двенадцати человек, а не роты численностью 120 и более военнослужащих, которые все еще казались американским генералам наиболее эффективными тактическими группировками. Несмотря на душевные муки, которые, как он знал, вызовет такая перспектива у непримиримых армейских консерваторов, Томпсон потребовал немедленно удвоить контингент «зеленых беретов» с последующим увеличением их численности вплоть до количества, сопоставимого с численностью бронетанковых войск. Однако для того чтобы не создавать перенапряжения в действующей армии США, подразделения которой были разбросаны по всему миру, можно было объявить массовый призыв резервистов, а также использовать военнослужащих из Национальной гвардии.

Судьба этой инициативы решалась в тот драматический момент, когда начальник штаба сухопутных сил генерал Гарольд К. Джонсон предстал перед президентом. Генерал доходчиво разъяснил, что армия не может активно действовать во Вьетнаме без помощи резервистов и Национальной гвардии. Президент согласился, а затем, опасаясь негативной политической реакции населения, изменил свое мнение. Генерал Джонсон пригрозил, что уйдет в отставку, и тогда президент пошел на попятный.

Важнейшую роль в осуществлении призыва уволенных в запас сыграли подразделения Резерва армии по работе с гражданским населением. Эти подразделения пополнялись гражданскими специалистами, представлявшими почти все общественные службы начиная очисткой сточных вод и заканчивая защитой произведений искусства и памятников. Здесь имелся широкий выбор профессионалов как в области торговли, так и в области промышленного производства. Во время Второй мировой войны подобные подразделения восстанавливали разру-

шенные государственные структуры и экономику, одновременно демонстрируя преимущества демократической модели общества. Томпсон почувствовал, что созидательный настрой этих «городских солдат», — как раз то, что нужно для антипартизанской борьбы. Кроме того, он упорно доказывал необходимость «минимального использования военной силы» и максимального уважения простых вьетнамских граждан. Помимо всего прочего, было решено направить 90 процентов всей американской помощи Южному Вьетнаму на программы гражданского характера, а не на чисто военные акции¹.

Масштабная программа выкупа земли у крупных землевладельцев с целью вернуть землю фермерам, которые будут на ней жить и обрабатывать свои наделы. В этом Томпсон видел самую реальную возможность завоевать умы и сердца членов крестьянских общин и считал подобную практику необходимым дополнением к программе строительства стратегических поселений. Отдавая землю крестьянам, США получали взамен их лояльность и создавали структуры сильной демократической власти на местах. Структуры эти должны были заменить существующие хрупкие и недемократические институты, навязанные Сайгоном. Томпсон понимал, что небольшие группы баснословно богатых землевладельцев во многом оказывают даже большее дестабилизирующее воздействие на вьетнамское общество, чем сам ВК. Но нейтрализовать эти группы было намного легче. •

Введение правовых норм и искоренение коррупции также отвечало стремлениям вьетнамского народа, причем ничуть не меньше, чем желание владеть собственной землей. Таким образом, в будущем и военным, и местным

¹ Если бы это не было оговорено заранее, то, скорее всего, соотношение расходов оказалось бы обратным. Это забавное допущение сделано Томпсоном и Фризелли в написанной ими книге по альтернативной истории, которая вышла в 1977 г. См.: «The Lessons of Vietnam», p. 200—217.

властям следовало нести полную ответственность за свои действия и подчиняться законным решениям независимых судов. Убийства и пытки как инструменты проведения государственной политики, должны были быть поставлены вне закона. Кроме того, гораздо больше средства направлялись на улучшение бытовых условий заключенных (что, как ожидалось, должно было изменить их взгляды). Помимо этого, следовало увеличить также численность южновьетнамской полиции и контролировать ее деятельность с помощью введения хитроумных антикоррупционных мер. Все это представляло собой настоящую революцию в структурах безопасности, созданных режимом Дъема.

Снижение роли Армии Республики Вьетнам (АРВ) в антиповстанческой деятельности местного уровня при одновременном усилении ее роли в защите внешних границ от вторжений со стороны Северного Вьетнама. В соответствии с новым мышлением Томпсона — Макнамары, АРВ считалась неэффективной для ведения так называемой «деревенской войны», однако она могла бы оказаться весьма эффективной для выполнения оборонительных задач, что также позволило бы избежать полномасштабного развертывания направленных для выполнения этих задач во Вьетнам американских войск.

Если бы численность американских военных советников (в данный момент их было 20 тысяч человек) удалось без особого шума довести, скажем, до 80 тысяч, то это ничуть не ослабило бы военное присутствие США в других регионах, но зато позволило бы создать крепкое ядро боеспособной вьетнамской армии. Значительно «вьетнамизированные» танковые подразделения, бронетранспортеры и некоторое количество вертолетов понадобилось бы в пограничных районах, причем они получили бы поддержку тактической авиации, с которой вьетнамцы могли бы осуществлять взаимодействие. Однако если не брать в расчет какие-либо крупные кризисы, то

для обеспечения воздушной поддержки во Вьетнаме вполне хватило бы и небольшого контингента ВВС США. Согласно прогнозам, любая стратегическая кампания по бомбардировке Северного Вьетнама, Лаоса или Камбоджи неизбежно должна была привести к негативным последствиям. Ввиду отсутствия достойных стратегических целей, такие бомбардировки были бы напрасной тратой ресурсов ВВС (не говоря уже о самом факте участия в бомбардировках воздушных сил стратегического назначения). И напротив, весь опыт минувших войн показывал, что стратегические бомбардировки лишь укрепляют волю населения к сопротивлению, а также вызывают весьма сильные симпатии к пострадавшим со стороны мирового сообщества. Таким образом, полномасштабное использование в кампании американской воздушной мощи, несомненно, перечеркнуло бы все наземные успехи в области завоеваний «умов и сердец». Именно поэтому такая перспектива не рассматривалась.

Поставив перед собой эти задачи, Томпсон и Макнамара, естественно, рассмотрели все препятствия, с которыми им пришлось бы столкнуться. Две наиболее крупные помехи были чисто политическими, они находились как в Вашингтоне, так и Сайгоне. То, что в данный момент предлагалось, по сути дела означало полную «перетряску» всей командной иерархии Пентагона, то есть того департамента, в котором Макнамара и так совсем не пользовался популярностью, поскольку предпочитал независимые и основанные на прагматическом расчете решения проблем, возникавших, помимо Вьетнама, во многих других регионах. Такая же встряска ожидала и южно-вьетнамскую военную диктатуру, которая была чрезмерно централизована, недемократична и коррумпирована. Фактически предложения Томпсона — Макнамары представляли собой «антивоенную» программу, в которой на первое место были поставлены интересы демократии и гражданского общества. Для того чтобы ее успешно вы-

полнить, требовалась долговременная поддержка со стороны президента, а также благоприятное освещение в средствах массовой информации. Американский народ надо было убедить не только в том, что антипартизанская война должна вестись чрезвычайно медленными темпами, растянувшись даже не на месяцы или годы, а скорее — на десятилетия, но и в том, что война эта должна быть выиграна скорее мирным, чем военным путем.

Однако, вне всякого сомнения, существовала и чисто военная сторона этой проблемы, поскольку партизаны ВК спокойно разгуливали по сельским местностям Южного Вьетнама, убивая государственных служащих, устраивая базы снабжения и агитационные пункты и время от времени вступая в довольно крупные бои с подразделениями АРВ. Их действия постоянно увеличивали шансы Северовьетнамской армии (СВА) осуществить вторжение, так как все чаще и чаще отмечались случаи передвижения по Тропе Хо Ши Мина крупных отрядов регулярной армии, которые через Лаос и Камбоджу проникали на территорию Южного Вьетнама. Участок границы, который им приходилось пересекать, был весьма протяженным и плохо охраняемым, а местность — гористой и сплошь покрытой джунглями. Эта граница меньше всего походила на оборонительную линию, которую легко удерживать, но, с другой стороны, отряды нагруженных тяжелым снаряжением пехотинцев, получивших приказ прорываться на Юг, несомненно, должны были здесь совершать изнурительно долгие и тяжелые переходы. Им приходилось действовать в самых отдаленных точках опасно растянутой линии коммуникаций.

После того как Томпсон и Макнамара продумали свой план, а затем еще приблизительно около месяца консультировались с другими советниками, министр обороны США наконец понял, что он готов представить замысел в качестве окончательной рекомендации президенту. Растерявшийся от множества всевозможных забот, свалив-

шихся на голову его новой администрации, президент Джонсон был уже почти готов махнуть рукой и согласиться без всяких дебатов. Сам будучи человеком гражданским, президент был весьма рад услышать предложение, согласно которому «умиротворение» следовало проводить силами гражданских лиц, во всяком случае, он одобрил эту идею, а Роберт Макнамара, несмотря на критику военных, так и остался главой Пентагона. Будем говорить откровенно: если человек, занимающий столь важный пост, заявил, что военные должны подчиняться гражданским, то ни у тех, ни у других выбора просто не оставалось. В качестве первого свидетельства своей причастности к этой политике президент, призвав на помощь все свое обаяние, немедленно стал убеждать гражданского чиновника Кэбота Лоджа остаться в должности посла в Сайгоне. В то же самое время генерал Максвелл Д. Тэйлор, который первоначально считался преемником Лоджа, был из тактических соображений переведен на престижную должность представителя США в НАТО и отбыл в Брюссель, расположенный не так далеко от местечка Бастонь, где в 1944 году генерал участвовал в триумфальной битве.

Сайгон, Южный Вьетнам, январь 1964 года

Когда в начале января Томпсон вернулся в свой офис в Сайгоне, там уже развернулась яростная бюрократическая битва между недавно вступившим в должность послом США, а также отстаивавшим свои интересы главой Командования военными советниками во Вьетнаме (КВСВ), ЦРУ и другими американскими службами. Вскоре стало ясно, что посол Лодж выигрывает эту битву. С ним и без того было нелегко работать, а теперь, проводя новый жесткий курс, он явно приобрел большое количество недругов. Однако посол был

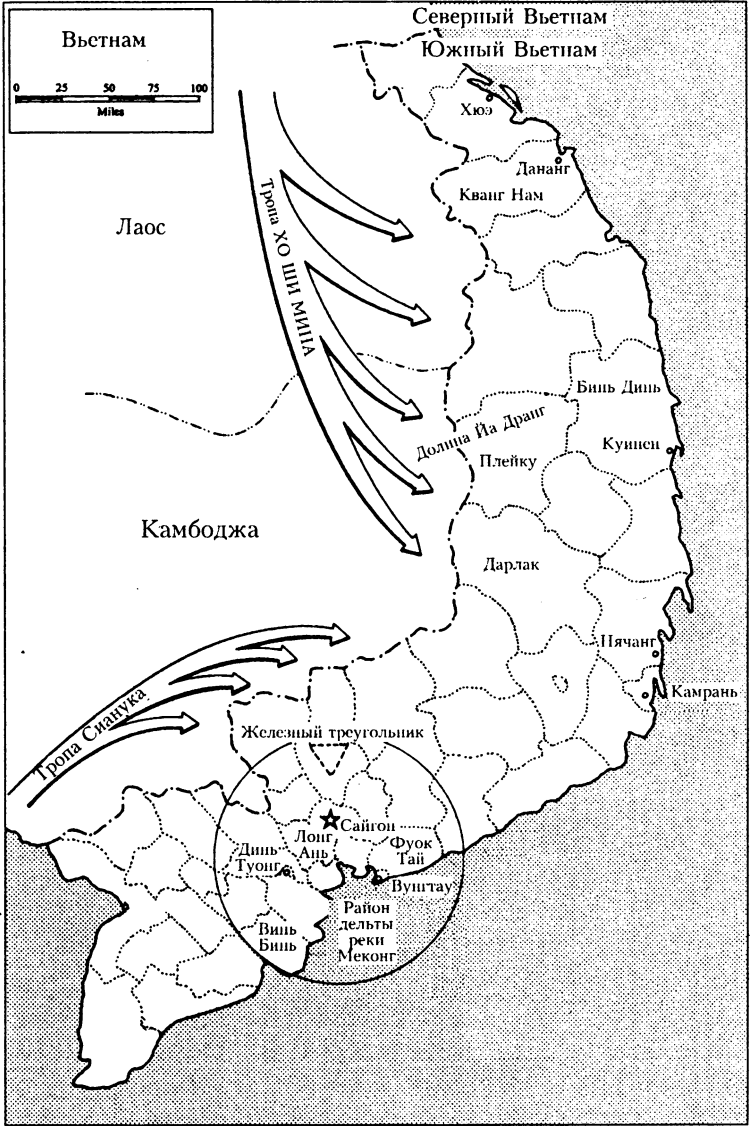
трудолюбив, деятелен, и его уважали подчиненные. Заручившись поддержкой президента, он был способен, преодолевая все препятствия, двигаться в направлении создания единой командной иерархии. Многие старые честные вьетнамские служащие отмечали тогда, насколько в новинку было им видеть, как кто-то «роется в бухгалтерских балансах» и заставляет пригревшихся на своих местах бюрократов обратиться наконец к реальности.

Когда дело дошло до контактов с новым вьетнамским правительством, возглавляемым генералами Дуонг Ван Минем (Большой Минь) и Нгуеном Нгок Тхо, Лодж обнаружил, что они испытывают беспрецедентное желание сотрудничать с американцами на всех уровнях. Многие вьетнамские руководители до сих пор еще испытывали чувство облегчения, вызванное тем, что с деспотическим режимом Дьема покончено, и, как результат, редкое желание дружно взяться за работу. Более того, вьетнамские руководители, точно солдаты на посту, с волнением ждали, когда им на смену придут американцы и возьмут на себя основную тяжесть «деревенской войны» с отрядами ВК, а значит, развяжут руки АРВ, регулярные части которой можно было бы направить в пограничные районы. С другой стороны, вьетнамцам дали понять, что если они не согласятся с тем, что США впредь будут играть гораздо более важную роль, чем это было до сих пор, то новая американская администрация безжалостно сократит размеры предоставляемой помощи. Лодж доходчиво разъяснил, что Линдон Джонсон, которого главным образом интересуют вопросы внутренней политики, считает, что еще не поздно уйти из Юго-Восточной Азии, если здесь не окажется полного взаимопонимания. Эта угроза, безусловно, не имела бы такого веса, находишься у власти интернационалист Кеннеди.

В командовании АРВ, естественно, нашлось несколько групп, которые были недовольны и противни-

лись этим новым межсоюзническим отношениям. Имелась и влиятельная группа представителей южновьетнамской политической элиты, которая, независимо от щедрости выплачиваемых компенсаций, отказывалась мириться с насильственной продажей своих поместий. Они чувствовали, что политика искоренения крупных землевладельцев в большей степени наносит удар по традиционному образу жизни, нежели по их финансам. Конечно, многие оказались более уступчивы в расчете на взятки, в особенности это касалось тех землевладельцев, кто в последние годы не получал арендной платы за сдаваемую землю, так как их владения находились под контролем ВК. Однако ядро неприятия нового курса по-прежнему находилось на самой вершине сайгонской общественной пирамиды.

Вот как обстояли дела, когда Лодж услышал, что готовится очередной военный переворот. План заговорщиков состоял в том, что 30 января генерал-майор Нгуен Кань, отстранив от власти Большого Миня, начнет, вопреки «возмутительным требованиям американцев», восстанавливать то, что он именовал «национальным достоинством». Если бы этот заговор оказался успешным, стране грозило бы новое сползание в пучину, она лишилась бы всякой надежды на проведение последовательного антиповстанческого курса. Однако благодаря счастливому стечению обстоятельств, хорошей работе разведывательных служб и беспрецедентному желанию США принять непосредственное участие в судьбе страны заговор был раскрыт. Режим Большого Миня был спасен, а отправленного в отставку Нгуен Каня убедили эмигрировать в Париж. Уцелевший госаппарат получил возможность укрепить свою власть, оказывая давление на армию, крупных землевладельцев и местные власти. Несмотря на некоторые неудачи и даже весьма впечатляющие трагедии, режим этот в основном действовал вполне успешно. Стабильность наконец-то стала реаль-

Вьетнам

ностью, во всяком случае на какой-то срок¹. Что касается более высокого дипломатического уровня, то госдепартамент объявил всему миру о том, что Соединенные Штаты намерены привлечь значительно большее количество людских ресурсов и финансовых средств для проведения кампании, целью которой является создание во Вьетнаме нового государственного устройства демократической ориентации. Госдепартамент обратился ко всем союзникам США с просьбой предоставить помощь и оказать содействие, отправив во Вьетнам гражданских специалистов, рабочих, квалифицированных полицейских и профессиональных солдат. Естественно, что государства наиболее обязанные Соединенным Штатам и географически расположенные ближе других к Индокитаю, такие как, например, Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, откликнулись на эту просьбу с наибольшим энтузиазмом. Однако, как это ни странно, и многие другие союзники США отнеслись к новому политическому курсу с таким доверием, что даже сумели преодолеть свою подозрительность, вызванную тем, что под властью Дьема обстановка в Южном Вьетнаме постоянно ухудшалась. По разным, но вполне уважительным причинам Япония, Малайзия, Индия, Франция, Западная Германия и Израиль посчитали, что они могут направить во Вьетнам только гражданских специалистов. Британия и Канада вызвали легкий ажиотаж в дипломатических кругах, когда решили послать туда, помимо всего прочего, также свои отборные войска. Даже Италия отправила во Вьетнам смешанный батальон инженеров-строителей и гвардейцев-берсальеров. Ни один из этих ограниченных воинских контингентов не отличался большой численностью личного состава, но главное, они способны были вместе выполнять те задачи, на решение

¹ В конце 1967 года Минья сменил командующий ВВС — умный и обаятельный, но агрессивный Нгуен Чао Ки.

которых, как все прекрасно понимали, мог бы иначе уйти по меньшей мере десяток лет.

Предпринятое Лоджем политическое переустройство Южного Вьетнама было усилено широкой дипломатической поддержкой мирового сообщества. Эта поддержка должна была создать исходные условия, необходимые для «умиротворения». Этот фактор имел первостепенное значение для сэра Роберта Томпсона, который теперь уже перешел непосредственно к подбору руководителей местных уровней, офицеров штаба АРВ, а также американских советников, которые должны были стать проводниками правительственного курса в сельской местности¹. Он отверг концепцию Дьема, согласно которой предполагалось одновременно по всей стране начать строительство тысяч новых стратегических поселений. Томпсон также не захотел начинать с районов, вызывающих наибольшее беспокойство, таких как расположенные в дельте Меконга провинции Лонг Ань и Динь Туонг. Вместо этого он решил создать свои первые районы безопасности в провинциях, которые правительство уже в большей степени контролировало, хотя этот контроль все еще не был полным. Томпсон выбрал пять провинций, с которых следовало начать: две в дельте Меконга, две — в центральной части побережья Южного Вьетнама и одна на севере, в районе Дананга. Согласно долгосрочному плану, именно отсюда американцам следовало постепенно и планомерно расширять свое влияние до тех пор, пока они в конце концов не доберутся до самых неприступных опорных центров ВК.

Гарантированная перспектива получить в ближайшем будущем из Америки профессионально подготовленные людские ресурсы и огромные финансовые средства, ас-

¹ Эта концепция, впервые изложенная еще в самом начале XX века французскими колониальными офицерами Жальени и Ляты, впоследствии была выдвинута в качестве основного принципа доктрины антиповстанческой борьбы.

сигнованные на оказание гражданской помощи, давала возможность резко поднять репутацию южновьетнамской полиции и служб по оказанию гражданской помощи. Неудовлетворительное положение многих беженцев и политических заключенных, обусловленное правлением Дъема, заметно улучшилось, а наблюдавшийся после падения режима Дъема общенациональный оптимизм, по видимому, не должен был иссякнуть и в наступающем году. Вопреки многочисленным опасениям, за первыми политическими победами не последовало сокрушительных поражений, а значит, был открыт путь к полномасштабной реализации плана Томпсона — Макнамары. План этот не был положен на полку или искромсан многочисленными бюрократами, как ранее уже случалось с планами, касающимися вьетнамского театра военных действий.

Дананг, Южный Вьетнам, март 1965 года

Прибрежный город Дананг вызывал особые чувства у военнослужащих 9-й экспедиционной бригады Корпуса морской пехоты США. Именно поэтому продолжавшееся весь минувший год «умиротворение» соседних деревушек стало для морских пехотинцев исключительно тонкой работой. Здесь не было такой масштабной десантной операции, как на Иводзиме, где широко применялась бронетехника и тяжелая артиллерия. Тут все ограничилось лишь не приметной высадкой батальона и созданием базы, откуда в каждую деревушку были направлены крохотные отряды морских пехотинцев. Они получали значительную поддержку со стороны полиции, разведки и строительных бригад, которые восстанавливали гражданские объекты. Ну и, конечно, имелось большое количество ресурсов снабжения, обеспечивавших нормальный жизненный уровень, медицинское обслуживание и образование местного населения. Поскольку относительно малым количеством сель-

ских общин занимались весьма квалифицированные специалисты, успех был гарантирован. Практика фальшивых отчетов, согласно которым любая деревня, независимо от ее подлинного статуса, могла быть причислена к разряду «полностью контролируемых правительством», превратилась в постыдное явление прошлого. Та же участь постигла и пагубную практику создания несметных полчищ беженцев. Прекратили свое существование и некогда изолированные, удаленные поселения, а их жители были перевезены в более крупные деревни, где получили превосходное жилье и пользовались различными льготами. С точки зрения крестьян, лучшей льготой было бесплатное предоставление больших наделов земли. Количество земельных участков, за которые нужно было вносить арендную плату, снизилось с 86 до 22 процентов, из которых лишь 4 процента принадлежали землевладельцам, проживавшим на расстоянии свыше десяти миль от сдаваемого в аренду участка.

Что же касается безопасности, то каждая деревня теперь была укреплена, а жители ее — вооружены и под руководством морских пехотинцев несли ночную караульную службу. В крайнем случае центральная база морских пехотинцев могла бы послать в контратаку резервный взвод. Однако и местная оборона была достаточно надежной. Если же говорить о серьезном выступлении против ВК, то оно теперь зависело от наличия благополучных и лояльных сельских общин, где полиция своими точными и продуманными действиями могла обезвредить наиболее опасных агентов противника. Следует отметить, что естественная двойственность сознания обычного крестьянина находила понимание и сочувствие. Тут не было провокационных бесед на тему «Кто не с нами, тот против нас». Не было и хвастливых разглагольствований по поводу выполнения заданий с целью «Найти и уничтожить». Не проводились и бессмысленные прочесывания сельской местности, не имевшие ни единого шанса выло-

вить случайно оказавшегося в округе партизана. Не устраивались также и внешне эффектные, но слишком дорогостоящие и не имевшие определенной цели засады, не наносились воздушные удары по небольшим группам военнослужащих, которые предположительно могли оказаться вражескими отрядами.

Американцы исходили из того, что чем более мощные орудия используются, тем выше риск совершить ошибку и нанести «побочный ущерб». Избитая фраза о том, что «когда лес рубят, щепки летят», теперь воспринималась как вопиющее надругательство над принципами гуманизма. Любой непреднамеренный ущерб, нанесенный гражданским лицам или их собственности, рассматривался как серьезный срыв выполнения основной задачи, которая заключалась в завоевании умов и сердец вьетнамского крестьянства. Эта проблема рассматривалась очень серьезно, и пострадавшим гарантировалась выплата солидной компенсации, восстановление разрушенного или другие формы восполнения нанесенного им ущерба. Ответственные за такие ошибки привлекались к суду и подвергались наказанию. Но, вероятно, особенно важным было то, что в прессе всегда появлялось полное и правдивое сообщение о подобном инциденте. Образ мысли сотрудников сил безопасности, в основе которого лежало недалновидное желание скрыть истинное положение дел, изменился в пользу дальновидной решимости говорить только правду, какой бы неприглядной она ни была. При малейшем отступлении от этого курса поддержка и доверие американского общества не смогли бы остаться прежними, а это сказалось бы на всей жизни США, в том числе и на президентских выборах 1968 года.

До весны 1965 года внешняя политика Линдона Джонсона в отношении Вьетнама подвергалась лишь незначительной критике со стороны американского общества. Было признано, что в январе 1964 года президент действовал решительно, так что впоследствии не было никаких

крупных кризисов, если не брать в расчет нескольких появившихся в газетах броских заголовков. В стране практически не было несогласных с президентским курсом, если не считать некоторого количества американских университетов, стоявших на левых позициях, а также кандидата в президенты сенатора Барри Голдуотера, который придерживался правых взглядов. Однако Голдуотера было нетрудно обвинить в излишней воинственности, и в ноябре 1964 года Джонсон в полной мере подтвердил свои президентские полномочия. Благодаря этому он получил возможность сосредоточить все внимание на проведении реформ в самих Соединенных Штатах.

Статус вьетнамской проблемы понизился и приобрел весьма ограниченное, исключительно региональное значение. В глазах широкого общественного мнения, то, что происходило во Вьетнаме, мало чем отличалось от множества других малозаметных войн, которые выигрывали американские советники в странах Латинской Америки. Не вызывало озабоченности ни внезапное массированное развертывание войск, ни увеличение призыва на воинскую службу. Почти весь личный состав, отправленный во Вьетнам, состоял из добровольцев и профессионалов. Кроме того, сюда же были направлены призванные на службу резервисты, национальные гвардейцы и гражданские специалисты. Поэтому призывники-срочники, независимо от того, являлись ли они студентами колледжей, которые могли получить отсрочку, или же обитателями негритянских гетто, которые не имели такой возможности, не слишком боялись погибнуть на рисовых полях Вьетнама. Призванный на срочную службу молодой человек попадал в подразделение действующей армии, расположенное в каком-нибудь экзотическом, но вполне безопасном месте, как, например, Корея или Западная Германия, но еще чаще оказывался в менее экзотических условиях — в гарнизоне, дислоцированном у себя на родине, где-нибудь к югу от линии Мейсон—Диксон. В целом мас-

совая переброска людских ресурсов в Индокитай не вызвала заметного раздражения общественного мнения, так что индустрии поп-музыки пришлось искать другие источники вдохновения¹.

Тем не менее, правительство столкнулось с серьезной проблемой, которая заключалась в том, что война обещала быть затяжной. Приходилось снова и снова повторять, что победа еще далека и что неизбежна длительная и тяжелая борьба, сопряженная с невиданными потерями. Так, например, лишь спустя год была более или менее завершена операция по «умиротворению» провинции Дананг, и это удалось сделать только после того, как стало возможным расширить контроль правительственных сил над соседними районами провинции Кванг Нам. При таких темпах можно было рассчитывать, что весь процесс займет примерно 12 лет, то есть три президентских срока, из них, предположительно, два срока — президентства Джонсона, подтвердившего выбранный им курс в январе 1964 года. Но потом его должен был сменить кто-то другой, причем не известно, лидером какой партии окажется новый президент. Именно неопределенность в отношении третьего президентского срока более всего раздражала тех, кто планировал программу преобразований в Южном Вьетнаме, однако в 1965 году они мало что могли с этим поделать. Им оставалось только верить в то, что единственный путь к успеху во Вьетнаме заключается в последовательном осуществлении принципов антипов-

¹ Например, Джоан Баэз главным образом занималась обработкой народных песен времен Гражданской войны, а Боб Дилан сосредоточился на сочинении искрометных куплетов, посвященных расовым проблемам. Кстати, эти двое так и не встретились. Исполнитель песен в стиле «кантри» Джо Макдональд и его группа «Фиш» были приглашены на президентский прием, устроенный в честь переизбрания Джонсона на выборах 1968 года. Там они исполнили свои популярные песенки о футболе.

станческой борьбы, а не в спонтанных мерах, которые приведут лишь к временному решению проблемы.

Другим серьезным осложнением оказалась возможная эскалация северовьетнамской интервенции. В 1964 году эта проблема не обсуждалась на высшем уровне, так как в самый разгар кампании, то есть с ноября 1964 по март 1965 года, благодаря тому, что дул северо-восточный муссон, наступила долгожданная передышка. Это не только пошло на пользу начальному этапу реализации программы «умиротворения», но также способствовало наращиванию сил АРВ, предназначенных для выполнения традиционных задач в пограничных районах. Затем, когда уже дул юго-западный муссон, то есть с мая по октябрь 1965 года, климатические условия затруднили передвижения войск, хотя именно в это время поступили донесения об усилении активности СВА на всем протяжении Тропы Хо Ши Мина, проходившей через Лаос и Камбоджу. Подобная активность была отмечена и на Центральном нагорье. В тот момент северовьетнамское правительство решало вопрос, следует ли ему значительно расширить сферу активных действий во время предстоящей военной кампании.

С одной стороны, имелась группа нетерпеливых командиров, которые выдвигали аргументы в пользу немедленного нанесения удара по АРВ силами регулярных северовьетнамских войск. По-прежнему воспринимая АРВ как неэффективную и уязвимую структуру, они считали, что могут разрезать Южный Вьетнам надвое посредством дерзкого удара, нанесенного из долины Йа Дранг в провинции Плейку в направлении побережья провинции Бинь Динь. Против этой точки зрения выступал генерал Во Нгуен Дзяп, который в 1954 году добился триумфа в сражении при Дьен Бьень Фу. Он указал на сомнительный риск преждевременного перехода к традиционной фазе ведения боевых действий. Генерал доказывал, что при отсутствии массированного развертывания американских войск «деревенская война» на Юге, как и прежде, может быть выиг-

рана одними лишь партизанскими методами. На самом деле полномасштабное участие в войне регулярных подразделений СВА вполне могло вызвать ответную реакцию США, которая значительно затруднила бы выполнение всей задачи. Согласно мнению генерала, лучше было бы без лишнего шума использовать в своих целях то, что он принимал за слабый ответный ход Америки.

После продолжительных дебатов ветеран Дзяп все же настоял на своем, и в октябре того же года состоялось одно наступление на долину Йа Дранг, которое осуществлялось силами двух батальонов. Оно было направлено против лагеря сил спецназначения «Монтаньяр», расположенного в Плей Ме. Лагерь этот очень упорно защищался, а южновьетнамские силы сумели оказать ему помощь, выслав из Плейку колонну бронетехники. Решительные ответные действия АРВ сами по себе оказались неожиданностью для войск северян. Впрочем, 11 ноября они были моментально сведены на нет силами ВК, которые очень удачно организовали засаду в районе Ап Бау Банг, на автодороге № 13 севернее Сайгона. В эту ловушку угодил пехотный полк АРВ. Таким образом, ханойские стратеги могли, как и прежде, считать АРВ слабой, а ВК — сильным. Коммунисты все еще не замечали, что ситуация медленно, но верно меняется.

Железный треугольник, январь 1967 года

По истечении трех лет с момента введения в действие плана Томпсона — Макнамары ситуация в Южном Вьетнаме изменилась весьма значительно. Продолжалась «деревенская война», которая, несмотря на несколько заметных неудач, велась в основном согласно выработанному плану. Что же касается «вьетнамизации» традиционной войны, то и она осуществлялась весьма быстрыми темпами. Основная ставка делалась на бронетехнику, артилле-

рию и истребители-бомбардировщики, способные нанести удары по наземным целям. Всеобщее восхищение вызвала новая винтовка М-16. Солдаты получили оружие, не уступающее автомату АК-47, который был на вооружении у коммунистов. Этот факт развеял подозрения южных вьетнамцев в том, что им подсовывают только второсортный товар. Что касается вертолетов, этим машинам, напротив, отводилась лишь вспомогательная роль, так как было признано, что они слишком уязвимы и имеют слишком слабое вооружение для того, чтобы вести серьезные боевые действия. Вертолеты можно было использовать лишь для высадки пехотинцев в джунгли, правда, тогда солдатам пришлось бы оставить тяжелое вооружение, а их действия оказались бы лишены мобильности, так как передвигаться им пришлось бы только пешком. Таким образом, подобные высадки не давали тактического преимущества над противником, и, по всей вероятности, пехотинцам пришлось бы, уклоняясь от столкновения с неприятелем, искать безопасное место для посадки другого вертолета, который восполнил бы припасы и вывез бы убитых и раненых. Вместо того чтобы стать главным инструментом ведения боевых действий, вертолеты эпизодически использовались для проведения разведки боем, а также для доставки снаряжения и боеприпасов. Кроме того, они могли выполнять разнообразные задачи в качестве средства связи и как транспортное средство медицинской службы. Несмотря на совершенно фантастические заявления высокооплачиваемых групп, лоббировавших закупки вертолетов, эти машины никоим образом не могли заменить танки и штурмовики, которые были оптимальным оружием для обеспечения огневой мощи и мобильности¹.

¹ О тактическом превосходстве танков над вертолетами в условиях вьетнамской местности см.: *Starry. Mounted Combat in Vietnam*. Анализ неэффективности тактики вертолетно-десантных ударов приведен в книге автора этого очерка «Forward into Battle», p. 136—162.

Первое настоящее испытание обновленных сил АРВ состоялось в ходе кампании 1966—1967 гг., когда северные вьетнамцы наконец решились совершить прорыв через границу основными силами регулярной армии. Очевидно, они в конце концов поняли, что равновесие сил на Юге стремительно меняется не в их пользу. Поэтому коммунисты решили сконцентрировать свои главные силы в Железном треугольнике. Так называлась местность, расположенная южнее деревень Бен Сук и Бен Кат, примерно в 25 милях к северу от центра Сайгона. Отсюда коммунисты хотели нанести по столице удар, который, как они надеялись, оказался бы для их врага смертельным. Однако благодаря хорошо налаженной разведке, силы АРВ были предупреждены об этой угрозе. Восьмого января началась целая серия ожесточенных сражений, которые впоследствии стали известны как кампания «Син Лой». Она продолжалась весь март, и в конце этой кампании ни одна из сторон не могла уверенно заявить о том, что одержала победу¹. Возможно, войска АРВ не сражались так же эффективно, как это делали бы на их месте американцы, но, с другой стороны, они не рисковали вести решительные наступательные действия против глубоко эшелонированных, укрепленных траншеями фортификационных зон противника. После нескольких неприятных поражений АРВ одержала несколько настоящих побед. Эта кампания представляла собой начало военного

¹ Потери АРВ в ходе операции «Син Лой» составили примерно 12 500 человек убитыми и ранеными. Впрочем, командование АРВ заявило, что потери СВА вдвое превышают эту цифру. Такая диспропорция объясняется тем, что АРВ придерживалась тактики обороны небольших, но оснащенных тяжелым вооружением опорных пунктов. Штурмуя позиции АРВ, цвет северовьетнамской армии приносил себя в жертву, так как атаки на эти пункты обычно, хотя и не всегда, заканчивались неудачей. С другой стороны, и АРВ не сумела достичь серьезных успехов, атакуя укрепленные районы и ходы сообщений СВА.

столкновения главных сил противоборствующих сторон, и в целом, вопреки предсказаниям некоторых циников, южновьетнамские войска себя не скомпрометировали.

Одной из главных удач разведки оказалось неожиданно сделанное британской разведкой открытие, что находящиеся в Железном треугольнике коммунисты проложили линию коммуникаций не на северо-восток, по всей длине Тропы Хо Ши Мина вплоть до Ханоя, а на запад, в направлении побережья Камбоджи, где находился порт Сиануквиль, в который прибывали суда стран Советского блока и Китая. Отсюда пришедшие по морю грузы можно было кратчайшим маршрутом доставлять в самое сердце Южного Вьетнама. В мае планировалось нанести мощный удар по Тропе Сианука. Эта операция получила кодовое название «Тоан Танг» и означала откровенное посягательство американцев на нейтралитет Камбоджи, однако президент Джонсон нашел выход из положения. Мировому сообществу были предъявлены фотографии, которые убедительно доказывали, что своим военным присутствием в Камбодже Северный Вьетнам злоупотребил гостеприимством этой страны. Поскольку территория Камбоджи не подвергалась несанкционированным бомбардировкам и там не проводились какие-либо тайные операции, а широкого движения протеста против Вьетнамской войны просто не существовало, эта открытая дипломатическая инициатива была воспринята мировым сообществом приблизительно так же, как и демонстрация Кеннеди фотографий советских ракетных баз на Кубе. Сама же операция АРВ «Тоан Танг» оказалась чрезвычайно успешной. Недалеко от границы, в джунглях к северу от Сайгона, были обнаружены большие запасы провизии и боеприпасов. Чтобы предотвратить дальнейший ввоз грузов, порт Сиануквиль был заминирован, но так, чтобы от этого не пострадало камбоджийское население.

Между тем «деревенская война», в которой удачно сочетались действия военных и гражданских профессиона-

лов из Южного Вьетнама и союзных ему стран, уже стала приносить положительные результаты. Так, например, в провинции Фуок Тай австралийцы ввели учителей и медсестер в состав военных групп, расквартированных в каждой деревушке. Оказалось, что эта мера в сочетании с проведением жизненно важной программы земельных реформ отвратила от ВК множество потенциальных рекрутов.

Вне всяких сомнений, союзники все еще продолжали нести потери, вызванные огнем снайперов, минами и периодическими, хорошо спланированными нападениями противника. В результате одного из таких нападений, случившегося в августе 1966 года, была полностью опустошена деревня Цза Лонг Тан. Было убито 22 человека из состава сил безопасности и гражданских рабочих. Это поражение вызвало довольно мощную негативную реакцию во всем мире, но в конце концов все пришли к единому мнению, что если бы не были приняты серьезные антиповстанческие меры, то, вполне возможно, количество сражений и потерь увеличилось бы как минимум в десять раз. Количество граждан свободного мира, убитых во Вьетнаме в период с января 1964 года по январь 1968 года составило ужасающую цифру — 2896 человек, в том числе 6 журналистов и 148 медицинских работников. Однако в среднем это составляло всего лишь 724 убитых в год, или 2 убитых в день, что было намного ниже уровня потерь в любой серьезной войне, которую когда-либо вело человечество. Это было значительно меньше, чем 18 тысяч погибших за четыре года (то есть 4500 человек в год, или 12 — в день), а ведь именно такое количество потерь некоторые специалисты определили как минимальное в случае, если бы американцы начали эскалацию полномасштабной войны и если бы ход «деревенской войны» оказался менее контролируемым.

По мере того, как росло количество «умиротворенных» деревень, росла и потребность в привлечении все новых людских ресурсов Запада. Постоянно возникали новые и

новые задачи, такие как, например, выполнение ускоренной программы обучения кадров АРВ, создание нового глубоководного порта в бухте Камрань и строительство взлетно-посадочных полос для реактивных самолетов. Возникла потребность и в специалистах по материально-техническому обеспечению, которые могли бы справиться с огромным потоком непрерывно поступающих грузов, предназначенных для новых деревень. Как правило, это были строительные материалы, сельскохозяйственная техника, автотранспортные средства, медикаменты и всевозможные товары широкого потребления. Общая численность иностранного персонала, который находился в Южном Вьетнаме, постепенно увеличилась с 80 тысяч человек до более чем 120 тысяч человек. Впрочем, высокий процент контрактников, оставшихся на второй и третий срок, свидетельствовал о том, что к концу 1968 года общее количество тех, кто находился во Вьетнаме, составляло 250 тысяч человек, то есть одну десятую процента общей численности населения США. Соотношение было столь разительным, что испытания, выпавшие на долю этих людей, едва ли могли оставить хоть какой-то след в памяти поколения.

Сайгон, посольство США, 31 января 1968 года

Посол Лодж выглянул из окна своего кабинета. Он был обеспокоен сообщениями о новом наступлении, предпринятом СВА в районе Кесаня и долины Ашау, к северу от Хюэ, а также в провинциях Плейку и Дарлак, в Центральном нагорье. Подразделения АРВ несли тяжелые потери, а в районе Лангвей противник, используя фактор неожиданности, ввел в бой несколько легких танков¹.

¹ База в Кесани была захвачена коммунистами, и впоследствии ее так и не отбили, поскольку она находилась слишком далеко и нельзя было обеспечить эффективную

Вся страна замерла, испытывая страх перед неопределенностью. Но посла все же успокаивал тот факт, что под рукой у АРВ находилось достаточное количество подкреплений, а 400 боевых самолетов ВВС США, вылетев из Калифорнии, уже пересекали Тихий океан, чтобы ликвидировать возникший кризис. Линия фронта будет удержана, а «деревенская война» будет продолжаться до победного конца. Лозунг «Земля крестьянам!» должен стать козырной картой, которая сведет на нет поддержку ВК, несмотря на ропот и желчь зажавшихся землевладельцев, которых лишили собственности... выплатив щедрую компенсацию. Посол вздохнул и отвернулся от окна. Краем глаза заметив какое-то движение, он снова быстро выглянул в окно.

Два одетых в черное человека перебирались через стену, отделявшую сад посольства от улицы. Снаружи выла полицейская сирена. Раздался хлопок выстрела. Опасаясь, что это нападение группы командос ВК, посол бросился поднимать по тревоге охрану посольства, состоявшую из морских пехотинцев. На какое-то мгновение он почувствовал растерянность, но она очень быстро прошла. Как выяснилось, это два уличных мальчугана на мотоцикле сняли с какого-то туриста часы, но их быстро настигла полицейская машина. Лишь по чистой случайности они выбрали для бегства стену посольства, и им повезло, что удалось уйти невредимыми, так как полицейский выпустил в удаляющиеся фигуры весь боезапас своего револьвера. Морские пехотинцы немедленно арестовали нарушителей и передали их в руки того самого полицейского, ко-

поддержку. Точно так же была захвачена и база сил специального назначения в Лангвей, но в ходе боя все девять атакующих танков ПТ-76 были подбиты. Ашау стал анклавом СВА, однако важнейший прибрежный район, расположенный вокруг Хюэ и Кванг Три, удерживался так же надежно, как Плейку и Дарлак. Сообщалось о приблизительно 30 тысячах убитых и раненых военнослужащих АРВ.

торый с расстроенным видом стоял на тротуаре. Впоследствии в здании посольства был введен усиленный караул.

Этот инцидент был широко освещен в международной прессе, но рассматривался скорее как забавный курьез, а не как серьезное происшествие. Более крупные атаки СВА, такие как, например, вошедшее в историю «наступление Тет», обычно создавали в США чуть больший переполох, хотя для войск АРВ подобные акции, конечно, имели то существенное отличие, что вызывали значительное напряжение южновьетнамских сухопутных сил. Состоялось несколько серьезных и кровопролитных сражений, которые, в конечном счете, еще больше укрепили непоколебимость южных вьетнамцев. Несмотря на то, что бои порой не затихали в течение полугода, создавалось впечатление, что АРВ успешно отражает самые мощные удары Севера. Все это время американцы продолжали «умиротворение» южновьетнамских деревень согласно выработанному плану. Хотя и отмечались некоторые отступления от принятого курса, тем не менее большинство новостей, поступающих из Вьетнама, носило вполне позитивный характер. Например, пресса, особенно европейская, придавала большое значение созидательной миссии итальянских строителей, работавших в провинции Винь Бинь. Там отмечавшие завершение каждой строительной программы берсальеры в шляпах, украшенных перьями, проходили по улицам строем, трубя в свои охотничьи рожки. Американская же пресса восторгалась рождественскими историями, которые случались в деревнях, где проходили службу практичные резервисты, которых, как людей наполовину гражданских, больше привлекало строительство школ и систем канализации, нежели вступление в бой с противником. Почти монашеское бескорыстие солдат Корпуса мира должно было произвести впечатление и на американскую публику. Где бы ни происходили боевые столкновения резервистов с противником, чаще всего они представляли собой героич-

ческие попытки защитить «подшефных сельчан» от нападений ВК.

В ноябре президент Джонсон был переизбран на второй срок подавляющим большинством голосов. Его программы внутренних реформ, направленных на создание «Великого общества», достигли по крайней мере краткосрочного успеха и помогли ослабить расовую напряженность. На принятый им в свой первый президентский срок курс ничуть не повлияло участие в рискованном зарубежном предприятии.

Посольство США в Сайгоне, 30 апреля 1975 года

После «наступления Тет» СВА предприняла традиционное рождественское наступление в малонаселенные приграничные районы, но столкнулась со стойкой обороной все более уверенной в своих силах АРВ, материально-техническое снабжение которой, как и экспертную помощь, обеспечивали американцы. В густонаселенной прибрежной полосе программа по «умиротворению» деревень постепенно набирала темп, пока в 1974 году не добралась до 432 деревень в провинциях Лонг Ань и Динь Туонг, жители которых сплошь были повстанцами. Эти блокированные США деревни оказались последними бастионами ВК. Южный Вьетнам постепенно становился гордым и уверенным в себе государством, что так и осталось недостижимой задачей во времена Дьема, который правил страной десятилетие назад.

Между тем в 1972 году подошел к концу второй президентский срок Джонсона. Преемником его стал деятельный и положительный во всех отношениях Хьюберт Хамфри, который при Джонсоне занимал пост вице-президента. Кандидатом от республиканцев был Ричард Никсон, который однажды уже проиграл президентскую гонку, а теперь и вовсе покончил свою политическую

жизнь самоубийством, так как его люди тайно проникли в офисы демократической партии, расположенные в отеле «Уотергейт». Когда это раскрылось, разгорелся большой скандал. Хамфри успешно закончил гонку, набрав подавляющее большинство голосов. Все эти события в целом позитивно отразились на Южном Вьетнаме, так как они обеспечили необходимую для страны преемственность политики США на период свыше 13 лет и гарантировали долгосрочную перспективу предоставления Вьетнаму помощи и реализации программ, которые уже начали давать столь положительные результаты. Сэр Роберт Томпсон понял, что может наконец уйти в отставку и в спокойной обстановке наслаждаться своим любимым охлажденным виски с содовой и льдом¹.

30 апреля 1975 года на крышу посольства США в Сайгоне сел вертолет. Только здесь можно было спастись от ликующей толпы, запрудившей улицы столицы. Из вертолета вышел президент Хамфри, который привез поздравительные послания своему новому послу и главе Южного Вьетнама, президенту Ки. Было объявлено, что программа «умиротворения» деревень повсеместно успешно завершена и что деятельность ВК полностью пресечена. Агрессия Северного Вьетнама была успешно отражена, а СВА — разбита на полях сражений. Хо Ши Мин умер, а его преемники, входившие в состав ханойского правительства, всерьез обсуждали вопрос заключения длительного мира. Так что в Сайгоне было что праздновать. Когда президентский вертолет наконец сел на палубу поджидавшего в бухте авианосца, матросы палубной команды немедленно занялись им, чтобы законсервировать машину и сделать из нее музейный экспонат, символ окончательной победы. Один из них пошутил: «Нам бы следо-

¹ Однажды автор этого очерка навлек на себя гнев Томпсона, поскольку предложил ему недостаточно охлажденный стакан виски.

вало выбросить его за борт, от греха подальше». Однако этому совету американцы не последовали.

В конце 1970-х и в 1980-е годы военное положение Южного Вьетнама настолько улучшилось, что можно было начать постепенный вывод войск, так что большая часть воинских контингентов союзников, испытывая удовлетворение от хорошо выполненной работы, вернулась домой. Война закончилась, начался резкий подъем благосостояния населения. Впрочем, в стране осталось некоторое количество американских войск, численность которых была сравнима с численностью контингента, несшего службу в Южной Корее. Между тем незаметно назревал крах международного коммунизма. В 1990 году была разрушена Берлинская стена и развалился Советский Союз. В это время пришло дружественное послание из Северного Вьетнама, в котором сообщалось, что Ханой готов вести переговоры о воссоединении с Югом на братских условиях, которые могут быть предложены южновьетнамской стороной. Предложение было с готовностью принято, и уже в 1992 году единое вьетнамское государство на правах лидера вошло в состав группы так называемых «Больших тигров экономики Юго-Восточной Азии».

В действительности

В последовавшие за гибелью Дьема и Кеннеди ноябрьские недели 1963 года для Южного Вьетнама действительно открылись большие перспективы. Однако момент был упущен, и 30 января 1964 года произошел второй военный переворот, который возглавил Нгуен Кань. Страна вступила в полосу нестабильности, чем умело воспользовался ВК. К началу следующего года американцы убедились в том, что их действия, направленные на осуществление программы по борьбе с повстанцами, слишком плохо органи-

зованы и малоэффективны, так что единственной альтернативой уходу оказалось масштабное развертывание крупных военных соединений и ведение традиционных боевых действий. Очень скоро в этом развертывании принимало участие более полумиллиона военнослужащих, многие из которых были призывниками, что, как известно, привело к социальной напряженности внутри самих США. С северовьетнамской стороны немедленно была предпринята попытка противопоставить американской эскалации наращивание собственных регулярных войск. Генерал Дзяп не сумел убедить своих товарищей в том, что войну следует, как и прежде, вести силами ВК. В результате целая дивизия СВА, направленная в долину Йа Дранг, была разбита 1-й аэромобильной дивизией США. Тем временем бои при Ап Баубанг закончились триумфом американских бронетанковых сил. После этих событий произошло еще множество других серьезных столкновений, каковых едва ли можно было избежать, поскольку они начинались с многообещающих десантно-вертолетных ударов по необитаемым районам, где наверняка скрывались подразделения СВА, у которых оставалась лишь одна возможность — тщетно биться головой о стены сторожевых бастионов свободного мира.

И хотя с точки зрения тактики и вооружения, применявшихся в традиционной войне, американцы превосходили противника, в отношении стратегии они допустили серьезный просчет, так как сосредоточили максимум усилий и огневой мощи на пограничных районах, а «деревенскую войну» предоставили вести коррумпированной верхушке АРВ, которая и не пыталась проводить реформы. Ход событий, изложенных в настоящем очерке, основан на том допущении, что в этой войне полностью могли быть изменены приоритеты и что все звенья командной иерархии действовали согласованно и по единому плану. В период изматывающих кризисов 1966 года посол США во Вьетнаме Максвелл Тэйлор особенно на-

глядно показал, что он не в состоянии справиться с этой задачей.

Что касается конкретных событий, то операция «Син Лой» на самом деле была «американским наступлением», получившим название «Сидар Фолз». Она действительно началась 8 января 1967 года и представляла собой значительно более амбициозную операцию американских войск, нежели упомянутое здесь сражение, в котором приняли участие подразделения АРВ. Впрочем, ее финал едва ли оказался столь же триумфальным. Операция «Тоан Танг» состоялась не в 1967 году, а в мае 1970 года и происходила в гораздо более неблагоприятной дипломатической обстановке. Битва при Цза Лонг Тан, выигранная австралийцами в 1966 году, стала победой свободного мира, тогда как «наступление Тет» (проникновение на территорию посольства США в Сайгоне) оказалось серьезным поражением в пропагандистской войне. В целом к исходу 1968 года общее количество погибших во Вьетнаме американцев приближалось к 18 тысячам человек — к цифре, которая в этом тексте приводится лишь как гипотетическая и совершенно недопустимая.

Джон Б. Берт

НА КРАЮ ПРОПАСТИ. Ближний Восток, июнь 1967 года

Опасность, а это действительно смертельная опасность, заключается в сочетании неблагоприятного стечения обстоятельств и рокового просчета. Существует риск того, что люди, которые стоят у власти в данном регионе, могут неправильно понять или неверно истолковать чужие намерения.

*Госсекретарь США Дин Раск,
22 мая 1967 года*

Восточное Средиземноморье

Пять эсминцев и крейсер УРО «Литтл-Рок» из состава эскорта оперативного соединения рассредоточились вокруг гигантского авианосца «Америка», на котором, как обычно, кипела работа по подготовке к запуску самолетов. Деятельность на борту авианосца приобрела такой интенсивный характер, что это заметили на всех кораблях соединения. На берегу, при-

мерно в ста милях отсюда, столкнулись израильские и арабские войска, вступившие в противодействие на всем пространстве от Иерусалима до Синая. Однако причиной непосредственного беспокойства послужило присутствие советского оперативного соединения в составе эсминцев и крейсера, которое тайно двигалось за линией горизонта. Намерения русских не были известны, но, судя по тону последних советских высказываний об Израиле и о Западе вообще, от усиленного военно-морского присутствия СССР можно было ожидать самого худшего. Именно поэтому на кораблях ударной группы США была объявлена третья степень боеготовности и большая часть вооружения была готова к немедленному использованию. В эпицентре всей этой заварухи находился советский эсминец УРО класса «Кашин» под номером 381¹. Он повторял каждый маневр американского соединения, а теперь на всех парах шел наперерез авианосцу «Америка».

Негромко выругавшись, командир авианосца капитан первого ранга Дональд Энджин приказал рулевому слегка изменить курс, чтобы разминуться с советским кораблем. Стоявший позади Энджина командир 60-го оперативного соединения контр-адмирал Лоуренс Джейс поднял трубку телефона.

— Передайте на «Лоу», чтобы они убрали с дороги корабль красных, — рявкнул он в трубку.

Энджин посмотрел на командира, вопросительно подняв брови. Ситуация была достаточно напряженной: израильские и арабские войска сражались друг с другом, а их покровители оспаривали правоту сторон в ООН, выставив ее на суд мирового общественного мнения. Советско-американское противостояние исключало какой-

¹ Здесь и далее типы советских кораблей и ракет приводятся в соответствии с классификацией, которая была принята в НАТО. — *Примеч. ред.*

либо дополнительный риск. Джейс лишь кивнул старшему капитану своего соединения.

— Приказ Шестого флота, — пояснил он.

Этот приказ был адресован «Уильяму С. Лоу» — американскому эсминцу класса «Джиринг», который увеличил скорость, чтобы встать между авианосцем и 381-м. Почти сразу же эфир заполнили протесты — как советские, так и американские. Два корабля сближались и расходились, несколько раз чуть было не столкнувшись друг с другом. Американский эсминец «Томас» бросился на помощь своему собрату, но в этот момент капитаны двух противоборствующих кораблей допустили просчет. «Лоу» и 381-й со скрежетом столкнулись бортами. Удар сбил моряков обеих команд с ног.

Точная последовательность событий, случившихся вслед за столкновением, всегда будет вызывать сомнения, поскольку ни один из капитанов не уцелел. Сообщения американских и советских источников противоречили друг другу. СССР утверждал, что американский корабль намеренно спровоцировал столкновение и открыл огонь, на который вынужден был ответить 381-й. Американцы настаивали на том, что советский корабль первым открыл огонь, не имея на то серьезных оснований.

Независимо от подлинной причины инцидента, ход дальнейших событий не вызывает никаких сомнений. Две управляемые ракеты «Гоа», с ревом стартовавшие с носовой части советского корабля, попали в авианосец «Америка», который шел на полной скорости в 1500 ярдах от места столкновения. Одна ракета попала в стоявший на палубе штурмовик А-4 «Скайхок» и взорвалась. Взрыв вызвал детонацию боезапаса самолета. Другая, врезавшись в ангарную палубу, вызвала серию взрывов и сильнейший пожар.

«Холодная война» внезапно превратилась в «горячую».

Предпосылки

К 1967 году «холодная война» продолжалась уже более 20 лет. Для Союза Советских Социалистических Республик это было трудное время. Страна только-только стала оправляться от последствий правления Сталина и Хрущева, которые привели Советский Союз к военному и экономическому отставанию от Запада.

Разочарование, вызванное этим обстоятельством, усугублялось еще и тем, что произошел целый ряд расколов внутри международного коммунистического движения. Соединенные Штаты начали интервенцию во Вьетнам, тем самым предотвратив многообещающее поглощение Юга просоветским Севером. Коммунистические силы Конго потерпели поражение. Было смещено несколько левых лидеров: Сукарно в Индонезии, Бен Белла в Алжире и Нкрума в Гане. А совсем недавно, в апреле 1967 года, было низвержено левое крыло правительства Греции. Однако хуже всего было то, что до сих пор продолжался спор с коммунистами Китая за идейное и фактическое руководство международным коммунистическим движением.

Единственным уголком мира, который, казалось, пойдет по советскому пути развития, был Ближний Восток. Совершенные Западом просчеты и возникшие вследствие этого проблемы открыли двери в регион перед Советами, которые в 1955 году заключили с египтянами соглашение о поставках оружия. Авторитет СССР резко возрос, когда в 1956 году Великобритания, Франция и Израиль, объединив свои усилия, напали на Египет с целью установить контроль над Суэцким каналом. С того времени СССР стал главным союзником нескольких крупнейших арабских государств, наибольший вес среди которых имели Египет и Сирия.

Что касается Египта, он представлял для Советов глобальный интерес. Они могли вступить в дружеские отно-

шения с арабским лидером международного уровня — президентом Египта Гамалем Абдель Насером, что открывало им доступ в Африку и страны арабского мира. Благодаря этому возникал потенциал, необходимый для воздействия на страны региона, который, по причине запасов нефти, был крайне важен для Запада. Главный враг СССР, Соединенные Штаты, не зависели от арабской нефти, но европейские союзники американцев получали 80 процентов потребляемой ими нефти из стран Ближнего Востока¹.

Интересы русских в Сирии главным образом были связаны с вопросами национальной безопасности, так как дружественные отношения с этой страной укрепляли южный фланг СССР.

Видя неуклонный рост собственного влияния в этом регионе, СССР, естественно, надеялся именно здесь если не разбить, то хотя бы унижить Запад и в первую очередь — Соединенные Штаты.

Что касается Соединенных Штатов, в 1967 году их главной целью была международная стабильность. Американцы чувствовали, что проигрывают «холодную войну». Экономические неудачи и политические раздоры немилосердно терзали Североатлантический блок НАТО. Западная Германия решила, что больше не в состоянии закупать новое оружие и оплачивать содержание защищавших ее союзных войск. Чтобы выполнить обязательства перед НАТО, Великобритании пришлось выводить свои войска из районов, расположенных к востоку от Суэца. А годом ранее Франция частично вышла из военной организации НАТО.

В дополнение к этим проблемам фактически по всему миру стремительно росло количество коммунистичес-

¹ В 1967 году Соединенные Штаты импортировали лишь 20 процентов всей потребляемой страной нефти, причем большая часть ее поступала из Венесуэлы. Однако почти вся нефть, которую США потребляли во Вьетнаме, поступала с Ближнего Востока.

ких мятежей. В особенности это было характерно для стран Латинской Америки. Инспирированные коммунистами бунты разрывали на части Гонконг. Несмотря на то, что количество американских солдат, брошенных в трясины Вьетнамской войны, достигло уже 460 тысяч человек, решение проблемы казалось столь же далеким, как и прежде, что вызывало все большее недовольство американского народа.

Как уже говорилось, Ближний Восток имел большое значение для Запада, а политика Соединенных Штатов в этом регионе была довольно запутанной. Она заключалась в посреднической деятельности с целью «уладить» Суэцкий конфликт и внедрить принципы, впоследствии получившие известность как «доктрина Эйзенхауэра», согласно которой Соединенные Штаты брали на себя обязательство «сохранять независимость и целостность государств Ближнего Востока», препятствуя любой агрессии. Наряду с оказанием значительной поддержки Израилю целью американской политики было установление самых тесных связей с консервативными арабскими режимами в таких странах, как Иордания, Саудовская Аравия и Кувейт. Для США главной проблемой в регионе являлось не советское присутствие, а ухудшение отношений с египтянами. При президенте Джоне Ф. Кеннеди американо-египетские отношения улучшались, а вот при президенте Линдоне Б. Джонсоне они оставляли желать лучшего.

Следует признать, что существовало немало причин для взаимного недовольства. Америка не испытывала восторга ни от разглагольствований Насера, ни от его подрывной деятельности, направленной против консервативных арабских режимов; достаточно вспомнить, например, поддержку революции в Йемене¹.

¹ Насер вел подрывную деятельность во многих арабских странах; в разные периоды его президентства египетские военные атташе были изгнаны из Марокко, Туниса, Ливии, Судана, Иордании, Сирии, Ирака и Саудовской Аравии.

Насеру не нравилось, что американцы, оказывая экономическую помощь иностранным государствам (например, поставляя им пшеницу) и списывая долги, использовали это обстоятельство в качестве политического рычага. Кроме того, личные отношения между двумя президентами явно были напряженными. Египетский лидер не доверял Джонсону из-за его произраильской пропаганды и негативного отношения к арабскому революционному национализму, ярким поборником которого был Насер. Он полагал, что, унижая его лично, Джонсон совершает ошибку.

К сожалению, этот регион, где СССР рассчитывал изменить в свою пользу соотношение сил на международной арене, а Соединенные Штаты надеялись сохранить статус кво, был одним из наиболее нестабильных во всем мире. Здешние государства раздирали как внешние, так и внутренние противоречия. Особенно это касалось Египта, Сирии, Иордании и Израиля.

Египет переживал не лучшие времена. Несмотря на внутривластную стабильность (Насер находился у власти с 1952 года, хотя официально стал президентом только в 1956 году), страна из-за огромных долгов находилась в состоянии экономического застоя. Сумма внешнего и внутреннего долга Египта составляла более четырех миллиардов долларов. Международные банки больше не предоставляли стране кредиты, что вызывало приостановку реализации социальных программ. Чрезмерные политические и стратегические амбиции Насера также не способствовали улучшению ситуации. Например, война в Йемене отвлекала значительную часть египетских военнослужащих и обходилась примерно в 60 млн долларов ежегодно, причем никаких перспектив ее завершения в обозримом будущем не наблюдалось. Многие проблемы региона возникли в результате того, что Насер попытался встать во главе арабского национально-освободительного движения. Как уже было отмечено, в этом заключалось

его отличие от большинства руководителей других арабских стран.

Сирия столкнулась со многими из проблем, которые стояли перед Египтом; помимо этого, страна отличалась также крайней внутривластной нестабильностью. За 21 год независимости здесь сменилось 23 правительства, а восемь военных переворотов лишь усугубили неустойчивость внутреннего положения. В результате последнего переворота, который случился в феврале 1966 года, к власти пришли руководители левой партии «Баас». Однако после их прихода к власти имели место две неудачные попытки совершить переворот. Сирийские лидеры пытались скрыть внутреннюю нестабильность посредством репрессивных мер и постоянного сосредоточения внимания на внешних врагах, особенно на Израиле и Соединенных Штатах. Сирийцы поддерживали палестинскую организацию «Фатах» и одобряли ее рейды на территорию Израиля¹.

Сирийские лидеры выступали с грубыми нападками на Иорданию и Египет, обвиняя тех в трусливом отказе поддерживать вооруженные нападения на еврейское государство.

Хашимитское королевство Иордания было относительно стабильным, хотя и наиболее слабым из трех арабских государств, с которыми граничил Израиль. Эта небольшая страна, которой с 1953 года правил король Хусейн бен Талал, отличалась от двух других тем, что находилась в значительной экономической и военной зависимости от За-

¹ Харакат аль Тахрир аль Фалистине (Движение Освобождения Палестины, или «Фатах») являлась палестинской организацией, созданной в 1959 году. Позже, в 1968 году, она слилась с Организацией Освобождения Палестины и уже со следующего года стала играть ведущую роль в борьбе с Израилем. Военное крыло организации «Фатах» — «Аль-Асифа» впервые осуществило рейд на территорию Израиля 1 января 1965 года.

пада. Ее территории, расположенные к западу от реки Иордан и обычно называемые Западным берегом реки Иордан, фактически окружали разделенный город Иерусалим, что подвергало Иорданию постоянной опасности конфликта с Израилем, который домогался этих территорий. Умеренная позиция в отношении еврейского государства и тесные связи с Западом отличали политику Хусейна от политики Сирии и Египта.

Был еще и Израиль. Это государство образовалось после того, как 29 ноября 1947 года ООН приняла план раздела Палестины, согласно которому подмандатная Британии территория Палестины была разделена на еврейское государство, арабское государство и открытый город Иерусалим. План ООН спровоцировал конфликт между еврейскими поселенцами, обосновавшимися на бывшей подмандатной территории, и их арабскими соседями. 14 мая 1948 года Израиль провозгласил независимость, что вызвало немедленное вторжение арабских войск из Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Ливана. Ввод сил ООН вынудил сражавшиеся стороны прекратить огонь, но затем бои снова возобновились. Сражаясь против раздробленных арабских войск, которые действовали несогласованно, Израилю удалось захватить определенную территорию до того, как боевые действия были вновь прекращены. Наиболее важным последствием оказалось то, что арабское государство в Палестине так и не было создано.

В период перемирия спонтанно вспыхивали отдельные военные конфликты, такие как, например, Суэцкий конфликт, в ходе которого Израиль отнял у Египта большую часть Синайского полуострова. В результате мирных переговоров, которые начались после окончания этой войны, большинство израильских территориальных приобретений вернулось арабам в обмен на гарантии безопасности, предоставленные Соединенными Штатами. В 1965 году рейды арабских террористов (или, если угод-

но, борцов за свободу) стали более интенсивными и жестокими. Израиль обратился в ООН, но его просьбы оказать противодействие террористам и тем, кто их поддерживает, не были удовлетворены. Ответные рейды также не смогли остановить нападения террористов¹.

К середине 1967 года в Израиле наступил экономический спад и общество оказалось втянуто в дискуссию о том, что же делать с арабскими террористами. В то время партией большинства в израильском парламенте являлась партия «Мапай» (Мифледжет Поалей Эрец Израэль — Рабочая партия Израиля), лидером которой был премьер-министр Леви Эшколь. Он высказывался в пользу оборонительной стратегии, в основе которой лежало сдерживание арабов весьма специфическими методами, неизбежно приводившими к началу военных действий. Партия «Мапам» (Мифледжет Поалим Хамеухедет — Объединенная рабочая партия) поддерживала военное решение вопроса только в случае получения поддержки со стороны какой-либо крупной державы. В «Мапам» понимали, что военная активность неизбежно приведет к тому, что Израиль окажется в эпицентре «холодной войны». Другие партии, такие как «Херут» (Тенуат Хахерут — Движение свободы), требовали от правительства оккупировать спорную территорию, чтобы остановить рейды арабов и освободить все земли, которые еще в библейские времена принадлежали Израилю².

¹ На самом деле реакция ООН на ответные меры, принятые Израилем, была более резкой, нежели на те рейды, которые эти меры вызвали. В ноябре 1966 года Израиль предпринял рейд на иорданскую деревню Саму, в котором участвовали парашютисты и танки. Эта операция переросла в ожесточенный бой с иорданским Арабским легионом. ООН осудила этот рейд, а Израиль был предупрежден о том, что ответные меры с применением оружия «неприемлемы».

² «Херут», объединив свои силы с Либеральной партией Израиля, сформировала партию, которая получила название «Гахаль». Это слияние предоставило членам более радикального «Херута» необходимую политическую базу.

В условиях постоянно растущей в регионе напряженности все стороны надеялись на то, что их вооруженные силы обеспечат безопасность и сыграют сдерживающую роль. Египет обладал самыми крупными на Ближнем Востоке вооруженными силами, оснащенными исключительно советским вооружением. Египетская армия насчитывала примерно 210 тысяч человек, которым могли оказать поддержку 1300 танков (из них примерно 450 советских основных танков Т-54/55, оснащенных 100-миллиметровыми орудиями) и более 400 боевых самолетов. Особую озабоченность у израильтян вызывали 30 бомбардировщиков средней дальности Ту-16, которыми располагал Египет. Этот двухмоторный дозвуковой бомбардировщик мог брать на борт 9 тысяч кг боевой нагрузки или две ракеты дальнего действия класса «Кеннел», каждая из которых имела боеголовку мощностью в одну тысячу килограммов тротила. Сирия, северный сосед Израиля, могла выставить 63 тысячи человек пехоты, 750 танков и 127 самолетов, в том числе 15 Ту-16. В ноябре 1966 года Египет и Сирия, ментально забыв о своих ссорах, подписали санкционированный Советским Союзом договор о взаимной обороне, согласно которому они должны были совместно действовать в случае нападения Израиля. Однако эти две страны не пришли к единому мнению в отношении того, что именно следует понимать под словом «нападение». Таким образом, этот договор скорее был работой на публику. Находившаяся восточнее Израиля Иордания располагала десятью бригадами общей численностью 50 тысяч пехотинцев и 280 танками, среди которых были американские М-48 «Паттон» и британские «Центурион».

Чтобы противостоять этим грозившим со всех сторон армиям, Израиль, полностью мобилизовав свои вооруженные силы, смог выставить 250 тысяч солдат, одну тысячу танков, в основном М-48, «центурионы» и переобо-

рудованные «шерманы», а также 300 боевых самолетов, главным образом французских «миражей» и «супермистеров».

7 апреля 1967 года небольшая пограничная стычка, начавшаяся неподалеку от Галилейского моря (Тиверидское озеро), переросла в сражение, участниками которого стали израильские и сирийские танки, артиллерия и самолеты. В результате этого боя были уничтожены шесть сирийских «мигов», а израильские самолеты победоносно пролетели над Дамаском. Инцидент привел к тому, что Сирия возобновила свои нападки на Египет, упрекая последний в том, что он не оказал помощь своему партнеру по договору. Эти упреки были поддержаны Иорданией, что поставило Насера в еще более неудобное положение. Инцидент и сыграл ключевую роль в развитии кризиса.

Апрельское столкновение привело к внутривосточному кризису в Сирии, и кризис этот представлял собой очередную угрозу стоящим у власти лидерам партии «Баас». Последующие действия Советского Союза вызвали цепь событий, которые угрожали перерасти в мировую войну.

Кризис

Последствия схватки в небе Сирии предоставили Советам возможность оказать помощь своим подопечным и создать для Запада еще одну «горячую точку» на Ближнем Востоке. В Сирии снова разразился внутривосточный кризис, а Израиль грозил сирийцам масштабными ответными мерами в случае, если продолжающиеся террористические вылазки «Фатах» не прекратятся. 13 мая 1967 года, воспользовавшись тремя различными дипломатическими каналами, СССР предупредил египетское правительство о том, что Израиль

сосредоточил на сирийской границе значительные силы и, похоже, намерен совершить вторжение, чтобы свергнуть законное правительство¹.

Советские лидеры рассчитывали, что они сумеют настолько усилить напряженность, что Соединенные Штаты будут вынуждены принять активное экономическое, политическое, а возможно, даже военное участие в конфликте на стороне Израиля, и следовательно, в значительной степени лишатся своего влияния на арабские страны. Эта фиктивная угроза также позволила бы сирийским лидерам под предлогом опасности извне полностью восстановить свой контроль в стране, заставила бы Израиль отказаться от разработки планов, направленных против Сирии, и подтолкнула бы Египет на расширение связей с Советами. Русские считали, что усилившаяся напряженность не должна закончиться военным конфликтом между Израилем и арабскими странами, как уже случилось прежде².

Но СССР также был уверен в том, что если схватка все же начнется, то арабские вооруженные силы, оснащенные советским оружием, смогут одержать победу. Действительно, крупные потери со стороны арабов могли бы сделать Насера более зависимым от советской помощи и

¹ В Каире советский посол Дмитрий Пожидаев передал эти сведения заместителю министра иностранных дел Египта Ахмаду Хассану аль Феки. Заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семенов сообщил об этом президенту Национального собрания Египта Анвару Садату, перед тем как тот выехал из Москвы на родину. И, наконец, советский офицер КГБ предупредил об этом генерального директора египетской разведки Салаха Насра.

² В феврале 1960 года СССР предупреждал Насера об израильской угрозе Сирии, что привело к увеличению численности египетских войск на Синайском полуострове, в непосредственной близости от южных границ Израиля. Египетские войска оставались тогда в пустыне в течение нескольких месяцев, а затем были выведены из этого района, поскольку дальнейшей конфронтации не предвиделось.

менее враждебным к идеям коммунизма¹. И, наконец, русские не сомневались в том, что усиление напряженности в этом регионе не приведет к прямому столкновению американских и советских вооруженных сил.

Насер резко отреагировал на поступившую в его распоряжение информацию. Не дожидаясь подтверждений того, что угроза действительно существует, он приказал своим войскам на Синайском полуострове продвинуться к южной границе Израиля. Одной из причин столь поспешной реакции были обвинения в трусости, предъявленные арабскими соседями после апрельского воздушного сражения над Галилейским морем. На следующий день передовые части египетской армии уже были в пути, вслед за ними двигалась бронетанковая дивизия.

Израильтяне сохраняли спокойствие. Они отрицали выдвинутое против них обвинение (это отрицание публично поддержали и наблюдатели ООН) и предложили советскому послу в Израиле совершить поездку в места предполагаемого сосредоточения войск. СССР отклонил это предложение, дерзко заявив, что факты, которые ему известны, не нуждаются в подтверждениях.

К 16 мая Египет сосредоточил на Синайском полуострове 30 тысяч солдат и офицеров, а также 200 танков. Израиль ограничил перемещения своих войск, так как понимал, что египетские вооруженные силы выполняют сугубо оборонительные задачи и не представляют для него прямой угрозы. Однако арабы за пределами Египта ликовали — правительства арабских стран направили поток одобрительных посланий египетскому президенту, а арабские средства массовой информации воздавали хвалу действиям Насера.

¹ В 1959 году Насер провел в Египте антикоммунистическую кампанию, вызвавшую распад египетской коммунистической партии, что повлекло за собой сильное раздражение советских лидеров.

Переполненный радостью, вызванной этими многочисленными похвалами, и воодушевленный тем, что внезапно стал героической фигурой, Насер 16 мая принял импульсивное решение потребовать отвода миротворческих сил ООН с занимаемых ими позиций. Эти силы находились на Синайском полуострове еще со времен Суэцкого конфликта и препятствовали возобновлению там боевых действий. Принимая это решение, Насер не обсудил его ни с одним из своих советников, а также не удосужился заблаговременно поставить в известность своих советских покровителей.

Генеральный секретарь ООН У Тан принял весьма спорное решение, когда приказал командующему силами ООН на Синайском полуострове отвести войска¹. Девятнадцатого мая генерал-майор Индар Джит Рикай начал отвод сил ООН. К этому времени группировка египетских войск на Синайском полуострове увеличилась до 70 тысяч человек и 700 танков. Уход сил ООН и большая численность арабских войск создавали потенциальную возможность ведения наступательных действий Египта против Израиля, который ответил на эту угрозу мобилизацией своих вооруженных сил.

СССР был удивлен требованиями, которые Насер предъявил к ООН, и, наблюдая за нарастанием противостоящих друг другу вооруженных сил, испытывал некоторый дискомфорт. Но кризис все еще оставался в рам-

¹ У Тан обосновал свое решение тем, что позиции миротворческих сил ООН находились исключительно на египетской стороне границы, а он был обязан отвести войска ООН, если об этом попросит принимающая сторона. С ним согласились три страны, воинские контингенты которых входили в состав сил ООН, — Индия, Пакистан и Югославия. Пять остальных стран — Канада, Бразилия, Дания, Норвегия и Швеция, — которые тоже направили контингенты своих войск на Ближний Восток, считали, что сначала этот вопрос следовало обсудить на Генеральной Ассамблее ООН.

ках запланированных ограничений, а главный противник, Соединенные Штаты, также стали обращать пристальное внимание на складывающуюся ситуацию. На ранней стадии развития кризиса президент Джонсон и его администрация ограничились посланиями, в которых призывали обе стороны к мирному урегулированию. Однако после отвода сил ООН они стали внимательнее наблюдать за этим регионом.

Между тем Египет продолжал наращивание своих войск на Синайском полуострове и к 22 мая уже сосредоточил на границе с Израилем четыре полностью укомплектованные дивизии. Не видя со стороны Израиля никаких ответных действий, за исключением мобилизации, а также поддавшись лести арабских стран, Насер принял еще одно непродуманное решение. Предположив, что Соединенные Штаты слишком сильно увязли во Вьетнамской войне, чтобы сыграть хоть какую-то роль на Ближнем Востоке, а также посчитав, что, опасаясь Советского Союза, Израиль будет бездействовать, Насер 23 мая заявил, что Тиранский пролив закрыт для израильского судоходства и перевозки стратегических грузов.

Тиранский пролив представляет собой проход шириной 800—1000 ярдов, отделяющий материковую часть Египта от двух скалистых островков, Тиран и Сарафир, которые находятся на входе в залив Акаба. Длина этого залива составляет 100 миль, и в самой его глубине находился израильский порт Эйлат. Хотя к 23 мая прошло уже полтора года с тех пор, как через этот пролив проследовал последний корабль под израильским флагом, однако ежемесячно через Эйлат ввозилось товаров на сумму примерно 3 млн долларов, а грузы, импортируемые через этот порт, составляли примерно 5 процентов от всех производимых в Израиле товаров. Около 90 процентов экспортируемой Израилем нефти, которая, безусловно, являлась важнейшим стратегическим сырьем, невозможно было доставить потребителю, минуя этот пролив.

Однако закрытие пролива представляло для израильтян в большей степени даже политический, нежели экономический вызов. Блокада пролива оказалась одной из важнейших причин того, что во время Суэцкого конфликта Израиль примкнул к Британии и Франции, а его открытие стало единственным реальным плодом победы, которую тогда одержал Израиль над Египтом. Выступая в 1957 году на ассамблее ООН, Голда Меир сделала следующее откровенное заявление:

«Вооруженные акции в отношении кораблей под израильским флагом, осуществляющих свободное и никому не угрожающее плавание в заливе Акаба и в Тиранском проливе, будут расцениваться Израилем как нападение, позволяющее реализовать неотъемлемое право на самооборону... и принять все необходимые меры».

Действия Насера застали врасплох всех, в особенности — СССР. Египетский лидер не только дал Израилю повод для объявления войны, но также изменил отношение Соединенных Штатов к этому кризису. Во время урегулирования Суэцкого конфликта США фактически гарантировали свободу судоходства в проливе. Джонсон предположил, что египтяне действуют согласно прямым указаниям СССР и 23 мая направил довольно резкое послание премьеру Косыгину. В этом заявлении говорилось, что «блокада является крайне опасной акцией, которая ставит под вопрос обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами, и встретит с их стороны полное неприятие».

На самом деле обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами, были вовсе не так определены. Согласно доктрине Эйзенхауэра, принятой в 1958 году, Соединенные Штаты брали на себя обязательство поддерживать территориальную целостность всех ближневосточных государств, препятствуя любой агрессии. В памятной записке, датированной февралем 1957 года, говорилось о возможности применения силы в том случае, если кораблям США будет отказано в свободном

проходе через пролив. Однако американцы должны были действовать лишь совместно с вооруженными силами других государств, чтобы защитить права этих государств на свободное судоходство в Тиранском проливе. Дополнительные сложности вызывал тот факт, что, хоть Америка и подписала оборонительные соглашения с 42 государствами, она не заключила такого договора с Израилем. Официально было заявлено лишь о серьезных моральных обязательствах по отношению к еврейскому государству.

Закрытие пролива вызвало серьезный внутривнутриполитический кризис в Израиле. Так как повсюду только и говорили, что теперь появился повод к войне, большинство израильтян требовало применения военной силы. Они считали, что это необходимо сделать хотя бы для того, чтобы на деле доказать надежность тактики военного сдерживания. С этим не соглашались Эшколь и особенно министр иностранных дел Абба Эбан. Они понимали, что сначала Израилю нужно заручиться поддержкой Запада. Остальные члены кабинета министров, хотя и неохотно, но все же согласились с этим мнением. В тот же день Эбан отправился в турне по западным столицам.

Поездка Эбана оказалась одним из серьезных дипломатических шагов, предпринимавшихся в то время всеми заинтересованными сторонами. У Тан встретился с Насером и министром иностранных дел Махмудом Риадом. Оба египетских лидера подчеркнули, что закрытие пролива стирает последние следы израильской агрессии 1956 года и является неотъемлемым правом Египта, с которым считались даже во время войны с Израилем. Но в принципе Насер согласился с предложенным двухнедельным мораторием. Предполагалось, что эта мера будет способствовать продолжению переговоров. Однако министр финансов США Роберт Андерсон и бывший посол Чарльз Йост, которым президент Джонсон поручил вести переговоры, слышали практически те же самые заявления.

Первоначально поездка Эбана была далека от успеха. Президент Франции Шарль де Голль лишь посоветовал израильтянам не нападать первыми и позволить крупным державам самим разобраться в ситуации. В Британии премьер-министр Гарольд Уилсон предложил свою моральную поддержку будущей международной флотилии кораблей, которые прорвут блокаду и обеспечат свободное судоходство. Однако этим он и ограничился.

В Вашингтоне Эбан обратился к американским лидерам с просьбой сделать заявление, в котором действия, направленные против Израиля, рассматривались бы как действия, направленные против США. Однако и президент Джонсон, и госсекретарь Дин Раск были против столь общего заявления. Они хотели, чтобы Израиль подождал, пока международное сообщество не начнет действовать и не снимет блокаду. Джонсон категорически заявил, что «если Израиль перейдет в атаку, то ему придется делать это в полном одиночестве». Джонсон посоветовал Израилю вытерпеть до конца моратория, о котором У Тан договорился с Насером, а уж тогда они все вместе начнут, как он выразился, международную регату, которую обещала поддержать и Британия.

Эбан ответил, что в обмен на двухнедельное ожидание Израилю потребуются более твердые гарантии. Он язвительно заметил, что продолжительная отсрочка лишит израильских военных уверенности в том, что они сумеют сдержать будущие нападения, а это сделает реальной угрозой непрерывной войны. Джонсон не хотел связывать Соединенные Штаты лишними обязательствами, не заручившись поддержкой Конгресса. Однако госсекретарь Раск в частной беседе с президентом заметил, что в случае бездействия США могут легко потерять авторитет в глазах своих союзников.

Покидая 27 мая Вашингтон, Эбан увез с собой обещание, суть которого заключалась в том, что если «международная регата» не состоится, то 14 июня Америка в од-

ностороннем порядке предпримет действия с целью открыть Тиранский пролив для судоходства. В качестве дополнительного проявления взаимного доверия Джонсон распорядился тайно перебросить на Ближний Восток эскадрилью самолетов фоторазведки RF-4C, дислоцированных на базе ВВС Рамштайн в Германии. Эти самолеты должны были помочь израильтянам следить за передвижениями арабских войск в приграничных районах. Таким образом Израиль получал в свое распоряжение то, чем не располагал ни один из его соседей. Кроме того, Шестой флот США получил приказ следовать в Восточное Средиземноморье. Две отдельные ударные группы во главе с авианосцами «Саратога» и «Америка» немедленно двинулись в направлении острова Крит.

Пока продолжались дипломатические встречи на высшем уровне, дебаты, развернувшиеся в средствах массовой информации, ежечасно вносили свои коррективы в углубляющийся кризис. СССР, несмотря на заверения Вашингтона в том, что тот рекомендовал своим подопечным ослабить напряженность, заполнил радиоэфир предупреждениями о намерениях Израиля и США. Арабам внушали, что тысячи американских морских пехотинцев и семь авианосцев уже в пути и что они будут воевать на стороне Израиля¹. Кроме того, СССР заявлял о намерении усилить свои небольшие военно-морские силы в Средиземном море с целью сделать их противовесом Шестому флоту США.

Арабы высказывались еще более резко. Теперь целью переброски египетских войск на Синайский полуостров

¹ Об этом говорилось и в советских публичных заявлениях. Одним из таких авианосцев был «Валкор» — бывшая плавбаза гидросамолетов, которая использовалась в Красном море как штабной корабль тактического управления. В частной беседе советские лидеры уверяли Насера в том, что на кораблях Шестого флота нет никаких морских пехотинцев и что их Пятая эскадра нейтрализует американскую военно-морскую угрозу в Средиземном море.

объявлялось уже не сдерживание намерений Израиля напасть на Сирию, но война с еврейским государством до его полного уничтожения. Насер открыто заявил о том, что в предстоящей неизбежной войне задачей должно стать уничтожение Израиля.

В Иордании король Хусейн попал в затруднительное положение. Его народ был полностью зачарован лозунгами, призывавшими к «священной войне», мщению и победе, которые выкрикивала в эфир каждая арабская радиостанция. Останься он в стороне, это могло бы вызвать негативную реакцию. Король не питал иллюзий в отношении военных возможностей арабов — у них не имелось общего плана, и даже действия не были скоординированы. Такое положение дел могло привести лишь к трагедии. Но он также понимал, что любое нападение арабов на Израиль приведет к израильскому вторжению на Западный берег реки Иордан. А в одиночку он никак не смог бы противостоять вторжению израильтян. Поэтому 30 мая Хусейн вылетел в Каир, где подписал с египетским лидером договор о взаимной обороне. Этот договор в случае войны разрешал пропускать иностранные войска на территорию Иордании (Ирак и Саудовская Аравия тот час пообещали прислать свои контингенты) и передавал иорданские войска в распоряжение египетского командования.

После подписания египетско-иорданского пакта в Израиле поняли, что полностью окружены единым арабским фронтом, целью которого было уничтожение еврейского государства. Начальник штаба израильской армии Ицхак Рабин потребовал санкции на немедленное начало наступления, не дожидаясь, пока Сирия, Иордания и Египет окончательно между собой договорятся. Он привел весьма убедительные доводы. Во-первых, всеобщая мобилизация Израильских сил обороны (ИСО) истощала экономику страны, так как военные действия обходились недешево, а производительность труда падала, по-

сколько рабочих призывали выполнить свой воинский долг. Во-вторых, отсиживаться на оборонительных линиях, дожидаясь нападения арабов, означало ослаблять моральный дух армии. И, наконец, отсутствие серьезной военной акции, несмотря на наличие столь явного повода начать войну, каким стало закрытие Тиранского пролива, было бы неверно истолковано врагами и только спровоцировало бы последующую агрессию.

Однако Эшколь, которого поддержали и члены кабинета, отклонил требования военных. Мотивируя свое решение подождать, он процитировал обещания США. 1 июня премьер-министр выступил по радио с обращением к нации. Но эта акция только усилила общую напряженность. Скудная, бесстрастная и лишенная всякого вдохновения, одним словом — убогая речь вызвала столь негативную реакцию слушателей, что привела к изменениям в израильском правительстве.

Пока Израиль преодолевал внутривластные проблемы, Вашингтон бился над разработкой международной программы по открытию пролива. Однако к 7 июня стало очевидным, что эта идея нежизнеспособна. Из всех стран, к которым обратились Соединенные Штаты, лишь Нидерланды и Австралия обещали оказать поддержку. Даже Великобритания отклонила предложение, заявив, что после разгрома в Суэцком канале в 1956 году возобновление британского присутствия в этом регионе только накалит ситуацию. Джонсон и его советники поняли, что им придется действовать в одностороннем порядке, чтобы подкрепить обещания, которые они дали Израилю.

Однако для проведения подобной акции ресурсов США было недостаточно. К северу от Суэцкого канала в состоянии полной боевой готовности находились две авианосные ударные группы, в каждую из которых входили авианосец и шесть кораблей сопровождения. В Красном море Соединенные Штаты располагали штабным кораб-

лем тактического управления «Валкор» и тремя эсминцами, а также менее крупным авианосцем «Интрепид», который 1 июня прошел через Суэцкий канал, якобы направляясь во Вьетнам. Согласно новому приказу, «Интрепид» на случай, если понадобятся его самолеты, должен был оставаться в Красном море вместе с «Валкором».

События, разыгравшиеся в Израиле за неделю до окончания моратория, ускорили решение политических вопросов. Новость о том, что в Иорданию введены четыре иракские бригады, заставила военных снова заявить о своих требованиях. Генералы с пристальным вниманием следили за развернувшимися дебатами, а Эшколь признал необходимость перемен в правительстве. Он пригласил Гахаля и двух министров без портфеля войти в состав нового кабинета, названного им Правительством национального единства, и сложил с себя обязанности министра обороны. Этот пост занял герой Суэца Моше Даян¹. Моральный дух израильтян резко повысился.

14 июня 1967 года истек срок введенного ООН моратория. Со стороны Насера не было предложено каких-либо новых соглашений, дипломатических инициатив или компромиссов. Что касается мирового сообщества, то оно также не предприняло никаких усилий, чтобы выйти из тупика. На рассвете следующего дня начали действовать Соединенные Штаты.

Взрыв

Танкер водоизмещением 68 тысяч тонн, носивший имя «Корал Си», обычно плавал под либерийским флагом, но утром того четверга, когда он подошел к Тиран-

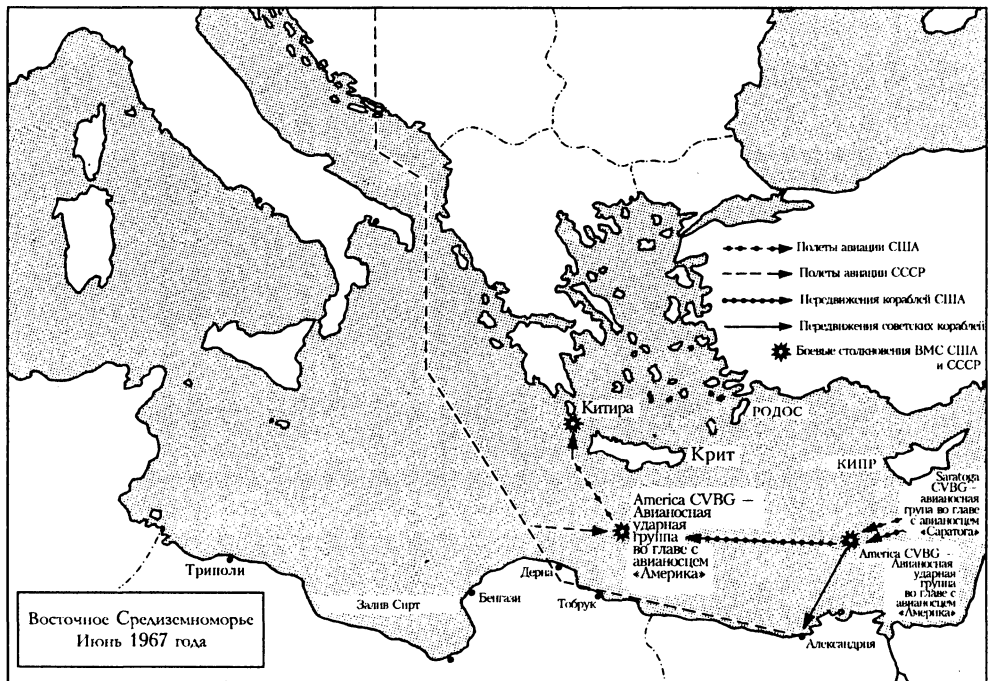
¹ Моше Даян был начальником штаба израильской армии и главным инициатором ошеломляющей победы Израиля в Суэцкой войне 1956 года.

скому проливу, на нем развевался израильский флаг, что было открытым вызовом блокаде, введенной Насером. Американский эсминец «Дайесс» класса «Джиринг» прокладывал путь грузовому судну. Команда эсминца находилась на своих постах и была готова к бою. В небе, ожидая ответной реакции египтян, барражировали истребители F-4 «Фантом» и штурмовики A-4 «Скайхок» из состава авиагруппы «Интрепида».

Получив предупреждение о приближении корабля, Насер понял, что оказался в крайне сложном положении. На самом деле он, конечно, не ожидал, что введенной им блокадой бросят открытый вызов, и вряд ли предполагал, что это сделают Соединенные Штаты. Советские спонсоры убеждали его в том, что США слишком увязли во Вьетнамской войне, чтобы пойти на риск и принять участие еще в одном конфликте. Однако еще хуже было то, что блокада Насера на самом деле оказалась блефом. Два недавно установленных на берегу пролива орудия — вот и все, что было сделано им для усиления блокады. Раскрытие блефа поставило бы египетского президента в неловкое положение и фактически перечеркнуло бы только что обретенный им статус лидера арабского мира. Но и отсутствие ответной реакции грозило Насеру практически теми же последствиями. Он мог лишь уповать на обещание Советов оказать ему в случае войны прямую поддержку¹.

Радиопереговоры египетских властей в Шарм-эль-Шейхе с «Дайессом» привели к тому, что в ответ египтя-

¹ В конце мая министр обороны СССР маршал Гречко сказал своему египетскому коллеге Шамседдину Бадрану следующее: «Будьте непреклонны. С какой бы угрозой вы ни столкнулись, мы с вами. Не позволяйте себя шантажировать — ни американцам, ни кому-либо другому». Позже, уже после ареста, на допросах, где ему предъявлялись обвинения в преступлениях против государства, Гречко настаивал на том, что лишь пытался укрепить решимость египтян.

Восточное Средиземноморье, июль 1967 г.

не слышали лишь стандартные фразы о свободе судоходства. Загнанный в угол собственными заявлениями, Насер понял, что вынужден принять ответные меры. Он приказал открыть огонь.

Этот бой с самого начала принес египтянам одни разочарования. Один артиллерийский снаряд попал в «Корал Си» и вызвал небольшие повреждения. «Дайесс» ответил огнем своей 5-дюймовой носовой установки, но последнее слово осталось за американскими самолетами. Спикировав, «скайхоки» уничтожили батарею бомбами. Два египетских торпедных катера, которые находились в Шарм-эль-Шейхе, не сдвинулись с места, чтобы прийти на помощь. Египетские ВВС также бездействовали. «Корал Си» и его эскорт проследовали дальше.

Этот короткий бой ознаменовал начало очередного напряженного раунда шумных дипломатических споров. Арабы резко осуждали вмешательство США. СССР, несколько изумленный таким поворотом событий, выступил в ООН с поддержкой жалоб арабов, привел свои вооруженные силы во всех частях земного шара в состояние повышенной боеготовности и приказал своей недавно усиленной Средиземноморской эскадре сблизиться с авианосцами Шестого флота. Флагман советской Пятой эскадры крейсер «Дзержинский» возглавлял смешанную группу эсминцев и других эскортных кораблей. Эта группа, сблизившись с ударным соединением во главе с авианосцем «Америка», которое крейсировало в ста милях от входа в Суэцкий канал, должна была занять позицию за пределами видимости американцев.

Пока сверхдержавы бушевали и принимали красивые позы, Насер надеялся разобраться с возникшими проблемами. Глубоко уязвленный печальным эпизодом в проливе, он обдумывал несколько вариантов выхода из положения. Во-первых, египетский президент мог смириться с тем, что случилось (он пошел на риск и проиграл), и постараться посредством дипломатии сохранить остатки

своего престижа. Во-вторых, Насер мог снова атаковать «Корал Си», но на этот раз с помощью ВВС — его бомбардировщики Ту-16 могли бы атаковать танкер ракетами дальнего действия «Кеннел» и потопить судно еще до того, как оно прибудет в Эйлат. Однако в этом случае египетским ВВС, несомненно, пришлось бы вступить в прямое противоборство с американцами, а поддержка Советского Союза вовсе не была гарантирована. И, наконец, последний вариант заключался в том, чтобы позволить армии атаковать настоящего противника — Израиль. Этот вариант был выходом из неловкого положения, в котором оказался Насер, и мог позволить ему привести арабский мир к победе. Это решение в наибольшей степени соответствовало его помыслам.

Новые распоряжения Насера ошеломили египетское верховное командование и в особенности фельдмаршала Абдель Хаким Амера, а также командующего Синайским фронтом генерала Абделя Мохсен Мортагуи. Все их планы были разработаны с учетом того, что Израиль, как и в 1956 году, первым нападет на Египет. Согласно их планам, израильтян надо было заманить в тщательно разработанные засады, расположенные неподалеку от Бир Гифгафа и Джебель Либни. Сразу же после уничтожения основной массы ИСО египетские войска должны были перейти в наступление. Имевшее место развертывание египетских сил в пустыне и осуществлялось согласно этому плану. Чтобы перейти от оборонительной тактики к наступательной, требовалось произвести серьезную перегруппировку войск.

Быстро был разработан новый план. 7-я дивизия должна была удерживать позиции неподалеку от побережья и оказывать поддержку 20-й Палестинской дивизии, дислоцировавшейся в секторе Газа. Гораздо южнее 6-я механизированная дивизия при поддержке трех батальонов танков Т-54 из состава 1-й бронетанковой бригады и бронетанковой оперативной группы под командованием ге-

нерал-майора Саада Эль Шазли должна была наступать в направлении пустыни Негев, отрезать Эйлат, а затем и взять этот порт. 2-я пехотная дивизия при поддержке бронетанковой бригады из состава 4-й бронетанковой дивизии и собственной танковой бригады должна была нанести главный удар в направлении Ницана. Третьей бронетанковой бригаде, так называемой Президентской бригаде, в составе 100 танков, формально приписанной к 3-й пехотной дивизии, также было приказано участвовать в нанесении главного удара. Причем трем последним из вышеупомянутых бригад необходимо было занять новые позиции. Этот маневр начался 16 июня, под покровом темноты, которая должна была скрыть от израильтян передвижения египетских войск.

Однако кое-что в распоряжениях Насера немедленно вызвало споры в его собственном лагере. Насер решил не сообщать союзникам о спланированном им наступлении. Он считал, что если сообщит о своих планах Сирии и Иордании, то лишь приведет к отсрочке наступления и в принципе поставит под угрозу тайну операции. По соображениям личного характера ему хотелось как можно скорее начать атаку, так как сам он находился в крайне сложном положении. Насер распорядился, чтобы его генералы объявили о том, что их войска были атакованы израильтянами и что в качестве ответной меры египтяне перешли в массированную контратаку. Тем самым он рассчитывал сберечь время и сохранить наступление в тайне.

Однако израильская разведка, которой оказали помощь американские самолеты RF-4C, способные вести ночную разведку, практически сразу же обнаружила передвижения египетских войск. Известия о продвижении находившихся на Синайском полуострове египетских бронетанковых частей и артиллерии активизировали деятельность нового израильского правительства, а военные вновь потребовали немедленно перейти в наступление. Соединенные Штаты призвали Израиль проявить осторожность и сдер-

жанность, предлагая позволить египтянам первыми развязать агрессию. Тогда, независимо от последствий, израильтяне получили бы моральное преимущество. Через посольство США Джонсон еще раз дал гарантии того, что Израилю будет предоставлена защита.

Сначала Даян не испытывал желания отменять наступление израильтян. Наибольшую тревогу у него вызывала воздушная атака, которая, как считали в Израиле, будет предшествовать наступлению арабских сухопутных сил. Эта атака должна была дорого обойтись арабам, так как самолеты израильских ВВС обладали лучшими тактико-техническими данными, но вполне могла привести к серьезным разрушениям городов и к жертвам среди гражданского населения. Правда, командующий ВВС генерал Мордехай Ход утверждал, что если его летчики будут своевременно предупреждены о нападении, то они встретят врага в небе и будут уничтожать его, внося раскол в единство арабов.

Но был и еще один фактор, который способствовал тому, что Даян согласился с предложением США. Хотя на Синайском полуострове были отмечены передвижения войск, которые явно предвещали нападение, однако ни в Иордании, ни в Сирии таких передвижений не наблюдалось. Так что война на три фронта не представляла непосредственной угрозы, и это было весьма удачно. На Синайском полуострове у израильтян имелось три формирования (*угда*), каждое из которых приблизительно соответствовало дивизии. Бригадный генерал Израэль Таль командовал двумя бронетанковыми бригадами и усиленной парашютной бригадой. С египетской стороны его войскам противостояла 7-я дивизия. Основную тяжесть первого удара египтян должны были принять на себя две бронетанковые бригады, которыми командовал бригадный генерал Авраам Йоффе, а также дивизия бригадного генерала Ариэля Шарона, которая состояла из одной бронетанковой и двух механизированных бригад.

И Йоффе, и Шарону нравилась идея встречного боя с вражескими бронетанковыми силами, вслед за которым должно было начаться контрнаступление. Еще дальше к югу находилась отдельная бронетанковая бригада полковника Авраама Мендлера, которой надлежало отразить атаку 6-й механизированной дивизии и частей ее усиления, наносивших удар в направлении на Негев и Эйлат.

В предрассветные часы 19 июня взлетевший с палубы авианосца «Америка» самолет дальней радиолокационной разведки обнаружил над Синайской пустыней активные перемещения многочисленных групп авиации. Это недавно взлетевшие египетские самолеты выстраивались в боевые порядки. Самолеты повернули в сторону израильской границы как раз в тот момент, когда многочисленная артиллерия Насера открыла огонь по израильским позициям. Снаряды 122-миллиметровых орудий и 240-миллиметровые ракеты «катюш» обрушились на израильские оборонительные укрепления, а танки и бронетранспортеры двинулись вперед, к своим исходным позициям.

Дальше к северу египетские штурмовики были приведены в замешательство внезапным появлением американских истребителей F-4, которые демонстративно барражировали над морем неподалеку от входа в Суэцкий канал. Пока пилоты и диспетчеры обсуждали эту проблему, со стороны пустыни появились израильские «миражи», которые, ведя огонь, пронеслись сквозь строй египетских самолетов. «Миги» изо всех сил пытались отразить неожиданную атаку, но боевой строй египетских самолетов был нарушен. Летевшие с полной боевой нагрузкой бомбардировщики Ту-16 не могли достаточно хорошо маневрировать или уйти на более низкую высоту, чтобы обезопасить себя от заградительного огня собственной артиллерии. Им оставалось лишь продолжать полет. Мало кому из них удалось долететь до целей, но и долетевшие были сбиты огнем ПВО и сумели нанести лишь незначитель-

ный ущерб. На землю рухнули более тридцати «мигов» и семь израильских самолетов. Американские истребители не ввязывались в бой.

А на земле, ничего не зная об этой воздушной битве, ударные соединения египетских бронетанковых сил двигались вперед. Каждая из трех основных атакующих колонн следовала в классическом советском стиле: два танковых батальона впереди, за ними — второй эшелон, состоящий из бронетранспортеров и механизированной пехоты. Главная ударная колонна, сформированная из подразделений 4-й бронетанковой дивизии, была усилена дополнительным танковым батальоном, в составе которого было 40 танков Т-54. В этой атаке участвовала как минимум треть всех танков, которыми Египет располагал на Синайском полуострове. Южнее к израильской границе приближались 6-я механизированная дивизия и оперативная группа «Шазли».

На первом этапе продвижение шло довольно успешно, так как батальоны танков Т-54 пробивались через те израильские позиции, которые в течение часа подвергались ураганному ракетно-артиллерийскому обстрелу. Переполненные радостью командиры сообщали своим начальникам в тылу о беспримерном прорыве. Потом израильтяне открыли огонь.

Шарон и Йоффе отвели свои войска примерно на пять миль от пограничных позиций, так что снаряды и ракеты египтян падали на безлюдную пустыню. Теперь вся масса танков двух израильских дивизий была брошена на продвигающуюся вперед египетскую бронетехнику.

После двухчасовой битвы ситуация полностью изменилась. Закончив первые воздушные бои, египетские самолеты возвратились на свои базы. Приземлившись, они стали жертвой секретного оружия генерала Хода — сокращенного времени на подготовку к вылету. Если у ВВС большинства стран время, необходимое на заправку самолета горючим и боекомплектom, измерялось часами, то

у израильтян счет шел на минуты. Израильские самолеты снова внезапно атаковали и, уничтожив египетские воздушные патрули, обрушили огонь на взлетно-посадочные полосы, самолеты, центры управления полетами и топливные склады египтян. После нескольких подобных налетов у египтян не осталось военно-воздушных сил. Тем временем атакующие колонны 2-й пехотной и 4-й бронетанковой дивизий спешили назад, к своим линиям обороны, потеряв в сражении 230 из 270 танков. За ними по пятам следовали израильтяне.

Не зная об истинном положении дел, Насер публично заявил, что Египет отразил нападение сухопутных и военно-воздушных сил Израиля на Синайском полуострове. Он объявил, что Египет выиграл борьбу за господство в воздухе, а «победоносные» египетские танки продвигаются в глубь территории Израиля. Он призвал своих арабских братьев присоединиться к борьбе.

Это заявление шокировало его союзников. Как иорданцы, так и сирийцы разрабатывали планы вторжения в Израиль, но ни те, ни другие не были готовы их осуществить. Сирийцы разработали операцию «Наццер» (победа) — нанесение ударов по районам, прилегающим к Тивериадскому озеру. Задачу уничтожения израильских сил и захвата южного побережья Тивериадского озера должны были выполнить силы в размере дивизии. Планировалось, что направление удара этой дивизии пройдет через город Деганья. Силы в составе бригады должны были атаковать через Тель Дан, расположенный на северном берегу озера. У иорданцев была разработана операция «Тарик», целью ее было создание «иерусалимского коридора», который должны были проделать иорданские войска, подойдя к городу с севера и захватив его западную часть. Об этих планах сразу же вспомнили, но иорданские орудия открыли огонь лишь ближе к вечеру.

СССР также был ошеломлен тем, что начались полномасштабные боевые действия, поскольку Насер не со-

общал о своих планах. Русские были чрезвычайно довольны продвижением египетских войск, но как всегда публично поносили израильтян и американцев, обвиняя их в агрессии против миролюбивых арабов, и расхваливали военную доблесть арабов, которые давали отпор «коварному» нападению. Однако спустя несколько часов русские испытали еще одно потрясение, когда их военные советники сумели наконец объяснить, каково истинное положение дел.

В то время как военные лидеры других арабских стран обсуждали планы нанесения ударов, положение египтян на Синайском полуострове становилось все хуже и хуже. Солдаты 12-й пехотной бригады, оборонявшей укрепление в районе Ум Катефа, уже праздновали объявленную Насером победу, когда их офицеры попытались понять смысл бурного потока искаженных радиосигналов, которые поступали с передовых постов. Как раз в это время в расположении бригады появились остатки египетских подразделений, принимавших участие в наступлении. Данная оборонительная позиция, по всей видимости, была мощной. Она состояла из трех линий пехотных траншей и артиллерийских позиций и располагала поддержкой бронетанковых сил. Однако падение морального духа, вызванное появлением обращенных в бегство танкистов, сменилось паникой, когда солдаты увидели израильскую бронетехнику, которая, преследуя египетские танки, уничтожала все на своем пути. И хотя защитники отрезанных друг от друга укрепленных пунктов сражались храбро, арабов погубило потрясение, которое было вызвано внезапностью нападения израильтян. Вскоре остались лишь отдельные очаги сопротивления. Сделав краткую остановку, чтобы заправиться топливом, израильтяне снова двинулись вперед, в направлении Абу Агиела. Утром во вторник это укрепление уже полностью находилось в их руках, а 2-я пехотная дивизия фактически прекратила свое существование. Пополнив запасы топлива, дивизия

Шарона продолжила движение в западном направлении, а Йоффе повернул на север, в направлении Бир Лахфана и Эль Ариша.

Южнее обстановка складывалась не намного лучше. Бронетанковая бригада Мендлера застала врасплох оперативную группу «Шазли». Устаревшие танки Т-34, которые входили в состав 128-й бронетанковой бригады, не могли противостоять израильским «центурионам», и египтяне были полностью разгромлены. Двинувшиеся на помощь танки 125-й бронетанковой бригады, входящей в состав 6-й механизированной дивизии, попали в засаду, где их поджидали израильские «супершерманы», которые обратили египтян в бегство¹. Удар египтян на южном направлении был отбит.

Утром 20 июня на Синайском полуострове продолжались серьезные бои, а в Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан израильтяне контратаковали иорданцев. Как раз в это время ракеты эсминца 381 попали в авианосец «Америка», тем самым превратив региональный конфликт в глобальный.

«Холодная война» становится «горячей»

Чувство нереальности происходящего испытало большинство американских моряков, ставших очевидцами взрывов ракет, попавших в авианосец. Когда огромный корабль отвернул в сторону, на его палубе уже кипела

¹ «Супершерман» представлял собой значительно модифицированную версию прославленного американского среднего танка М-4 «Шерман», отличившегося во время Второй мировой войны. Сначала французы вооружили его скорострельной 75-миллиметровой пушкой и назвали новый танк М-51HV. Израильтяне внесли дальнейшие изменения в конструкцию, поставив более мощную, но менее скорострельную 105-миллиметровую пушку. Именно этот танк и получил название «Супершерман».

работа по устранению повреждений. Первым ответил эсминец «Лоу», который находился всего в ста ярдах от советского корабля. Когда в пусковых установках «Гоа» появилась новая пара ракет, американский эсминец открыл огонь из передней 5-дюймовой установки, единственного орудия, из которого в случае объявления третьей степени боеготовности можно было вести огонь в данном направлении. Снаряды, выпущенные прямой наводкой, разнесли мостик 381-го. Когда советский корабль открыл ответный огонь, два других эсминца изменили курс с целью вступить с ним в бой. «Лоу» находился слишком близко от противника, что мешало двум другим американским кораблям вести огонь. Но через десять минут, после того как были выпущены ракеты, поразившие авианосец, шквал 5-дюймовых снарядов изрешетил 381-й, который потерял управление и загорелся.

В двух милях от места боя в небо поднимался столб черного дыма, выдавая местоположение авианосца «Америка», на палубах которого продолжал бушевать пожар. Согласно требованиям, предусмотренным боеготовностью третьей степени, на полетную палубу авианосца была поднята полностью готовая к бою эскадрилья штурмовиков А-4 «Скайхок». Эти самолеты взорвались в результате детонации боеприпасов, и пожар стал еще более обширным. Было выведено из строя некоторое количество личного состава, пытавшегося бороться с огнем. Командующий Шестым флотом вице-адмирал Уильям Мартин находился на мостике крейсера УРО «Литтл-Рок» и прекрасно видел все происходящее¹. Он приказал авиа-

¹ В 1934 году Уильям Мартин закончил Военно-морскую академию. Во время Второй мировой войны он получил Серебряную звезду и завершил войну в должности командира авиаэскадрильи. Затем Мартин был помощником по авиации начальника штаба военно-морских операций. После этого получил повышение и в апреле 1967 года был назначен командующим Шестым флотом.

носу и одному эсминцу повернуть на запад и следовать в направлении второй авианосной группы, которая находилась примерно в 150 милях от места боя. Затем адмирал сосредоточил все свое внимание на угрозе, которая появилась на горизонте. В двенадцати милях от него советский крейсер «Дзержинский» и восемь кораблей сопровождения приближались к месту боя со скоростью около 30 узлов. Поскольку «Америка» уходила, развивая едва ли половину скорости советских кораблей, а большая часть ее авиагруппы не могла участвовать в боевых действиях, Мартин мог противопоставить советской эскадре лишь свой крейсер и три еще боеспособных эсминца («Лоу» получил сильные повреждения). Воздушная поддержка была ограничена шестью истребителям F-4 из состава боевой группы воздушного патрулирования авианосца «Америка» и теми самолетами, которые мог направить авианосец «Саратога». Мартин приказал «Саратоге» поднять в воздух самолеты и как можно скорее подойти к месту боя. Он также разрешил морякам избавиться от советского «настырного шпика»¹.

В целом численное превосходство противника над оставшимися американскими кораблями не имело особого значения. В 1967 году наступательные и оборонительные возможности американских авианосных ударных групп в основном зависели от их воздушной мощи. Считалось, что задачей кораблей сопровождения является борьба с подводными лодками и самолетами противника. Что касается артиллерийских поединков между кораблями, то к ним относились как к пережиткам прошлого. Основным вооружением эскортных кораблей становились ра-

¹ «Настырный шпик» — ироническое прозвище, которое моряки ВМФ США давали небольшим советским кораблям, неотступно следовавшим за авианосными ударными группами. Это название вполне соответствовало истине, так как в случае начала военных действий СССР знал бы, где искать авианосцы.

кеты и противолодочные торпеды. Еще остававшиеся на кораблях морские орудия предназначались исключительно для обстрелов побережья.

«Литтл-Рок» и американские эсминцы были самыми наглядными проявлениями этой тенденции. Наилучшим оружием, способным поражать надводные цели с дальнего расстояния, была спаренная пусковая установка ракет «Тейлос», которой располагал «Литтл-Рок». Ракета «Тейлос» несла боеголовку мощностью в 100 килограммов в тротиловом эквиваленте и наводилась на цель с помощью лазера. Она считалась оружием ПВО, но могла использоваться и против кораблей. Помимо этих ракет, на крейсере имелись одна башенная установка с тремя 6-дюймовыми орудиями, дальность стрельбы которых составляла 12 тысяч ярдов, а также башенная установка с двумя 5-дюймовыми орудиями. Оставшиеся корабли сопровождения в общей сложности располагали 15-ю 5-дюймовыми орудиями, с гораздо меньшей дальностью стрельбы. Все имевшиеся у них торпеды были противолодочными.

В советском ВМФ переход на ракетное оружие также был далек от завершения, поэтому лишь отдельные корабли эскадры, которая стремительно приближалась к остаткам группы Мартина, были намного лучше американцев подготовлены к боям с кораблями противника. Крейсер «Держинский» располагал тремя башенными установками с тремя 152-миллиметровыми орудиями в каждой. Дальнобойность этих орудий на добрую милю превосходила дальнобойность пушек «Литтл-Рок». Два эсминца класса «Котлин» имели на вооружении четыре 130-миллиметровых морских орудия, а каждый из трех фрегатов класса «Рига» был вооружен одноствольной 100-миллиметровой установкой. Два эсминца класса «Кашин» и крейсер «Варяг» класса «Кинда» располагали лишь 76,2-миллиметровыми зенитными установками ближнего действия. «Лоу» на

собственном опыте убедился в том, что эти установки могут использоваться и против кораблей.

Однако наибольшее преимущество в бою между надводными кораблями давала главная система вооружений крейсера «Варяг». Специально спроектированный как корабль противодействия авианосцам, этот крейсер нес две счетверенные пусковые установки ракет, носовую и кормовую. Они были рассчитаны на запуски массивных противокорабельных ракет SSN-3 «Шаддок». Наводимая радаром, эта ракета имела дальность стрельбы более 250 км и несла фугасный заряд весом в 1 тысячу кг. Таким образом, ее мощность в десять раз превышала мощность ракеты «Тейлос».

Скорость кораблей сопровождения, следовавших за «Америкой», была ограничена скоростью поврежденного авианосца и необходимостью оставаться между флагманом и советскими кораблями. Находившаяся к западу от них «Саратога» уже приступила к запуску боеготовой эскадрильи в составе 14 штурмовиков «Скайхок», вооруженных бомбами, и двух истребителей F-4 в качестве воздушного прикрытия. Советский разведывательный корабль «Алидада», который шел за «Саратогой», перехватил данные интенсивного радиообмена на юге и отметил внезапное расширение числа его участников. «Алидада» сообщала о запусках самолетов, когда американский крейсер «Галвестон» открыл по судну огонь с дистанции 8 тысяч ярдов. Через восемь секунд две ракеты «Тейлос», выпущенные из кормовой спаренной установки, попали в цель, и разведчик стал тонуть.

Еще немного, и «Америка» с кораблями сопровождения должна была выйти за пределы видимости, но в этот момент «Варяг» выпустил свои ракеты. Одна из больших десятиметровых ракет во время запуска упала в воду неподалеку от советского флагмана, но остальные три быстро преодолели 16 тысяч ярдов, разделявших две эскадры. Барражировавшие истребители F-4

немедленно передали предупреждение, то же самое сделал и самолет раннего оповещения E-1В «Трейсер», но ракетам потребовалось всего 15 секунд, чтобы достичь цели.

Наводимые на заключительной стадии полета радаром ракеты настигли корабли эскорта. Американцы успели выпустить по ним лишь несколько зенитных снарядов, но один из них невероятно удачно попал в ракету, и она взорвалась. Однако другая ракета обрушилась на кормовую установку ракет «Тейлос» и, пробив палубу, взорвалась в самых нижних, технологических отсеках крейсера «Литтл-Рок». Боеголовка весом в одну тысячу килограммов практически разрезала корабль пополам. Другая ракета поразила «Лоу», который находился в 1500 ярдах от крейсера, и фактически уничтожила этот эсминец.

«Варяг» маневрировал, чтобы навести на цель кормовую установку ракет, когда спикировавшему на него истребителю F-4 удалось прорваться сквозь завесу зенитного огня. Не имевший бортовой артиллерии истребитель смог выпустить лишь две ракеты «Сайдуиндер» класса «воздух-воздух», которые угодили прямо в корму советского корабля. Взрыв пусковой установки, вызванный детонацией топлива и боеголовок ракет, превратил кормовую часть крейсера в преисподнюю¹. Через несколько секунд «Фантом» был сбит, но оба его летчика сумели катапультироваться.

Несмотря на неожиданную потерю «Варяга», командующий советскими ВВС контр-адмирал Н.И. Ховрин продолжал стремительную атаку. Поскольку «Америка», находившаяся на линии горизонта, все еще оставалась в пределах видимости, а подходы к ней защищали лишь три

¹ За эту атаку пилотировавший F-4 капитан-лейтенант Майк Майрон по прозвищу Разносчик газет (он их действительно постоянно разносил) был награжден Военно-морским крестом.

небольших американских эсминца, казалось, что в этом сражении Ховрин имеет преимущество.

Но неожиданно случилось так, что СССР пришлось дорого заплатить за преследование противника на высокой скорости. Возможности сонаров, установленных на противолодочных фрегатах, были серьезно ослаблены высокой скоростью кораблей эскадры, и они сумели обнаружить вражеские торпеды, лишь когда те оказались в непосредственной близости от эскадры. Две торпеды попали в крейсер «Дзержинский», а третья уничтожила носовую часть эсминца номер 383 класса «Кашин». Крейсер остановился, так как его машинное отделение оказалось затопленным. Эти торпеды выпустил невидимый эскортный корабль «Америки» — атомная ударная подлодка¹.

Когда советская эскадра потеряла своего флагмана, над ее кораблями появились штурмовики А-4 «Скайхок» из состава эскадрильи VA-44 авианосца «Саратога». Русские выпустили целый рой зенитных ракет «Гоа», которые уничтожили один «Скайхок», а другой штурмовик, теряя скорость, стал уходить на север, оставляя за собой дымный след. Однако остальные самолеты зашли на цель и сбросили на уже тонувший «Дзержинский» три бомбы весом 250 кг каждая. Еще две бомбы попали в эсминец номер 296 класса «Кашин», который загорелся. Поскольку противник продолжал свои атаки, а в районе находились его подлодки, Ховрин, отказавшись от дальнейшего преследования, приказал оказать помощь поврежденным кораблям сопровождения и произвести спасательные ра-

¹ Вопреки отсутствию каких-либо официальных заявлений на сей счет со стороны ВМФ США, «общеизвестным фактом» является то, что ударные подлодки сопровождают все американские авианосные ударные группы. Название лодки, которая приняла участие в этом сражении, до сих пор держится в секрете.

боты¹. Его противник Мартин также отказался от дальнейших атак и приказал оставшимся у него кораблям приготовиться к оказанию помощи брошенным командами кораблям.

После сражения, продолжавшегося 45 минут, на поверхности моря осталось множество горящих и тонущих кораблей. В итоге США потеряли крейсер «Литтл-Рок» и эсминец «Лоу». Кроме того, серьезные повреждения получил авианосец «Америка». В конце концов команде авианосца удалось справиться с пожарами, но при этом погибли 135 моряков и были потеряны 40 самолетов². СССР потерял оба имевшихся в распоряжении крейсера УРО — «Дзержинский» и «Варяг» — и два эминца, номера 381-й и 383-й, а третий эсминец получил повреждения.

Иорданцев бросают в беде

А на Синайском полуострове израильяне, не обращая внимания на события, которые происходили в море, продолжали свое наступление. Дивизия Таля, прорвав оборону 7-й дивизии египтян, двигалась в направлении Хан Юниса. Слухи о катастрофе, случившейся на юге, ослабили сопротивление египтян, действия которых стали нерешительными. Утром стало известно о падении обо-

¹ За участие в этом сражении Ховрин был переведен на Тихоокеанский флот. Однако в 1974 году он вернулся обратно уже в качестве командующего Черноморским флотом.

² Предпринятое после окончания кризиса официальное расследование случившегося на авианосце «Америка» установило, что на корабле не проводились учения по устранению повреждений, экипаж неумело обращался с бортовым вооружением; а недостаточное количество средств пожаротушения на палубе и ненадежность топливных систем самолетов способствовали тому, что пожар нанес кораблю столь значительный ущерб.

ронительной позиции в районе Абу Агейла. Это позволило израильским бронетанковым силам отрезать отступление 7-й дивизии. Фельдмаршал Амер приказал всем своим командирам немедленно отступить на западный берег Суэцкого канала. Затем он, покинув штаб, отправился к президенту, чтобы сообщить ему о случившемся и попытаться найти хоть какое-то объяснение катастрофе. После этих приказов оборона египтян быстро развалилась, что вызвало беспорядочное бегство к Суэцкому каналу.

Тем временем иорданцы из всех сил пытались удержать Иерусалим и Западный берег реки Иордан, отражая атаки сконцентрированных в этом районе сил израильтян. Иорданские пехотные бригады в основном занимали невыгодные позиции и имели недостаточное вооружение, чтобы остановить быстрое продвижение израильских колонн. Основная тяжесть удара выпала на долю танков 40-й и 60-й бронетанковых бригад, но этим подразделениям пришлось отступить, поскольку давало о себе знать подавляющее превосходство израильтян в воздухе.

Два других фактора еще более ухудшили положение иорданцев. Первым оказалось полное бездействие иракской дивизии, которая должна была оказывать иорданцам поддержку. Согласно египетско-иорданскому пакту в страну были приглашены четыре иракские бригады, которые должны были помочь иорданцам защитить территорию. Теперь же, несмотря на постоянные просьбы Хусейна оказать помощь, они отказывались покидать свои лагеря. Вторым фактором было то, что сирийцы практически бездействовали на северном участке израильских границ, если не считать беспорядочного артиллерийского огня и незначительных вылазок. Сражавшемуся в одиночку Хусейну оставалось лишь приказать своим войскам отступить на восточный берег реки Иордан.

События 20 июня привели к интенсивным дипломатическим демаршам и серьезным дискуссиям внутри правительств многих стран. Впервые была использована го-

рячая линия Вашингтон—Москва. Однако это не принесло каких-либо реальных результатов, так как и президент Джонсон, и премьер Косыгин лишь повторили в общих чертах свои концепции происходящего и взаимные обвинения. Ошеломленные военной катастрофой, постигшей арабов, и неожиданным конфликтом с Соединенными Штатами, советские лидеры обнаружили, что оказались в затруднительном положении. Они не могли позволить себе игнорировать провокационные нападения на советские корабли в Средиземном море, однако акт возмездия практически неизбежно вел к дальнейшей эскалации конфликта, вплоть до начала мировой войны, а к этому СССР не был готов. Требовалось найти какое-то промежуточное решение. И в этом помогли египтяне.

Насер и Амер были неспособны остановить трагедию, которая разворачивалась на Синайском полуострове. Однако, узнав о советско-американском столкновении в море, Насер решил выступить с публичным «разъяснением». Он сообщил, что американские самолеты помогли Израилю уничтожить египетские ВВС, а советские союзники пришли на помощь Египту. На фоне односторонних действий США в Тиранском проливе эта ложь выглядела правдоподобно, и в нее поверили правительства большинства арабских государств. Алжир, Сирия, Ирак, Судан и Йемен — все они в знак солидарности с Египтом разорвали дипломатические отношения с Соединенными Штатами. Помимо этого, Насер попросил СССР предоставить ему дополнительные самолеты, необходимые для возмещения потерь. СССР решил удовлетворить его просьбу, считая этот вопрос второстепенным.

Как и СССР, Соединенные Штаты были ошеломлены таким поворотом событий, но образы пылающего авианосца «Америка» и тонущего крейсера «Литтл-Рок» заставили конгрессменов потребовать от президента усилить американское военное присутствие в этом районе. Авианосцы «Франклин Д. Рузвельт» (CVA.42) и «Уосп»

(CVS.18), которые находились в Атлантике, получили приказ немедленно войти в Средиземное море. Британцы также предложили направить туда два своих авианосца, «Викториес» и «Гермес». Между тем в Средиземном море ударная группа, возглавляемая «Саратогой», соединилась с остатками группы, возглавляемой ранее «Америкой». Адмирал Мартин, находившийся на борту эсминца «Масси», команда которого вытащила его из воды, перенес свой флаг на крейсер «Галвестон». Объединенная группа взяла курс на район, расположенный восточнее Мальты.

Медвежья хватка

Советский план по своей сути отличался огромным риском. Согласно советской доктрине, нанесение ударов по авианосной группе предполагало координированные усилия ВВС, надводных кораблей и подводных лодок. Все эти силы должны были одновременно атаковать противника. Однако кремлевские лидеры прекрасно понимали, что подобная атака может привести к тотальному обмену ударами, которого они так опасались. Поэтому их план был крайне прост. Авиаполк в составе 36 бомбардировщиков Ту-16, каждый из которых нес по две противокорабельные ракеты AS-1 «Кеннел», должен был, взлетев с баз в Югославии, взять курс на Египет. Сопровождение этих бомбардировщиков было поручено истребителям МиГ-23, которые были вооружены ракетами «Атолл» класса «воздух-воздух» и снабжены дополнительными подвесными баками. Им было приказано лететь, разбившись на эскадрильи по 12 машин в каждой. Дистанции между эскадрильями должны были составлять примерно 100 миль. Эти самолеты якобы направлялись в Александрию для возмещения потерь египетских ВВС. Они были готовы к тому, что

американцы начнут перехват бомбардировщиков, но надеялись, что не вступят в бой, если бомбардировщики останутся вне досягаемости самолетов объединенной авианосной группы. Одной эскадрилье было приказано повернуть в сторону американских кораблей и с максимальной дальности выпустить ракеты по эскортным кораблям противника. Используя для нанесения удара по кораблям лишь треть бомбардировщиков, русские рассчитывали, что американцы не пойдут из-за этого на риск развязывания мировой войны.

21 июня 1967 года в 02:30 советские самолеты поднялись в воздух. Пролетая над Албанией, бомбардировщики и истребители сопровождения разделились на эскадрильи и двинулись на юг. Примерно через 45 минут радар НАТО обнаружил самолеты и оповестил об их появлении Шестой флот США.

Активность советских ВВС обеспокоила адмирала Мартина. Авианосец «Америка» вышел из строя, и к боевым действиям нельзя было привлечь его самолеты, за исключением тех пяти истребителей F-4 из состава эскадрильи VF-102 «Даймондбэкс», которые в момент попадания ракет находились в воздухе. «Саратога» могла поднять в воздух две эскадрильи истребителей F-4 общей численностью 22 самолета. Эти машины имели на вооружении ракеты «Спарроу» и «Сайдуиндер» и должны были справиться с русскими. Однако большую тревогу у адмирала вызывала вероятность того, что некоторые бомбардировщики и их ракеты все же сумеют прорваться к американским кораблям. Значительная часть хваленой американской электроники, разрекламированной в последних изданиях по военно-морской тематике, оказалась блефом. Половина имевшихся на кораблях трехмерных высокочувствительных радаров находилась в нерабочем состоянии, а система электронных помех ULQ-6 была эффективна только в случае атаки небольшого количества ракет.

«Саратога» подняла в воздух истребители F-4. Две эскадрильи разделились на три группы, каждая из которых должна была держать под прицелом одно из трех русских соединений. Держась в пределах двухмильной дистанции от русских, американские истребители направили командиру русских откровенный ультиматум, в котором потребовали, чтобы ни один русский самолет не входил в двухсотмильную зону безопасности авианосцев, в противном случае он будет сбит. Русские не ответили, однако их полетные курсы пролегли за пределами запретной зоны.

И вот, спустя два часа, в 05:15, русские сделали ответный ход. Двенадцать «мигов», сопровождавших третью эскадрилью бомбардировщиков, повернули в сторону американских истребителей и выпустили ракеты «Атолл». Неожиданно оказавшись под огнем противника, два F-4 рухнули в море, а остальным истребителям пришлось вступить в воздушный бой. Резко снизившись, двенадцать бомбардировщиков Ту-16 увеличили скорость и ринулись на американские корабли.

Мартин был уверен в том, что в следующее мгновение увидит, как остальные русские группы совершат тот же маневр, но они продолжали лететь в прежнем направлении. Адмирал приказал половине «фантомов», которые сопровождали ближайшую группу бомбардировщиков, пойти на перехват и поставил аналогичную задачу перед самолетами своего воздушного патруля. Выжимая все из своих машин, летчики восьми «фантомов» устремились к русским бомбардировщикам с целью перехватить их как можно дальше от своих кораблей.

Американские истребители настигли русских, когда тем оставалось всего лишь 20 миль до точки, из которой уже был возможен запуск ракет «Кеннел». Девять бомбардировщиков были сбиты, но трем удалось прорваться и выпустить ракеты. Шесть ракет «Кеннел» устремились в атаку. Через несколько мгновений все три бомбардировщика были сбиты «фантамами».

Мартин приказал кораблям своей ударной группы лечь на обратный курс, тем самым он обнаруживал три пусковые установки ракет, которые были установлены на его кораблях. Как только разворот был закончен, «Галвестон» открыл огонь ракетами «Тейлос», воспользовавшись тем преимуществом, что они обладали большей дальностью стрельбы. Однако после шестого залпа пусковая установка вышла из строя. Когда дистанция сократилась до 17 миль, два эсминца УРО «Селларс» и «Сэмпсон» открыли огонь ракетами «Тартар», но установленный на «Сэмпсоне» радар управления огнем перестал наводить ракеты. Остальные корабли открыли огонь из 5-дюймовых орудий с дистанции в пять миль.

Две ракеты «Кеннел» были сбиты ракетно-артиллерийским огнем. Одна просто не попала в «Сэмпсон» и взорвалась в 50 ярдах от его левого борта. Однотипный корабль «Селларс» оказался не столь везучим — ракета точно поразила цель, что привело к детонации ракет, хранившихся в погребе. Взрывом снесло все, что находилось в кормовой части корабля. Третья ракета угодила в самую середину «Галвестона», пробила его надстройку и взорвалась под мостиком. От взрыва боеголовки погибло большинство штабных офицеров Шестого флота, в том числе и сам адмирал Мартин, а на корабле возник сильный пожар. Последняя выпущенная ракета не навелась на израненный крейсер, а вместо этого перенацелилась на авианосец «Америка». Но у ракеты закончилось топливо, и она упала в море неподалеку от авианосца.

Адмирал Джейс, который после гибели Мартина взял на себя командование, не оставил без внимания тот факт, что в атаке участвовала лишь треть бомбардировщиков. И он, и его начальство в Вашингтоне подвели итоги этой демонстрации сил: погибли шесть истребителей F-4 и эсминец УРО «Селларс», а также значительно пострадал крейсер «Галвестон». Для достижения своей цели СССР пожертвовал девятью истребителями МиГ-23 и двенад-

ца́тью бомбардировщиками Ту-16. Не желая идти на компромисс, Соединенные Штаты решили нанести ответный удар. Конгресс поддержал это решение.

Контрудар в районе Китиры

Еще с прежним греческим правительством, которое придерживалось левых взглядов, советский ВМФ договорился об использовании якорной стоянки у южной оконечности острова Китира. Эта стоянка была необходима кораблям советской Средиземноморской эскадры. Остров лежал в 50 милях к северо-западу от Крита и в 20 милях от материковой Греции. 21 июня 1967 года, утром в начале девятого, радар патрульного советского эсминца обнаружил низко летящие самолеты, которые приближались к якорной стоянке. В то утро здесь находились 11 кораблей, наиболее крупным из которых был артиллерийский крейсер «Киров». Крайне важным обстоятельством было то, что здесь же стояли и все суда обслуживания и поддержки эскадры. Между первым оповещением и атакой прошло всего три минуты. Этого времени хватило только на то, чтобы расчеты орудий заняли свои места.

Двадцать штурмовиков А-4 эскадрильи VA-216 «Блэк Даймонд», входящей в состав авиагруппы авианосца «Саратога», устремились в атаку. Шквал антирадарных ракет «Шрайк», который предшествовал появлению «Скайхоков», лишил советские корабли возможности использовать зенитные ракеты, оставив в их распоряжении лишь 37-миллиметровые и 45-миллиметровые зенитные установки. Один штурмовик был сбит, а четыре других получили повреждения, но воздушная атака опустошила стоянку. Когда самолеты улетели, «Киров», в который попали восемь 250-килограммовых бомб, уже вовсю горел. Единственный советский танкер также был объят огнем

и тонул. Один транспортный корабль уже опрокинулся, другой горел, разбрасывая вокруг себя пылающие обломки боеприпасов. Взрыв торпед, хранившихся на плавбазе подлодок «Виктор Котельников», разорвал этот большой корабль пополам и отправил на дно подлодку типа «Фокстрот», пришвартованную к его борту.

Потеря судов обеспечения поставила СССР в трудное положение — именно эту цель и преследовала ответная атака американцев. Поскольку морские сражения усиливали международную напряженность, Турция, будучи членом НАТО, отказалась пропускать через Босфор советские корабли, которые находились в Черном море. Лишившись возможности действовать в Средиземном море, СССР сделал ход единственной картой, которая у него осталась. Советские войска в Восточной Германии были приведены в полную боевую готовность и открыто стали готовиться к битве.

В Восточной Германии СССР мог сразу же ввести в бой три танковые армии и две армии смешанного состава. В его распоряжении находились 20 дивизий общей численностью 370 тысяч человек и 7 тысяч танков, а также 900 самолетов 16-й воздушной армии. Еще 30 дивизий, размещенных в Польше и Чехословакии, находились в различных степенях боевой готовности. Поскольку выдвижение людских резервов и техники представляло собой явную угрозу для Соединенных Штатов и их союзников по НАТО, они были вынуждены принять ответные меры. Пять американских, четыре британских и одиннадцать западногерманских дивизий были приведены в полную боеготовность и стали выдвигаться на передовые оборонительные позиции.

Пока внимание мирового сообщества было приковано к двум сверхдержавам, Израиль полностью оккупировал Синайский полуостров и Западный берег реки Иордан. Египет потерял более 90 процентов танков, которые принимали участие в боевых операциях. Израиль

захватил 400 различных артиллерийских орудий и около 10 тысяч военных автомобилей. Погибло более 5 тысяч египтян, а количество взятых в плен и пропавших без вести вдвое превысило эту цифру. Иорданцы потеряли 200 из 270 своих танков и 75 процентов артиллерии, а также 6 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести. Потери Израиля составили 600 человек убитыми и 2500 ранеными.

Однако после окончания боев на границах Израиля все же остался один весьма уязвимый участок — Голанские высоты были оккупированы сирийскими войсками. 23 июня, пока дипломаты обменивались взаимными обвинениями, а натовские войска окапывались в Германии, Израиль атаковал эти высоты силами девяти пехотных и четырех бронетанковых батальонов. Спустя сутки сирийцы стали отступать¹. К исходу дня израильские войска овладели высотами и стали окапываться.

Когда советские танки двинулись вперед, а натовские войска готовились к обороне, снова заработала горячая линия связи между Вашингтоном и Москвой. Ни Джонсон, ни Косыгин не хотели войны, которая уже назревала, поэтому оба лидера все же убрали пальцы со спусковых крючков и согласились предоставить ООН право дать оценку событиям, имевшим место 20—21 июня. Было достигнуто соглашение, и обе стороны начали отвод своих войск.

Заключение

После прямых столкновений, имевших место в июне 1967 года, в мире произошло очень мало изменений. Не-

¹ Сирийские руководители начали отвод своих войск, предварительно заявив о том, что Кунейтра была оставлена сирийскими войсками после «героической обороны». Это заявление было сделано за несколько часов до того, как израильяне приблизились к городу.

смотря на то, что ООН так и не смогла определить ни явной причины, ни виновника военно-морского столкновения севернее Суэца, и США, и СССР объявили себя жертвами агрессии. Но каждая из сторон извлекла из случившегося урок и улучшила состояние своих вооруженных сил. Управляемые ракеты типа «Шаддок» подтвердили свою мощь, и флоты обеих стран приступили к перевооружению, направленному на то, чтобы, воспользовавшись новой технологией, добиться превосходства над противником как в наступательных, так и в оборонительных операциях.

СССР без лишнего шума снял с должностей тех ответственных лиц в арабском мире, которые развязали кризис. Внутренняя чистка прошла под покровом массовой помощи, которую открыто предоставляли разгромленным вооруженным силам арабов. Соединенные Штаты продолжали поддерживать Израиль. Как и прежде, продолжались арабо-израильские столкновения и взаимные нападки. Бои во Вьетнаме становились все более интенсивными. Время от времени вспыхивали революционные войны, причем как прокоммунистической, так и прозападной направленности. Короче говоря, «холодная война» снова стала «холодной».

В действительности

Все, вплоть до результатов встречи Абба Эбана с президентом Джонсоном, состоявшейся 26 мая, полностью соответствует исторической действительности. Однако во время этой встречи Джонсон не предоставлял Израилю желаемых для него гарантий в обмен на отказ от нанесения превентивного удара. Не давал американский президент и обязательств в отношении каких-либо односторонних действий США. В то время для него гораздо большее значение имели другие обязательства, а также накал об-

ественного мнения, вызванный войной во Вьетнаме. Кроме того, ВМФ не мог поручиться, что авиагруппа авианосца «Интрепид» способна уничтожить все батареи египтян, которые, как предполагалось, были установлены для блокады пролива. Поэтому кораблю разрешили продолжить путь на Дальний Восток. На принятие этого решения повлиял превосходно сфабрикованный блеф Насера; тогда как на самом деле в тот момент никаких батарей там не было. Джонсон просто сказал Эбану, что без поддержки Конгресса он мало что может сделать, и посоветовал воздержаться от нанесения превентивного удара. Однако фактически не существовало такого средства, с помощью которого можно было бы заставить израильтян отказаться от нападения.

Итак, Америка не поддерживала Израиль, но и не препятствовала его намерениям. В этой ситуации израильские лидеры сформировали правительство национального единства. Это произошло 1 июня 1967 года, то есть на следующий день после того, как Иордания подписала с Египтом договор о взаимной обороне. Именно тогда Моше Даян стал министром обороны. 5 июня израильские ВВС атаковали и в течение нескольких часов уничтожили ВВС Египта. Вслед за этим пошли в атаку подразделения сухопутных сил, которыми командовали Таль, Йоффе и Шарон. Все остальное, как говорится, известно из учебников истории. Спустя шесть дней Израиль овладел Синайским полуостровом, Западным берегом реки Иордан, Иерусалимом и Голанскими высотами.

Во время кризиса, который сам и создал, СССР действительно усиливал свое военно-морское присутствие в Средиземном море, укрепляя Пятую эскадру. Но этим и ограничивалась та поддержка, которую он оказал арабам. Потрясенный бесконтрольным развитием событий, которые сам же и инициировал, СССР был дополнительно ошеломлен военными неудачами своих подопечных. И хотя ему удалось добиться значительного ухудшения

арабо-американских отношений, репутация Советского Союза как военной державы серьезно пострадала.

Американские и советские корабли ходили друг за другом по пятам, но всегда проявляли выдержку, причем даже после нападения на американский корабль «Либерти», который занимался сбором разведанных. (В тот момент американцы не знали, что их корабль был атакован израильянами.) «Холодная война» стала более интенсивной, но так и не превратилась в «горячую».

И несколько финальных замечаний

Сложности, подобные тем, с которыми столкнулся экипаж авианосца «Америка», боровшийся с пожарами, бушевавшими на палубе и в ангаре, имели место в действительности. 29 июля 1967 года на палубе находившегося у берегов Вьетнама авианосца «Форрестол» (CVA.59) возник сильный пожар, вызванный непреднамеренным запуском ракеты. В результате пожара погибли 134 человека и были уничтожены 64 самолета. Упомянутые здесь проблемы, с которыми якобы столкнулся авианосец «Америка», аналогичны тем затруднениям, которые были выявлены во время расследования инцидента на авианосце «Форрестол».

Танкер «Корал Си» действительно стал участником инцидента, случившегося в нейтральных водах. Он был атакован бойцами Народного фронта освобождения Палестины. 11 июня 1971 года танкер подвергся обстрелу из реактивных гранатометов, установленных на катерах. Боевики добились семи попаданий, но попадания эти не причинили судну серьезного ущерба.

В июне 1967 года советский крейсер «Варяг» класса «Кинда» вполне мог быть направлен в Средиземное море, но СССР, крайне обеспокоенный действиями Насера, стремился не слишком раздражать американский Шес-

той флот и потому держал этот «истребитель авианосцев» в Черном море.

7 июня 1967 года американский эсминец «Лоу» чуть было не столкнулся с советским патрульным кораблем РС-160, маневрировавшим вблизи авианосца «Америка». Адмирал Мартин приказал эсминцу убрать советское судно с курса авианосца.

Все приводимые здесь ограничения возможностей американской электроники, предназначенной для обнаружения воздушных целей и постановки помех, в тот период были более чем реальны.

Шон М. Мэлони

ЕЩЕ ОДНА ЖЕСТОКАЯ ВОЙНА В МИРНОЕ ВРЕМЯ. Квебек, 1968 год

Монреаль, 25 июля 1967 года

«В своей сегодняшней речи в Монреале французский лидер Шарль де Голль публично поддержал создание независимого государства Квебек. Обращаясь к ликующей толпе, президент де Голль произнес фразу "Vive Quebec! Vive Quebec Libre!" ("Да здравствует Квебек! Да здравствует свободный Квебек!") В результате начались беспорядки, пятнадцать человек получили травмы».

Из сообщения агентства «Ассошиэтед Пресс», Торонто.

Оттава, 26 июля 1967 года

«Сегодня вечером, выступая в передаче Канадской радиовещательной корпорации, лауреат Нобелевской премии мира

премьер-министр Канады Лестер Б. Пирсон заявил, что высказывания французского лидера являются неуместными и что ни одна часть Канады не нуждается в освобождении. Президент де Голль объявлен в Канадском доминионе персоной нон грата...»

Из сообщения агентства «Канада Пресс», Монреаль.

Причины войны

Прошло почти пять лет с тех пор, как весной 1963 года в Монреале прогремели первые взрывы. Законспирированные боевики нескольких близких по духу террористических групп сепаратистов, наиболее заметной из которых был Фронт освобождения Квебека (ФОК), взорвали почтовые ящики в районе Вестмаунта, населенного преимущественно англоязычными жителями. Кроме того, они совершили нападения на арсеналы ополчения и на здание Королевских канадских ВВС, расположенное в южной части города. Когда в 1965 году полиция арестовала членов одной из ячеек, деятельность террористов резко пошла на убыль, но речь де Голля вдохновила многих на повторение «подвигов», совершенных боевиками ФОК. И вот теперь взрывы прогремели в здании фондовой биржи и в штаб-квартирах нескольких крупных корпораций, в том числе и в офисе корпорации «Канадэйр», которая занималась разработками и техобслуживанием поступавшего на вооружение канадских ВВС самолета-носителя ядерного оружия CF-104 «Старфайтер». Все чаще раздавались голоса альтернативных средств массовой информации, в том числе и пиратской радиостанции, которая находилась где-то на берегах реки Святого Лаврентия, на которой стоят Монреаль и Квебек. Широко распространялись листовки с призывами к революции, всеобщим забастовкам и массовым беспорядкам. Все это происходило на фоне продолжавшихся в Соединенных

Штатах массовых демонстраций против Вьетнамской войны и выступлений борцов за гражданские права¹.

Здание А-114, база Вооруженных сил Канады в Сен-Юбере

Пробираясь сквозь снежные заносы, полковник Дэвид Энфилд двигался в направлении некоего до сих пор пустовавшего здания, которое находилось в самом центре штабного комплекса Командования мобильных сил на базе Сен-Юбер, неподалеку от Монреаля. Будучи офицером связи, Энфилд поддерживал контакты с Королевской конной полицией и множеством муниципальных полицейских отделений провинции Квебек и поэтому знал о «французской проблеме» больше, нежели любая организация, которая специально ею занималась. Именно это и стало причиной его визита в здание А-114.

Но сегодня здесь присутствовал еще один важный гость — министр юстиции, который потребовал провести краткое совещание. Этот человек был одет совсем не как член кабинета министров, но его высокомерное отношение к окружающим и манера говорить производили впечатление. Пьер Эллиот Трюдо хотел получить ответы на интересующие его вопросы и поэтому сразу же остановил поток обычных вежливых фраз, с которых начал было Энфилд.

— Давайте перейдем к делу. Сегодня во второй половине дня я должен доложить о происходящем кабинету министров.

¹ Выражаю благодарность генерал-майору Джону Гродзински из дирекции Объединенного архива, предоставившему мне доступ к ценным первоисточникам, использованным при написании этого очерка.

— Как вам известно, сэр, мы приложили все усилия, чтобы выяснить, как велика международная поддержка, которую получает ФОК.

— Да, да, конечно, я в курсе.

— Обычно мы используем наши станции сигнальной разведки, чтобы получать ранние оповещения о советской ядерной атаке. К счастью, одна такая станция, размещенная на арктической базе Алерт, сумела несколько раз перехватить переговоры французских дипломатов. То же самое касается и станции, расположенной на базе Бермуда, которой удалось зафиксировать весь обмен информацией между несколькими торговыми судами и базами, расположенными на побережье.

— Где именно?

— Главным образом в Алжире, в меньшей степени — на Кубе. Мы считаем, что на борту каждого из этих судов находятся люди из ФОК. Наши союзники, в особенности американцы, до сих пор болезненно воспринимают все, что касается Кубы, так что слезка за людьми из команды Кастро для них настоящее мучение.

— Неудивительно, что мы так и не получили от французов никаких сведений о военной подготовке канадцев в Алжире, — задумчиво проговорил Трюдо. — Особенно после того, как де Голль вывалил на головы наших граждан свое дерьмецо.

— У нас маловато сведений о структуре ФОК, который уже имеет базы в Канаде. В организационном отношении ФОК состоит из ячеек, что, вероятно, было заимствовано у Фронта национального освобождения Алжира. Мы даже захватили одну группу, у которой имелась копия фильма «Битва за Алжир», — продолжил Энфилд с таким видом, словно не расслышал последней фразы Трюдо.

— Да, я его смотрел, — нетерпеливо бросил Трюдо, — это вполне откровенный фильм, и он снят в такой манере, что оказался бы весьма полезен в качестве учебного пособия для подготовки партизан и террористов.

— Да, они используют все более гнусные методы. Монреальская полиция лишилась трех информаторов. Одного нашли мертвым с засунутыми в рот собственными гениталиями. Раздавленные останки другого обнаружили в бетономешалке. Третий просто исчез. Ручейки поступающей к нам информации иссякают, а ведь они — наше главное оружие в борьбе с этими людьми. Мы не хотим прибегать к методам вроде тех, какие используют британцы на Кипре или в Палестине. Наше общество не примирится с такой жестокостью. Но мы не можем позволить доморощенным террористам и хунвейбинам разрушить то, что мы здесь построили. И мы ждем от правительства указаний, каким образом нам со всем этим справиться.

Совершив короткий перелет, Трюдо вернулся в Оттаву. По прибытии его сразу же проводили в Восточное крыло правительственной резиденции, где проходило совещание специально сформированного подкомитета по Квебеку. «Пирсона не останавливать, когда дело касается процедурных вопросов, — размышлял Трюдо. — Как все хаотично и непродуманно. Таким способом невозможно оказать противодействие ФОК». И действительно, канадский премьер все еще наслаждался лаврами лауреата Нобелевской премии и считал, что все можно уладить с помощью одних лишь дискуссий и умозаключений. Вопреки многочисленным слухам, Пирсон заявил, что не прочь остаться на своем посту еще на один срок. Он решил изменить имидж и даже воспользовался для этого помощью теоретика массовой информации Маршалла Маклюэна. Поняв, что может стать карикатурным персонажем, он решил обходиться без своего дурацкого галстука-бабочки и показной академической манеры говорить, пришепетывая. Ему было неинтересно слушать о какой-то кучке анархистов, швыряющих бомбы в Квебеке. У Трюдо было слишком мало шансов убедить Пирсона в том, что страна стоит на пороге кризиса.

Город Квебек

Торговое судно «Чемпион» вошло в порт Квебека. В районе Цитадели, этого уродливого творения Вобана, нависшего над Старым городом, Пьер Лебланк ускользнул от неумелых агентов полиции, а затем встретился с одним человеком. Тень, отбрасываемая зданием, возле которого они стояли, и театрально поднятый воротник скрывали лицо незнакомца. Закуривая сигарету, мужчина аккуратно прикрыл огонь ладонью.

— Вы готовы? Сколько у вас людей? — спросил он Лебланка на более выразительном французском языке, сразу выдававшем, что этот человек прибыл из Европы.

— Цель удара намечена. Оружие распределено. Теперь ждем человека из Алжира. Как только он прибудет, мы сможем действовать, — ответил ему Лебланк на квебекском разговорном диалекте.

— А как насчет кубинской группы?

— На этот счет информации не имею¹.

Как раз в этот момент у берегов Новой Шотландии канадский эсминец «Сен-Лоран» преследовал неизвестный траулер. Имелись опасения, что Советы используют рыболовецкий флот для оказания тайной поддержки своим подлодкам, рассредоточенным на передовых позициях у берегов Северной Америки. Эти подозрения подтвердились во время операции «Гранд Бэнкс», когда ВМФ Канады целенаправленно выслеживал, преследовал, фо-

¹ Я выражаю признательность своему студенту Джейсону Блейку, сумевшему проникнуть в суть афро-карибских политических отношений, имевших место во времена «холодной войны». Исследование на эту тему он предпринял в своей неопубликованной докторской диссертации «Смерть без прикрас: Нерассказанная история Африки времен «холодной войны»».

тографировал траулеры и играл с ними в «кошки-мышки». На сей раз все было по-другому. Преследуемый траулер не имел флага и в сумерках двигался в направлении берега. Поскольку корабль оставил без внимания требования капитана «Сен-Лорана» остановиться, тот приказал открыть огонь. Пролетев над носовой частью судна, два 3,5-дюймовых снаряда упали в воду.

1800010367

КОМУ: КОМАНДОВАНИЮ КАНАДСКИХ ВС В АТЛАНТИКЕ

ОТ: КОРАБЛЯ КАНАДСКИХ КОРОЛЕВСКИХ ВМС «СЕН-ЛОРАН»

ТЕМА СООБЩЕНИЯ: ПЕРЕХВАТ ТРАУЛЕРА «ХОСЕ МАРТИ»

А) ОБЪЕКТ ЗАДЕРЖАН ПОСЛЕ ДВУХ (2) ЧАСОВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

ПРОИЗВЕДЕН ДОСМОТР.

Б) ЗАДЕРЖАНЫ ТРИ (3) ЧЕЛОВЕКА, ВСЕ ГРАЖДАНЕ КУБЫ: МАРТИНЕС, САНЧЕС И РАУЛЬ. ВСЕ ЗАЯВИЛИ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ.

В) НАЗВАВШИЙСЯ МАРТИНЕСОМ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПОВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ ИСПАНОЯЗЫЧНОМУ ЖИТЕЛЮ КАРИБСКИХ ОСТРОВОВ. СЧИТАЮ, ЧТО МАРТИНЕС ЯВЛЯЕТСЯ ГРАЖДАНИНОМ ОДНОЙ ИЗ СТРАН ВОСТОЧНОГО БЛОКА.

< КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ >

Монреаль, провинция Квебек

В конце весны — начале лета 1968 года монреальские ячейки ФОК без лишнего шума перешли к активной деятельности. Как и положено любой радикальной террористической организации, эти ячейки действовали независимо друг от друга, за исключением тех чрезвычайных ситуаций, когда Комитет считал необходимым изменить такой порядок. Поскольку ячейка, занимавшаяся агитацией в университете Макгилла, стала испытывать финансовые затруднения, была сформирована группа, которая грабила банки. Часть награбленных денег направлялась

в распоряжение третьей группы, открывшей в центре города две солидные фирмы, офисы которых находились в престижных кварталах. Крупная сумма, снятая с оффшорного счета в Лихтенштейне, была также направлена на финансирование группы профсоюзных лидеров. В течение двух дней Монреаль подвергался обстрелу. Все улицы заполнили студенты. Водители грузовиков, автобусов и такси не выехали на свои маршруты, а полицейские устроили забастовку. Премьер Бурасса был вынужден попросить начальника Штаба обороны оказать помощь гражданским властям.

С точки зрения тех, кто находился в Сен-Юбере, в штабе Командования мобильных сил, эта просьба вносила в создавшуюся ситуацию еще большую сумятицу. Структурная организация канадских сухопутных сил главным образом отвечала требованиям, необходимым для защиты от советского нападения на Центральный регион НАТО в Западной Германии. Там находилась одна бригадная группа, оснащенная ядерным оружием. Две механизированные бригады оставались в Канаде и в случае объявления войны были готовы к развертыванию в Германии. Еще одна бригадная группа представляла собой аэромобильное соединение, предназначенное для обороны Северной Америки от вторжения советских воздушно-десантных сил или от нападения с моря. Поскольку Канада, в отличие от Франции, Бельгии, Голландии и Британии, не имела колоний, ей не нужно было содержать специальные антиповстанческие подразделения. Американцам хватало трудностей, вызванных Вьетнамской войной, но Пирсон никогда не разрешил бы финансировать реформу канадских вооруженных сил с тем, чтобы Канада могла вместе с Соединенными Штатами участвовать в «антисоветской авантюре». Излишек финансов был направлен на осуществление тщательно разработанной программы по поддержке экономики Квебека. Пирсон и другие члены парламента считали, что от квебекцев можно откупиться не хуже, чем от

любого коллеги по либеральной партии. Разве Линдон Джонсон не думал, что запросто сможет договориться с Хо Ши Мином, словно тот был канадским сенатором или профсоюзным лидером?

Из сообщения агентства «Канада Пресс», Париж, 16 октября 1968 года: «В результате террористического акта убит президент де Голль. Франция в трауре».

Из сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», Париж, 16 октября 1968 года: «Сформированное во Франции левое правительство национального согласия обещает положить конец "холодной войне" и расширить сотрудничество с СССР».

Из сообщения агентства «Рейтер», Вашингтон, округ Колумбия, 18 октября 1968 года: «Из высокопоставленных дипломатических источников стало известно о том, что в 1940-е годы коммунистические агенты проникли и во французское правительство».

Из сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», Нью-Йорк, 19 октября 1968 года: «В аэропорт Ла Гардиа прибывают ранее покинувшие родину руководители французских вооруженных сил и разведки. Они обвиняют Москву в том, что она спровоцировала во Франции государственный переворот».

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО (СТЕПЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ «ЗЕД-ПЛЮС»)

КОМУ: МИНИСТРУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

ОТ: НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОБОРОНЫ

ДАТА: 19 ОКТ. 68

ТЕМА СООБЩЕНИЯ: ОСОБО СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Уважаемый коллега!

Мой офицер связи в Вашингтоне передал сведения относительно положения в Париже. Вы можете выяснить

у своих коллег-дипломатов, что ситуация там не столь зыбкая, как изображает журналистская братия, и что Советы получили возможность оказывать значительное влияние на обстановку во Франции. В течение некоторого времени американцы подозревали, что существование шпионской сети «Сапфир» не является домыслом. Впрочем, они не могли доверять на сто процентов источнику информации, так как тот проявлял чрезмерную эмоциональность. Наши источники сообщают, что члены «Сапфира» создали костяк тайной группы руководителей, которые сразу же постарались взять власть в свои руки. Не вызывает сомнений и то, что все члены «Сапфира» являются убежденными коммунистами, причем некоторые из них вступили в партию еще до Второй мировой войны. Остается только догадываться, как им удалось преодолеть заслон, установленный совместно с организацией Гелена в Западной Германии. В переданном мне из ЦРУ анализе ситуации говорится, что сейчас Франция представляет угрозу национальной безопасности Канады, как и любого франкоязычного государства, которое пока еще не оказалось под контролем коммунистов. Мы можем ожидать, что все методы подрывной деятельности, с которой мы уже сталкивались в Алжире, теперь будут использованы против нас. Дальнейшее ослабление НАТО в результате недавних событий вызывает беспокойство и может подтолкнуть отдельных лиц и целые группы на дальнейшие террористические акты, которые играют на руку Советам.

Преданный Вам...

Один из входящих в состав НАТО канадских батальонов оставался на территории провинции Квебек и был готов в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств оказать помощь гражданскому населению. Франкоязычный 2-й батальон 22-го Королевского полка, солдат которого еще называли «вантузами», был до-

ставлен в Монреаль и взял на себя выполнение полицейских функций.

Капрал Мишель Драпе стоял на углу улицы. Поблизости находились десять бойцов отделения, которыми он командовал. Прошлой ночью в городе бесчинствовали мародеры, и прибывшая сюда рота из состава сил быстрого реагирования должна была сдерживать бунтовщиков, которых усмиряли газом «си-эс» и полицейскими дубинками. Мимо проехал армейский грузовик, в нем сидели солдаты, вооруженные штурмовыми винтовками FNC-1.

— Кто эти ребята? — поинтересовался рядовой Ги Ламонтань.

— Не знаю. Может, из роты «Ц»?

Грузовик остановился, выпрыгнувшие из него солдаты построились в шеренгу, встали лицом к группе, в которой было около сотни демонстрантов. Никто не успел и глазом моргнуть, как пять солдат вскинули винтовки и открыли огонь по толпе. Кровь хлынула на мостовую, а демонстранты разбежались кто куда. Драпе и Ламонтань были убиты выстрелами в спину.

Из сообщения агентства «Канада Пресс», Монреаль, 15 июня, 1968 года: «Канадские войска убили 14 и ранили 30 демонстрантов. Вчера вечером вспыхнули массовые беспорядки. Это произошло после того, как по толпе мирных демонстрантов, собравшейся неподалеку от университета Макгилла, был открыт огонь из автоматического оружия. Впоследствии двое солдат были забиты насмерть разбушевавшейся толпой».

Штаб Вооруженных сил Канады в Оттаве

— Что, черт возьми, там произошло? — вопрошал министр юстиции.

— Это были члены одной из ячеек ФОК, которым удалось внедриться в подразделение ополчения. Так что они прошли огневую подготовку, изучили воинский устав и получили военную форму, а также научились строить укрепления. Положение ухудшается. Арсенал опустошен, у нас нет средств, чтобы выйти на след похищенного оружия. Циркулируют слухи о партизанских учебно-тренировочных лагерях, расположенных на Лаврентийской возвышенности. Чтобы их обнаружить, мы задействовали самолеты-разведчики CF-5, но без гондол с аппаратурой для обработки изображений от них мало толку, — ответил Энфилд, предварительно закурив сигарету.

— Гондол?

— Да, сэр, — раздался высокий голос командира группы капитана Мэллори. — Мы еще в прошлый раз просили включить смету на них в оборонный бюджет, но ввиду различных сокращений и списаний, произведенных в преддверии возвращения этих самолетов из Европы, ваше правительство так и не санкционировало приобретение этого оборудования.

— Какова ситуация в Монреале?

— В сущности, правительство Квебека не контролирует центральную часть города. Бурасса не разрешит нам развернуть дополнительные подразделения, чтобы снести ограждения из колючей проволоки. Полиция этому не обучена и не имеет необходимого снаряжения. Он сам не может принять никакого решения.

— А как вы оцениваете перспективы?

— Если мы сейчас не вмешаемся, террористы наберут силу, получают еще большую поддержку населения, и мы окажемся не в состоянии вытеснить их из этого района.

— Но ведь у нас большая армия, танки, воздушная поддержка...

— Сэр! — терпеливо продолжал Энфилд. — Мы не способны вести такого рода военные действия. Танки и воздушные удары — это слишком грубые инструменты,

а нам нужен скальпель. Принимая последний военный бюджет, премьер-министр указал на то, что наша армия должна стать миротворческой и отказаться от тактики механизированных соединений. В таких условиях никакой талант не поможет. Для выполнения подобного рода задач американцы располагают силами специального назначения. Такие же подразделения французы использовали в Алжире, а британцы — в Малайе. При столь скудном бюджете и ограниченных возможностях наших вооруженных сил, которым предписано выполнять лишь один тип боевых задач, мы не в состоянии взять ситуацию под контроль. Мы не обладаем достаточной гибкостью, что в свою очередь ограничивает возможности правительства.

— А почему нельзя просто взять одно из ваших пехотных подразделений и провести переподготовку личного состава?

Казалось, что ангельское терпение Энфилда вот-вот иссякнет.

— Сэр, для того чтобы достичь необходимых результатов, потребуются месяцы, а то и годы. У нас нет времени. Если мы поручим это дело военным, они, действуя по обстановке, может быть, и справятся с задачей, однако существует вероятность того, что нам придется закопать в землю множество канадских ребят.

Из сообщения агентства «Канада Пресс», Монреаль, 25 июня 1968 года: «Верховный командующий зоны освобожденного Монреаля» обратился к федеральному правительству с требованием признать суверенитет Квебека».

Из сообщения газеты «Глоб энд Мейл», 27 июня 1968 года (Монреаль): «На сессии ООН Болгария, Куба и Гвинея призвали Канаду предоставить Квебеку свободу».

Из сообщения газеты «Торонто Телеграмм», 28 июня 1968 года (Халл): «В городе Гатино группа боевиков Черной гвардии убила семью из четырех человек, объявив это актом возмездия за “преступные действия лягушатников” против англоязычной общины».

Из сообщения газеты «Калгари Альбертан», 30 июня 1968 года (Квебек–Сити): «Из своих пылающих домов вывезены англоязычные жители пригорода: 50 человек погибло в огне».

1 июля 1968 года

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО (НЕ ПОДЛЕЖИТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОГЛАСКЕ)

КОМУ: МИНИСТРУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

ОТ: ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ПО ВНЕШНИМ ДЕЛАМ

ТЕМА: ОСОБО СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Уважаемый коллега!

Благодарю за Ваше сердечное письмо от 30 июня. Перехват и анализ контактов французских дипломатических служб указывают на то, что на Генеральной Ассамблее ООН французы рекомендуют признать независимость Квебека. Они также планируют внести на рассмотрение Совета Безопасности предложение развернуть миротворческие силы ООН вдоль берегов реки Оттавы, чтобы «отделить» англоязычные «силы террористов» от франкоязычного населения. Их план предполагает развертывание таких сил, что скорее напоминает операцию ООН в Конго в 1960–1964 годах, нежели миссию «тонкая голубая линия» на Синайском полуострове. Имейте в виду, что скорее всего силам ООН в Канаде пришлось бы заниматься антиповстанческой, а вовсе не миротворческой деятельностью: индийские бомбардировщики «Канберра» и ирландские подразделения легкой бронетехники придется использовать против тех, кто оспаривает власть

федерального правительства. Понятно, что в этом случае любой воинский контингент, направленный ООН в Канаду, будет использоваться для того, чтобы действовать в интересах тех, кто его послал, и командовать им будут свои люди. Другие сведения, полученные специальной группой перехвата (СГП), указывают на то, что Париж подстрекал ряд государств принять участие в так называемых «операциях сил ООН в Канаде». Это Сенегал, Мавритания, Габон, Камерун, Чад, Куба, Йемен, Румыния и Индонезия. Мы считаем, что сенегальцы, которым предложено возглавить эти силы, будут действовать как парижские марионетки.

Искренне Ваш...

Из сообщений средств массовой информации.

Газета «Оттава Ситизен» 7 июля 1968 года спрашивает: «Почему бездействует премьер-министр?»

Газета «Калгари Альбертан» 8 июля 1968 года заявляет: «Сейчас требуются самые решительные действия».

Газета «Нью-Йорк Таймс» 8 июля 1968 помещает сообщение своего специального корреспондента: «Почему канадский вопрос столь актуален сегодня?»

10 июля 1968 ГОДА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО (НЕ ПОДЛЕЖИТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОГЛАСКЕ)

КОМУ: ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ ПО ВНЕШНИМ ДЕЛАМ

ОТ: МИНИСТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

ТЕМА: ОТВЕТ НА ПРЕДЫДУЩЕЕ ОСОБО СЕКРЕТНОЕ СООБЩЕНИЕ

Уважаемый коллега!

Ввиду отсутствия каких-либо четких указаний со стороны кабинета министров и лично премьер-министра, считаю крайне важным как можно скорее с Вами встретиться. Сообщения, переданные дополнительной системой радиосвязи, были перехвачены нашей станцией СГП,

расположенной неподалеку от Бад-Золингена, в Западной Германии. (Вы, наверное, помните, что именно туда были переведены наши самолеты-носители ядерного оружия, после того как де Голль потребовал, чтобы мы к 1966 году ушли из наших баз во Франции.) Полученные в результате перехвата сведения указывают на то, что весной прошлого года реабилитированные террористы из состава OAS (Organisation Armee Secrete) были заброшены в провинцию Квебек. Несомненно, они действовали под страхом смерти. Данные радиоперехвата опираются на сообщение радиостанции, расположенной на нашей ныне закрытой авиабазе в Гростенкене, Франция. В этой радиопередаче речь шла о вопросах материально-технического обеспечения террористов, что можно рассматривать как первое явное свидетельство прямого участия французов. Пожалуйста, будьте осторожны, работая с этим источником информации. Нам не хотелось бы подвергать его риску. С другой стороны, я понимаю, что министр юстиции обязательно им воспользуется. Внимательно понаблюдайте за ним, мой друг.

Искренне Ваш...

Станция Вооруженных сил Канады в Ламаказе, Квебек

Была темная, промозглая ночь, и бойцы караульной службы содрогались от холода. Станции канадских вооруженных сил Ламаказа суждено было стать одним из наиболее изолированных объектов, расположенных южнее 51-й параллели. Ее личный состав изнемогал от скуки точно так же, как военнослужащие любой другой станции, входившей в состав Арктической линии раннего оповещения. Однако перед Ламаказой стояла иная цель.

Летчик Джон Форбс отсоединил магазин автомата «стерлинг» и в тысячный раз проверил надежность свое-

го оружия. Две сопровождавшие его немецкие овчарки жалобно заскулили и, повернув друг к другу морды, негромко зарычали. Треск сломанной ветки раздался среди деревьев, стоявших за двойной изгородью колючей проволоки. Раздался громкий хлопок, эхом прокатившийся по всей территории базы. Яркая вспышка осветила местность. Мгновенно ослепленный светом Форбс упал на одно колено и прижал приклад автомата к плечу. Неистово лаяли собаки. Раздалось глухое завывание, смолкло, возобновилось после короткой паузы. Вой повторился четыре раза подряд.

Первый выстрел миномета не попал в цель, зато второй угодил в прямоугольную крышу длиной 150 футов, под которой находилось укрытие ракет. Это позволило третьей и четвертой минам разорваться внутри помещения. В результате произошла детонация твердого топлива конусообразной ракеты «Бомарк», предназначенной для уничтожения бомбардировщиков. Взрыв швырнул ее корпус с ядерной боеголовкой W-40 так, что ракета, пробив стенку соседнего укрытия, столкнулась с другой и вырвала все ее стабилизаторы, один из которых разрезал надвое техника по обслуживанию ракет, жестоко оборвав его короткую 20-летнюю жизнь.

Форбс спустил собак с поводка и вместе с девятью другими военнослужащими кинулся прочесывать лес. Через некоторое время они попали в засаду, на них обрушился ураганный огонь винтовок FNC-1. Обнаружив противника, Форбс и еще один военнослужащий по фамилии Даунс открыли прицельный огонь короткими очередями. Раздались пронзительные вопли и громкие команды, преимущественно на французском языке. Собаки уже сбили с ног нескольких боевиков ФОК, когда Даунс и Форбс настигли трех раненых врагов. Когда один из них поднял 9-миллиметровый браунинг, Даунс выпустил ему в грудь последние патроны, оставшиеся в магазине автомата.

ОТПРАВИТЕЛЬ: СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН НОРАД (ОБЪЕДИНЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ ПВО СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА), НОРТ-БЕЙ
КОМУ: КОМАНДУЮЩЕМУ НОРАД, ШАЙЕНСКИЙ ГОРНЫЙ КОМПЛЕКС
БЕНТСПИАР

А) ЭСКАДРИЛЬЯ ИЗ 447 РАКЕТ КЛАССА «ЗЕМЛЯ-ВОЗДУХ» АТАКОВАНА НЕИЗВЕСТНЫМИ САМОЛЕТАМИ;

Б) СОСТОЯНИЕ РАКЕТ: ВОСЕМЬ (8) РАКЕТ СИМ-66 УНИЧТОЖЕНЫ, ШЕСТЬ (6) ПОВРЕЖДЕНЫ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ (14) В РАБОЧЕМ СОСТОЯНИИ;

В) МЕСТО ХРАНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ БОЕПРИПАСОВ ПОТ ПОДВЕРГЛОСЬ ОПАСНОСТИ;

Г) ИСПРАВНЫЕ РАКЕТЫ НЕ ГОТОВЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВВИДУ ЗАГРЯЗНЕНИЯ РАДИОАКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ХРАНИЛИЩА;

Д) СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПЯТНАДЦАТЬ (15) УБИТЫХ, СОРОК ШЕСТЬ (46) РАНЕНЫХ. ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА: ПЯТЬ (5) УБИТЫХ, НОЛЬ (0) РАНЕНЫХ. ЗАХВАЧЕНО ТЯЖЕЛОЕ ВООРУЖЕНИЕ;

Е) НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ ОБЪЯВИЛ, ЧТО ГАРНИЗОН ЛАМАКАЗЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ВЫПОЛНЯТЬ ПРИКАЗЫ НОРАД.

< КОНЕЦ РАДИОГРАММЫ >

Из стенограммы заседания Комитета Безопасности канадского кабинета министров 13 июля 1968 года

Министр юстиции: «А где же премьер-министр?»

< далее часть записей изъята >

ГСВД (Госсекретарь по внешним делам): «Через Постоянный объединенный комитет по обороне Госдепартамент США направил нам официальный запрос. На основании Огденсбургского соглашения 1940 года переходная группа Макговерна хочет развернуть в Канаде американские вооруженные силы»¹.

Министр финансов: У нас нет выбора. Сейчас мы сами не можем с этим справиться.

Министр юстиции: Проклятие!

¹ Государственным секретарем по внешним делам в Канаде называется министр иностранных дел.

Министр обороны: Главкомандующий НОРАД придет в ярость. Из десяти позиций ракет "Бомарк" лишь две находятся под нашим контролем. Разрушение станции в Ламаказе пробило огромную брешь в системе воздушной обороны. У нас нет ресурсов, чтобы восполнить потери, ведь в прошлом году мы сократили количество эскадрилий истребителей-перехватчиков. Это ставит под угрозу способность НОРАД сдерживать и отражать налеты бомбардировщиков на жизненно важные промышленные районы и базы Стратегического авиационного командования (САК). Как следствие, под угрозой оказывается способность САК выполнять свои задачи, которые лежат в основе натовской стратегии сдерживания.

Начальник штаба обороны: Мы в безвыходном положении. Мы развернули в Квебеке две из трех бригадных групп, которыми располагаем. Они удерживают подходы к Монреалю, но центральная часть города и авиабаза Лашан остаются вне зоны их действия. Воздушное пространство контролируют перехватчики CF-101 «Вуду». Они уже сбили один транспортный самолет без опознавательных знаков, который пытался сесть на авиабазе Лашан. Он вез оружие стран Восточного блока. Нам не хватает человеческих ресурсов, необходимых для ведения боевых действий в черте города. Как вы помните, численность ополчения была серьезно сокращена, а пять лет назад учебную подготовку перенацелили на выполнение спасательных, а не боевых задач. Что касается воздушно-десантной бригадной группы, она является нашим стратегическим резервом. Сейчас она находится в процессе реформирования в авромобильное соединение, оснащенное вертолетами, но машины пока не прибыли, а пилоты еще не подготовлены. Сбросить в город парашютистов будет таким же самоубийством, каким в годы минувшей войны стала высадка Арнемского десанта. Мы подсчитали, что на подготовку операции,

целью которой будет восстановление в городе законного порядка, нам потребуется несколько недель.

ГСВД: Наши дипломаты в Москве считают, что в самое ближайшее время Советы могут призвать страны коммунистического лагеря к формированию многонациональной группы транспортной авиации, которая облегчит осадное положение Монреаля. Это будет что-то вроде повторения Берлинского воздушного моста.

Министр финансов: Потрясающе. Интересно, а как же тогда поступят американцы?

Министр без портфеля: Может, пойти на переговоры? Разработать какую-нибудь форму совместного суверенитета, как это сделали британцы на подмандатной им территории Палестины? Или на Кипре?

Министр юстиции: Ну и к чему это привело?

Начальник штаба обороны: Сэр, мы ведь выступали против радикальных сокращений вооруженных сил, но наши рекомендации были высокомерно пропущены мимо ушей. Теперь налицо результаты неподготовленности. Мы настаивали на необходимости сохранить технические возможности и людские ресурсы, достаточные для того, чтобы решать весь спектр задач, которые могут возникнуть в ходе вооруженного конфликта, но нам было в этом отказано. Сотрудничество с НАТО на важнейшем европейском театре военных действий было и остается краеугольным камнем нашей стратегии в «холодной войне». Армии других государств в состоянии выполнять множество различных задач, но вы не захотели, чтобы и Канада обладала такими же возможностями. Особенно очевидно это стало после того, как телевидение показало хронику боев во Вьетнаме. Каких же действий вы от нас ждете?

Министр юстиции: Мы можем отозвать обратно наши войска, дислоцированные в Западной Германии.

Начальник штаба обороны: При всем уважении к вам, сэр, не могу не задать вопрос: зачем? Самолеты CF-104

оснащены ядерным оружием. В данной ситуации мы не можем их использовать. Наша 4-я механизированная бригадная группа имеет на вооружении танки «Центурион», бронетранспортеры «Бобкэт», самоходные артиллерийские установки «Бобкэт» и ядерные ракеты «Онест Джон». Это соединение сформировано для отражения советского нападения на европейские страны НАТО, а не для того, чтобы его бойцы ползали по канализационным трубам и переулкам центральной части Монреаля. Верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе считает, что если мы вернем в Канаду наше соединение, входящее в состав Северной армейской группы, это поставит под вопрос надежность обороны в данном регионе. Это соединение просто нечем заменить, и Советы могут воспользоваться его отсутствием. Я рекомендую оставить бригаду в Европе.

Министр обороны: Координационный разведывательный центр подтверждает, что восстание перекинулось на внутренние районы провинции Квебек. Мы не сможем этому противостоять, так как больше не располагаем ресурсами, необходимыми для ведения пропагандистской войны. Весь потенциал Си-Би-Си в Монреале находится в руках мятежников. Нам надо немедленно действовать¹.

Министр здравоохранения и социального обеспечения: Какие у нас вообще имеются варианты?

Секретарь Тайного совета: Мои сотрудники разработали несколько вариантов. Вы позволите мне их изложить?

Министр юстиции: Разумеется.

Секретарь Тайного совета: Есть три варианта. Первый: чтобы упредить предложение французов, мы можем,

¹ Канадская радиовещательная корпорация (СВС) — проправительственное пропагандистское СМИ. Сходна с британской Би-Би-Си, но не столь проникательна и гораздо более склонна к предвзятости.

действуя на основании статьи 51, попросить помощи у ООН. Проблема в том, что в Совете Безопасности французов поддержат представители Китая и СССР, так что в этой игре они нас опередят.

Министр сельского хозяйства: Было бы забавно попросить Грецию, Турцию, Египет и Израиль направить к нам контингенты миротворческих сил...

Секретарь Тайного совета: (продолжает вполголоса): Есть и американский вариант: мы можем попросить помощи, используя наши двусторонние связи в области обороны, я имею в виду Комитет по военному сотрудничеству и Постоянный объединенный комитет по обороне.

Министр юстиции: Если американцы сюда придут, то потом могут и не уйти. Это может нанести непоправимый удар по нашему национальному самосознанию, в основе которого лежит тот факт, что мы вовсе не американцы.

Секретарь Тайного совета: Мы также могли бы попросить помощи на основании пятой статьи устава НАТО, которая гласит: «Нападение на одного расценивается как нападение на всех». Или обратиться к странам Британского Содружества наций.

Министр здравоохранения и социального обеспечения: Мне почему-то кажется, что Гана, Малайзия, Новая Зеландия и Австралия еще не настолько спятили, чтобы на длительный период отправить свои войска в Канаду, да еще делать это посреди зимы.

Министр сельского хозяйства: А как насчет Родезии? Южной Африки?

< далее часть стенограммы опять изъята >

Министр почты: Сейчас Нигерия разбирается с сепаратистами Биафры. Возможно, нам есть чему у них поучиться.

< запись последовавших высказываний
из стенограммы изъята >

Министр юстиции: Вариант с НАТО представляется мне перспективным. Он исключает участие в наших делах стран Третьего мира и не создает опасности господства американцев. К тому же, в соответствии со статьей 51 устава ООН, НАТО считается региональной организацией. Так что пусть для разнообразия и европейцы придут к нам на помощь¹.

Из сообщения агентства «Канада Пресс», Брюссель, 14 июля 1968 года: «Канадский посол обращается к НАТО с просьбой оказать помощь в ликвидации угрозы, нависшей над суверенитетом Канады».

Из сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», Брюссель, 16 июля 1968 года: «Просьбы канадцев о создании коллективной обороны оказались гласом вопиющего в пустыне. Как забывчивы европейцы!»

Посол Кадье был в ярости, и его первый помощник прекрасно это понимал.

— Вот ведь ублюдки! — выругался посол, швыряя стеклянную пепельницу в противоположную стену кабинета. — В двух мировых войнах погибло 80 тысяч канадцев, которые защищали Западную Европу, но они теперь, видишь ли, желают хорошенько обсудить этот вопрос!

Угодив в гравюру Тома Томпсона, пепельница разбилась вдребезги.

— И все же, — заметил помощник, — мы получаем поддержку со стороны Великобритании и американцев. Мы

¹ Полный вариант этой стенограммы, запачканной пятнами крови и кофе, был прислан автору в коричневом конверте, без указания обратного адреса. Кроме того, автор добыл и другой вариант, фрагменты которого были отредактированы в Министерстве правды офицерами по контролю за доступом к информации. Содержание этого текста в целом совпадает с тем, который был запечатан в коричневый конверт.

можем положиться на голландцев и, возможно, на бельгийцев. В 1962 году мы выручили их в Западной Новой Гвинее, а в 1960 году — в Конго. Они наши должники. Не принимайте в расчет скандинавов и португальцев, ведь мы поначалу не поддерживали их вступление в НАТО. Не надейтесь также на Грецию и Турцию: наши действия во время кипрских кризисов 1964 и 1967 годов не произвели на них впечатления. Что же касается Италии и Западной Германии, то канадский народ, вероятно, будет категорически против того, чтобы позволить войскам бывших держав Оси ступить на нашу землю. К тому же сами итальянцы еще не настолько спятили, чтобы решиться на такой шаг.

20071968

КОМУ: ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ОБЪЕДИНЕННЫМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НАТО В ЕВРОПЕ

ОТ: ШТАБА КАНАДСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ (ДОКУМЕНТ ПОДПИСАН
ЛИЧНО НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА)

ТЕМА: ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ НАТО

СООБЩАЕМ ШТАБУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ОБЪЕДИ-
НЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НАТО В ЕВРОПЕ, ЧТО 4-Я КА-
НАДСКАЯ МЕХАНИЗИРОВАННАЯ БРИГАДНАЯ ГРУППА БУДЕТ ВЫВЕДЕ-
НА С ЦЕНТРАЛЬНОГО ТВД НАТО В ТЕЧЕНИЕ ОДНОЙ НЕДЕЛИ. БОЛЕЕ ТОГО,
ДВЕ ДРУГИЕ БРИГАДНЫЕ ГРУППЫ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В СТРАТЕГИ-
ЧЕСКОМ РЕЗЕРВЕ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО, С
ЭТОГО МОМЕНТА ТЕРЯЮТ СТАТУС РЕЗЕРВНЫХ СИЛ НАТО. ТАКЖЕ ОТО-
ЗВАНЫ И ДВЕ КАНАДСКИЕ БАТАЛЬОННЫЕ ГРУППЫ, ВХОДЯЩИЕ В СО-
СТАВ МОБИЛЬНЫХ СИЛ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ НАТО И
ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ В НОРВЕГИИ И ТУРЦИИ. МЫ ВЫ-
РАЖАЕМ ГЛУБОКОЕ СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ЭТИХ ШАГОВ, НО ОНИ
ПРОДИКТОВАНЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ В КАНАДЕ И НЕЖЕ-
ЛАНИЕМ СТРАН НАТО ПРИЙТИ НАМ НА ПОМОЩЬ. В ЕВРОПЕ ОСТАНЕТ-
СЯ 1-Я КАНАДСКАЯ ВОЗДУШНАЯ ДИВИЗИЯ, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ 23 ПРО-
ЦЕНТА ВСЕХ ВОЗДУШНЫХ УДАРНЫХ ЯДЕРНЫХ СИЛ, КОТОРЫМИ ШТАБ
ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РАСПОЛАГАЕТ НА ЦЕНТРАЛЬ-
НО-ЕВРОПЕЙСКОМ ТВД

< КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ >

21071968

КОМУ: МИНИСТРУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ КАНАДЫ

ОТ: ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ОБЪЕДИНЕННЫМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НАТО В ЕВРОПЕ

ТЕМА: ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ НАТО

ВЫВОД 4-Й КМБГ СОЗДАСТ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ПРОРЕХУ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ АРМИЙ. ТЕПЕРЬ ПРАКТИЧЕСКИ НИЧТО НЕ МЕШАЕТ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА АТАКОВАТЬ 1-Й (БРИТАНСКИЙ) КОРПУС СИЛАМИ КАК МИНИМУМ ПЯТИ ДИВИЗИЙ. ПО МЕРЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД ЧИСЛЕННОСТЬ НАСТУПАЮЩИХ ВОЙСК БУДЕТ УВЕЛИЧЕНА ДО 12 ДИВИЗИЙ. ЕСЛИ НАШИ ПЕРЕДОВЫЕ СИЛЫ ОКАЖУТСЯ НЕ В СОСТОЯНИИ СДЕРЖАТЬ АТАКУ ПРОТИВНИКА, ОНИ БУДУТ ВЫНУЖДЕНЫ ОТОЙТИ НА БОЛЕЕ НАДЕЖНЫЕ ОСНОВНЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ. ЗАДАЧЕЙ 4-Й КМБГ ЯВЛЯЕТСЯ ПОДГОТОВКА ЭТИХ ПОЗИЦИЙ. БЕЗ ЭТОГО СОЕДИНЕНИЯ, ЗАНЯВШЕГО ОБОРОНУ НА ЗАРАНЕЕ ПОДГОТОВЛЕННЫХ ПОЗИЦИЯХ, У НАС НЕ БУДЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДДЕРЖАТЬ НАШИ ПЕРЕДОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, ВСТУПИВШИЕ В БОЙ С ПРОТИВНИКОМ, А ЭТО НЕ ПОЗВОЛИТ СОВЕРШИТЬ ПЛАНОМЕРНЫЙ ПЕРЕХОД К РЕШАЮЩИМ ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ СРАЖЕНИЯМ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ВОЗРАСТАЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ.

< КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ >¹

База Вооруженных сил Канады в Трентоне, Онтарио

Через юконский стратегический воздушный мост первые подразделения канадских войск перебрасывались из

¹ В основе цитируемого материала лежит часть подлинного послания, которое Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Эндрю Гудпастер в 1969 году отправил министру национальной обороны Канады Лео Кадые. В действительности это послание содействовало предотвращению вывода канадских войск из командно-организационных структур НАТО в Европе. См.: *Maloney, War Without Battles. Chapter 4.*

Западной Германии на базу Трентон в провинции Онтарио. Транспортные средства, артиллерия и тяжелое вооружение должны были прибыть лишь через несколько недель, а пока вся восточная часть провинции Онтарио становилась новым местом дислокации бойцов 4-й канадской механизированной бригадной группы, прибывавших сюда со своим личным оружием и снаряжением. Они заполнили всю провинцию, вплоть до самых отдаленных ее уголков. Прибывающее из Европы соединение заменяло 2-ю пехотную бригадную группу, которую планировалось перебросить на восток, чтобы вернуть под контроль правительства устье реки Святого Лаврентия и тем самым обеспечить американским судам выход из района Великих Озер в залив Св. Лаврентия, а значит, и в Атлантику.

База Трентон была переполнена. На предыдущей неделе Народное ополчение Квебека (НОК) захватило авиабазу Баготвиль, расположенную севернее города Квебек. Только благодаря невероятной удаче ядерные ракеты класса «воздух-воздух» MB-1 «Джини», которыми вооружали самолеты CF-101 «Вуду», были вовремя эвакуированы с базы американскими транспортными самолетами C-141 «Старлифтер». Большой части эскадрильи вертолетов «Алуэтт» также удалось покинуть базу, но вот обслуживающему персоналу повезло меньше. После ожесточенного боя подразделение охраны было разбито превосходящими силами противника, а сама база захвачена, причем большая часть имущества осталась неповрежденной. Расположенные в этом районе радарные станции НОРАД также были оставлены. Таким образом, в системе дальнего обнаружения и опознавания образовалась громадная брешь. В случае налета советских бомбардировщиков НОРАД была не в состоянии навести на них перехватчики. Она смогла бы это сделать, только окажись бомбардировщики гораздо южнее. Но к тому времени они уже могли бы нанести удар по базам стратегического авиа-

ционного командования, расположенным в Платсберге, Гриффитсе (штат Нью-Йорк) и Лоринге (штат Мэн).

Солдаты и офицеры 1-го батальона Королевского полка канадских горных стрелков (Черная гвардия) были размещены на базе Кингстон, к востоку от Трентона и почти на полпути от этой базы до Монреаля. Капитаны Джон Ламбиас и Дерик Грейвел размышляли о своей судьбе. После перелета ломило кости и совсем не хотелось спать. Несколько порций джина с тоником, выпитых в офицерской столовой, облегчили страдания. Батальон прибыл сюда без бронетранспортеров «Бобкэт», и бойцам снова пришлось осваивать тактику легкой пехоты.

— Какой, интересно, будет приказ? Куда нас направят? Прямо в центр города? — спросил Ламбиас. — У тебя ведь еще остались знакомства среди ребят из разведки?

— Остаться-то остались, да только они, как всегда, держат язык за зубами.

— Тогда к чему все эти тренировки, которыми постоянно занимается рота Б?

— Мы загружаемся в «геркулесы» (военно-транспортные самолеты), совершаем небольшой ночной перелет, садимся на какой-то старый учебный аэродром Британского Содружества, расположенный неподалеку от Гананокка, разгружаемся и совершаем марш-бросок. Но никто не знает, зачем все это нужно.

В этот момент в помещение вошел полковник.

— Джентльмены, наше подразделение приведено в состояние боевой готовности. Возвращайтесь в свои взводы. Начиная с этого момента, мы в течение двух часов должны быть готовы совершить бросок.

Грейвел и Ламбиас оказались в разных транспортных самолетах С-130. Расположившись среди нескольких джипов, оснащенных 106-миллиметровыми безоткатными орудиями, солдаты из всех сил старались убить время. После вызывающего тошноту резкого снижения неповоротливые «геркулесы» стали заходить на

посадку. И вот, напоследок взвизгнув, моторы остановились, закрипели тормоза, и по спущенным вниз трапам солдаты 1-го батальона устремились в непроглядную темень, время от времени освещаемую прерывистыми линиями трассирующих пуль. Бывшая станция канадских ВВС Лашан, которую в данный момент переоборудовали в международный аэропорт, находилась на южных окраинах Монреаля. Грейвел и его подчиненные, которым было поручено захватить здания терминала, с радостными криками вскочили в свои джипы и вскоре вступили в бой с боевиками ФОК, стреляя по ним почти в упор из 106-миллиметровых пушек. Им давала преимущество громоздкая инфракрасная аппаратура, которую солдаты прикрепили к оружию с помощью черной изоляционной ленты.

Но боевики ФОК располагали двумя 40-миллиметровыми пушками «Бофорс». Как только ошеломленные неожиданным нападением расчеты пришли в себя, эти пушки стали для канадских солдат серьезной проблемой. Заходивший на посадку транспортный самолет «Буффало» был превращен в костер и сейчас догорал на взлетно-посадочной полосе вместе с 30 пассажирами, которые находились на его борту. Взвод Ламбиаса располагал джипом, оснащенным противотанковыми управляемыми ракетами SS-11. Наводчик поднес к глазам особым образом закрепленный бинокль и нажал на ручку управления: «Огонь!» Французская противотанковая ракета вылетела с направляющей, установленной в задней части джипа. Она попала в самодельный щит, защищавший прислугу «Бофорса» (эти пушки боевики похитили из одного из военно-морских арсеналов. Они предназначались для какого-то авианосца) и взорвалась, уничтожив и пушку, и ее расчет.

Когда рассвело, бойцы Черной гвардии оценили обстановку. Они держали под контролем взлетное поле и все, что на нем находилось. В этом районе не было бое-

виков ФОК, за исключением тех, которые находились на базе Лашан, но все они к тому времени уже были либо убиты, либо взяты в плен. Толпа жителей пригородов Монреаля попыталась блокировать главные ворота, но была рассеяна пулеметным огнем, который велся поверх голов. Все, кто бросал камни, были застрелены, что предотвратило дальнейшие агрессивные действия толпы.

Грейвел беседовал с одним из пилотов капитаном Тео Хеуторстом. Хаотический пулеметный огонь серьезно повредил жизненно важные узлы капитанского самолета, и он на некоторое время вышел из строя.

— Какие новости?

— Прилетел голландский батальон морской пехоты. Они заняли позиции в районе Оттава—Холл, высвободив дислоцированные там войска для выдвижения к Монреалю. Американцы направили части 82-й воздушно-десантной дивизии к Платсбергу, мобилизовали подразделения Национальной гвардии штатов Нью-Йорк, Вермонт, Мэн и Нью-Гемпшир и направили их на патрулирование границы. После Баготвильского боя я поговорил с экипажем самолета С-141. Они говорят, что у американцев недостаточно сил и что они настолько заняты войной во Вьетнаме, Лаосе и в других местах, что потребуется время, чтобы собрать войска воедино и доставить сюда какое-нибудь воинское соединение. В Лос-Анджелесе и Детройте массовые беспорядки. Американские ВВС хотят решить проблему Квебека с помощью своих истребителей-бомбардировщиков, но Оттава не позволит им использовать напалм и вообще хоть что-то из того многочисленного оружия, которое они применяют в Юго-Восточной Азии.

— А как насчет британцев? Мы слышали, они уже в Нью-Брансуике.

— Да, мы тоже слышали. Они, как и американцы, слишком распылили свои силы, которые теперь нахо-

дятся и в Персидском заливе, и в Северной Ирландии, и в Биафре, и в Малайзии. Я видел их во Фредериктоне, когда мы высадили 1-й полк канадской гвардии на базу Гейджтаун. Эти ребята походили на воздушных десантников, только на них были бежевые береты, а не темно-красные. К тому же они носили эмблемы в виде кинжала с крылышками. Ребята из противолодочного патруля «Аргус» рассказывали, что они загнали в угол советскую подлодку, которая пыталась доставить какую-то дрянь подразделениям ФОК, действующим в районе Квебек-Сити.

5-я бригада была эвакуирована с базы Валкартье севернее Квебек-Сити. Похоже, что мятежники сосредоточили свои силы вокруг Монреаля, во всяком случае, так говорят веселые парни с CF-5 (то есть пилоты истребителей-бомбардировщиков CF-5). Мы слышали совершенно немыслимую чушь вроде того, что Советы забросили группу особого назначения, которая должна демонтировать радары возле Баготвиля и получить секретные данные о нашей системе воздушной обороны. Или, например, что они передали боевикам ФОК химическое оружие, а то и еще что похуже...

Рев реактивных двигателей заглушил слова Хеуторста. Без предупреждения пять самолетов C-141 друг за другом приземлились на аэродроме и покатались в направлении недостроенных ангаров. Люди в камуфляже и щегольских зеленых беретах с эмблемой в виде троянского коня быстро поднялись в самолет, где беседовали Грейвел и Хеуторст.

— Я майор Танненджер. Кто здесь отвечает за охрану?

Хеуторст с глупым видом наблюдал за тем, как из грузовых отсеков прибывших самолетов извлекли какие-то громоздкого вида предметы, а затем перенесли их в ангары. В импровизированной диспетчерской Ламбиас познакомился кое с кем из прибывших американских спецназовцев.

— Ну что, теперь и вам придется нести это груз? — поинтересовался он, ухмыляясь.

Американцы ответили утвердительными жестами.

В течение нескольких часов на аэродроме высадились целая диверсионно-десантная рота американцев. Прибывшие с мест своего постоянного базирования неподалеку от городка Оук танки «Центурион» и разведывательные бронемшины «Линкс» 8-го полка канадских гусар обеспечили безопасность базы Лашан по всему периметру. Бригадный генерал Дэвид Сопер провел краткое совещание со старшими офицерами, которые командовали подразделениями, сосредоточенными в районе аэропорта.

— Джентльмены, позвольте вкратце изложить вам план операции «Граб Баг»: захват политического руководства сепаратистского движения и уничтожение командования ФОК/НОК. По данным разведки и те и другие находятся в отеле «Королева Элизабет» в центре Монреаля. Используя фактор внезапности, канадско-американские силы, доставленные по воздуху, обеспечат безопасность оперативной зоны, проникнут внутрь здания и захватят или уничтожат весь личный состав, который обнаружат на четвертом и пятом этажах. Любого, кто может оказаться индустриальным советником или офицером связи, необходимо брать в плен для последующего допроса. Наземные силы, представленные голландским парашютным батальоном, сядут в грузовики и с базы Сен-Юбер, восточнее Монреаля, двинутся в направлении отеля. Там они заберут пленных. Подробные распоряжения поступят в течение часа. Я знаю, что у нас нет времени, которым мы обычно располагаем, планируя операцию, но противник быстро меняет местоположение, и мы не должны упускать представившуюся возможность. Идите и готовьте своих людей.

Оказалось, что самолетами С-141 были доставлены армейские вертолеты огневой поддержки УН-1 «Иро-

кез» и АН-1 «Кобра». Вертолеты «Кобра» были вооружены 20-миллиметровыми пушками и 7,62-миллиметровыми пулеметами Гэтлинга, а с «ирокезов» было снято все вооружение с целью увеличить скорость машин. Десант вылетел перед самым рассветом. Пролетев на малой высоте над пригородами, вертолеты спикировали на здание отеля. С самого начала все пошло не так, как ожидалось. Как позже выяснилось, боевики ФОК были вооружены экспериментальными установками ракет класса «земля-воздух», пуск которых осуществлялся с плеча. Подобные образцы уже использовались во Вьетнаме бойцами Вьетконга. Но службы безопасности не допустили широкого распространения этой информации. Через несколько минут эфир был заполнен сообщениями о том, что подбит «Ирокез».

Несколько отделений рассредоточились по всему прилегающему району. Те, кто уцелел, перегруппировались и взяли штурмом отель. Но вскоре обнаружилось, что большинство лидеров ФОК уже покинули здание. В поисках целей «кобры» рыскали по ущельям городских застроек, но так и не смогли отыскать скоплений вражеских сил, по которым они были готовы открыть огонь. А голландцам повезло еще меньше. Пытаясь добраться до центра города, они попали в засаду, устроенную отрядами ФОК. Боевики были оснащены противотанковыми гранатометами, а горожане бросали в голландцев «коктейли Молотова» (бутылки с зажигательной смесью), производство которых было спешно налажено на расположенных вдоль маршрута следования колонны заправочных станциях «Эссо» и «Шелл». Понеся тяжелые потери, голландцы отступили и снова попали в засаду. Потеряв еще больше людей, они едва сумели вернуться на базу Сен-Юбер.

Взвод Грейвела все же добился успеха. Им удалось задержать группу из трех алжирских советников, а десантники схватили кубинца, который заявил, что его зовут

Шабо. Продвигаясь переулками, десантники в конце концов забрались на крышу хоккейного стадиона, откуда их снял вертолет.

После нескольких часов интенсивных допросов в котельной терминала авиабазы Лашан один из «алжирцев» признался во всем.

— Я майор французской армии Пьер Ланжуа... — сказал он, тяжело дыша.

Дальнейшие показания Ланжуа были записаны на катушечный магнитофон разведывательного подразделения.

5 АВГУСТА 1968 ГОДА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО (НЕ ПОДЛЕЖИТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОГЛАСКЕ)

КОМУ: МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ

ОТ: МИНИСТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

ТЕМА: ДОПРОС ЛАНЖУА

Мой дорогой коллега!

Во время допроса были получены следующие сведения:

Убийства в Гатино и других местах совершало тайное французское подразделение, в состав которого входят члены OAS. Организации «Черная гвардия» не существует. Хотя и в незначительных количествах, но снаряжение производства стран Советского блока все же просачивается сквозь заслоны нашего военно-морского флота. ФОК расширил свою сеть, захватив районы смешанного проживания англо- и франко-канадцев в Манитобе, в Акадиан и в северном Нью-Брансуике. НОК продолжает расширять партизанские действия во внутренних районах страны, но не располагает достаточным количеством обученных специалистов даже для ведения диверсионных действий силами небольших отрядов. Блокада препятствует снаряжению этих отрядов тяжелым вооружением. Бывшие военнослужащие ополчения сведены в три легких пехотных батальона и располагают достаточным количеством вооружения и боеприпасов для ведения эф-

фективных оборонительных действий в Монреале. Еще один батальон находится в Квебек-Сити.

Искренне Ваш...¹

Из стенограммы Комитета по иностранным делам при канадском кабинете министров, 15 августа 1968 года

Госсекретарь по внешним делам (ГСВД): Предпринятые нами на заседании Североатлантического совета попытки использовать записи допроса Ланжуа провалились. Нам не удалось убедить членов НАТО осудить Францию. Мы не можем использовать магнитофонные записи...

Министр юстиции: Так-то так, но...

ГСВД: Администрация Макговерна сейчас ищет пути выхода из Вьетнамского кризиса и пытается сохранить мир в самих Соединенных Штатах. Сдерживание демонстрантов, вышедших вчера на улицы Вашингтона, потребовало присутствия целой пехотной бригады.

Министр национальной обороны: От наших партнеров из Западной Германии приходят весьма обескураживающие вести. Один заметный деятель боннского правительства по имени Эгон Бар предполагает, что после потепления отношений со странами Восточного блока, которое он называет «восточной политикой», произойдет окончательное объединение Восточной и Западной Германии. Мы понимаем, что найдется много желающих поддержать такой шаг.

ГСВД: Это подтверждает и наше посольство в Бонне. Более того, наши секретные источники в Западной Германии сообщают, что состоялась тайная встреча между представителями западногерманского правительства и Советского Союза. Мы можем только догадываться, о

¹ Интервью с бригадным генералом Дж. Олком, взятое в административном комплексе Директората по антиподрывной деятельности и защите веры, 23 мая 2005 г.

чем там шла речь, но насколько мы понимаем, это означает конец НАТО.

Начальник штаба обороны: Западная Германия вот-вот выйдет из НАТО, Франция уже вышла, скандинавские страны под вопросом, Турция и Греция держат друг друга за горло в отношении Кипра, Италию можно не принимать в расчет, поскольку там постоянно меняются правительства. Американцы зашли в тупик... Остаемся только мы, голландцы, португальцы и британцы.

Министр юстиции: Ваш пресс-секретарь уже здесь?

Начальник штаба обороны: Он задерживается. Транспортный самолет, на борту которого он летел, подбит зенитным огнем из Сен-Юбера.

Полковник Энфилд: Джентльмены, позвольте мне сказать.

Начальник штаба обороны: Да, полковник, пожалуйста.

Полковник Энфилд: Беседа с американцами, которая состоялась в Комитете военного сотрудничества, позволила нам лучше оценить ситуацию. Сегодня утром пришло сообщение о том, что Бонн распорядился вывести из Западной Германии все войска НАТО.

< возгласы изумления >

Неустановленное лицо: Вот сволочи!

Полковник Энфилд: Американцы считают (я имею в виду администрацию президента и Объединенный комитет начальников штабов), что мы больше не располагаем надежной системой сдерживания. После вывода канадской бригадной группы из состава Северной группы армий НАТО силы сдерживания на Центральноевропейском ТВД больше не в состоянии отразить нападение стран Варшавского договора и будут вынуждены прибегнуть к использованию тактического ядерного оружия.

Начальник штаба обороны: Вот как? Ну что ж, мы обладаем такими возможностями.

Полковник Энфилд: Теперь Бонн не разрешит применение ядерного оружия на территории Германии и попытается объявить недействительными планы нанесения ядерных ударов, которые включают также сбрасывание стомегатонных зарядов на объекты, расположенные в Восточной Германии. Но это еще не все. Вывод из строя объектов, выполнявших задачи НОРАД в провинции Квебек, в ближайшей перспективе поставит под угрозу способность системы воздушной обороны континента защитить бомбардировщики стратегического авиационного командования. Это снижает возможности стратегического ядерного сдерживания, которое является необходимой основой для любой военной акции, предпринимаемой в Европе. Короче говоря, у нас нет средств сдерживания деятельности стран Варшавского договора в Западной Европе и Средиземноморье. Согласно прогнозам разведслужб, Москва совершит бросок на Прагу и насильно прекратит проводимый там эксперимент под названием «социализм с человеческим лицом». Затем они перенаправят свои силы в Западную Германию, как если бы Бонн пригласил их к себе.

Министр юстиции: Итак, у нас остались твердыня Северной Америки и британский аванпост, расположенный неподалеку от Европы. Не слишком ли это напоминает 1940 год?

Начальник штаба обороны: Боюсь, вы правы!¹

¹ Эта стенограмма находится в Мемориальной Библиотеке и Усыпальнице Макговерна, в разделе «Рукописные документы», подшивки за 1970 год. Весной 1998 года представители отживающего свой век американского дипломатического истеблишмента и историки, собравшиеся на конференции Темпльского университета, поставили под сомнение партнерские отношения Канады с Соединенными Штатами, которые имели крайне важное значение во время

Из сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», Берлин, 17 октября 1968 года: «Нейтральная Германия объединяется, а Советы предоставляют ей гарантии безопасности».

Из сообщения агентства «Рейтер», 17 октября 1968 года: «Североатлантический альянс НАТО распадается».

Из сообщения агентства «Рейтер», 20 октября 1968 года: «Греция подписывает соглашение о взаимной обороне с Советским Союзом, турецкие войска вторгаются на Кипр».

Из сообщения агентства «Ассошиэйтед Пресс», 21 октября 1968 года: «Италия, Франция и Испания получили приглашения вступить в Европейское мирное сообщество, центр которого находится в Берлине».

Сержант штабной службы Боб Долан и солдаты его группы из Херефорда медленно пробирались через лес и холмы, лежащие к северу от Халла. К западу от них действовали австралийцы, и сержант боялся, как бы те не открыли огонь по своим. Братоубийство, помимо всего прочего, сорвало бы очень важное задание. Бойцы SAS (SAS — специальная воздушно-десантная служба, элитное диверсионное соединение британских вооруженных сил) проводили заключительную фазу операции «Шелф Лайф», разработанной с целью ликвидировать активность партизан к северу от столицы. Используя методы, которым он научился в Малайзии, когда действовал против индоне-

«холодной войны». Автор присутствовал при этом обмене мнениями и пытался доказать, что данная точка зрения явно не соответствует истине и что в ее основе лежит предвзятое мнение о положении дел на Североамериканском континенте.

зийцев, Долан сумел обнаружить две позиции отряда противника численностью примерно с роту. Вызванные им самолеты нанесли воздушный удар по позиции, где находилась большая часть отряда, размещавшаяся в нескольких зданиях. Прилетевшие истребители-бомбардировщики CF-5 сбросили напалмовые бомбы. В результате налета группа партизан стала «небоеспособной». Силы быстрого реагирования, представленные ротой из состава батальона Черной стражи, в котором служил Дерик Грейвел, были доставлены на место вертолетами «Ирокез». Окружив противника, они после продолжительной перестрелки покончили со второй группой партизан.

Гораздо восточнее танки «Центурион» 8-го полка канадских гусар и кавалерия Форт-Гарри оказывали поддержку Королевским стрелкам, которые вели кровопролитные уличные бои в Монреале. Поскольку примыкавшая к их правому флангу американская механизированная бригада из состава 23-й дивизии слишком медленно продвигалась вперед, возникла острая необходимость совершить прорыв. Были сформированы новые подразделения, такие как 2-й канадский сикхский батальон из Торонто, который уже выдвигался в направлении цепи восточных городков с целью пресечь в этой местности деятельность ФОК. Десантники из Оука — спецназ, сформированный главным образом из коренных жителей Северной Америки, — проводили рекогносцировки и добывали чрезвычайно ценные сведения.

Одним словом, предстояла долгая и ожесточенная схватка.

В действительности

Практически вся американская и британская литература, посвященная антиповстанческой и антитеррористической борьбе, игнорирует тот факт, что Канада была,

очевидно, единственной страной-участницей НАТО, наголову разгромившей движение террористов-революционеров, в основе которого лежала конспиративная сеть ячеек. Причем ей удалось сделать это, не дожидаясь, пока будет нанесен серьезный ущерб государству. Канадские аналитики считали, что ФОК и схожие организации, которые оказывали ему поддержку, будут действовать поэтапно, в соответствии с четырехступенчатой программой революции. Их продвижение к цели должно было начаться с мобилизации политических сил и закончиться вооруженным конфликтом с правительством. Стратегия канадского правительства заключалась в том, чтобы не допустить перерастания городского терроризма в боевые действия небольших вооруженных отрядов, разбросанных по внутренним районам страны. Внезапное массовое развертывание вооруженных сил, предпринятое в 1970 году с целью поддержать операции, проводимые в провинции Квебек разведкой и полицией, нанесло смертельный удар революционному движению, которое началось в Канаде в 1963 году.

Помимо проведения в течение семи лет террористических актов, включавших взрывы зданий, похищение британского дипломата и убийство члена кабинета министров, ФОК удалось проникнуть в канадское ополчение и тем самым получить возможность подготовить своих боевиков и похитить огромное количество оружия, в том числе штурмовых винтовок и противотанковых орудий. Нападение ФОК на хранилища ядерного оружия, расположенные на базе Ламаказа, было заблаговременно пресечено. Некоторые боевики ФОК действительно прошли подготовку в Алжире, в лагерях Национального фронта освобождения, а де Голль в самом деле публично оказал моральную поддержку сепаратистам. В самый пик кризиса 1970 года были арестованы члены одной из ячеек арабских террористов, которые пытались проникнуть в Канаду. Группа «Черная гвардия» действительно суще-

ствовала. Тайная военная поддержка, которую американцы оказывали действиям канадской армии, являлась частью проводимых в 1970-е годы операций.

Однако, имея ФОК гораздо более значительную политическую и дипломатическую поддержку со стороны внешних сил, особенно со стороны нестабильной и недружественной Канаде Франции, все могло бы сложиться иначе. В то время в самой Франции царил полнейшая неразбериха, и причин тому было множество: Алжир; лидерство американцев в НАТО; Берлинский и кубинский кризисы; установление контроля за ядерным вооружением; исключение Великобритании из системы новых экономических отношений в Европе. Не вызывает сомнений, что социальная нестабильность, возникшая и широко распространившаяся в Европе и Северной Америке в 1960-е годы, вовсе не обязательно игнорировалась Советским Союзом. Однако сочетание косвенной поддержки революционеров (подготовка, пропаганда, дипломатические маневры) и благоприятного стечения обстоятельств могло изменить ситуацию в пользу коммунистов, причем даже гораздо более радикально, нежели этого ожидали или планировали в СССР. Требовалось лишь наличие политической воли для того, чтобы использовать в своих целях сложившуюся ситуацию. Сложившаяся во Франции обстановка вполне могла бы вызвать катастрофу наподобие описанной выше, но лишь при условии, что она совпала бы по времени с развитием событий в Квебеке.

Примечание автора

В 1968 году Брюс Пау (писавший под псевдонимом Эллис Портал) положил схожий сценарий в основу своего блестящего, на мой взгляд, романа «Killing Ground», выход которого почему-то остался незамеченным. Хотя мое изложение событий в определенной мере сходно с тем,

как их описывает Пау, однако имеются и значительные отличия. Это прежде всего касается масштабов последствий, вызванных кризисами в НАТО, потерей NORAD и осложнением канадско-американских отношений. Кроме того, я применил на деле свои познания — как в области формулировок, которые использовались в эпоху «холодной войны» в сфере национальной безопасности Канады, так и в области возможностей вооруженных сил того периода. Для этого я, помимо всего прочего, воспользовался и недавно рассекреченными материалами разведслужб и стенограммами заседаний кабинета министров Канады.

Форрест Р. Линдсей

ВОЙНА БРАТЬЕВ. Китайско-советская драма, 1968 год

Не будем скрывать, у нас вызывает серьезную озабоченность тот факт, что появившиеся различия постоянно углубляются и что количество спорных вопросов постоянно увеличивается, тогда как острая публичная полемика недопустима в отношениях между марксистами-ленинистами.

*Из выступления Председателя КП Китая
Мао Цзэдуна, опубликованного
в «Пекинском обозрении» 29 ноября 1963 г.*

Сергей Ефремович Иванов торопился. Это был седой мужчина маленького роста, вечно сжимавший желтыми от никотина пальцами сигарету и имевший привычку сутулиться. Он всегда спешил. Вот и сейчас он торопился забрать материалы и вернуться на стоянку, где его ждал личный водитель. Менее чем через час он должен был представить всем членам Президиума Верховного Совета и Централь-

го Комитета КПСС точный прогноз американской ответной реакции на ряд действий Советского Союза. Иванов был известен представителям высших эшелонов советской власти, поскольку в прошлом он уже давал дьявольски точные оценки намерений американцев. Будучи руководителем одного из подразделений Комитета государственной безопасности, он, не выходя из своего кабинета, неоднократно предугадывал реакцию американцев (или отсутствие таковой) на те или иные события, осложнявшие международное положение, и всякий раз делал это абсолютно точно. И каждый раз его в награду продвигали еще на одну ступеньку вверх по служебной лестнице и предоставляли новый кабинет, который находился еще ближе к Кремлю. Этот своего рода дар предвидения был редким качеством, и вершители судеб Советского Союза держали Иванова как можно ближе к себе. Данная близость вот уже почти год не позволяла ему провести выходные на даче, вместе со своей семьей. С недавних пор «холодная война» все чаще стремилась перерастать в «горячую», и кризисные ситуации постоянно сменяли друг друга. Сегодня в воздухе снова запахло войной, и потребовался безошибочно точный анализ Иванова.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны Соединенные Штаты Америки и их союзники — страны-участницы НАТО и СЕАТО создали вызывающий опасения антисоветский блок. На первый взгляд они, казалось бы, возвели нерушимую стену вокруг Советского Союза стран-участниц Варшавского договора и их социалистических союзников. Однако вызывающее поведение во время блокады Западного Берлина, угрозы воспрепятствовать подавлению венгерской контрреволюции, вывод ядерных ракет средней дальности из Турции в связи с угрозой, которую представляли советские ракеты на Кубе, — все эти эпизоды свидетельствовали о слабости капиталистических держав. Заключительным аккордом стал вывод американских военных советников из

Вьетнама и отказ от предоставления помощи этой стране. В результате прекращения серьезного противодействия там победила коммунистическая революция. Иванов уже давно об этом предупреждал, но самое потрясающее его пророчество заключалось в том, что президент Джонсон откажется привлекать американские сухопутные войска к участию во вьетнамской войне, дабы сохранить свою популярность. Получив от Иванова такую оценку, Советы резко усилили поддержку войскам Хо Ши Мина. Падение сайгонского режима произошло необычайно стремительно.

Испытывая чувство благодарности, объединенная Социалистическая Республика Вьетнам предоставила в распоряжение советского флота превосходные портовые сооружения в бухте Камрань и в городах Дананг, Хайфон и Ванг Тау. Система базирования и стремительный рост советской мощи в этом регионе давали возможность эффективно контролировать воды Юго-Восточной Азии и все проходившие через них важнейшие линии коммуникаций.

Мощный социалистический Вьетнам оказался весьма полезным для революционеров Индонезии, Лаоса и Камбоджи. Вскоре после того, как над Сайгоном был поднят красный флаг, новые, весьма популярные в народе политические движения, получив в свое распоряжение первоклассное оружие и опытных советников, изгнали капиталистов из этих стран.

Впервые советский флот получил возможность базироваться в не замерзающих круглый год портах. Зона ответственности расширилась, и поскольку перед флотом теперь были поставлены новые задачи, увеличился и его количественный состав. Выход к Малаккскому проливу давал возможность контролировать коммуникации, связывающие западную часть Тихого океана с Персидским заливом. В сущности, это означало возможность сдерживать растущую мощь Японии и Южной Кореи. Кроме того, это означало, что Австралия и Новая Зеландия те-

ряли свое значение в общей расстановке противоборствующих сил и, самое важное, Америка и ее союзники решительным образом изгонялись из регионов, охватывающих практически половину земного шара.

Однако не обошлось и без досадного побочного эффекта, поскольку изменилась и расстановка сил в социалистическом лагере. Китайская Народная Республика, которая в годы Корейской войны была ближайшим союзником СССР, испытывала муки «культурной революции», в ходе которой погибли сотни тысяч китайцев, а еще сотни тысяч человек были либо насильственно перемещены на новые места жительства, либо оказались в местах заключения. Терзающие приграничные районы СССР и Китая конфликты становились все более ожесточенными. В этих удаленных, изолированных районах имело место постоянное наращивание вооруженных сил. Антисоветская пропаганда, которую вел режим Мао, становилась все более резкой, а инциденты между отрядами кораблей двух социалистических держав возникали каждую неделю, поскольку они встречались друг с другом в узких фарватерах острова Хайнань, архипелага Спратли и многих других местах. Оказалось, что обострение напряженности между маоистским Китаем и его социалистическими братьями, помимо всего прочего, было вызвано приобретениями в Юго-Восточной Азии, которыми воспользовались советское правительство и его многочисленные союзники.

Самому себе Иванов признавался в том, что его изумило решение Джонсона не оказывать противодействия вьетнамской революции. Предшественник Джонсона послал на помощь Сайгону американских военных советников и истратил на поддержку вьетнамских лидеров кучу денег. Сразу же после убийства Кеннеди его преемник полностью изменил курс, отказавшись от предоставления вьетнамским марионеткам прямой поддержки. Поскольку данный регион играл крайне важную роль в

американской стратегии, вызывало изумление то, что США так легко от него отказались.

Как и многие русские, Иванов втайне восхищался американцами — они отличались дерзостью и богатым воображением, а их страна, как и Советский Союз, представляла собой сплав многих предприимчивых наций и различных культур, которым пришлось начинать практически с самого начала. Между двумя этими нациями было больше сходства, нежели отличий и, даже будучи убежденным коммунистом, Иванов с восхищением наблюдал за развитием американской промышленности и науки. И все-таки американцам не хватало основного качества, необходимого для того, чтобы суметь остаться великой державой, для того, чтобы стать лидером. Им не хватало умения стоять до конца. Великая держава обязана проявлять волю, силу и отвагу. В политике, как и в животном мире, тот, кто не желает смотреть в лицо опасности и не хочет идти на жертвы, будет быстро повержен, и ему останется лишь ждать милости от победителя. И так же, как в животном мире, в политике нельзя полагаться на чужую милость.

Иванов пришел к мысли, что американцы утратили революционный пыл, который когда-то был им присущ. Добившись того, что жизнь стала благополучной и богатой, они сделались податливы, словно глина. Например, им достало средств на реализацию так называемого плана Маршалла, направленного на восстановление экономики западноевропейских стран. Хватало у них денег и на то, чтобы пропагандировать свободу по всему миру, но они не испытывали особого желания жертвовать собой ради собственных идеалов. Роковая ошибка.

Ясно, что в будущем, как и предсказывал Маркс, повсюду победит коммунизм. Коммунистическая система доказала, что она располагает достаточной силой и способностью жертвовать собой ради идеалов. Это как раз такая система, которая может захватить и удержать

власть. Теперь, похоже, встал вопрос: кто поведет социалистические страны в будущее, Советский Союз или маоистский Китай?

Устроившись на заднем сиденье личной «Чайки»¹, Иванов привел в порядок свои записи и подготовил тезисы краткого доклада.

Западные альянсы, в особенности СЕАТО, выглядели совершенно беспомощно на фоне превосходства советского флота, обладавшего разветвленной сетью баз. Соединенные Штаты, несомненно, имели в этом регионе крупные и дееспособные военно-морские силы. Особенно это касалось авианосных ударных групп, способных действовать вдалеке от баз на Филиппинах и в Японии. Но американские ВМС были слишком распылены, а поскольку они находились слишком далеко, то не могли быстро нейтрализовать действия советского ВМФ в Азии. В своих оценках военно-морские эксперты КГБ сошлись на том, что американцам потребуется от одной до двух недель, чтобы перебросить авианосные ударные группы в моря, омывающие Юго-Восточную Азию. Размещенные на подводных лодках ядерные баллистические ракеты «Поларис» предоставляли американцам значительные возможности и создавали постоянную угрозу СССР. Но они оказались бы совершенно бесполезны, если бы американцам не хватило решимости их применить.

Вопрос, на который Иванов должен был дать ответ собравшимся представителям высших органов Советской державы, заключался в том, вмешаются ли Соединенные Штаты и их союзники в спланированную СССР операцию по захвату и подчинению Китайской Народной Республики.

Маоистская клика стала представлять смертельную опасность для прогресса социализма, а раскол, который

¹ Единственный лимузин высшего класса, доступный советским партийным лидерам, всегда был только черного цвета.

сделался ныне столь глубоким, возник из-за опасной нерешительности и бесполезной децентрализации власти, что и привело к конфликту внутри коммунистического движения. Прежде Китай в основном затрачивал энергию на проведение кампаний против собственного народа, но в последнее время сосредоточился на антисоветской пропаганде, так что серьезная конфронтация была лишь делом времени. Настала пора решить, в каком направлении должен идти мир социализма, и ликвидировать разрушительную деятельность Мао, извратившего коммунистическую доктрину.

Советское руководство решило немедленно поразить гадину в ее логове. Для чего требовалось пересечь монгольскую границу и, используя монгольские армии смешанного состава, предпринять стремительный бросок на юг, чтобы расколоть и дезорганизовать китайскую Народно-Освободительную Армию (НОА), взять в кольцо и захватить столицу Китая Пекин. Для этого СССР нужно было незаметно убрать с занимаемых позиций крупные соединения войск, которые служили противовесом армиям НАТО в Европе, и тайно перебросить эти войска, вместе со всем вооружением и снаряжением, на китайскую границу, то есть за тысячи миль от прежнего места дислокации.

У китайцев имелось мощное оружие, которое давало им возможность противостоять советским вооруженным силам: практически неограниченные людские ресурсы¹.

Численное превосходство китайцев Советам должны были компенсировать за счет современных, хорошо вооруженных и маневренных войск; за счет союзников, окружавших Китай (Индия, Вьетнам, Северная Корея), а также больших запасов тактического ядерного и хими-

¹ Согласно оценкам демографов, в Китае проживали 150 млн человек призывного возраста. В 1967 году на военной службе находились 3 млн человек. Источник: «Jane's Weapon Systems», 1967.

ческого оружия. В случае нанесения внезапного удара первый из трех указанных факторов предоставлял СССР необходимое преимущество в борьбе с китайскими вооруженными силами. Второй же служил своего рода страховкой на тот случай, если на начальном этапе вторжение будет развиваться не так, как планировалось (поддержка союзников также создавала потенциальные возможности для нанесения ударов с других направлений). Что же касается имевшегося у СССР специального оружия, предполагалось, что это оружие следует применять только в том случае, если ситуация будет складываться в пользу китайцев и они смогут воспользоваться своим подавляющим численным превосходством.

Воспользуются ли американцы возможностью нанести удар по Восточной Европе, оборона которой будет ослаблена в результате переброски советских войск на китайскую границу? Воспользуются ли американцы своими разведслужбами для того, чтобы сообщить китайцам о том, что намерены предпринять советские вооруженные силы? Получат ли китайцы, которые углубляют раскол внутри социалистического лагеря, содействие со стороны американцев и их союзников? Эти серьезные вопросы стояли перед советским руководством, когда русские армии уже высаживались из эшелонов в монгольских степях, раскинувшихся вдоль реки Амур.

Сцена Большого зала Кремля была украшена огромным барельефом, изображавшим рабочего и крестьянина, поднявших вверх массивные серп и молот. Приблизившись к возвышению, расположенному перед собравшимися руководителями величайшей в мире державы, Иванов бросил взгляд на это внушительное зрелище и сразу же почувствовал себя маленьким, ничтожным человечком. Но когда он открыл свои записи и первый диaposитив появился на гигантском экране, Иванов забыл о своем смущении и сосредоточился на докладе. Он считал, что американцы вмешиваться не станут. Показывая

слайд за слайдом, он приводил логические обоснования своих выводов. Американцы не готовы к такому повороту событий, они нерешительны и вполне довольны своей жизнью. Они будут рассматривать междоусобную войну Советского Союза и Китая как потенциально для них выгодную, так как оба врага обескровят друг друга, а сами американцы не понесут при этом никаких потерь. Поскольку у американцев нет никаких связей с китайским режимом, то даже если им удастся узнать о намерениях СССР, они едва ли сообщат об этом китайцам. Соединенные Штаты и их союзники не намерены вмешиваться, они уже не смогут своевременно изменить свою позицию. Столь же маловероятно и то, что войска НАТО, воспользовавшись тем, что главные силы СССР переброшены на восток, нанесут удар на западе. Этого не произойдет из-за колебаний Запада, нежелания США наносить удар первыми и отсутствия у союзников единого мнения по этому вопросу. Американцы, несомненно, побоятся сильного сопротивления, которое могут оказать оставшиеся в регионе войска Варшавского договора, усиленные тактическим ядерным и химическим оружием. И наконец, американские стратегические силы ядерного сдерживания бесполезны в данном случае, поскольку угроза будет полностью нейтрализована равными или даже более мощными стратегическими силами СССР. Запад во главе с Соединенными Штатами поставлен в совершенно безвыходное положение.

Иванова изумили аплодисменты, которые раздались, как только он закончил свое выступление. Бросив взгляд вверх, он обнаружил, что сотни слушавших его людей стоя хлопают в ладоши. Жребий был брошен.

В Китае ничего не знали об акции, которую в ближайшее время намеревались предпринять советские соседи. Правда, председатель Мао обращал внимание китайского народа и партии на ревизионистские и империалистические тенденции правительства Брежнева—Косыгина и

сосредоточил крупные соединения НОА на наиболее вероятных направлениях вторжения. И все же, когда разведслужбы обнаружили, что крупные соединения советских войск двигаются в направлении границы, наиболее вероятной причиной этого выдвигения посчитали желание Советов показать, что за приграничными войсками имеются гораздо более крупные силы. Перед Мао все еще стояла задача по ликвидации фракций внутри собственного правительства. Это требовалось для того, чтобы уверенно продолжать осуществление собственной программы строительства социалистического будущего. В основе представлений Мао о социализме лежала идея возрождения революционного энтузиазма посредством уничтожения внутренней оппозиции. Как только процесс будет завершен, Мао собирался пересечь Тайваньский пролив, чтобы окончательно уничтожить гоминдановских предателей.

Вперед!

Не будем скрывать, что наблюдение за маневрами китайского руководства вызывает у нас, как и у марксистов-ленинистов всего мира, обоснованную тревогу, ибо опасен путь, на который китайские лидеры толкают свою великую страну.

*М.А. Сулов. Из обращения к Пленуму ЦК КПСС
14 февраля 1964 г.*

И вот 13 мая 1968 года советские войска, сосредоточенные на трех направлениях, нанесли массированные удары по Китаю. Удары эти ошеломили и китайцев, и весь остальной мир.

На первом этапе наступления советские войска действовали так же согласованно и слаженно, как детали механизма хороших швейцарских часов. Важнейшие горные проходы были заняты либо парашютистами-разведчика-

ми, либо батальонами, которые высаживались с вертолетов. Охранявшие эти проходы китайские войска русские либо выбивали с занимаемых позиций, либо обходили, словно их там и не было. Главные силы наступавших действовали согласно доктрине Красной Армии, которая столь хорошо зарекомендовала себя во второй половине Великой Отечественной войны. Бронетанковые силы, в тесном взаимодействии с фронтовой авиацией и дивизионной артиллерией, которая вела массированный заградительный огонь, крушили китайские войска, оказавшиеся на их пути. Труднее всех приходилось войскам Тихоокеанского фронта. Выдвинувшись со своих исходных позиций, расположенных неподалеку от Владивостока, они вынуждены были, преодолевая сложную, изрезанную каналами местность, двигаться в направлении Чанчуня, а затем брать важнейший узел коммуникаций Фушунь/Мукден. Войскам Центрального фронта предстоял долгий путь. Из мест сосредоточения в районе столицы Монгольской Народной Республики Улан-Батора советские войска двинулись на юго-восток, вдоль главной железной дороги, которая, прорезая пустыни, словно кинжал, подходила к самому Пекину. Войска Западного фронта наносили удар со стороны города Фрунзе, расположенного в Киргизской Советской Социалистической Республике. Выйдя на древний Шелковый Путь, они прошли мимо Алма-Аты и двинулись строго на восток. Проникнув с «черного хода» на территорию Китая и двигаясь в направлении центральных районов страны, советские войска на протяжении сотен миль пути фактически не встречали сопротивления.

План был простой, прямой и типично советский: призвав подразделения НОА к занимаемым позициям, лишить их маневра и разбить по частям. Посредством массированного применения всех родов войск найти или пробить брешь в обороне противника и, устремившись в эту брешь, ликвидировать окруженные группировки.

Наступление силами трех фронтов, каждый из которых самостоятельно продвигался в направлении Пекина, гарантировало, что войска одного, а возможно, и всех трех, заманят китайское руководство в ловушку, а это приведет к быстрому и решительному поражению Мао и его клики. У Москвы практически не было сомнений в том, что, взяв Пекин и сместив строптивное китайское правительство, СССР достигнет всех своих целей и война будет закончена. Приняв в свои ряды новый, более податливый Китай, единая коммунистическая семья сможет немедленно возобновить противоборство с капиталистическими державами.

В ходе войны, после первого же соприкосновения с противником, любой, даже самый тщательно разработанный оперативный план подвергается изменениям. Данная операция не стала исключением из правил. Народно-освободительная армия Китая знала о дисбалансе, существовавшем между нею и Красной Армией, и давно пришла к выводу, что лучшим способом нейтрализовать этот дисбаланс будет на время отказаться от ближних боев с противником, а потом обескровить его нанесением тысяч мелких уколов. Войскам Тихоокеанского фронта удалось захватить транспортные узлы, расположенные в районе города Шэньян (Мукден), но вскоре продвижение замедлилось и подразделения, которые оказались в сложных условиях гористой местности, лежавшей к юго-западу от города, попали в засаду. Численное преимущество крупных соединений можно свести на нет, если им приходится пробираться по узким дорогам и через глубокие ущелья. Командиры подразделений НОА, действовавших на этом участке, применили комбинированную тактику умело организованных артиллерийских засад и минирования склонов холмов. В результате СССР дорого заплатил за каждый ярд отвоеванной земли. Начало проливных весенних дождей сыграло на руку китайцам и привело к тому, что наступательное движение советских войск за-

буксовало, а потом и вовсе остановилось, поскольку тяжелой бронетехнике приходилось преодолевать одно препятствие за другим.

Войска Центрального фронта встретили меньшее противодействие со стороны НОА, однако, несмотря на это, их продвижение также замедлилось, что было вызвано трудными условиями местности, по которой пролегал маршрут движения. Монгольские пустыни являются одним из самых бесплодных и суровых участков суши на Земле. Во время длительных поездок по такого рода пустынным районам транспортные средства, даже столь надежные, как военные машины, не делают продолжительных остановок. Гусеничному транспорту пришлось взгромоздиться на колесные грузовики, которые перевозили его на большие расстояния (поскольку гусеничные машины потребляют слишком много топлива и часто ломаются во время длительных маршей). Но никудышные дороги не могли обеспечить продвижение потока колесной техники. Оно замедлялось всякий раз, когда дороги блокировали сломавшиеся или застрявшие в грязи машины. В таких случаях приходилось выбирать новые маршруты.

Воздушные налеты стали настоящим кошмаром для транспортных средств, которые, замедлив скорость, скапливались возле препятствий, блокировавших проезд. Когда советские войска проникли во внутренние районы Китайской Монголии, пилоты ВВС НОА научились прорываться сквозь советские воздушные заслоны и наносить сокрушительные удары по скоплениям техники, разбросанной на просторах пустыни. Столбы черного дыма поднимались над теми местами, которые подверглись атакам прорвавшихся китайских самолетов. Они служили ориентирами для летчиков, совершавших последующие налеты, после которых в пустыне оставалось все больше и больше черных столбов.

В основе неспособности советских войск преодолеть эти препятствия лежало отсутствие опыта ведения боевых операций. Скорость продвижения войск Тихоокеан-

Генерал-лейтенант Куртис Ле Мей,
командующий ВВС США в Европе во время Берлинской блокады.
(Национальный Архив)

После атаки ВВС США: подбитый танк Т-34/85 возвышается на остатках рухнувшего моста, южнее города Сувон, Южная Корея. Несмотря на такие успехи, авиация США не смогла остановить победоносное наступление северокорейцев

Слева: Июль 1948 года, транспортные самолеты С-54 и С-47 на базе ВВС «Большой Рейн». К этому времени Берлинский воздушный мост уже вовсе функционировал. Два самолета С-54 из состава 61-го авиакрыла воздушной поддержки были уничтожены в ходе серьезных инцидентов, случившихся в период октябрьского кризиса.
(Национальный Архив)

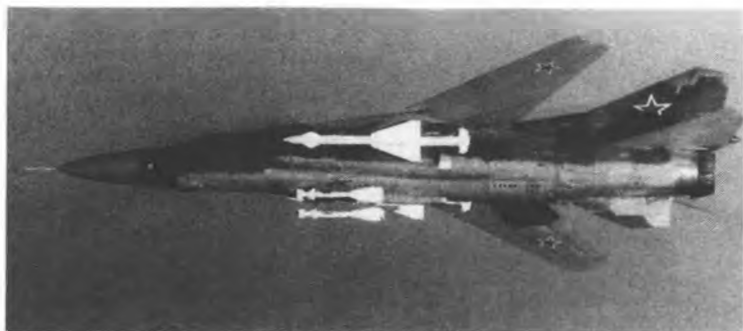

Чернокожие солдаты 24-го пехотного полка выдвигаются к линии фронта. Корея, июль 1950

Справа сверху: Австралийский танк «Центурион» и группа пехотинцев в деревне Кса Лонг Тан. Время действия — 1966 год. Запечатлен один из редких случаев отступления войск свободного мира, в ходе их успешных операций по умиротворению Южного Вьетнама. (Пол Хэндел)

Справа внизу: Весьма распространенное воспоминание о Вьетнаме: солдат-резервист несет караульную службу в одной из бесчисленных деревень стратегического значения, благодаря которым удалось оградить местное население от контактов с коммунистами. (Армия США)

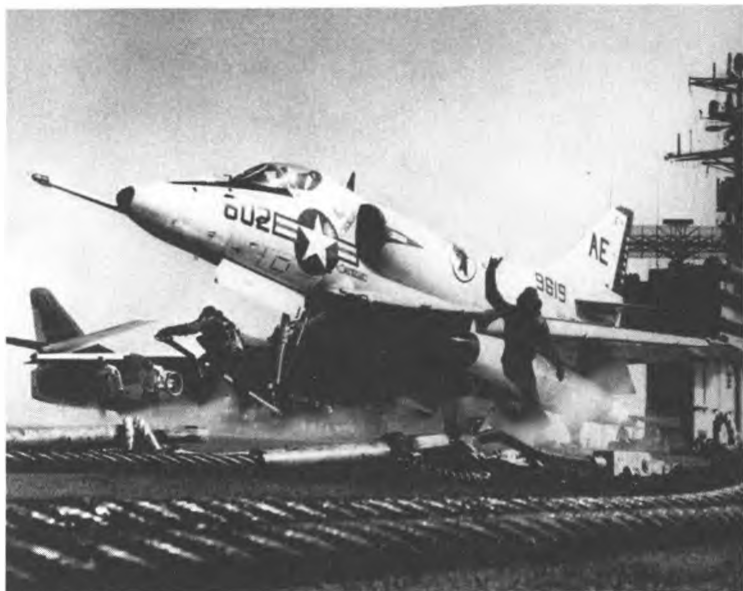

Советские истребители МиГ-23 (по классификации НАТО – «Флоггер-Б») сопровождали эскадрилью бомбардировщиков Ту-16, которая 21 июня 1967 года, нанесла удар по кораблям авианосной ударной группы во главе с авианосцем «Америка»

Внизу и справа: Повреждения на борту авианосца ВМС США «Америка», полученные в результате советского ракетного удара

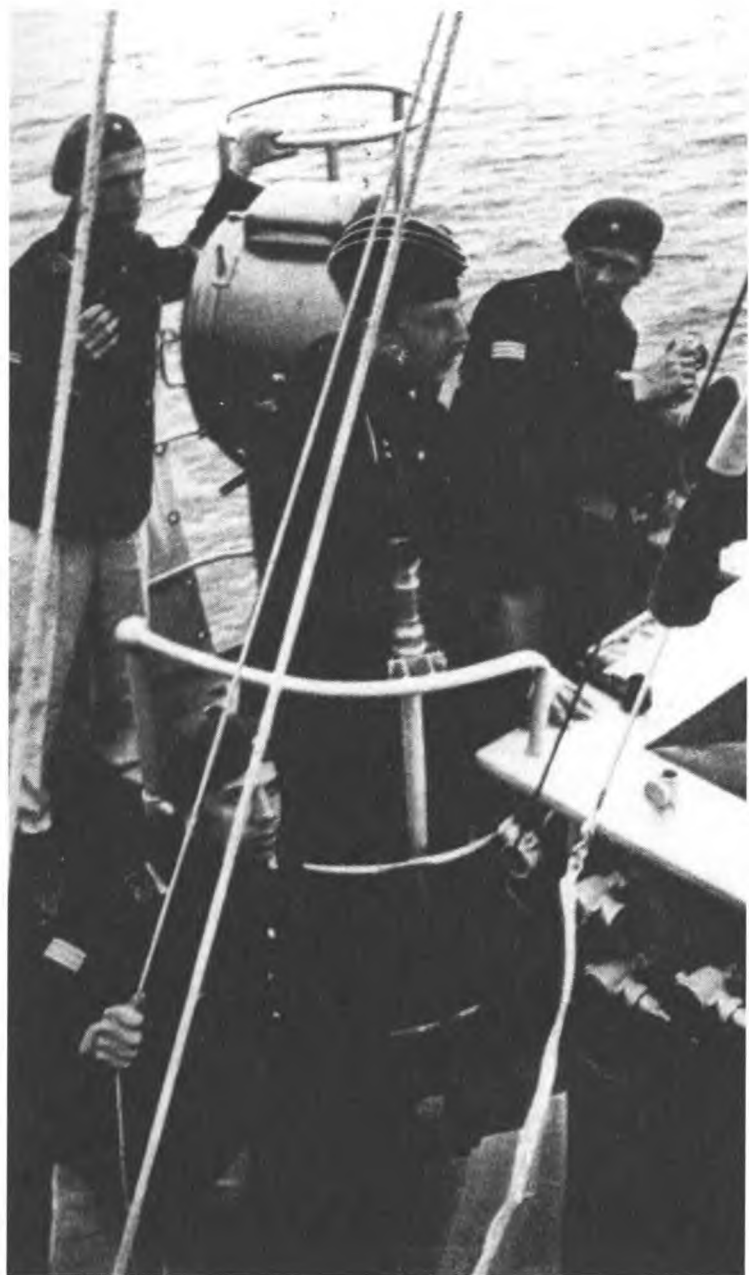

Палубний штурмовик А-4 «Скайхок» готов взлететь с палубы авианосца «Саратога» и атаковать советскую якорную стоянку на Китире. 21 июня 1967 года

Справа: Боевой пост сигнальщиков на борту советского ракетного крейсера «Киров», потопленного на якорной стоянке на Китире, во время контратаки Шестого флота. Этот удар был нанесен в ответ на удары по авианосцу «Америка» и кораблям сопровождения

Вертолеты «Киова» из состава спешно сформированной 444-й эскадрильи готовы поддержать действия сил коалиции в окрестностях Монреаля, проводимые вслед за трагически закончившейся операцией в самом центре города

Справа: Патруль в составе бронемашин «Линкс» из состава 2-й группы, эскадрона Б, 8-го полка канадских гусар, принимают участие в операции по «зачистке» от сепаратистов местности севернее Оттавы

Тактические ядерные ракеты FROG, класса «земля-земля». Этими ракетами были нанесены первые со времени окончания Второй мировой войны ядерные удары. Советы применили их, чтобы выйти из тупика, в котором оказались в ходе войны против Китая

Справа сверху: Внутренние районы Маньчжурии: мотопехота высаживается из бронемашин, во время одной из сокрушительных атак, имевших место на первых этапах советского вторжения в Китай

Справа внизу: 25 октября, в 06:36 эсминец ВМС США «Обри» запустил две ракеты SM-1 в советский Ту-95 «Медведь», тем самым непреднамеренно инициировав конфронтацию 1973 года

Вскоре после начала вторжения СССР в Афганистан: патруль советских воздушных десантников прочесывает дорогу в пригородах Кабула

Слева вверху: 26 октября 1973 года, «Держинский» — корабль того же типа, что и злополучный крейсер «Адмирал Ушаков», следует в Средиземное море для усиления Пятой эскадры.

Обратите внимание, что вместо одной из кормовых башен смонтирована пусковая установка ракет ПВО М-2 «Волков» — свидетельство уважительного отношения Советов к американской палубной авиации. (ВМС США)

Слева внизу: Группа советских вертолетов Ми-24 (по классификации НАТО «Хайнд-Д») прикрывает механизированную колонну, во время боя в Афганистане. Такие операции не проходили бы так гладко, если бы администрация США разрешила отправку ракет ПВО «Стингер» афганским партизанам. (Джамия-э-Ислами, Афганистан)

Ракетные установки армии США ведут огонь секретными боеприпасами

Бойцы мотострелковой дивизии Рогачева удивлены появлением множества странных оранжевых парашютов, плавно спускающихся вниз. 20 мая 1989 года

ского и Центрального фронтов должна была соответствовать или даже превосходить скорость продвижения их предшественников, которые использовали те же самые маршруты во время наступательной операции против японцев, предпринятой в августе 1945 года. Различие было в том, что Красная Армия образца 1945 года имела огромный боевой опыт, зрелых и талантливых командиров и знающих свое дело штабных офицеров. Советская же армия образца 1968 года была армией мирного времени и в основном состояла из недавно мобилизованных резервных дивизий, дислоцированных в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Наиболее боеспособные дивизии из состава группы советских войск в Германии (ГСВГ) составляли лишь малую часть этих подразделений. В советских войсках мирного времени имелось огромное количество престарелых офицеров высших рангов, что было результатом постоянной тенденции советской системы к выдвиганию посредственностей. И теперь эта тенденция давала о себе знать.

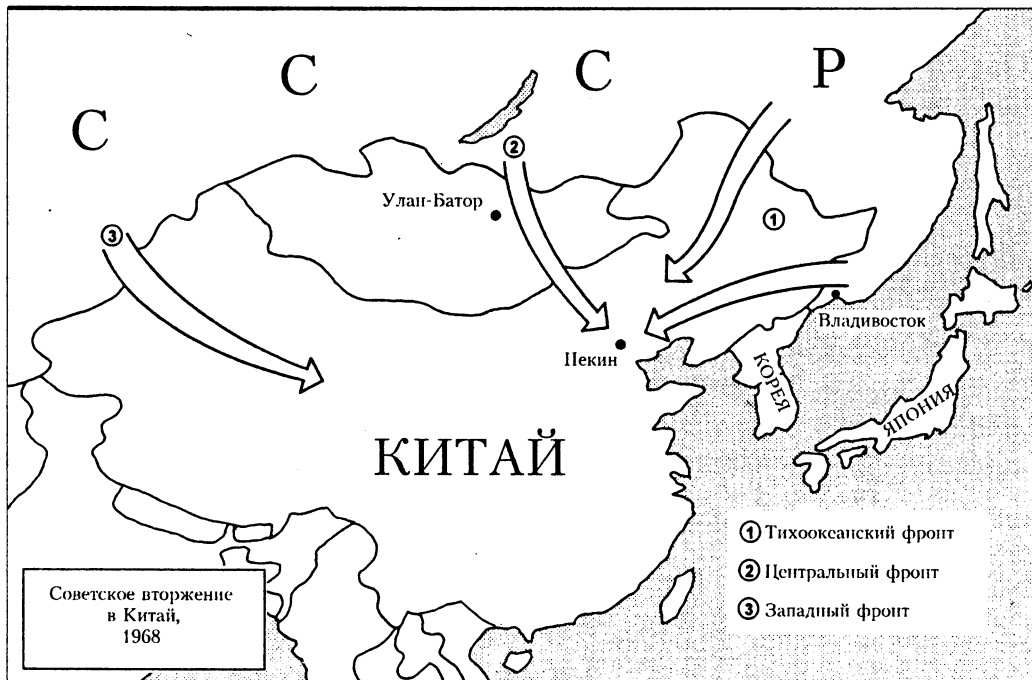
От боевой подготовки, рассчитанной на движение по хорошим шоссейным дорогам и ровным полям Западной Европы, было мало толку на новом театре боевых действий, рельеф которого изобилдовал горами, узкими ущельями, непроходимыми лесами и болотами. Кроме того, советская военная доктрина создавалась с учетом совсем иного противника. С другой стороны, китайская пехота чрезвычайно умело использовала окружающую обстановку. Данная местность идеально подходила для скрытного маневрирования больших масс стойких и безжалостных китайских солдат, которые использовали тактику ближнего боя и засад, умело маскировались и применяли различные уловки. Китайцы быстро поняли, что массированные атаки многочисленных воинских соединений являются самоубийственными, так как эти войска будут уничтожены имеющей подавляющее превосходство советской артиллерией и ударами с воздуха. Поэтому китайские командиры и их войска научились проникать в тыл про-

тивника, а затем, быстро сосредоточив силы, наносить неожиданные удары. После этого они столь же быстро исчезали, чтобы вскоре нанести следующий удар. Такая тактика позволила им обескровить противника и остановить его продвижение. В то же самое время другие китайские подразделения терзали растянувшиеся коммуникации советских войск. В конечном счете все это привело к потокам зря пролитой крови и абсолютному равенству сторон, так как ни одна из них не добилась существенных результатов.

Из трех советских фронтов лишь войска Западного фронта продвигались почти без затруднений. Практически не встречая организованного противодействия, они быстро двигались вперед. О потерях говорить также не приходилось. Советские войска проходили через малонаселенные территории, где было совсем немного китайских войск, а те незначительные подразделения, которые находились в этих районах, отступали, освобождая русским путь. Наблюдая за продвижением советских колонн, китайцы не создавали у них на пути каких-либо серьезных препятствий. Единственным противником, с которым столкнулись войска Западного фронта, было время, чтобы преодолеть большие расстояния. А разработанный в Москве график продвижения требовал быстрой победы, поскольку операцию нужно было завершить до того, как капиталистические страны воспользуются тем, что вооруженные силы СССР задействованы в Китае.

Лучше всех действовал советский ВМФ, который в первом же столкновении с китайским флотом легко расправился с минными тральщиками и патрульными кораблями береговой охраны противника¹. Командование ВМФ страстно желало сыграть в войне более значитель-

¹ По неподтвержденным данным разведки, ВМФ Республики Китай на Тайване, воспользовавшись замешательством материковых китайцев, свел счеты с некоторым количеством китайских кораблей, которым удалось покинуть место боя.

Советское вторжение в Китай, 1968 г.

ную роль и рекомендовало высадить морские десанты в окрестностях Шанхая. Это предложение обсуждалось, но генштаб вооруженных сил был слишком загружен все новыми и новыми проблемами, возникавшими на фронтах, чтобы принять какое-то решение.

Весь мир внимательно наблюдал за вооруженным конфликтом. Большинство стран — членов ООН выступило за немедленное прекращение агрессии, но Москва и ее сателлиты забаллотировали все резолюции, которые призывали к выводу советских войск. Как и предсказывал Иванов, первой реакцией Соединенных Штатов и их союзников было отношение к китайско-советской войне как к междоусобной ссоре, которая, хотя и приняла опасный характер, все же могла бы принести Западу определенные выгоды. Наибольшую опасность для союзников по НАТО и СЕАТО представляла собой та огромная мощь, которую Советский Союз мог приобрести, если бы ему удалось завоевать Китай. Их также беспокоила потенциальная возможность того, что война распространится и на весь остальной мир. В ходе дебатов в Конгрессе США и в парламентах союзников были приняты решения об увеличении расходов на оборону и развертывании дополнительных сил в Германии и Японии. Но в главном Иванов, как всегда, оказался прав: американцы и их союзники не собирались вмешиваться.

Война продолжалась несколько месяцев, в течение которых советским войскам не удалось не только взять Пекин, но даже подойти к нему на достаточно близкое расстояние. Главным силам НОА было приказано оказывать противодействие трем советским группировкам, и в самые жаркие летние месяцы война превратилась в изнурительное противостояние. Потери оказались тяжелее, чем предполагалось, но китайцам было легче их восполнить. По внутренним линиям коммуникаций они перебрасывали многочисленные подкрепления. Кроме того, китайцы располагали гораздо большими мобилизацион-

ными возможностями. Всякий раз, когда советские войска пытались нащупать брешь в обороне противника и перейти к мобильной войне, они несли тяжелые потери. Каждый новый прорыв заканчивался тем, что русские попадали в засаду, им снова приходилось вести позиционные бои и нести еще более тяжелые потери. Поскольку расстояния были непомерно велики, эскадрильи советской фронтовой авиации не могли слишком долго оставаться в воздухе, оказывая поддержку своим войскам. Как только они улетали, в небе появлялись китайские самолеты, которые наносили опустошительные ракетно-бомбовые удары по позициям советских войск.

Недели сменялись месяцами, а исход войны становился все менее определенным. Столь длительное ожидание возможных действий со стороны капиталистических государств привело к тому, что советское руководство приняло решение, которое прежде рассматривало как весьма нежелательное. Но теперь Советы не видели другого выхода. Боевые командиры наконец получили заветный код, который разрешал им применять химическое и тактическое ядерное оружие. Первые ядерные удары нанесли тактические ракеты FROG, которые обрушились на передовые позиции войск НОА, тогда как тыловые службы обеспечения подверглись воздействию стойких нервно-паралитических веществ, распыленных советской авиацией¹.

Китайские войска были ошеломлены этими атаками. Воспользовавшись тем, что применение оружия массового поражения привело к опустошению страны, Советы сумели на короткое время захватить значительные территории. Командование китайских войск без колебаний разрешило командирам своих боевых подразделений нанести от-

¹ FROG (Free Rocket Over Ground) — низколетящая неуправляемая ракета. Эффективная, но не отличающаяся высокой точностью тактическая ракета, перевозимая на грузовиках. Могла нести обычную, ядерную или химическую боеголовку.

ветные ядерные удары по советским войскам. Война перешла в новую стадию, став еще более безрассудной.

После того как китайцы и СССР обменялись ядерными ударами, мощность каждого из которых составляла 10 килотонн, остальной мир почувствовал на себе все прелести нового оружия¹.

После каждого взрыва в верхние слои атмосферы поднимались продукты ядерного распада, в том числе и частицы зараженной радиацией почвы. Оказавшись на такой высоте, радиоактивные изотопы йода, стронция, америция и мельчайшие частицы расщепляющихся веществ стали распространяться над поверхностью планеты. Исследовательские самолеты, изучавшие верхние слои атмосферы, отмечали присутствие этих смертельно опасных элементов, что подтверждало данные сейсмических станций, которые сразу же зафиксировали ядерные взрывы. Все говорило о том, что обычная война превратилась в ядерную. Радиоактивные частицы, выпавшие на поверхность земли вместе с дождями, были поглощены растениями и попали в организмы животных и людей. Выпавшие частицы безжалостно сократили продолжительность жизни десятков миллионов людей, многие из которых не имели никакого отношения ни к войне, ни к разработкам ядерного оружия. Паника охватила население далеких от советско-китайского конфликта стран, которые были встревожены событиями последних месяцев. Даже государства, поддерживавшие ту или иную воюющую сторону, требовали немедленного прекращения боевых действий. Но было уже слишком поздно. Потери оказались просто катастрофическими, и противники полагали, что для полной победы необходимо нанести лишь еще один

¹ Расчеты мощности этих ударов основаны на данных сейсмической станции министерства энергетики США. См.: отчет министерства энергетики США «Заражение радионуклеидами проб почвы Северо-Западного Китая». Вашингтон, 1971.

мощный удар. Советское правительство приказало ракетным войскам стратегического назначения приготовиться к нанесению решающего удара по главным городам Китая. Почти одновременно бомбардировочная авиация НОА получила приказ разработать план атаки ненавистных врагов, засевших в Москве. Летчики должны были попытаться осуществить дальний перелет и нанести ядерный удар, заранее зная, что не получат возможности вернуться назад.

Тем временем Агентство национальной безопасности, расположенное в штате Мэриленд, всего в нескольких милях к северу от Вашингтона, перехватило шифровки обеих сторон и немедленно довело их содержание до президента Джонсона и Объединенного комитета начальников штабов. Китайско-советская война достигла той фазы, которая теоретически допускалась, но считалась маловероятной. Однако теперь она стала действительностью. Вот-вот должен был состояться полномасштабный обмен термоядерными ударами. Война вступила в такую стадию, что уже никто не мог оставаться пассивным наблюдателем. Дальнейшее развитие событий могло привести к невысказанным последствиям и закончиться поминальным звоном по Китаю и по остальному миру. Безумие, охватившее театр военных действий, на котором сражались войска двух коммунистических головорезов, грозило распространиться как на соседние страны, так и на государства, которые пассивно наблюдали за событиями. От него не были застрахованы даже сосредоточившиеся на собственных проблемах Соединенные Штаты. По надежным каналам информация была передана руководству НАТО. Глубоко под землей, в горном комплексе Шайенн, штат Колорадо, открылось совещание штаба по чрезвычайным обстоятельствам. Здесь должны были разработать планы действий в условиях внезапно разразившейся войны. В это же время президент Джонсон встретился с руководителями национальной безопасности, чтобы обсудить вопрос

открытия «горячей линии» с Москвой. Требовалось любой ценой убедить СССР прекратить войну и отказаться от дальнейшего применения ядерного оружия.

Лидеры стран свободного мира пришли к единому мнению: ход событий опроверг их надежды на то, что китайско-советский конфликт не выйдет за пределы театра военных действий и будет урегулирован самими воюющими сторонами. ООН оказалась неспособна найти решение, положение стремительно менялось к худшему. Индия и Пакистан приступили к проведению всеобщей мобилизации, то же самое сделали Республика Китай на Тайване, а также Северная и Южная Корея. Япония оказалась в отчаянном положении, поскольку прямо через ее территорию ветер переносил основную массу продуктов ядерного распада. Там уже появились первые жертвы. Япония обратилась к США с просьбой направить дополнительные войска для ее защиты. Кроме того, на заседании национального парламента рассматривался вопрос о временном прекращении действия конституции, что позволило бы воссоздать мощные японские вооруженные силы. Европейские страны также приступили к мобилизации, так как коммунистические государства повысили степень боеготовности своих войск. Паритет, существовавший между крупнейшими державами, несомненно сводил к нулю угрозу полномасштабного обмена ядерными ударами; но ведь и раньше никто всерьез не рассматривал возможность возникновения между мнимыми союзниками конфликта, который в конечном счете мог бы перерасти во всеобщую ядерную войну. Тем не менее это произошло. На исходе лета 1968 года сложилась ситуация, которая угрожала всему миру.

Президент Джонсон и лидеры стран НАТО прекрасно понимали, что ни китайцы, ни русские сами не остановятся и что никакие дипломатические вмешательства

со стороны ООН несколько на них не повлияют. Воспользовавшись «горячей линией», Джонсон позвонил Брежневу, но, в сущности, не услышал ничего, кроме пожелания не лезть не в свое дело. Проявив благоразумие, члены кабинета и наиболее влиятельные конгрессмены добились повышения степени боеготовности войск США и НАТО ввиду потенциальной опасности, грозившей США, странам Западной Европы и их союзникам в Западной Азии. Этот шаг дал определенный эффект, так как повышение степени боеготовности приводило главные силы обороны в состояние, наиболее подходящее для нанесения ответного удара, если бы в таком возникла необходимость. Но что еще важнее — это был своего рода сигнал обеим воюющим сторонам, который предупреждал о том, что США и их союзники готовы к действиям в случае, если им будет угрожать опасность. Хозяину Белого дома приходилось работать допоздна и без выходных. Это раздражало Джонсона, поскольку уже пора было проводить предвыборную кампанию с целью переизбрания на второй срок. Республиканцы выставили своим кандидатом Ричарда Никсона, а Джонсон никогда не преуменьшал политических способностей Ловкого Дика. Не испытывая особой уверенности в правильности своих действий, Джонсон все же последовал рекомендациям советников и распорядился привести войска НАТО в состояние боеготовности DEFCON 2¹.

¹ DEFCON, от DEFence CONdition, дословно: «состояние обороны». Имеются следующие уровни: DEFCON 5 — нормальная деятельность армии в мирное время; DEFCON 4 — повышенная боеготовность разведки и служб охраны объектов; DEFCON 3 — повышенная боеготовность вооруженных сил; DEFCON 2 — дальнейшее повышение боеготовности, но не до максимального уровня; DEFCON 1 — максимальная боеготовность. См.: www.fas.org/nuke/guide/usa/c3i/defcon.htm

Известие о том, что американцы и их союзники привели свои вооруженные силы в состояние повышенной боеготовности, произвело на советскую номенклатуру эффект, подобный удару электрического тока. Советы никогда не доверяли Западу, налицо был наглядный пример западного вероломства. В то время как Советский Союз вел тяжелую борьбу с Китаем, значение которой трудно было переоценить, Запад, угрожая войной, показал свое истинное лицо. Что ж, они сами этого захотели. Если мир капитализма готов пойти на риск и вступить в открытое противоборство с объединенной мощью социалистических стран, он получит то, чего заслуживает. Советский Союз выдержал натиск самого технически оснащенного и умелого противника в истории человечества — фашистской Германии. Он выдержал худшее из всего, на что были способны нацисты, — он сможет сразиться и с капиталистами.

Поздно вечером Сергея Ефремовича Иванова вызвали в Кремль, где ему пришлось объяснять, почему события стали развиваться вопреки прогнозам, которые он дал всего несколько месяцев назад. Между тем в главных городах Советского Союза уже ввели светомаскировку, бомбоубежища обеспечили запасами всего необходимого, а среди населения стали проводить учения по гражданской обороне. Советское правительство и многострадальный советский народ готовились к самому худшему. Чтобы не отстать от капиталистов, Кремль распорядился повысить степень боеготовности тех подразделений ракетных войск стратегического назначения, которые были нацелены на Америку и Европу, и привел эскадрильи стратегических бомбардировщиков Ту-95 в состояние наивысшей готовности. В ожидании войны те корабли советского ВМФ, которые все еще оставались на базах, вышли из Балтийского моря, покинули Мурманск, Петропавловск и, конечно, вьетнамские порты.

Конфронтация

Наши враги всегда делали одну и ту же ошибку. Сколько я себя помню, и во времена Депрессии, и в период войны они дожидались нашего поражения. Но каждый раз из потаенных глубин американской души поднималась такая вера, о которой они не знали и о которой даже не догадывались. Она приносила нам победу. Так будет и на этот раз.

Президент Линдон Джонсон. Инаугурационное обращение, 20 января 1965 г.¹

Разведслужбы всех крупнейших держав с благоговейным страхом следили за тем, как ситуация стремительно изменяется к худшему. Когда президенту Джонсону сообщили о серии последних военных приготовлений СССР, он скрепя сердце согласился предпринять ответные шаги. Корабли Атлантического флота вышли из Норфолка, Чарлстона и Мейпорта, а Тихоокеанский флот покинул базы Сан-Диего, Перл-Харбор и Субик-Бей. Стратегическое авиационное командование держало наготове полностью вооруженные самолеты Б-52, которым требовалось всего несколько минут, чтобы взлететь. Авианосные ударные группы приближались к западной части Тихого океана, и никто не сомневался, что вся эта мобилизация добром не кончится.

Президент Джонсон сыграл свою роль в развитии самого опасного в истории человечества кризиса, и никто из сотрудников администрации не подсказал ему, что нужно сделать, чтобы остановить это безумие. «Ястребы» из Совета национальной безопасности и Конгресса советовали «взорвать русских к чертовой матери, не дожидаясь, пока они сами это с нами сделают». «Голуби» из его партии призывали президента отступить и сыграть роль

¹ Bartleby.com at www.bartleby.com/124/pres57.html

стороннего наблюдателя. Но ему понравилась идея одного профессора из Гарварда, который предложил президенту попробовать установить личный, конфиденциальный контакт с Брежневым и убедить его в том, что США и их союзники не желают войны. Этот профессор даже предложил помочь Брежневу установить контакт с китайцами, чтобы тот мог договориться с ними о прекращении огня. Он посоветовал Джонсону выступить в роли посредника и помочь двум коммунистическим державам найти выход из сложившейся ситуации. Причина, по которой Джонсон вообще обратил внимание на этого профессора, заключалась в том, что все, у кого он наводил справки, называли профессора одним из лучших политологов Америки. Джонсону не оставалось ничего иного, кроме как испробовать все возможные варианты, и он направил в американское посольство в Москве секретную радиограмму, в которой сообщал о том, что к ним в течение суток прибудет некий доктор Киссинджер и что необходимо сделать все возможное для того, чтобы как можно скорее устроить встречу Брежнева с этим самым Киссинджером. Джонсон хотел лично встретиться и поговорить с профессором перед его отъездом в Москву, но на это уже не оставалось времени. Президенту очень хотелось узнать, демократ Киссинджер или республиканец.

Узнав об активных военных приготовлениях Запада, китайские и советские руководители решили повременить с нанесением взаимных массированных ядерных ударов. Они сочли за лучшее, не ослабляя боеготовности, внимательно наблюдать за действиями капиталистов. Война в очередной раз зашла в тупик, поскольку обе стороны понесли многочисленные потери, а огромные участки почвы подверглись радиоактивному заражению. Оружие, с помощью которого предполагалось достичь полной победы в сражениях, было идеальным для убийства людей, но сильно затрудняло продвижение войск. Стойкие нервно-паралитические вещества имели коэффици-

ент вязкости и испаряемости моторного масла, поэтому районы, над которыми они были распылены, несколько месяцев оставались опасными для жизни. Попадание малейшего количества яда на кожу или в легкие могло закончиться смертью. Но хуже всего было то, что присутствие ядовитых веществ было совсем непросто обнаружить. Для того чтобы определить, какой участок местности заражен, а какой — нет, требовались время и целый ряд трудоемких процедур. Чтобы ускорить этот процесс, обе стороны использовали военнопленных.

В целом радиоактивное заражение представляло собой гораздо большую опасность. Имевшееся ядерное оружие в свое время разрабатывалось в условиях крайней спешки и, обладая колоссальной разрушительной силой, было крайне неэффективным. Остаточные продукты ядерного распада разбрасывались на десятки тысяч квадратных миль и, в сочетании с радиоактивными продуктами самого взрыва, превращали участки местности в смертельно опасные пустыни, которым суждено было оставаться таковыми не одно столетие.

Специальный конвой лимузинов доставил Киссинджера из посольства в Кремль, где сразу же состоялась встреча с Генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым, премьером Косыгиным и ближайшим окружением. После обмена вежливыми фразами Киссинджер перешел к сути дела. Оставшись с Брежневым, Косыгиным и заранее назначенным переводчиком, Киссинджер предложил посредничество США в переговорах о прекращении огня и взаимном отводе войск под наблюдением представителей НАТО и СЕАТО. При этом он подчеркнул, что все будет осуществляться в полной тайне от остального мира. Если Брежнев поддержит это предложение, то американцы попытаются вступить в прямой контакт с китайским правительством и выступят в качестве арбитра в решении всех вопросов, от которых будет зависеть взаимный и равнозначный отвод войск. Киссинджер также предложил со

стороны западных стран помощь, направленную на восполнение ущерба, который понесли воюющие стороны. Но самое главное заключалось в том, что он хотел установить новые взаимоотношения с СССР. Первоначально об этом секретном пункте знали только государственные деятели самого высокого ранга. У Брежнева не было оснований доверять профессору или считать, что он уполномочен делать такие предложения. Впрочем, данные предложения, похоже, давали шанс отодвинуть мир от края пропасти тотального уничтожения, причем сделать это, не увеличивая уже имевшихся потерь. Наилучшее впечатление на советских лидеров произвело то, что профессор с низким голосом уже усвоил советскую привычку из всего делать секрет — ведь в СССР больше всего доверяли тем, кто вел дела тайно. Время поджимало, и Брежнев согласился с планом Киссинджера. Он приказал своим стратегическим силам несколько снизить уровень боеготовности.

Первоначальный успех миссии Киссинджера сразу же оживил деятельность Госдепартамента и самого президента. Из авторитетных китайских источников было получено разрешение на вылет в Шанхай, и уже через несколько часов профессор ехал на встречу с Чжоу Эньлаем и высокопоставленными членами Китайской коммунистической партии. Аналогичные действия привели к аналогичным результатам, и почти сразу были отданы соответствующие распоряжения, которые позволили начать переговоры о заключении перемирия. Весь остальной мир не мог понять, как это получилось, но постепенно все стало приходить в норму. Боевые действия были прекращены и больше не возобновлялись, военно-морские и военно-воздушные силы, а также ракетные войска стратегического назначения снова были переведены в состояние бдительного ожидания, в котором они находились несколько месяцев назад. Группы экспертов из США и союзных стран совместно с китайцами проводили исследования и обеззараживание участков местности, пострадавших от применения

ядерного или химического оружия. С молчаливого согласия всех заинтересованных сторон стала поступать финансовая помощь для восстановительных и ремонтных работ. Однако президент Джонсон не извлек для себя никаких выгод из успешной поездки Киссинджера. Напротив, его ловко обошли, когда на выборах 1968 года открылось, что прислушиваться к советам Киссинджера посоветовал не кто иной, как кандидат от республиканцев Ричард М. Никсон, который и стал новым президентом Соединенных Штатов. Отношения между СССР и КНР, возникшие благодаря судьбоносной миссии США, установились на долгие годы и в конечном счете привели к демонтажу механизмов, подтолкнувших мир к черте, за которой ему грозило мгновенное самоуничтожение.

Оказавшемуся в самых нижних подвалах Лубянки Сергею Ефремовичу Иванову было о чем поразмыслить. Как и любой другой деятель, приближенный к советской руководящей верхушке, он прекрасно понимал, что после стремительного взлета можно легко упасть на самое дно и оказаться в такой вот тюремной камере. То, что он вновь оказался прав, теперь уже не имело никакого значения. Вся беда Иванова состояла в том, что его считали человеком, поддержавшим невероятно глупое решение напасть на Китай. Все те, кто недостаточно хорошо скрывал свои мысли, объявлялись предателями революции, а он никогда не скрывал своих убеждений. Поздно ночью, в тишине крохотной камеры, он позволил себе повосхищаться этими непредсказуемыми американцами. Трудно быть специалистом по стране, которая действует столь непоследовательно!

В действительности

Соединенные Штаты, конечно, глубоко увязли в своих попытках остановить «национально-освободительную

войну» во Вьетнаме, закончившуюся в 1975 году победой вьетнамских коммунистов. Эта победа, безусловно, стала победой всего коммунистического движения. Однако на самом деле «привыкшие к удобствам и спокойной жизни» американцы в течение долгих восьми лет защищали своего союзника от натиска Северного Вьетнама и от совместных усилий СССР, китайцев и всех их союзников. За время войны они потеряли 56 тысяч лучших представителей молодого поколения. На этот факт обратили внимание и коммунисты, и весь остальной мир. Он говорил о том, что американцы тверже, чем кажется, и что ради защиты союзников они готовы послать своих детей на подвиг и на смерть. Коммунисты поняли, что национально-освободительные, а фактически — гражданские войны при поддержке иностранных государств слишком дороги и бесперспективны и что в будущем не стоит в них участвовать. После Вьетнама таких войн больше не было. Иногда вспыхивали войны, которые вели доверенные стороны. Так произошло в Анголе, где в боевых действиях принимали участие кубинские наемники. Имела место даже прямая интервенция в Афганистан, но национально-освободительных войн больше не происходило. Именно решимость американских бойцов во Вьетнаме расценивалась как проявление воли Соединенных Штатов, так что президенты Никсон, Форд и Рейган, оказывая дипломатическое давление на СССР и на весь коммунистический мир, всегда помнили о храбрости сражавшихся во Вьетнаме молодых американцев.

Именно так и должна вести себя великая держава перед лицом остального мира.

Кевин Ф. Кайли

ДЕРЗКО УДАРИТЬ ИМ В ТЫЛ. Вторжение в Северный Вьетнам

Заберите у вашего врага то, что ему дорого, и он подчинится вашей воле.

Сунь-цзы

Чувство долга создает победителя.

Вегетий

Если хочешь разгромить врага, действуй внезапно.

Наполеон

Господа, вооруженный до зубов враг укрылся за своими укреплениями. Мы должны напасть на него и победить или погибнуть. Других возможностей у нас нет. Кому это не нравится, может подать в отставку и отправляться домой.

*Фридрих Великий. Из речи,
произнесенной перед битвой при Лойтене
5 декабря 1757 г.*

В небе над Лаосом, 21 января 1970 года

Сидя в хвосте вертолета HH-53, полковник Артур Саймонс по прозвищу Буйвол в очередной раз прокручивал в голове ход операции, пытаясь понять, где же был допущен промах. Войска, пилоты, воздушная поддержка — все было на высочайшем уровне. Каждый участник операции выполнил свою работу. Единственный промах допустил он сам. Его вертолет приземлился в 400 ярдах от цели. Там тоже находился лагерь, и он внешне напоминал тот, в котором планировалось совершить посадку. Но эта ошибка была немедленно исправлена: «сделав дело», вертолет сразу же взлетел и после непродолжительного перелета приземлился там, где следовало. Ответственный за проведение операции не был виноват в том, что заключенных забрали, не наведя о них справок в американской разведке.

Почти сразу же после приземления в первом лагере Саймонс и группа поддержки обнаружили, что оказались в самой гуще солдат противника, которых здесь было свыше двухсот человек. Они сбегались со всех концов лагеря, чтобы выяснить, что за вертолет приземлился в самом его центре. Не теряя даром времени, американцы открыли огонь из личного оружия и малокалиберных пушек вертолета. Практически не встретив ответного огня, они за несколько секунд уничтожили или рассеяли всех этих «скверных парней». Железная птица немедленно поднялась в небо и продолжила свой полет. Приземлившись в нужном месте, они сумели рассредоточиться всего за несколько минут.

Больше всего Саймонс был озадачен тем обстоятельством, что люди, с которыми они столкнулись в первом лагере, никак не могли быть вьетнамцами. Во-первых, они отличались слишком мощным телосложением. Это могли быть китайцы, но полковник в этом сомневался, по-

скольку эти люди были слишком высокими. Он был убежден в том, что это европейцы — то есть либо русские, либо восточные немцы. Кроме того, похоже, они не открыли ответный огонь либо потому, что были слишком ошеломлены, либо потому, что большинство из них не имело личного оружия. Вероятнее всего, последнее. В лагере для военнопленных Сон Тай также не оказали никакого сопротивления. Возможно, что в военном отношении Северный Вьетнам — самая настоящая пустышка. Такое вполне могло быть. Когда полковник вернулся домой, ему пришлось сделать несколько телефонных звонков и кое с кем повидаться.

Пентагон, 29 января 1970 года

«Буйвол» Саймонс направлялся в кабинет своего старого друга, который теперь занимал пост заместителя начальника штаба армии США. Саймонсу пришла в голову одна идея, о которой он еще никому не рассказывал. Теперь он собирался впервые ее высказать вслух. Заместитель начальника штаба и Саймонс давно не виделись, и вот теперь он попросил у Большого Босса аудиенции. Их встреча должна быть неофициальной и краткой. Начальник штаба и Саймонс испытывали друг к другу взаимную неприязнь, и начальнику несомненно не понравилось бы то, о чем собирался рассказать Саймонс. Возможно, эта идея не вызовет восторга и у заместителя, но он, по крайней мере, выслушает Саймонса. «Буйвол» Саймонс не прочь был встретиться и с президентом, но тут в случае неудачи ему пришлось бы уйти в отставку. И все-таки надо попытаться. Молодые ребята умирали на рисовых полях и в джунглях Южного Вьетнама. США вели войну, которую не могли выиграть, и хотели любым способом из нее выйти. То, что он собирался предложить, решило бы все задачи, причем намного быстрее, чем можно

было предположить. Неважно, чем закончится эта аудиенция, она в любом случае станет его последним заданием. Пора уходить в отставку, он уже слишком стар, чтобы играть в такие игры.

Кабинет заместителя начальника штаба, Пентагон, 29 января 1970 года

— Буйвол, да ты в своем уме? Невозможно даже на секунду представить себе, что президент на это клюнет. Киссинджер сделает из тебя посмешище для всего Белого дома, а потом нас с тобой вместе отправят на заслуженный отдых как парочку хитроумных авантюристов или полных идиотов. Кстати, одно другому не мешает.

— Я-то в своем уме, сэр. Я же объясняю, у Северного Вьетнама не хватит наземных сил даже для того, чтобы остановить полудохлого кота. Вся их чертова армия находится на юге или в Камбодже и ждет, когда мы уберемся. Мы сможем это сделать, если, конечно, у нас хватит духу.

— В том-то и штука, Буйвол! Я верю тебе; начальник штаба тоже, возможно, поверит; президент, вне всяких сомнений, тоже поверит. Но никто просто не будет этим заниматься.

— Но разве в апреле не планируется ввод войск в Камбоджу?

Заместитель начальника штаба был ошеломлен такой осведомленностью.

— Откуда тебе это, черт возьми, известно? — воскликнул он. — Нет, погоди, — остановил он Саймонса, подняв руку и отводя взгляд в сторону, — лучше не говори. Если ты скажешь, мне придется кое-кого уволить за то, что он не держал свой поганый язык за зубами.

— Сэр, вы ведь и сами знаете, что это сработает. Мы просто обязаны это сделать, хотя бы ради тех ребят, ко-

торые вот уже девять лет сражаются и умирают в богом забытой стране. Если мы оттуда уйдем, а похоже, все этим и закончится, то все жертвы окажутся напрасными и мы лишимся доверия собственного народа. Можно использовать операцию в Камбодже как прикрытие реальной. Мы их надуем, и они сосредоточат все свое внимание на юге, а мы войдем к ним через парадный вход.

— Кому ты читаешь проповедь, Буйвол? Уж не думаешь ли ты, что я этого не понимаю? Меня самого тошнит, когда я начинаю обо всем этом думать.

— Ну тогда, Чарли, сделай же что-нибудь. Как по-твоему, для чего тебе дали на погоны четыре звезды? Ради этих солдат и их командиров мы просто обязаны положить конец этому дерьму. И заодно одержать победу. По крайней мере, мы должны попробовать.

— Черт тебя возьми! Как ты стал со мной разговаривать, раньше такого не было! Ну ладно, меня ты хорошо знаешь, но не вздумай сказать что-нибудь в этом роде кому-либо другому!

Не обращая внимания на раздраженный тон друга, Саймонс поднялся и, сверкая всеми регалиями, вытянулся по стойке «смирно».

— Сэр, я прошу вашего разрешения встретиться с президентом Соединенных Штатов, чтобы обсудить вопрос, касающийся национальной безопасности, — заявил он, очень медленно и четко произнося слова.

— Считай, что такое разрешение получено, сукин ты сын. Наверное, нам обоим пора уйти в отставку и заняться рыбалкой.

— Наверное, следует доложить об этом начальнику штаба?

— Да ну его к черту. Все равно он не стал бы слушать. К тому же он сейчас в отъезде, что нас вполне оправдывает, ведь в данный момент я исполняю его обязанности.

Овальный кабинет, 29 января 1970 года

— Входите, господа, и, пожалуйста, садитесь, — резким голосом сказал президент Соединенных Штатов, которому, видимо, слегка нездоровилось. Он был значительно ниже ростом, чем два старых солдата, которых он пригласил в Овальный кабинет. Вояки сели с одной стороны кофейного столика, напротив них устроились президент и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер. Как только они сели, открылась дверь и в помещение с суровым видом вошли начальник штаба армии и председатель Объединенного комитета начальников штабов. Лицо председателя было непроницаемым, во всяком случае, оно не выражало той открытой враждебности, которая исходила от начальника штаба.

И тот и другой поздоровались с президентом и Киссинджером. После этого начальник штаба бросил ледяной взгляд на своего заместителя и на полковника Саймонса. Этот гневный взгляд говорил о величайшем неудовольствии, вызванном тем, что эти двое посмели действовать через его голову. В уничижающем взгляде ясно читалось: «Когда мы отсюда выйдем, с вами будет покончено».

— Теперь, когда все в сборе, — сказал президент, — может быть, вы соизволите мне объяснить, в чем дело?

— Сэр, — начал заместитель начальника штаба, — у полковника Саймонса есть для вас два сообщения. Первое касается безопасности Соединенных Штатов, а второе — это, собственно, его предложение.

Президент и его советник одновременно перевели взгляд на Саймонса.

— Вас называют Буйволом, не так ли, полковник? — спросил президент.

— Да, сэр, это мое прозвище.

— О'кей, Буйвол, тогда выкладывайте.

— Сэр, поскольку вам, несомненно, уже доложили о результатах операции в Сон Тай, я не буду останавливаться на этом подробно. Как вы знаете, мой вертолет сначала сел не там, где ему следовало. Этот лагерь находился в 400 ярдах от того, который был целью нашего полета, но сверху они выглядели совершенно одинаково. Как только вертушка села, а мы оторвали свои задницы...

Когда полковник перешел на профессиональный слэнг, начальник штаба застонал и стал закатывать глаза.

— Как только вертушка села, а мы оторвали свои задницы от скамей, — повторил Саймонс, с отвращением поглядев на начальника штаба, — оказалось, что мы находимся посреди вражеского лагеря, в котором было человек двести личного состава. Они выбегали из барачков, что-то кричали и уже начинали стрелять. Нас было всего двадцать человек, и мы открыли огонь, как только высадились из вертушки. Мы стреляли до тех пор, пока в лагере не осталось в живых никого, кроме нас. Большую часть работы проделали малокалиберные пушки нашей птички. Повсюду лежали мертвые и умирающие. Мы сразу же стали осматривать тела, но вскоре вертолетчики крикнули, что пора уходить. Мы вернулись в машину и продолжили свой полет. Мы оставались на земле не более пяти или шести минут. Но в итоге задание оказалось невыполненным, так как мы не нашли ни одного из наших военнопленных...

— Буйвол, но это вовсе не значит, что операция провалилась, — перебил полковника заместитель начальника штаба.

— Сэр, мы не выполнили то, ради чего вылетели. Следовательно, мы потерпели неудачу, — сказал полковник, снова повернувшись лицом к президенту, который теперь смотрел на него с уважением.

— Уже когда мы сидели в вертушке и летели обратно, ко мне подошли двое моих людей с документами в руках. Сэр, вы наверняка в курсе того, что от личного состава

спецназа требуется хотя бы минимальное знание одного из иностранных языков. Большинство тех, кто отправился со мной в этот рейд, сносно владели вьетнамским. Один бегло говорил по-русски, еще двое — по-немецки. Меня едва не хватил инфаркт, когда я увидел то, что они мне принесли, — сказал полковник и сделал паузу. — Я ведь уже совсем пожилой человек, — добавил он ухмыляясь. — Обыскивая покойников, мои ребята нашли документы, удостоверяющие личности двух убитых нами типов. Если документы подлинные, а я в этом не сомневаюсь, то мы убили одного русского генерала, дважды Героя Советского Союза, и одного восточногерманского полковника, который работал на Штази. Оба были советниками, а немец к тому же помогал допрашивать наших людей.

При этих словах у начальника штаба отвисла нижняя челюсть. Что касается председателя Объединенного комитета начальников штабов, то он по-прежнему сохранял хладнокровие и не произнес не слова.

— Где сейчас эти документы? — поинтересовался президент.

— Здесь, сэр, — ответил «Буйвол» Саймонс. Вытащив из своего «дипломата» документы, он протянул их президенту. За пару минут просмотрев бумаги, одна из которых была на немецком, а другая — написана кириллицей, президент передал одну из них Киссинджеру.

— Возьмите, Генри, вы читаете по-немецки, скажите, Буйвол не преувеличивает?

Киссинджер прочел документ и вернул его президенту.

— Все верно, господин президент. Нам надо будет проверить подлинность документа, но у меня нет оснований считать это подделкой, — сказал он в своей обычной манере, медленно и нарочито правильно выговаривая слова.

Начальник штаба был в ярости. На мгновение он забыл где находится и разразился проклятиями.

— Полковник Саймонс, вы нарушили правила безопасности. Почему вы, черт побери, не направили эти до-

кументы в соответствующие инстанции для анализа, как это надлежало сделать?

— Господин генерал, если бы я это сделал, их положили бы под сукно и от них бы не было никакой пользы. Лет через десять их обнаружил бы какой-нибудь занявший теплое местечко сукин сын, который страшно удивлялся бы, почему мы не воспользовались этой информацией.

— А вы считаете, что сможете извлечь из нее большую пользу, нежели сотрудники разведки, не так ли?

— А как вы думаете, сэр, зачем я здесь? — спросил полковник, лукаво улыбаясь.

Услышав это, начальник штаба с трудом сдержал рык. Даже советник по национальной безопасности позволил себе слегка улыбнуться. Сидевший, как и прежде, с каменным лицом председатель Объединенного комитета слегка тронул начальника штаба за руку, как бы напоминая ему о том, где он находится. Прожигая взглядом Саймонса, раздраженный начальник штаба откинулся на спинку своего кресла.

— О'кей, Буйвол, думаю, что ваше сообщение заслуживает внимания. Что же вы хотите?

— Сэр, эти документы доказывают, что русские и страны Советского блока активно помогают северным вьетнамцам. Возможно, они являются также свидетельством непричастности китайцев к происходящему.

Президент и Киссинджер переглянулись, что было замечено как Саймонсом, так и заместителем начальника штаба. Сам же начальник штаба больше уже ни на что не обращал внимания.

— Если это так, — продолжал Саймонс, — то в случае нашего вторжения в Северный Вьетнам нам не стоит беспокоиться насчет интервенции со стороны китайцев, которые испытывают неприязнь к вьетнамцам. Эта неприязнь более чем взаимна.

— Что-о? — заорал начальник штаба, вскакивая со своего кресла. — Вы в своем уме? Вторжение в Северный

Вьетнам невозможно! Напротив, мы выводим свои войска и перекладываем бремя ведения войны на Южный Вьетнам! Пресса будет вне себя от удовольствия, даже если просто узнает, что мы обсуждали эту тему. Вы что, хотите, чтобы на улицах появилось еще больше бунтовщиков и демонстрантов?

— Сэр, они так и так уже появились, так что это немалого изменит ситуацию, разве нет? По крайней мере теперь мы знаем расклад сил, — парировал Саймонс. — Что касается южных вьетнамцев, то если мы сами не закончим войну, они ее очень быстро проиграют. «Вывод войск», сэр, как и любой другой термин, которым вы пожелаете воспользоваться, это просто очень вежливый способ заявить о нашем желании совершить предательство, сократить собственные потери и убраться домой. А что касается прессы и демонстрантов, так их можно послать куда подальше.

— Послушай-ка, Саймонс... — начал было начальник штаба, но потом вспомнил, где находится.

— Сядьте, пожалуйста, генерал, — холодным тоном попросил председатель комитета.

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал начальник штаба, обращаясь к президенту. В кабинете воцарилась полная тишина. Президент никак не отреагировал на эту перебранку.

— Вы сказали, что у вас есть предложение, Буйвол, — заметил он очень спокойно.

— Да, сэр, — сказал Саймонс и вытащил лежавшую в «дипломате» папку из манильской бумаги. — Сэр, последние несколько дней я занимался разработкой главных направлений оперативного плана вторжения в Северный Вьетнам. Как известно, северовьетнамская армия сейчас находится на юге. На севере у них, возможно, остались учебная дивизия, средства обеспечения и войска ПВО. Ну, плюс еще русские силы обеспечения и советники. В общей сложности, наверное, десять тысяч человек. Если мы

нанесем удар, то без труда одержим победу, они даже и пикнуть не успеют. Если будем действовать правильно, захватим север еще до того, как они перебросят туда свою армию. Коммунисты не обладают той стратегической и тактической мобильностью, которой обладаем мы. Тропа Хо Ши Мина — дорога с односторонним движением. Наша нынешняя внешняя политика не позволяет нам вводить войска в Лаос и Камбоджу, и поэтому они действуют совершенно безнаказанно. Мы могли бы нанести удар силами пяти дивизий, за которыми последовали бы еще три дивизии. В тот же день дислоцированные на юге дивизии морских пехотинцев смогут совершить прорыв через демилитаризованную зону. Мы могли бы воспользоваться вторжением в Камбоджу как стратегической уловкой, которая приковала бы к этому району большую часть вражеских войск, а сами тем временем взяли бы Ханой и Хайфон. А если повезет, то захватили бы и большую часть их правительства. И все. Тогда, сев в Париже за этот чертов стол многосторонних переговоров, уже мы стали бы диктовать условия мира. Русским и китайцам оставалось бы только поцеловать нас в задницу. Мы бы поставили мир перед свершившимся фактом.

— А когда вы хотите начать? — спросил президент, которого явно заинтересовало предложение. Теперь и председатель комитета тоже слушал Саймонса с большим вниманием.

— Сэр, неужели вы серьезно? — воскликнул начальник штаба, который чуть ли не бился в истерике. — Он ведь спятил! Подумайте о негативной политической реакции и об акциях протеста, которые организуют крайние левые!

— Генерал, вы подразумеваете те негативные последствия, которые мы уже имеем? — печально спросил президент.

— Сэр, это не сработает, это слишком опасно, русские и китайцы не станут с этим мириться...

— Насрать нам и на русских, и на китайцев...

— Полегче, Буйвол, — мягко одернул заместитель начальника.

Президент посмотрел на председателя комитета, потом перевел свой холодный и убийственно спокойный взгляд на заместителя начальника штаба.

— Господа, вы об этом знали?

— Нет, сэр, — медленно ответил председатель, который о чем-то сосредоточенно размышлял.

— Я знал, сэр, — ответил заместитель, — я узнал об этом сегодня утром и на все сто процентов согласен с полковником Саймонсом. Мы сможем это сделать, и это работает. Военно-воздушные и военно-морские средства, за исключением десантных судов, уже на месте. Осуществлять снабжение войск мы можем из портов Камрань и Дананг. Северный Вьетнам вовсе не ждет удара на севере, и, воспользовавшись фактором неожиданности, мы получим стратегическое, а может быть, даже и тактическое преимущество. На севере и вдоль границы с Китаем у нас есть специальные оперативные группы. Там все спокойно, и сведения, которые мы от них получаем, подтверждают правильность выводов полковника Саймонса. Стоит попробовать.

— Нельзя надеяться на то, что племена невежественных горцев передадут надежные сведения, — сказал начальник штаба, горестно покачивая головой.

— Неужели? — возразил заместитель начальника штаба. — Они смогут отличить человека с ружьем от безоружного и умеют считать. Кроме того, рядом с ними находятся американцы, в основном старший сержантский состав. Может быть, их вы тоже считаете невежественными? Когда вы командовали во Вьетнаме, то сами создавали там проблемы. Вы игнорировали данные, поступавшие из надежных и лояльных источников. Именно поэтому в январе 1968 года вы и навалили в штаны.

— Ах ты, сукин сын! — воскликнул начальник штаба. — Ты знал об этом и не доложил мне, а стал действовать самовольно! Теперь же ты пытаешься втянуть страну в полномасштабную войну. Завтра же утром ты положишь мне на стол прошение об отставке.

Заместитель начальника штаба посмотрел прямо в глаза своему шефу.

— Генерал, мы и так уже втянуты в полномасштабную войну. Меня, как и полковника Саймонса, к ней готовили. Как вы думаете, за что нам платят деньги? Мы оба давно устали от этого политического дерьма. Повторяю — мы втянуты в полномасштабную войну. Но до сегодняшнего дня она велась неэффективно и не имела ярко выраженной цели. Этот план решает обе проблемы.

— Генерал, вы освобождены от должности. Немедленно сообщите об этом в мой штаб.

— Если уж кому-то и суждено уйти в отставку, так это вам, Билл, — впервые заговорил председатель Объединенного комитета начальников штабов. — Вы можете сообщить об этом в свой штаб, поскольку явно не владеете собой. Считайте, что вы уже в отставке.

Начальник штаба был потрясен таким поворотом событий. Схватив головной убор и портфель, он быстро покинул помещение.

«Скатертью дорога», — подумал Саймонс.

— Господа, — вмешался президент, — я думаю, было бы неплохо нам всем успокоиться.

— Мы ищем выход из вьетнамской войны, — горячо заговорил заместитель начальника штаба, ушедшего в отставку. — Может быть, это и есть тот самый выход. Лично я устал от антивоенных демонстраций, от того, что погибшие американские военнослужащие постоянно возвращаются домой в гробах. Я больше не могу слушать бесконечную ложь СМИ, которые изображают нас злобными империалистами. А наш план заткнет рот и средствам массовой информации, и худосочным борцам за мир.

— Знает ли об этом министр обороны?

Все три оставшихся в кабинете военных отрицательно покачали головами.

— Он в отъезде, его сейчас нет в городе. Думаю, он рыбачит, господин президент, — ответил Киссинджер.

— Хорошо. Мне понадобится время, чтобы все обдумать. Генерал, определите дату и время совещания с Объединенным комитетом начальников штабов. Не говорите им, по какому вопросу, скажите только, что совещание это имеет решающее значение для национальной безопасности. И передайте миссис Вудс, что я освободился¹.

Президент встал и, невесело улыбнувшись госсекретарю, направился к выходу. Уже взявшись за дверную ручку, он обернулся и еще раз обратился к трем солдатам.

— Господь, вы свободны, но ни с кем не обсуждайте этот разговор до тех пор, пока я вам этого не разрешу. Кстати, Буйвол, вам присваивается звание бригадного генерала, — добавил президент, когда все трое уже направились к двери. — А вы, генерал, теперь являетесь начальником штаба армии, — сказал он, глядя на заместителя начальника. — Я поддерживаю ваше решение относительно бывшего начштаба армии, — заметил президент, обращаясь к председателю комитета. — До свидания, господа.

Зал заседаний Объединенного комитета начальников штабов, Пентагон, 4 февраля 1970 года

— Доброе утро, господа, — начал бригадный генерал свой доклад в Объединенном комитете начальников штабов. — Перед вами диспозиция и общий план операции «Олимпик»...

¹ Секретарша президента, прославившего или обеславившего свое имя (в зависимости от вашего к этому отношения) Уотергейтским скандалом.

«Просто фантастика, — подумал новоиспеченный начальник штаба армии, — похоже, мы действительно это сделаем. Мы даже назвали операцию так же, как во время Второй мировой войны, как несостоявшуюся операцию по вторжению в Японию. Вряд ли Буйвол рассчитывал, что у нас все настолько хорошо получится с президентом, но ведь получилось! Мы просто обязаны справиться с этой задачей, иначе страна окажется на грани кризиса, равных которому не было со времен Гражданской войны. Зато если мы победим, эта победа решит множество проблем».

— ...Господа, есть ли у вас ко мне вопросы? — спросил докладчик, после того как закончил свое двадцатиминутное выступление.

— Нет, Фред, спасибо. Ты затронул все аспекты и не потратил времени даром. Не иначе как научился у летчиков проводить «летучки», — сказал председатель, улыбаясь собственному остроумию. Снова приняв серьезный вид, он обвел взглядом других высших офицеров и высокопоставленных гражданских лиц, среди которых были директор ЦРУ, заместитель директора ФБР по контрразведке, госсекретарь США и, конечно, министр обороны. — Ну что ж, решено. Мы начинаем вторжение 6 июня. 14 июня оказалось удачным днем для Наполеона, быть может, 6 июня окажется удачным для нас. Сегодня утром отдан приказ об освобождении генерала Абрамса от должности командующего нашими силами во Вьетнаме. Без каких-либо объяснений. Я встречу и успокою Крейтона, как только он сюда приедет. Как командующий, он идеально подходит для этой операции. Но он ничего о ней не узнает, пока не вернется в Вашингтон. Его заместитель мог бы взять на себя руководство несколько сократившимся Управлением по оказанию помощи Вьетнаму (УОПВ). АРВ (Армия Республики Вьетнам) ничего не будет знать вплоть до 6 июня. Они могут допустить утечку оперативной информации. — Затем председатель снова повернул

ся к бригадному генералу Саймонсу: — Буйвол, вам поручается организовать тайные операции.

— Слушаюсь, сэр.

— Что можете сказать на этот счет?

— Сэр, мы уже имеем десять групп в предполагаемом районе вторжения.

— Мне казалось, их двенадцать, разве нет?

— Так оно и было, сэр. Но прошлой ночью мы потеряли связь с двумя группами, находившимися в районе Хайфона.

— Проклятие!

— Сказать начистоту, сэр, до завершения операции мы наверняка потеряем гораздо больше людей.

— Знаю, Буйвол, но все равно это неприятно.

— Да, сэр, конечно.

— Но, может быть, на этот раз все получится, и мы закончим со всеми нашими неприятностями.

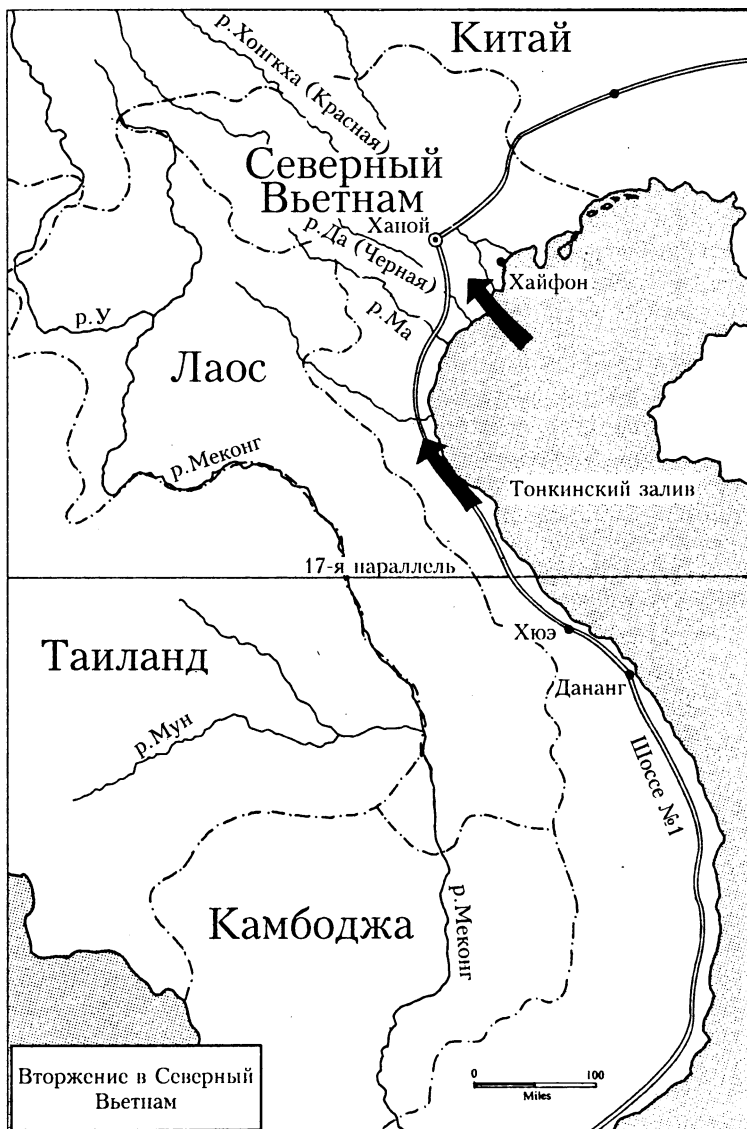
— Будем надеяться, ради всех нас и нашей страны.

Директор ЦРУ выступил с кратким докладом о состоянии дел в Восточной Европе и о возможностях Конторы на Дальнем Востоке. Не было признаков того, что русские что-то пронюхали. Ведущие специалисты ЦРУ уже отозваны из Европы и прибывают либо на базы, расположенные в Штатах, либо в подразделения, которые будут размещены на Окинаве.

— На Окинаве имеется значительное количество коммунистов, за которыми нам придется все время присматривать, чтобы быть в курсе их деятельности, — добавил директор. — Однако, поскольку этот остров и прежде был местом сосредоточения войск, мы распространим слух о том, что сюда будут прибывать воинские части из Вьетнама, которые в дальнейшем возвратятся на родину. В течение короткого подготовительного периода это должно сработать.

Затем выступил заместитель директора ФБР:

— Внутри Соединенных Штатов нас более всего беспокоят две антивоенные группы: Народный комитет бор-

Вторжение в Северный Вьетнам

цов за мир и справедливость и Национальный комитет по защите мира. Обе организации имеют самые тесные контакты с северными вьетнамцами и активно им помогают. Мы намерены осторожно, — здесь он сделал паузу и лукаво улыбнулся, — арестовать в начале июня их ведущих деятелей, чтобы основательно встряхнуть и сбить с толку обе организации и тем самым пресечь все попытки оказать поддержку Северному Вьетнаму. У нас также вызывают беспокойство их попытки освободить из тюрем своих «товарищей», куда более активные, нежели шпионская деятельность или передача сведений врагу. В обеих организациях у нас имеются оперативные агенты, которые собрали достаточное количество прямых улик для того, чтобы перевешать этих недоумков. Как только вторжение достигнет цели, мы намерены предъявить им обвинение в измене.

Следующим взял слово госсекретарь:

— Как вам известно, мы вступили в контакт с китайцами, которые хотели бы на некоторое время восстановить отношения между нашими странами и надеются подготовить встречу Мао и нашего президента. Представьте, китайцы столь же страстно желают этого, как и мы. В ходе беседы с ними мы убедились в том, что они не будут вмешиваться ход нашей акции.

Слова госсекретаря произвели впечатление на людей, сидевших за столом. Теперь они вздохнули с облегчением, поскольку этот вопрос беспокоил их более всего. Председателю Объединенного комитета вспомнилось одно из правил генерала Паттона: «Никогда не идите на поводу у своих страхов». Он встал и, подойдя к экрану, негромко и вежливо попросил, чтобы еще раз показали схему оперативного плана.

— Господа, буду с вами предельно откровенным. Если бы мне самому пришла в голову эта идея, то я бы не просто сказал «нет», я бы напрочь выкинул ее из головы. И совершил бы ошибку. Эта операция просто обречена на успех.

Спартанцы — точнее, спартанские женщины — провожая своих мужчин на войну, говорили им: «Возвращайтесь либо со щитом, или на щите». Не будем забывать древней мудрости. У нас есть шанс, и мы должны им воспользоваться. Возможно, в случае успеха мы полностью изменим мир. Провал недопустим и полностью исключается. Белый дом без колебаний дал «добро». Конгресс узнает обо всем, только когда первый эшелон наших солдат высадится на берег и начнет убивать «плохих» вьетнамских парней. Пора начать беспощадную драку.

Затем председатель обратился к новоиспеченному бригадному генералу:

— Буйвол, вы оказали стране множество услуг и не раз рисковали жизнью. Я выражаю вам свою личную благодарность за то, что вы сделали. Вы всем нам показали пример, как следует действовать, дабы избавить страну от множества страданий. — Обведя взглядом непреклонные лица собравшихся за столом старших офицеров, он продолжил: — Надеюсь, что мы пинками под зад погоним их до самого Таиланда.

Поступивший в УОПВ приказ об отзыве в Штаты привел в ярость генерала Крейтона Абрамса, который сдал дела своему более чем компетентному заместителю, напомнив тому, что операция по вводу войск в Камбоджу остается его главной задачей. В течение долгого перелета домой настроение генерала все более и более ухудшалось. Когда Абрамс добрался до здания Объединенного комитета начальников штабов, где ему предстояло выступить с отчетом, он уже был на грани срыва. Не потрудившись даже постучать в дверь, генерал ворвался во внутренние помещения и молча прошел мимо сотрудников штаба, которые не посмели сказать ни слова, так как уже сталкивались с проявлениями его несдержанного характера. Резко открыв дверь в кабинет начальника штаба, которая захлопнулась за ним с такой силой, что вздрогнули

все сотрудники, генерал вошел внутрь и немедленно потребовал ответа на вопрос: почему его без всяких объяснений освободили от должности? Начальник штаба попросил Абрамса сесть и предложил ему кофе, затем очень тихо спросил, как он относится к предложению возглавить экспедиционные силы, которые в июне осуществят вторжение в Северный Вьетнам.

Мало что могло привести в замешательство взбешенного Крейтона Абрамса. Однако эта фраза произвела на него именно такой эффект.

— Что ты сказал, Чарли? — спросил Абрамс, и лицо его приняло совершенно идиотское выражение.

— Я спросил, Крейтон, как ты относишься к тому, чтобы возглавить экспедиционные силы, которые через четыре месяца осуществят вторжение в Северный Вьетнам.

— Ты пошутил, да? Причем не слишком удачно.

— Нет, это правда. Тебя в аэропорту разве не встретил председатель Объединенного комитета?

Абрамс отрицательно покачал головой.

— На прошлой неделе это предложение одобрил президент, предназначенные для этой операции воинские части перечислены в списке, который прилагается к протоколу совещания. Между прочим, ты даже не удосужился забрать его у полковника Кинга. Военно-морские силы, в особенности десантные корабли, уже взяли курс на Японию и Окинаву. Мы начнем вторжение 6 июня. Вторжение в Камбоджу начнется десятью днями раньше. Спрашиваю еще раз, ты хочешь в этом участвовать?

Расплывшись в широкой улыбке, начальник штаба протянул Абрамсу сигару и предложил «освежиться». Потом два старых товарища еще долго смотрели друг на друга, обмениваясь заговорщицкими улыбками.

Воинскими соединениями, которым предстояло совершить вторжение, были отдельная 173-я воздушно-десантная бригада, 11-й мотопехотный полк, 101-я воздушно-десантная дивизия (аэромобильная), 1-я мото-

стрелковая дивизия (аэромобильная), 82-я воздушно-десантная дивизия и 2-я дивизия морской пехоты (сформированная временно). Это последнее соединение должно было состоять из штаба корпуса морской пехоты, дислоцированного в Кэмп-Лежен, штат Северная Каролина, которому подчинялись следующие структурные подразделения: 6-й полк морской пехоты (пехотный) и 10-й полк морской пехоты (артиллерийский). После переброски на Окинаву дивизию должны были усилить 4-й и 9-й полки морской пехоты, которым после вывода из Южного Вьетнама следовало прибыть на Окинаву.

Вместо 11-го мотопехотного полка в Камбоджу предстояло войти 1-му мотопехотному полку АРВ. 11-й же полк, якобы проходящий переформирование, на самом деле направлялся к демилитаризованной зоне, откуда должен был нанести удар по Северному Вьетнаму. Дивизии морской пехоты АРВ надлежало заменить 3-ю дивизию 1-го корпуса морской пехоты, которая дислоцировалась вдоль демилитаризованной зоны, а воздушно-десантной дивизии АРВ предстояло стать главным резервом сил вторжения в Камбоджу. Ни одно из этих соединений не знало о целях перемещений, они лишь выполняли то, что им было приказано. До начала операции оставалось слишком много времени, а кругом было слишком много осведомителей.

Для участия в операции не привлекалось ни одно из соединений, дислоцированных в Европе. Подразделениям, выбранным для участия в операции «Олимпик», сообщили о том, что они становятся частью 150-тысячного контингента войск, которые, согласно плану президента, будут в этом году выведены из Вьетнама. Каждое из этих подразделений надлежало в полном составе перебросить на Окинаву, где им предстояло пройти переподготовку и перевооружение, а также произвести замену личного состава. После этого они должны были погрузиться на аме-

риканские десантные корабли и отправиться в плавание по Южно-Китайскому морю.

Были определены три дивизии, дислоцированные в континентальной части Соединенных Штатов, которым приказали подготовиться к переброске на Дальний Восток, а в случае необходимости также принять участие в операции. Это были следующие части: 1-я бронетанковая дивизия, 3-я бронетанковая дивизия и 5-я пехотная (механизированная) дивизия. Все надеялись на то, что они не понадобятся. Развертывание этих частей в Юго-Восточной Азии означало бы, что успех вторжения находится под угрозой. Речь о хоть каких-то приготовлениях данных соединений к переброске могла идти не раньше 6 июня¹.

На Окинаве был немедленно развернут штаб 18-го воздушно-десантного корпуса, который управлял действиями 173-й воздушно-десантной бригады, а также 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий. Был развернут и штаб 2-го корпуса морской пехоты, который почти в полном составе перебрался сюда из Кэмп-Лежен. Ему предстояло управлять как действиями дивизий морской пехоты, так и действиями 1-й мотострелковой дивизии. 11-й мотопехотный полк под командованием Дона Старри должен был присоединиться к 3-й дивизии морской пехоты. 11-му мотопехотному полку и 3-й дивизии морской пехоты предстояло совершить прорыв через демилитаризованную зону, разделявшую Северный и Южный Вьетнам, и как можно

¹ Американские войска в Германии должны были оставаться в местах дислокации, поскольку они выполняли обязательства США перед НАТО. В то время значительное беспокойство вызывали перспективы дальнейшего сохранения статус-кво в Европе. В 1968 году русские вторглись в Чехословакию. Войсковые соединения, находившиеся в самих Соединенных Штатах, не были полностью укомплектованы и приведены в боевую готовность. Некоторые из них, например отдельные подразделения 82-й воздушно-десантной дивизии, а также 101-я дивизия до ее переброски во Вьетнам, использовались в качестве полицейских сил.

быстрее двигаться на север по прибрежному шоссе № 1. 173-я воздушно-десантная бригада должна была осуществить парашютный десант двух своих батальонов. Высадившись в окрестностях Ханоя, им надлежало создать плацдарм для десантирования остальных подразделений бригады, а 1-й мотострелковой дивизии — расширить этот плацдарм и двигаться в направлении Ханоя. Подразделения 2-й дивизии морской пехоты должны были, высадившись со стороны моря, наступать через пляжи, расположенные к югу от Хайфона. Личному составу одного из ее полков предстояло, погрузившись в четыре танкодесантных корабля, войти в гавань Хайфона и решительным ударом ее захватить. 82-я воздушно-десантная дивизия оставалась в резерве и в случае необходимости также могла быть использована.

Но еще до начала этой крупномасштабной операции бригадный генерал Саймонс и примерно 200 бойцов спецназа должны были сесть на вертолеты, вылететь в Ханой и каким-то образом попытаться захватить живыми членов Политбюро ЦК Компартии Вьетнама. В результате этой акции северные вьетнамцы фактически оставались без руководства. В течение полутора часов перед началом вторжения позиции противника планировалось подвергнуть массированной воздушной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу кораблей.

«Клюв попугая», Камбоджа, 30 мая 1970 года

В качестве основных подразделений, которым надлежало осуществить вторжение в Камбоджу, были выбраны 1-я и 9-я пехотные дивизии США и вся артиллерия, не привлеченная к участию в нанесении удара по Северному Вьетнаму. 1-й мотопехотный полк АРВ должен был прикрыть обе американских дивизии с севера и, в случае переброски подразделений северовьетнамской армии

(СВА) в район основной операции, заранее поставить об этом в известность командование. На юге Камбоджи, в районе, получившем название «Клюв попугая», находился штаб сил Вьетконга — именно он был главной целью наступления. Кроме того, было известно, что там же расположены базовые лагеря и полевые склады коммунистов. Однако подлинной целью операции, проводимой на юге, было осуществление переброски сюда из района демилитаризованной зоны как можно большего количества подразделений СВА. После этого задача упрощалась, так как вторжение на север осуществлялось бы практически без всякого сопротивления, а подразделения СВА оказались бы зажаты между группировкой, продвигавшейся на север, и войсками американской армии и АРВ на юге.

Вторжение было предпринято вслед за массированными воздушными бомбардировками и артобстрелом. Оно оказалось полной неожиданностью для СВА, причем как в тактическом, так и в стратегическом смысле. Две американские дивизии быстро захватили полевые склады, в которых оказалось огромное количество оружия, боеприпасов и снаряжения. Ничего не подозревавшие войска противника понесли тяжелые потери. Продвигаясь в глубь Камбоджи быстрее, чем было запланировано, американцы окружили район, в котором находился штаб Вьетконга, и захватили его уже на второй день вторжения. В результате была уничтожена большая часть существовавшей политической инфраструктуры. Эта катастрофа наряду с огромными потерями, которые Вьетконг понес в ходе предпринятой им в 1968 году наступательной операции «Тет», означала гибель данной активной военно-политической организации, действовавшей на территории Южного Вьетнама.

Ошеломленные неожиданным ударом, коммунисты спешно направили в этот район находившиеся поблизости отряды, которым поручили оказать противодействие вторжению. Но поскольку они прибывали в район бое-

вых действий разрозненно, то были не в силах противостоять подавляющей огневой мощи американских и южновьетнамских подразделений и несли тяжелые потери. Для того чтобы усилить потрепанные остатки своих войск, скопившихся в районе «Клюва попугая», северным вьетнамцам пришлось перебрасывать туда свежие подразделения, находившиеся в других районах Камбоджи и Южного Вьетнама. В конце концов 3 июня им удалось остановить продвижение американцев. Тогда УОПВ направило в Камбоджу подкрепление в составе батальонов 23-й и 25-й пехотных дивизий. Туда же была переброшена и воздушно-десантная дивизия АРВ, которая также приняла участие в камбоджийской операции. Отчаянно сопротивляясь, СВА отовсюду снимала войска и направляла их в район боевых действий, рассчитывая остановить союзников. Однако ее потери в живой силе и технике уже достигли опасного предела. К 5 июня все очаги сопротивления коммунистов в районе «Клюва попугая» были подавлены, при этом неприятель понес огромные потери.

Разведка союзников выследила свежие подразделения противника, которые были отправлены на помощь войскам, находившимся в районе вторжения, и вскоре ВВС и артиллерия союзников нанесли по ним бомбовый и артиллерийский удары. К исходу первой недели операции в Камбодже северные вьетнамцы сосредоточили в районе вторжения силы, соответствующие семи дивизиям. Потери в некоторых подразделениях СВА достигали 70 процентов. В среднем по всем подразделениям их потери превышали 35 процентов. Из Ханоя поступали приказы держаться любой ценой и во что бы то ни стало выгнать американцев из Камбоджи.

Тем временем корабли американской эскадры без лишнего шума еще 1 июня заняли удобную позицию у входа в главный камбоджийский порт Сиануквиль, через который коммунисты осуществляли доставку транзитных грузов в Южный Вьетнам. Были остановлены

суда «нейтральных» стран, а на самом деле — советские торговые суда, которые везли северным вьетнамцам военные грузы. Поток оружия, снаряжения и продовольствия, поступавший в Камбоджу морским путем, внезапно превратился в ручеек, а потом и вообще иссяк.

Гуам, 5 июня 1970 года, 21:00

Первый бомбардировщик Б-52 прогромыхал по взлетно-посадочной полосе, медленно набирая скорость, необходимую, чтобы поднять в воздух огромную массу. Бомбовые отсеки каждой из этих чудовищных машин были до отказа заполнены пятисотфунтовыми бомбами. Кроме того, каждый из этих монстров имел расположенные под крыльями внешние узлы подвески, на которых нес столь же грозное оружие. Набрав скорость и отрываясь от земли, самолеты буквально махали своими гладкими крыльями, которые величественно покачивались вверх-вниз под грузом подвешенных к ним бомб. Каждый бомбардировщик напоминал гигантскую хищную птицу, каковой по сути дела и являлся.

Построившись в три дуги, самолеты взяли курс на Северный Вьетнам, где они должны были произвести бомбардировку стратегических целей, расположенных в районах Ханоя и Хайфона. Район, подвергшийся ковровому бомбометанию, превращался в пустыню, усыпанную опилками воронок. Как вспоминал участник одного из таких налетов, не требовалось даже наносить удар точно в цель, а достаточно было просто сблизиться с нею и обезвредить¹.

¹ Эта краткая по выразительности формулировка принадлежит одному из морских пехотинцев, служившему с автором в Саудовской Аравии и Кувейте. Однажды вечером мы наблюдали, как Б-52 наносят удары по объектам в Кувейте. Именно тогда мой сослуживец и произнес эту фразу. Его высказывание показалось мне весьма интересным.

Ничего не зная о планируемом вторжении, экипажи бомбардировщиков считали, что участвуют в очередном воздушном наступлении против Севера, целью которого было заставить коммунистов вести себя более покладисто за столом переговоров. Воздушная составляющая операции по вторжению получила название «Лайнбэкер II» и представляла собой серию полномасштабных ударов по территории Северного Вьетнама. Помимо стратегических бомбардировщиков в новом воздушном наступлении приняли участие самолеты ВВС, базировавшиеся в Таиланде, а также самолеты ВМС и морской пехоты, базировавшиеся на авианосцах ВМС США в Тонкинском заливе. Воздушные удары должны были продолжаться до тех пор, пока северяне не начнут просить пощады. Экипажам самолетов сказали, что Вашингтон настроен очень серьезно и драться придется беспощадно. Позже летчикам суждено было убедиться в том, что их усилия не пропали даром.

К моменту возвращения Б-52 на Гуам американские ударные силы должны были высадиться на побережье Северного Вьетнама.

В небе над Северным Вьетнамом, 6 июня 1970 года, 03:00

Экипаж с позывными «Горностай» выполнял полет на одном из двухместных истребителей-бомбардировщиков F-105 «Тандерчиф», любовно называемых летчиками «Тадс». В их распоряжении находилось впечатляющее количество средств электронного обнаружения, а в качестве полезной нагрузки они несли противорадарные ракеты «Шрайк». Перед экипажем была поставлена задача поиска ракетных установок класса «земля—воздух».

Вылетев ночью, пилоты должны были разыскать позиции ПВО противника, которые затем предстояло уничтожить авиации союзников. Действуя в одиночку, они

должны были обнаружить средства ПВО северных вьетнамцев и засечь их радары захвата цели. Экипажу предстояло выполнить крайне увлекательную, но смертельно опасную работу.

Находясь на расстоянии, достаточном для нанесения удара, но оставаясь при этом за пределами досягаемости радаров ПВО, боевая группа, которая должна была бомбить обнаруженные цели, ожидала сигнала «Горностая». Группа состояла из самолетов ВВС F-4, которым уже приходилось работать с «Горностаем».

Подполковник Сэм Фитцхью и сидевший за его спиной майор Уильям Морроу были специалистами в такого рода играх. Однажды их самолет подбили, но после этой неудачи все последующие вылеты «Горностая» заканчивались успешно. Огибая на низкой высоте холмы, самолет периодически взмывал вверх и, чтобы спровоцировать работу радара, довольно долго оставался на высоте. Обычно им вслед выпускали ракету, и тогда летчики тщательно сканировали ночь, пытаясь обнаружить и зарегистрировать места пуска ракет.

— Ну хватит, Люк, пора бы уже выглянуть и поиграть с папочкой, — грубовато пошутил Фитцхью. Морроу усмехнулся, но почти сразу же посерьезнел. — Запуск ракеты! — крикнул он, услышав вой сирены. Почти сразу же Фитцхью бросил свой «Тад» в крутое пике. Изменив курс, ракета вошла в облако алюминиевых дипольных отражателей, выпущенных Фитцхью, и взорвалась, никому не причинив вреда. — Цель захвачена, огонь открыт, — раздался в наушниках голос командира боевой группы. Фитцхью и Морроу удовлетворенно наблюдали за тем, как была уничтожена еще одна позиция ракет класса «земля—воздух».

— Одну одолели, осталось три, — пробормотал Морроу, когда Фитцхью развернул самолет и взял курс на следующую цель. Таким же ударам подверглась вся система ПВО Северного Вьетнама. Драка действительно стала беспощадной.

На входе в гавань Хайфона, 6 июня 1970 года, 04:00

Бесшумно скользя по водной глади, в гавань Хайфона входили четыре танкодесантных корабля, на которых развевались вымпелы советского военно-морского флота. На этих кораблях, бортовые огни которых создавали видимость торговых судов, находилась усиленная десантная группа, готовая к высадке. Их задача заключалась в том, чтобы, достигнув пристани, высадить три батальона морской пехоты, которыми были заполнены до отказа трюмы плоскодонных транспортов. Стараясь не разрушать портовые сооружения, десантники должны были попытаться захватить часть порта и удерживать ее до прихода сухопутных подразделений.

Четырем капитанам было приказано не щадить свои корабли и любой ценой высадить на берег морских пехотинцев. Гавань должна быть захвачена и удержана. С наступлением дня можно было рассчитывать на поддержку авиации, а к 18:00 первого дня вторжения ожидалось подкрепление. Но захваченную часть гавани нужно было любой ценой удерживать. Корабли могли быть потоплены только после высадки на берег морских пехотинцев со всем снаряжением.

На случай каких-либо осложнений во время подхода к порту поблизости курсировала флотилия из четырех эсминцев. Однако как только десантные корабли входили в гавань, эсминцы начинали выполнять собственную задачу. Десантные суда должны были войти в гавань за полтора часа до начала основной операции, а спустя еще полчаса они надеялись закончить высадку. После этого нужно было продержаться до прихода основных сил¹.

¹ В начале 80-х автор представил этот сценарий на учебных командных курсах. Впрочем, тогда целью учений был вовсе не Хайфон. Проще говоря, к этому сценарию не очень хорошо отнеслись некоторые офицеры высшего ранга.

Тонкинский залив, 6 июня 1970 года, 04:30

В сопровождении крейсеров и эсминцев линейный корабль ВМС США «Нью-Джерси» шел полным ходом к пункту, из которого ему и другим кораблям его ударной группы предстояло обеспечить артиллерийскую поддержку войск. Когда линкор лег на основной курс, моряки заняли свои места в трех его огромных башнях и, несколько раз проверив надежность смертоносных 16-дюймовых морских орудий, приготовились к выполнению поставленной перед ними задачи. Все моряки твердо знали свои позиции, поскольку весь предыдущий месяц постоянно тренировались.

Сзади и по левому борту «Нью-Джерси» шел тяжелый крейсер «Ньюпорт Ньюс», вооруженный 8-дюймовыми орудиями, которые уступали по дальностью пушкам линкора. Разворачиваясь по ветру, крейсер занимал огневую позицию. Оба крупных корабля были окружены эсминцами прикрытия, защищавшими от легких судов, особенно от атак торпедных катеров, которыми, как было известно, располагал крошечный северовьетнамский флот.

Артиллерийский огонь ударной группы должен был подавить радары противника и средства ПВО, расположенные в тех районах Северного Вьетнама, над которыми проходили три заранее намеченных воздушных коридора.

На мостике «Нью-Джерси» командир линкора давал указания старшему артиллерийскому офицеру и штурману.

— Вывести корабль на огневую позицию, — приказал он, обращаясь к штурману.

— Слушаюсь, сэр, — ответил штурман и передал соответствующие указания в рулевую рубку. С величественным достоинством линкор времен Второй мировой войны медленно развернулся по ветру и встал бортом к вьетнамскому берегу.

— Как вы думаете, капитан, они к этому готовы? — спросил старший артиллерист корабля.

— Скоро узнаем, — мрачно ответил капитан.

С мостика полетели команды на батареи главного калибра. Огромные башни стали разворачиваться, а стволы орудий задралась вверх, словно хоботы первобытных тварей, учувявших свою добычу. Величественно и неумолимо орудия повернулись влево.

— Огонь по готовности, Гридли, — сказал капитан молодому артиллеристу и ухмыльнулся¹.

Ханойский «Хилтон», 6 июня 1970 года

Когда вертолеты, летевшие над окутанным предрасветной мглой городом, резко снизились, в естественный шумовой фон сразу же вклинился грохот разрывов артиллерийских снарядов и авиационных бомб, непрерывно сбрасываемых американскими самолетами. Эти звуки прорывались сквозь монотонный гул вертолетных моторов. Болтанка, вызванная взрывами бомб, сброшенных Б-52, оказалась ужасной. Вертолеты разбросало в разные стороны, и пилотам пришлось изо всех сил вцепиться в пульты управления, чтобы вернуться на прежний курс и продолжить полет к Ханюю.

Находившийся на борту головного вертолета «Буйвол» Саймонс прокручивал в памяти все детали порученной ему операции. Их целью была печально известная северовьетнамская тюрьма, получившая прозвище ханойский «Хилтон». В ней содержалось подавляющее большинство американских военнопленных. Оперативная группа, которой было поручено осуществить операцию,

¹ Знаменитая команда, которую капитан 1-го ранга Джордж Дьюи отдал артиллеристу своего флагманского корабля «Олимпия». 1 мая 1898 года именно этот корабль начал сражение в Манильской бухте.

была сформирована из участников рейда в Сон Тай и насчитывала 200 добровольцев, прошедших тщательный отбор и проверку. Большинство из них проходило службу в других подразделениях спецназа. Им предстояло не только подавить сопротивление охраны тюрьмы и освободить заключенных, но и продержаться там до возвращения вертолетов. Ближайшее пригодное для посадки место находилось в парке, в 500 ярдах от «Хилтона», поэтому после высадки бойцов десантной группы на крыши тюрьмы и нескольких примыкающих к ней зданий вертолеты не могли долго оставаться в столице. Это несомненно было самое уязвимое звено операции.

Они неизбежно должны были понести тяжелые потери, но, возможно, еще более тяжелые потери суждены были в ходе двух спецопераций, которые предстояло выполнить одновременно с первой. Двумя другими целями были здания министерства обороны и Политбюро. Задачей был захват людей, которых надлежало взять живыми или мертвыми и тоже вывезти за линию фронта. Выполнять поставленные задачи предстояло минимальными силами — по пять вертолетов и 24 человека на выполнение каждого задания. Один из каждых пяти вертолетов летел пустым — он должен был забрать пленных.

Больше всего Буйволу и его людям хотелось захватить членов Политбюро, а также генерала Дзяпа и всех офицеров его штаба, каких только можно было разместить на борту вертолета. Обе группы должны были собраться еще до рассвета, чтобы не попасть под бомбежку американских ВВС или, по крайней мере, избежать ее наиболее интенсивной фазы. Ожидалось, что потери будут значительными, но игра стоила свеч, причем даже в том случае, если бы спецназовцы просто поубивали всех этих «плохих парней». Впрочем, их весьма воодушевляла перспектива освобождения военнопленных.

Пилоты предупредили сидевшего сразу за кабиной Саймонса о том, что они уже на подходе к цели. Показав,

где желательно сесть, Саймонс посмотрел на ребят своей группы, лица которых выражали непреклонную решимость, и дал знак, подняв вверх большие пальцы обеих рук. Слегка ухмыльнувшись, он снял наушники и надел на голову зеленый берет. Вертушка села на крышу ханойского «Хилтона», и десантники с оружием наизготовку стали выбираться наружу.

Зона высадки «Х», неподалеку от Ханоя, Северный Вьетнам, за полчаса до начала операции

Бригадный генерал Хэл Мур, командир проверенной в боях 173-й воздушно-десантной бригады, входил в первую партию парашютистов, летевших на транспортном самолете С-130, который должен был сбросить их над Северным Вьетнамом. Еще в 1965 году, будучи командиром батальона 1-й мотострелковой дивизии, Мур принял участие в первом бою американских сухопутных сил с регулярными войсками Северного Вьетнама и понял, что это беспощадный и умелый противник. Хотя Мура предупреждали, что на сей раз сопротивление должно быть минимальным, он не особенно на это рассчитывал.

Скоро они узнают, окажется ли задание увеселительной прогулкой или нет. Проводя инструктаж командиров четырех батальонов, генерал предупредил, что им предстоит самая жестокая схватка. Еще более жестокая, чем даже бой при Дак То, состоявшийся в ноябре 1967 года. Тогда 2-й батальон 503-го пехотного полка 173-й воздушно-десантной бригады был отмечен благодарностью президента как подразделение, отличившееся своей храбростью.

Десанникам предстояло высадиться в глубоком тылу противника, в окрестностях его столицы. Мур был уверен, что им окажут яростное сопротивление. Его не успокоили заверения, что северовьетнамская армия находится на юге. В ходе этой грязной войны крючкотворы из раз-

ведки вечно ошибались. Но теперь, по крайней мере, началось вторжение, и бригада Мура принимает в нем участие. Им следовало бы это сделать еще два с половиной года назад, после провала операции «Тет-68». Впрочем, лучше поздно, чем никогда.

Мур посмотрел на часы, а затем перевел взгляд на две сигнальные лампочки. Зеленая должна была зажечься, когда придет время прыгать. Инструктор по прыжкам, которого Мур знал много лет, улыбнулся командиру и дал знак «на выход». Сам инструктор должен был прыгать только после того, как за дверью окажется последний парашютист группы.

Внезапно он хлопнул Мура по спине и, показав на открытую дверь самолета, крикнул в самое ухо: «Пошел!» Мур выпрыгнул из самолета и стал падать в предрассветную мглу северовьетнамского неба. Это был боевой прыжок, и поэтому десантники раскрыли парашюты только на высоте 500 футов.

Каждый имел по два парашюта (запасной предназначался на случай отказа основного). В данном случае это была ненужная мера, поскольку если на такой высоте не открывался основной парашют, то уже не оставалось времени на то, чтобы раскрыть запасной. К большому облегчению Мура, основной парашют раскрылся без всяких осложнений. В очередной раз генерал сдержал свое обещание — его подразделение первым начало атаку.

Демилитаризованная зона, час «Х», 6 июня 1970 года

Точно в час «Х» головные подразделения 11-го мотопехотного полка пересекли демилитаризованную зону и по шоссе № 1 устремились в глубь территории Северного Вьетнама. Им было оказано чисто символическое сопротивление, которое они без труда подавили. Артилле-

рийский огонь по заранее определенным позициям противника оказался более эффективным, чем планировалось. Воздушные бомбардировки также достигли своей цели, и войска, в полном составе вторгшиеся на территорию Северного Вьетнама, продвигались вдоль побережья, успешно выполняя первый этап операции.

За ними двигались подразделения 3-й дивизии морской пехоты, которые уничтожали отряды противника, оставшиеся в тылу у мотопехоты. Практика подтвердила сообщения разведки, согласно которым сил у противника было недостаточно даже для того, чтобы остановить дохлого кота, а мотопехота и морские пехотинцы вовсе не были дохлыми котами.

В то же самое время 2-я дивизия морской пехоты, не встретив сопротивления, высаживалась на пляжах, расположенных к югу от Хайфона, а две бригады 1-й мотострелковой дивизии с воздуха атаковали Ханой и его окрестности. Следовало как можно быстрее перебросить туда же и третью бригаду дивизии, но для этого вертолеты должны были вернуться на ударные корабли, заправиться и в случае необходимости пополнить боезапас, а потом взять на борт войска.

Поначалу плацдарм высадки удерживали четыре батальона 173-й воздушно-десантной бригады, но затем эту функцию стала выполнять высадившаяся 1-я мотострелковая дивизия, а четыре упомянутых батальона выдвинулись в направлении Ханоя, который теперь стал их главной целью. За ними последовали две бригады 1-й мотострелковой дивизии. Ближе к вечеру на плацдарм было доставлено тяжелое снаряжение и вооружение, а к 6 часам утра 7 июня здесь уже находились все ударные соединения. Все объекты, намеченные в качестве первоначальных целей, были захвачены, и боевые действия переместились в центр Ханоя.

7 июня в 3 часа утра 2-я дивизия морской пехоты соединилась со своим батальоном, который удерживал га-

вань Хайфона. Во время атаки этот батальон понес минимальные потери, хотя один из танкодесантных кораблей был потоплен быстроходным катером Северовьетнамского флота. Во время высадки батальона командир флотилии эсминцев узнал о том, что танкодесантные корабли подверглись атаке противника. Нарушив приказ, он вошел в гавань и частично уничтожил, а частично рассеял все северовьетнамские военные суда, находившиеся в акватории порта. Затем его корабли оказали непосредственную огневую поддержку морским пехотинцам, отбившим весьма решительную атаку коммунистов, а также несколько менее опасных ударов. Все контратаки закончились безрезультатно, и в конечном счете морские пехотинцы овладели Хайфоном.

Спецназовцы Саймонса захватили и удерживали ханойский «Хилтон», но оказались в ловушке, когда на них двинулись находившиеся в этом районе подразделения СВА. Защищая военнопленных, спецназовцы несли тяжелые потери, но отбили все решительные атаки противника, который пытался восстановить контроль над этим объектом. Их спасли действия 2-го батальона 503-го пехотного полка 173-й воздушно-десантной бригады. 7 июня в 13:00 этому батальону удалось прорваться к осажденным спецназовцам. В тюрьме были захвачены в плен два следователя, один из которых оказался восточным немцем, а другой — кубинцем. Позже многие военнопленные показали, что именно эти следователи приказывали применять пытки¹.

Бойцы 101-й воздушно-десантной дивизии высадились на плацдарм вслед за подразделениями 1-й мотострелковой дивизии. Именно этому соединению довелось участвовать в крупнейшем за всю операцию бою с про-

¹ Впоследствии, когда северяне предприняли ряд контр-атак, с тем чтобы взять ханойский «Хилтон», большинство захваченных в плен следователей было убито. См.: *Simons. Into the North*. P. 331.

тивником. Северные вьетнамцы пришли в себя уже к полудню первого дня высадки. Спешно перегруппировав все вспомогательные и учебные воинские части, они во второй половине дня бросились в контратаку. К удивлению американцев, эти части располагали бронетехникой — русскими танками ПТ-76 и старыми Т-54/55, действия которых на первых порах привели к значительным потерям среди личного состава 101-й дивизии. Артиллерийские батареи вступили в бой с северовьетнамскими танками. Иногда стрельба велась прямой наводкой. Артиллеристы действовали как нельзя лучше.

Мгновенно отреагировав, американские ВВС нанесли удары по скоплениям войск противника и, действуя на низких высотах, стали выводить из строя бронетехнику СВА. Однако прежде, чем с войсками противника было покончено, вьетнамцам удалось захватить половину плацдарма. Потери 101-й дивизии были необычайно высокими. После того как ранним утром 7 июня была отбита последняя контратака СВА, всякое организованное сопротивление в районе Ханой—Хайфон прекратилось.

В полдень 10 июня было объявлено о взятии Ханоя и Хайфона. 12 июня в 19:00 морские пехотинцы, с боями продвигавшиеся на север по шоссе № 1, соединились с частями, действовавшими в районе Ханоя—Хайфона. Не встречая серьезного сопротивления со стороны северян, они захватывали позиции ракет ПВО и окружали разрозненные подразделения противника. Мотопехота их обходила, а морская пехота добивала.

За десять дней до вторжения отряды десантников и группы глубокого проникновения были заброшены в Лаос и вышли на Тропу Хо Ши Мина. Подтвердились слова Саймонса, который утверждал, что Тропа является односторонней дорогой, двигаться по которой можно только на юг. Американцы наблюдали за тем, как все большее количество войск и обозов направляется на юг, чтобы оказать поддержку частям СВА в Камбодже и Юж-

ном Вьетнаме. После нанесения массированных воздушных ударов этот непрерывный поток превратился в узенькую струйку. 10 июня подразделения морской пехоты АРВ были направлены в Лаос, чтобы раз и навсегда перерезать Тропу. Подразделения СВА, которые находились южнее, были полностью отрезаны от своих.

Две группы спецназа, высадившиеся в Ханое, чтобы захватить здания Политбюро и министерства обороны, добились успеха, но понесли тяжелые потери. Наибольшее сопротивление встретила та группа, что действовала в здании министерства обороны. Более половины ее бойцов были убиты или ранены, но группе удалось захватить генерала Дзяпа, которого немедленно доставили по воздуху на один из кораблей эскадры. Вместе с ним были вывезены Фам Ван Донг и Ле Дык Тхо, которые после смерти Хо Ши Мина стали лидерами правительства. Северовьетнамская змея была обезглавлена.

Развязка

В результате морской блокады и успешного вторжения американских войск подразделения СВА оказались отрезаны на юге страны. Эти северовьетнамские части понесли очень тяжелые потери в боях с войсками генерала Дейвисона, действовавшими в Камбодже. Лишенные всякой надежды восстановить снабжение и получить подкрепление, они в августе 1970 года сдались американцам и южным вьетнамцам.

Для Северного Вьетнама эта кампания оказалась смертельным ударом, причем столь быстрым, что у Советского Союза не было времени на ответную реакцию. Были захвачены тысячи военных советников и гражданских специалистов из Советского Союза, стран Варшавского договора и Кубы. Все они имели при себе весьма сомнительные документы. Соединенные Штаты извлек-

ли максимальную пользу из сложившейся ситуации, воспользовавшись ею в пропагандистских целях. Вскоре они отправили домой большинство граждан СССР и его союзников. Китай, как от него и требовалось, выступил с громкими нападка на Запад, но при этом не упустил случая подчеркнуть, что все попытки СССР обойти Китай закончились провалом и что американские войска оставили вдоль границы с Китаем широкую буферную зону, в которую не вторгались.

Не имея выбора, северовьетнамская делегация на парижских переговорах в декабре 1970 года подписала мирный договор с США и Южным Вьетнамом. Согласно этому договору гарантировалась независимость Южного Вьетнама, а бойцы северовьетнамской армии должны были сложить оружие и в соответствии с установленным графиком в течение года репатрироваться на Север. Кроме того, в Северный Вьетнам направлялись миротворческие силы и наблюдатели ООН. Как и в случае с Кореей, Соединенные Штаты взяли на себя большую часть ответственности за безопасность страны. Голоса лидеров тех китайских кругов, которые выступали против таких условий, утонули в море ликования по случаю подписания Шанхайского договора — китайско-американского соглашения, носившего явно антисоветскую направленность. Этот договор стал результатом исторической встречи президента Никсона и председателя Мао, состоявшейся в начале 1972 года.

В действительности

К сожалению, никакого вторжения в Северный Вьетнам так и не произошло, хотя для этого дважды предоставлялся удобный случай: после провала операции «Тет-68» и после рейда в Сон Тай, имевшего место в ноябре 1970 года (а не в январе, как сказано в тексте очер-

ка). Северовьетнамская армия главным образом находилась тогда на юге и не смогла бы вовремя занять позиции, чтобы остановить вторжение. Для того чтобы таким способом положить конец войне, требовалась политическая воля, а ее-то тогда и не было. Существовали опасения по поводу возможного вмешательства и даже интервенции со стороны Китая, что несомненно стало аргументом против вторжения США. Участие Америки в войне закончилось в 1973 году, когда в Париже был подписан мирный договор. Это случилось после того, как войска Северного Вьетнама были наголову разбиты во время так называемого Пасхального наступления, предпринятого весной 1972 года.

В апреле 1970 года Соединенные Штаты действительно вторглись в Камбоджу, и местом вторжения стал «Клюв попугая». Северяне понесли тяжелые потери, а американцы захватили большое количество вражеского снаряжения. Но, к сожалению, штаб Вьетконга не был ни обнаружен, ни тем более захвачен.

Мирный договор гарантировал независимость Южного Вьетнама. Однако после того, как Соединенные Штаты вывели свои наземные войска и авиацию, коммунисты в 1975 году вторглись в Южный Вьетнам, что было вопиющим нарушением договора 1973 года. Заслуживает внимания тот факт, что если в период вьетнамской войны как со стороны левых американских радикалов, так и со стороны активистов антивоенных движений раздавались стенания по поводу участия Соединенных Штатов в боевых действиях, то реакцией на падение Южного Вьетнама была гробовая тишина.

Уэйд Дж. Дадли

ОГОНЬ И ЛЕД. Шестой флот против Пятой эскадры, октябрь 1973 года

Стихотворение

В темноте безлунной средиземноморской ночи прозвучали неожиданные стихотворные строки: «Кто говорит, мир от огня погибнет, кто — ото льда».

— Что вы сказали, сэр? — спросил стоявший рядом усталый младший офицер. После долгой вахты в центральном боевом посту они прогуливались по огороженной леером верхней палубе корабля ВМС США «Обри». Лейтенант Рик Гэдсен обдумывал, что сказать в ответ, а эсминец УРО продолжал бороздить морскую гладь. Это был один из трех эскортных кораблей, сопровождавших флагманский корабль Шестого флота Соединенных Штатов, крейсер «Литтл-Рок».

Почему ему в голову пришли эти строки? Возможно, причиной были бортовые огни русского боевого корабля, неотступно

шедшего по пятам американского оперативного соединения. Эти огни недвусмысленно напоминали о «холодной войне», которая продолжалась столько, сколько помнил себя Гэдсен. Возможно, это было своего рода воспоминание о первых шести месяцах, которые он провел в море. Тогда его корабль нес дозорную службу, охранял подходы к якорной стоянке американских кораблей. В такие вот безлунные ночи Гэдсен видел, как пламя вырывалось из сопел палубных штурмовиков «интродер», которые, забрав смертоносный груз, брали курс на Северный Вьетнам.

— Так, один старинный стишок о холодной как лед ненависти и горячей как огонь страсти.

— Ну, сейчас лично я не в состоянии думать обо всех, кого ненавижу, а о страсти придется забыть, пока не придем в Афины, — усмехнулся второй моряк.

Оба расхохотались — злчные места Афин были хорошо известны всем моряками Шестого флота.

Некоторое время спустя моряки отправились вниз — ухватить хотя бы несколько часов сна

— Кстати, сэр, поздравляю вас с днем рождения.

Гэдсен совсем забыл, что на 6 октября 1973 года приходится очередной его день рождения. Про себя он отметил, что дожил до почтенного возраста: ведь ему уже стукнуло 24 года.

Ни один из офицеров не знал, что совсем скоро им обоим придется пройти крещение в горячей как огонь ярости и ледяной ненависти «холодной войны», которая очень быстро превратится в горячую.

Лед и пламя

Вспыхнувшая после Второй мировой войны борьба политических идеологий, за которой стоял вызванный многолетним противостоянием милитаризм, вынуждала нации выбирать между тремя интенсивно вооружавши-

мися лагерями. Западный блок, участники которого в той или иной степени придерживались принципов демократии и свободного рынка, рассматривал Соединенные Штаты как своего лидера. Это государство вышло из Второй мировой войны настоящей сверхдержавой. В высшей степени индустриализированное, оно располагало несметными богатствами и являлось единственным обладателем атомной бомбы, которая имела ужасающую разрушительную силу. Восточный блок, который образовали страны, к 1945 году оккупированные Советским Союзом, быстро вкусил радости коммунизма и почтительно внимал России (в то время СССР). Необъятная территория СССР, потрясающая военно-промышленная база и программа разработки атомного оружия, реализация которой началась в конце 1940-х годов, — все это гарантировало Советскому Союзу статус второй сверхдержавы. В третий лагерь входили неприсоединившиеся страны, и их количество постоянно сокращалось.

Мир неуклонно стремился к двуполюсности, «линия разлома» пролегла между США и СССР. Соблюдать нейтралитет становилось опасно. Ни американское ЦРУ, ни советский КГБ не испытывали ни малейших колебаний, когда требовалось свалить правительство какой-либо страны и заменить его более сговорчивым и податливым режимом. Кроме того, обе державы охотно предлагали деньги и оружие в обмен на поддержку проводимого курса. Какая разница, кто изображен на денежных знаках, Вашингтон или Ленин? И не все ли равно, чей фирменный знак выбит на оружии — Калашникова или Макдоннел—Дугласа? Подобного рода «подарки» с идеологическими ценниками сопровождались мощнейшей и по определению лицемерной пропагандой. В большинстве случаев лозунг «Свободу пролетариату» ничем не отличался по своему содержанию от лозунга «Выше зарплата, больше льгот». Одна за другой страны Третьего мира отбрасывали лозунги panaфриканства и panaзиатства и пополняли

ряды союзников сверхдержав, занимая каждая отведенное ей место среди «бряцающих оружием лакеев капитализма» или «коммунистического отродья» (роли эти были взаимозаменяемы, и выбор зависел от того, чьи именно средства поступали в конкретную страну и чьим оружием она собиралась воевать).

Двуполярным миром зачастую правила безрассудная ненависть, в основе которой лежала абсолютная несовместимость капитализма и коммунизма, демократии и тоталитаризма. Между ними не было «промежуточной зоны». Обе стороны затевали «охоту на ведьм» и проводили «чистки», вызывавшие чувство страха, которое дополнительно усиливало уже существующую ненависть. К началу 1970-х годов казалось, что человечество сковано льдом — «холодная война» достигла своего пика.

И все же она не обходилась без вспышек пламени. За вступление очередной страны Третьего мира в ряды сторонников сверхдержав часто приходилось платить кровью. От холмов Греции и джунглей Малайзии до горных хребтов Перу мужчины и женщины вели гражданские войны, целью которых был захват политической власти в своей стране, или сводили старые счеты с соседями, используя оружие и деньги, предоставляемые какой-либо одной сверхдержавой (или обеими сразу).

Одна из популярных концепций «холодной войны» определяла такие конфликты, как «стычки заместителей» — ведь на полях сражений Третьего мира Соединенные Штаты и СССР воевали чужими руками. Если это и так, то великие кукловоды не слишком хорошо владели искусством управления марионетками. В 1950 году Северная Корея нарушила демилитаризованную зону, что привело в замешательство «хозяев», которыми тогда предположительно были русские. Что касается американцев, они давно привыкли к тому, что по ним ведут огонь из оружия, изготовленного у них дома. Не вызывает сомнений, что хуже ведения «управляемых» войн на чужой территории могла быть лишь прямая интервенция сверхдер-

жав. Нападения на Вьетнам и Афганистан завершились полным разгромом оккупантов, в результате лишились власти национальные лидеры сверхдержав, вне зависимости от того, правых или левых взглядов они придерживались. Эти войны наглядно показали, что бессмысленно ввязываться в конфликт, не имея четкого плана выхода из него. К сожалению, «холодная война» по самой своей природе позволяла использовать лишь одну из возможных стратегий выхода: полное уничтожение противодействующей стороны.

К середине 1973 года этого, по счастью, не произошло, хотя в начале 1960-х годов, в разгар кубинского ракетного кризиса, тотальная война казалась весьма вероятной, если не неизбежной. Возможность полностью перекроить лик планеты была отвергнута. Стратегия взаимно гарантированного уничтожения (получившая весьма удачное сокращение — MAD), принятая как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом, сулила самые суровые последствия обеим сторонам в том случае, если у кого-либо внезапно эмоций возобладают над разумом. Балансирование на грани войны и благовидное отрицание возможности ее выиграть стали реальностью того времени, — хотя и в ледяной стене можно было пробить брешь при помощи таких инициатив, как Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) 1972 года, и сделать ее тоньше через обмен визитами высокопоставленных сановников. Тем не менее стена продолжала существовать.

Ни та ни другая сверхдержава не могли справиться с государствами, которым они поручили представлять свои интересы на Ближнем Востоке. Там бушевала самая настоящая «горячая» война, питаемая религиозной нетерпимостью и жадой мести. Те, кто с готовностью раздавал оружие, оправдывая свое поведение идеологическими соображениями, постепенно начинали понимать, что мир, в котором они живут, может легко стореть в огне, точнее — в пламени ядерной катастрофы.

Расстановка сил

В марте 1971 года, пока президент Ричард Никсон и его помощник по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер искали способ вывести Соединенные Штаты из войны во Вьетнаме, американские конгрессмены занимались рассмотрением крайне неудачного проекта годового бюджета. Предложенный проект являлся прямым следствием отношения общества к войне вообще и вьетнамской войне в частности. Этот проект предусматривал заметное сокращение численности обычных видов вооруженных сил. Вдобавок бюджетные расходы на строительство новых кораблей для ВМС урезались в 1973 году до одного миллиарда долларов. Начальник военно-морских операций адмирал Элмо Р. Замволт-младший был весьма обеспокоен такой перспективой. 5 марта он отправил вверх по инстанциям служебную записку весьма выразительного содержания:

«Считаю, что перед лицом советской угрозы недопустимо потенциальное уменьшение численности наших сил, а также крупномасштабные сокращения планируемых закупок, направленных на потенциальное перевооружение в будущем... Я уже неоднократно информировал о том, что снижение возможностей военно-морских сил вызывает у меня озабоченность... Согласно моим оценкам, наши силы на конец 1970 финансового года обеспечивали 55 процентов вероятности успеха в случае возникновения конфликта с Советским Союзом на море... Сегодня же наши военно-морские силы могут обеспечить не более чем 35 процентов такой вероятности. С принятием нового бюджета уровень надежности понизится до 20 процентов. Совершенно ясно, что мы будем не в состоянии оказать поддержку боевым действиям войск США или их союзников за границей, если Советский Союз бросит вызов господству Соединенных Штатов на море...»

Озабоченность Замволта была правомерна. К 1972 году общее количество боевых единиц советского ВМФ на всех морских театрах превышало количество американских боевых кораблей в соотношении 820 : 447. Этот дисбаланс усугублялся изношенностью американских кораблей, многие из которых были построены еще в годы Второй мировой войны и годились разве что для последнего похода в док для утилизации. Лишь в категории авианосцев западная сверхдержава имела явное превосходство, однако и его можно было легко оспорить с помощью авиации наземного базирования, которой коммунисты располагали на большинстве морских театров.

Еще более явным в смысле потенциальной угрозы конфликта было увеличение числа советских кораблей, находившихся на океанском боевом дежурстве. Между 1956 и 1972 годом общее количество дней, проведенных в море кораблями СССР (суммарный показатель, который складывается из количества дней, проведенных каждым кораблем флота в море), возросло с 500 до 14 500 в Атлантическом океане, с нуля до 1900 в Карибском море, с 200 до 5900 в Тихом океане, с нуля до 8900 в Индийском океане и со 100 до 17 700 в Средиземном море. На последнем из названных театров военных действий количество дней, проведенных в море кораблями Пятой эскадры, значительно превышало аналогичный показатель кораблей Шестого флота США¹. Возросшее присутствие советских кораблей в Мировом океане привело к увеличению случаев прямого противоборства кораблей и самолетов двух сверхдержав, начиная с учебных стрельб в непосредствен-

¹ *Hagan*. *Peace and War*. P. 336. Заметим, что значение русского слова «эскадра» схоже со значением американского термина «fleet» и, скорее, применимо к географическому району действий, нежели просто к группе боевых кораблей. В буквальном значении это слово сходно с английским «squadron» (эскадра, отряд, эскадрилья). Оно, как и некоторые другие русские слова (например, эстрада), имеет несколько вестернизированное звучание.

ной близости от кораблей другой стороны до столкновений двух и более кораблей и прямых артиллерийских дуэлей (что, конечно, полностью отрицалось). Офицеры обеих сверхдержав часто моделировали атаки на корабли и самолеты противоположной стороны, называя это учениями, максимально приближенными к боевой обстановке. В периоды обострения международной напряженности такие инциденты становились более многочисленными, и их количество грозило превысить максимально допустимый предел.

Прекрасно зная об антивоенных настроениях, которые преобладали в обществе, администрация Никсона разработала тройной подход к удержанию политической власти. Во внешней политике доктрина Никсона призвала оказывать поддержку зарубежным союзникам, не привлекая американские войска к непосредственному участию в боевых действиях. Такая форма поддержки предполагала оказание финансовой помощи и организацию военных поставок. Одновременно Киссинджер искал пути достижения разрядки, с помощью которой хотел растопить лед «холодной войны». Он проводил частные встречи с коммунистическими лидерами. Наиболее заметными из этих встреч были непрерывные переговоры по ОСВ. Он также готовил почву для предстоящего визита Никсона в коммунистический Китай. Что касается внутренней политики, здесь подход Никсона был намного более тонким, — во всяком случае, до того как официальное расследование вскрыло детали Уотергейтского скандала, имевшего место в июне 1972 года. Каждый из этих трех подходов оказал решающее влияние на ход событий, случившихся в октябре 1973 года.

Разрядка была приемлема для Москвы до тех пор, пока она не начинала раскрывать слабость внутреннего устройства Советского Союза. Генеральный секретарь Коммунистической партии, ведущий член Политбюро Леонид Брежнев ничуть не сомневался в том, что прямая военная конфронтация с Соединенными Штатами чревата ядерной

катастрофой. В памяти русского народа остались воспоминания о том, как Российская империя допустила грубый промах, который привел к ее крушению. Не рассчитав последствий вступления в Первую мировую войну, Россия в 1914 году позволила своим сателлитам совершить ряд непродуманных действий. С тех пор мир не стал стабильнее ни на йоту, а сателлиты по-прежнему далеко не всегда проявляли самообладание. Именно поэтому Брежнев не удивился, когда 3 октября 1973 года президент Египта Анвар Садат сообщил СССР, что Египет и Сирия планируют воспользоваться оружием, поставляемым их коммунистическими покровителями, чтобы раз и навсегда разрешить «ближневосточный вопрос». Понимая, что Садат нападет на Израиль в любом случае, согласись он на это мероприятие или попытайся его запретить, советский лидер распорядился начать эвакуацию из Египта советских гражданских лиц и предупредил Садата о том, что нападение должно оказаться успешным, так как СССР не может гарантировать восполнения уничтоженных или утраченных в ходе операции материальных средств.

Война Йом Киппур

Арабо-израильская война 1973 года получила несколько названий. Ее часто называют «октябрьской войной», так как она и началась и закончилась в октябре. Арабы, как правило, называют этот конфликт «войной Рамадан», так как боевые действия велись в течение этого священного для мусульман месяца. Израильяне же называют этот инцидент не иначе как «война Йом Киппур», поскольку арабы предприняли свою первую атаку именно в этот священный для евреев день¹. За пределами

¹ Исследуя соответствующую литературу, очень часто можно обнаружить, что слово «Киппур» изменено на «Киппер» (копченая рыба), что приводит к весьма любопытной путанице исторических и гастрономических понятий.

Ближнего Востока этот конфликт обычно вспоминают лишь как преддверие конфронтации 1973 года, хотя в этой части мира, которая всегда на слуху, события тридцатилетней давности до сих пор рассматриваются как крайне важные и порождают неукротимое желание отомстить.

Независимо от названия, историческим фактом является то, что 6 октября в 14:00 Египет и Сирия нанесли массированный удар по позициям не готовых к такому повороту событий израильских войск. К исходу первого дня боевых действий сирийская бронетехника захватила значительные территории вдоль Голанских высот, через которые проходит кратчайший путь в Израиль. Египетские же войска прорвали линию Бар-Лева, которая представляла собой цепь мощных, но недоукомплектованных личным составом оборонительных позиций вдоль Суэцкого канала. Израильские командиры были потрясены тем, насколько щедро оказались вооружены арабские войска. Более всего их изумили переносные противотанковые ракетные комплексы «Саггер» и огромное количество позиций ракет класса «земля—воздух». Потери израильских бронетанковых войск и ВВС стремительно росли, а резервы, которых хватило бы для повторения Шестидневной войны 1967 года, столь же стремительно таяли. Израильское правительство немедленно обратилось к Соединенным Штатам с просьбой оказать военную помощь.

Администрация Никсона колебалась, хотя и знала о том, что СССР без всяких колебаний приступил к поставкам военных грузов арабским странам. Как только начались боевые действия, грузовые суда, заполненные до отказа оружием и боеприпасами, вышли из расположенного на Черном море Одесского порта и взяли курс на Египет и Сирию. С первых же дней войны стал действовать и воздушный мост.

Некоторые обвиняли Киссинджера в том, что именно он препятствовал оказанию поддержки единственному союзнику Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Ут-

верждалось, будто он рассчитывает, что военное поражение заставит Израиль пойти на уступки, необходимые для того, чтобы в этом регионе наступил длительный мир. Указывали также, что в связи с потенциальной угрозой нефтяного эмбарго арабских государств Госдепартамент не испытывает большого желания поддерживать Израиль. На самом же деле президент Никсон был полностью поглощен стремительным развитием Уотергейтского скандала, а также обвинениями в коррупции, выдвинутыми против вице-президента Спиро Агню, который 10 октября ушел в отставку. Последнее обстоятельство способствовало тому, что деятельность всех представителей исполнительной власти оказалась под пристальным вниманием общественности. Лишь на исходе дня 10 октября президент дал санкцию на проведение операции «Никель Грасс», целью которой было возобновление поставок в Израиль под руководством военно-транспортного авиационного командования (ВТАК). Он утвердил предложение, согласно которому операция должна была продолжаться более месяца, то есть вплоть до прибытия в израильские порты первых транспортных судов с военными грузами¹.

Между тем быстро проведенная в Израиле мобилизация позволила уже 8 октября нанести контрудар как по сирийским, так и по египетским войскам. Очень скоро Израиль добился господства на Голанских высотах. К 11 октября его артиллерия и самолеты уже атаковали цели на территории самой Сирии, и вполне реальным казалось наступление на Дамаск. Египетским войскам на Синае удалось отразить израильские атаки, предпринятые 8 и 9 октября, но при этом они понесли тяжелые потери. Продвижение египтян было задержано, что позволило израильтянам подтянуть к линии фронта дополнительные резервы. К 10 октября египетские войска наконец вышли из-под защиты своего «противовоздушного зонтика» —

¹ [Http://members.aol.com/SamBlu82/menu7.html](http://members.aol.com/SamBlu82/menu7.html)

стационарных позиций ракет ПВО, расположенных на западном берегу Суэцкого канала. В результате израильские наземные силы при мощной поддержке авиации стабилизировали фронт и предприняли серию контратак, кульминацией которых стало крупномасштабное танковое сражение 14 октября. Соотношение потерь в этом сражении оказалось в пользу Израиля (20:1), моральный дух египтян был подорван, а перед израильскими войсками открылась возможность продвижения вперед, вплоть до самого Суэцкого канала.

Война Йом Киппур не ограничилась боевыми действиями на суше. Активно действуя в Средиземном море, израильский флот быстро завоевал господство, несмотря на то что уступал военно-морским силам противника в соотношении 2 : 1. Наиболее заметной операцией оказалось сражение при Латакии, которое состоялось 7 октября неподалеку от этого сирийского порта. Шесть израильских ракетных катеров атаковали и потопили огнем 76-миллиметровых пушек небольшой патрульный корабль, а ракетой «Габриэль» пустили на дно минный тральщик. Затем они вступили в поединок с тремя сирийскими ракетными катерами. Используемые сирийцами советские ракеты «Стикс» обладали вдвое большим радиусом действия, чем израильские ракеты «Габриэль», однако умелое использование средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и дипольных отражателей привело к тому, что, не потеряв ни единого катера, израильтяне уничтожили все сирийские корабли¹.

После этого столкновения сирийские и египетские корабли перестали выходить в море, тем самым позволив израильским катерам беспрепятственно оказывать поддержку действиям наземных сил в районах побережья.

¹ [Http://www.us-israel.org/jsource/History/latakia.html](http://www.us-israel.org/jsource/History/latakia.html); *Aker*. October 1973: The Arab Israeli War. P. 62–63. Этот бой между ракетными катерами был первым морским сражением, в котором стороны обменялись ракетными ударами и против ракет были использованы средства электронного противодействия.

Усилившись за счет непрерывно поступающей американской военной помощи, израильские войска 16 октября 1973 года пересекли Суэцкий канал. К 21 октября израильские бронетанковые силы находились в пределах 40 миль от Каира, тогда как египетская Третья армия оказалась изолированной на Синайском полуострове. Несмотря на подкрепления, поступившие в Сирию из Ирака и Иордании, и угрозу прямого участия в конфликте советских парашютистов, израильские бригады в районе Голанских высот удерживали позиции всего в десяти милях от Дамаска. Всем было ясно, что, если не найти в кратчайшие сроки политическое решение, то военное решение Израиля приведет к завоеванию всех тех стран, которые вероломно на него напали. Это надолго дестабилизировало бы обстановку на Ближнем Востоке. С 11 октября ведущие политические деятели всего мира приступили к поискам компромисса. Советский посол в США Анатолий Добрынин начал консультации с Киссинджером, строго предупредив последнего о том, что Россия скорее высадит свои воздушно-десантные силы в Дамаске, нежели позволит израильтянам захватить город. После того как 16 октября Садат обратился с официальной просьбой к СССР выступить в ООН с инициативой о принятии резолюции по прекращению огня, Советский Союз усилил давление на Соединенные Штаты, требуя от них обуздать Израиль. На следующий день участники организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) также выступили против США, объявив о введении эмбарго на поставки нефти Израилю и тем, кто его поддерживает¹. 20 октября Киссинджер прибыл в Москву. На следующий день Кис-

¹ ОПЕК угрожала снизить уровень добычи нефти, а значит, сократить ее поступление на рынок, и увеличивать стоимость барреля до тех пор, пока Израиль не возвратит все территории, захваченные в ходе войны 1967 года. Несмотря на то что спорные территории не вернули, в марте 1974 года ОПЕК прекратила эмбарго (явная победа принципа жизни над принципиальностью как таковой).

синджер и Брежнев представили текст резолюции № 338 Совета Безопасности ООН, которая призывала к немедленному прекращению огня и последующим переговорам по достижению «справедливого и долговременного мирного урегулирования ближневосточного конфликта». Совместно представленный Соединенными Штатами и СССР проект резолюции был 22 октября немедленно принят Советом Безопасности. Из Москвы Киссинджер вылетел прямо в Тель-Авив, дабы оказать давление на израильское правительство и уговорить его пойти на прекращение огня. Обе сверхдержавы явно надеялись, что война закончится в тот же день. К сожалению, они не приняли в расчет мнение арабов и израильтян.

За те часы, в течение которых решение о прекращении огня должно было вступить в силу, окруженная на Синае Третья армия Египта, положение которой становилось все более отчаянным, попыталась вырваться из котла. Брежнев направил в Вашингтон весьма энергичное послание, в котором переложил на израильтян всю ответственность за возобновление военных действий. Киссинджер немедленно дал указания представителю США в ООН, и 24 октября переговоры о перемирии возобновились. Однако спустя несколько часов после провала попытки египтян вырваться из окружения израильские войска возобновили боевые действия по всей линии египетского фронта. Они стали планомерно расширять плацдарм, захваченный на египетской стороне канала. На этот раз обе стороны проигнорировали резолюцию ООН.

Среди лидеров обеих сверхдержав царил смятение. В Соединенных Штатах наличествовало также полное физическое и умственное истощение Никсона, который был поглощен Уотергейтом. А Киссинджер продолжал метаться по всему миру. Поздно вечером 24 октября советский посол Добрынин передал Киссинджеру послание Брежнева. Помимо прочего в нем говорилось:

«Пусть и Советский Союз, и Соединенные Штаты направят советский и американский воинские контингенты в Египет, чтобы обеспечить выполнение принятых 22 и 23 октября решений Совета Безопасности, касающихся прекращения огня и всех военных действий, а также нашего с Вами согласия относительно гарантий выполнения решений Совета Безопасности. Данные меры необходимо предпринять безотлагательно.

Скажу прямо: если Вы сочтете невозможным действовать совместно с нами, мы окажемся перед необходимостью срочно рассмотреть возможность принятия соответствующих мер в одностороннем порядке. Мы не можем позволить себе зависеть от капризов Израиля».

Первый абзац этого послания представлял собой подтверждение соглашений, достигнутых в ходе беседы с Киссинджером, тогда как второй абзац можно было принять за хорошую мину при плохой игре: ведь СССР не направил свои войска в зону конфликта в тот момент, когда они действительно могли оказать содействие арабам. Казалось бы, тот факт, что еще совсем недавно СССР проявил неспособность к односторонним действиям, должен был побудить Киссинджера к очередной попытке договориться на дипломатическом уровне. Однако, ознакомившись с упомянутым документом, руководители Совета национальной безопасности созвали чрезвычайное заседание этого органа, в ходе которого дали крайне резкую оценку советскому предложению и заговорили об угрозе советской интервенции. 25 октября в 00:25 Белый дом перевел все вооруженные силы США в состояние боеготовности 3-й степени¹. Ни члены Совета, ни офице-

¹ Статус боеготовности американских Вооруженных Сил определяется пятиуровневой шкалой. Уровень боеготовности 5, самый низкий, соответствует мирному времени. Уровень боеготовности 3 означает подготовку к возможному началу боевых действий, а уровень боеготовности 1 подразумевает полную боевую готовность.

ры высших рангов не догадывались о том, что через несколько часов эти приготовления приведут к самому настоящему морскому сражению между американскими и советскими боевыми кораблями в Средиземном море.

Шестой флот и Пятая эскадра, 6—24 октября

Когда на Ближнем Востоке разразился конфликт, силы Шестого флота, которыми командовал вице-адмирал Дэниел Мерфи, были разбросаны по всему бассейну Средиземного моря. Оперативная группа (ОГ) 60 в составе крейсера «Литтл-Рок» (флагманский корабль, на борту которого находился сам Мерфи), а также кораблей сопровождения курсировала южнее острова Крит. ОГ 60.1 в составе авианосца «Индепенденс» и кораблей сопровождения стояла в Афинах, где подходил к концу короткий, но заслуженный отдых ее моряков. ОГ 60.2 в составе авианосца «Франклин Делано Рузвельт» и кораблей сопровождения была разбросана по нескольким испанским гаваням, где корабли ремонтировались и пополняли запасы, а экипажи (после окончания рабочего дня) отдыхали. Корабли ОГ 60/61 (группа амфибийных сил составе десяти десантных кораблей во главе с десантным вертолетоносцем «Гуадалканал»), на которых размещались батальоны морских пехотинцев $2/6$ и $3/6$, стояли на якорях в различных греческих портах.

Помимо этих оперативных групп в состав Шестого флота входило еще несколько соединений, которые на 6 октября действовали самостоятельно — например, пять ударных подлодок маневрировали в различных районах Средиземного моря, а катера 21-го патрульного дивизиона (в состав которого входили плавбаза патрульных артиллерийских катеров «Грэм Каунти» и артиллерийские катера «Энтилоуп», «Дифайенс» и «Серпрайз»), как и суда обеспечения флота, базировались в

Неаполе¹. Воздушные силы, кроме самолетов палубной авиации, были представлены 45-й (VP-45) эскадрильей патрульных самолетов Р-3С «Орион», которые действовали с авиабазы Сигонелла на Сицилии. Эта эскадрилья начала свой боевой путь с престижного памятного знака капитана Арнольда Дж. Исбелла «За превосходные действия во время противолодочных операций»².

Личный состав, которым командовал Мэрфи, обладал значительным боевым опытом, полученным в ходе вьетнамской войны. Однако среди них можно было обнаружить и новичков, имевших весьма поверхностные профессиональные знания, и «летунов» (как, впрочем, и матерых вояк), которым вахты и учения были в тягость. В целом, адмирал был доволен своими людьми. В гораздо большей степени его беспокоила боевая техника, которая, к сожалению, тоже обладала «значительным боевым опытом». Слишком многие из кораблей приближались к финалу своей боевой службы, а урезанный военно-морской бюджет предупреждал: замены не будет. Уже сейчас кораблей не хватало на каждом из потенциальных театров военных действий. Что касается Средиземного моря, аналитики и стратеги соглашались, что в случае войны сюда нужно будет немедленно направить как минимум три авианосца (или даже четыре, если арабам удастся втянуть в этот конфликт СССР). Так или иначе, адмирал понимал, что третий авианосец прибудет, лишь когда ситуация станет по-настоящему взрывоопасной. Не вызывало сомнений и то, что в этом случае ему самому придется стать помощником другого адмирала. Мэрфи оставалось надеяться, что русские не набросятся на него прежде, чем ему удастся собрать воедино все разбросанные силы.

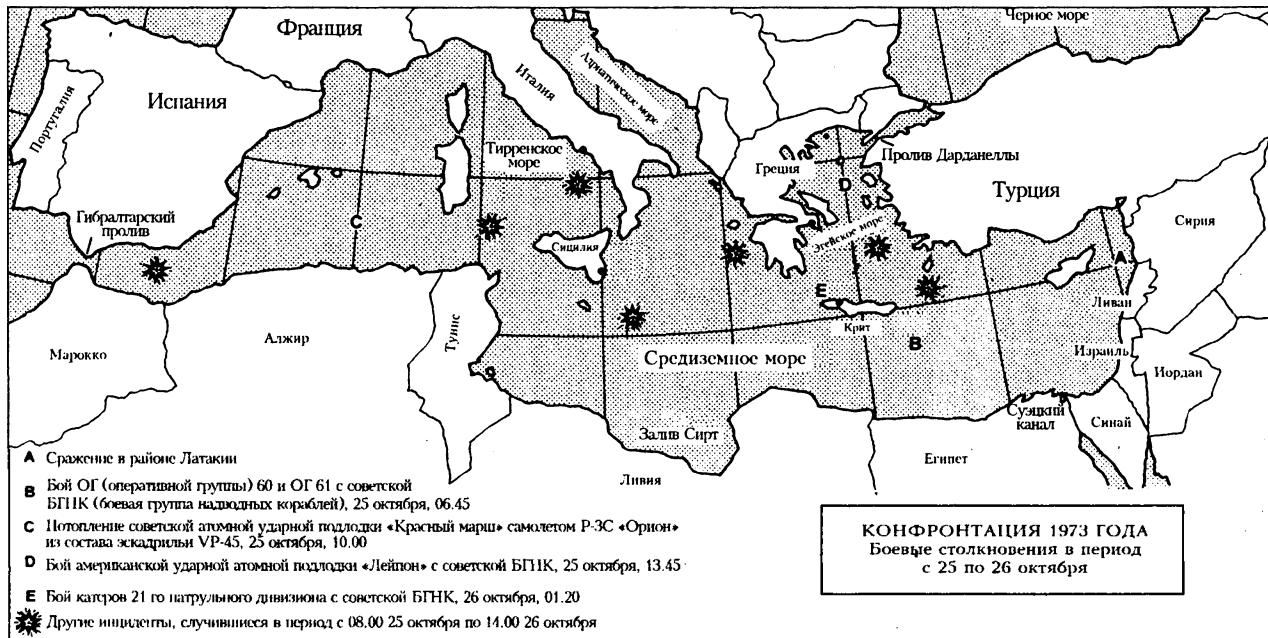
Но утром 6 октября Пятая эскадра не давала поводов заподозрить ее в агрессивных намерениях. Большинство

¹ [Http://www.gunboatriders.com/theboats/pg86.html](http://www.gunboatriders.com/theboats/pg86.html)

² [Http://www.navy.mil/homepages/vp-45/prod04.html](http://www.navy.mil/homepages/vp-45/prod04.html)

надводных кораблей — три крейсера, семь эсминцев и девять фрегатов и корветов, а также два десантных корабля, два тральщика и несколько судов снабжения — стояли на якорях в различных портах Восточного Средиземноморья. В течение минувших недель американская разведка обнаружила 16 русских ударных подлодок, которые, разделившись на две почти равные «стаи», действовали в восточной и западной части Средиземного моря. Кроме того, в разведке знали, что в середине октября Советы всегда уменьшают количество своих подлодок на позициях в Средиземном море. Таким образом, в течение следующих двух недель количество подлодок должно было измениться, поэтому требовалось принять меры, чтобы идентифицировать лодки, прошедшие через Гибралтарский пролив или Дарданеллы. Другие показатели активности — интенсивность полетов авиации, например, — оставались в норме. Что касается столь характерного для «холодной войны» агрессивного противостояния сторон на море, оно в течение вот уже нескольких месяцев пребывало на минимальном уровне.

Утро 6 октября перестало быть мирным, когда все узнали о внезапном нападении Египта и Сирии на Израиль. Это известие оказалось в той или иной степени неожиданным для командного состава обоих флотов. Хотя командиры отдельных кораблей Пятой эскадры и были предупреждены о предстоящей атаке арабов, тем не менее им не сообщили время и дату начала операции. В течение нескольких часов после нападения отдельные советские корабли вышли в море, и почти сразу же Шестой флот обнаружил повышение интенсивности полетов советской авиации. Вылетевшие со своих баз в Венгрии, Египте и Ливии самолеты дальнего радиуса действия Ту-95РТ «Медведь» и Ту-16 «Барсук» (несколько меньшего радиуса действия) расширили возможности русских применительно к проведению разведки в бассейне Средиземного моря. Вскоре со своих аэродромов поднялись

Противоборство сторон в 1973 году, боевые столкновения 25—26 октября

и самые крупные в России транспортные самолеты Ан-22, которые сплошным потоком потянулись в сторону Египта и Сирии, доставляя туда военное снаряжение и боеприпасы для замены израсходованных арабами.

Адмирал Мэрфи немедленно попросил у Вашингтона разрешения сконцентрировать свои разбросанные по Средиземному морю оперативные группы и занять позицию, с которой можно было бы обеспечить воздушную поддержку Израиля. Полученный ответ потряс выдавшего вида адмирала до глубины души:

«Прежде всего... следует руководствоваться тем, что в отношении этих военных действий Соединенные Штаты должны проявлять сдержанность и объективность. Чтобы продемонстрировать указанное отношение, Шестому флоту предписывается продолжить обычную деятельность, выполнять запланированные операции и избегать шагов, которые могут быть истолкованы как доказательства того, что Соединенные Штаты готовятся принять активное участие в конфликте».

В этом послании отсутствовал всякий здравый смысл. Разве Израиль не является союзником Соединенных Штатов? Неужели в Вашингтоне никто не понимает, что Советы сосредоточивают свои силы? Они вполне могут первым же ударом нанести огромный урон неподготовленному Шестому флоту. Единственным положительным фактором было то, что Мэрфи получил разрешение направить ОГ 60.1 («Индепенденс» и корабли сопровождения) в район южнее Крита, где группа должна была соединиться с ОГ 60. В остальном же флот, как приказано, продолжал свою «обычную деятельность». Создавая видимость последней, Мэрфи повысил интенсивность поиска подводных лодок и активизировал деятельность дозорных кораблей (разумеется, в учебных целях). Он приказал ОГ 60.2 («Рузвельт» и корабли сопровождения) ускорить ремонтные работы и присоединиться к силам, участвовавшим в противолодочных учениях, которые проводились в западной

части Средиземного моря, близ «запретной линии», установленной Вашингтоном. Кроме того, Мэрфи отправил в море как можно больше вспомогательных судов. Наконец 9 октября в море вышла ОГ 60/61 — только для того, чтобы перебазироваться на другую, не менее уязвимую якорную стоянку, в гавани Суда на Крите. Эти корабли с морскими пехотинцами на борту были готовы снова немедленно выйти в море. Меры первой необходимости были приняты, и адмиралу оставалось только наблюдать за тем, как ситуация в регионе становится все более накаленной. Он продолжал бомбардировать Вашингтон просьбами о полной свободе действий и присылке подкреплений.

9 октября поступило донесение, что советская плавбаза подводных лодок и крейсер неотступно следуют за кораблями ОГ 60.1. Во времена «холодной войны» такой «хвост» был обычным делом, но почти всегда этим занимались разведывательные корабли или эсминцы. Предполагаемое присутствие на борту каждого из двух замеченных кораблей русского адмирала также было крайне нетипичным явлением. Были также перехвачены радиопереговоры нескольких советских ударных дизельных подлодок типа «Фокстрот», которые находились в непосредственной близости от кораблей оперативной группы. Стало известно и о направленных турецким властям запросах, касающихся прохода через Дарданеллы дополнительного количества советских надводных кораблей и подводных лодок. Приказав авианосцу «Джон Ф. Кеннеди», трем эсминцам и танкеру покинуть район учений в Северном море и присоединиться к Шестому флоту в качестве ОГ 60.3, Вашингтон наконец отреагировал на усиление присутствия русских в Средиземном море. Однако, к несчастью для Мэрфи, этому соединению не позволили войти в Средиземное море. Чтобы избежать дальнейшего обострения обстановки, ОГ 60.3 надлежало вплоть до особых распоряжений Вашингтона крейсировать в Атлантике, у входа в Гибралтарский пролив. Когда

началась операция «Никель Грасс», в дополнение к уже имевшимся осложнениям все страны, кроме четырех европейских (Голландии, Португалии, Италии и Греции), отказались предоставить американцам свое воздушное пространство и порты для доставки военных грузов в Израиль. Таким образом, Мэрфи пришлось создавать заслон из эсминцев, которым было приказано сопровождать самолеты С-5 и С-141 военно-транспортной авиации (и при необходимости оказывать им помощь). Распыление эскортных сил было недопустимо, особенно если учесть, что Советы явно сосредоточивали свои корабли для «превентивного удара».

В течение следующих 12 дней победоносный Израиль громил напавших на него арабов, политическая температура «холодной войны» достигла точки кипения. Советские корабли продолжали входить в Средиземное море, а американская разведка докладывала о зловещих признаках того, что Советы намерены привлечь собственные войска для оказания поддержки арабским сателлитам. Утром 24 октября адмирал Мэрфи доложил, что только по проверенным данным в Средиземном море находится 80 советских судов, в том числе 26 надводных боевых кораблей и 16 подлодок «Фокстрот». Большинство надводных кораблей было сведено в три главные боевые группы надводных кораблей (БГНК). Одна из них состояла из крейсера класса «Свердлов» (четыре трехствольные 152-миллиметровые башенные артиллерийские установки) и эсминца класса «Кашин» (две спаренные 76-миллиметровые башенные артиллерийские установки). Эта группа следовала за кораблями ОГ 60.1 и без труда могла атаковать авианосец «Индепенденс», который находился в пределах досягаемости ее оружия. Вторая БГНК была намного крупнее. Она, как и первая группа, маневрировала в том же районе, что и ОГ 60.1, но ее корабли находились за линией горизонта. Два входивших в ее состав крейсера УРО класса «Кинда» несли ракеты SSN-3, радиус действия которых составлял 200 миль (хотя для стрельбы с такой дистанции этим

ракетами требовались данные целеуказания, которые могли передать корабли, субмарины или самолеты, маневрирующие неподалеку от цели). Два модифицированных эсминца класса «Кашин» и три модифицированных эсминца класса «Кильдин» были вооружены ракетами меньшего радиуса действия SSN-2, дальность стрельбы которых составляла 20 миль. В состав этой группы также входили четыре корвета и различные вспомогательные суда. В последнюю БГНК входили два эсминца класса «Кашин», которые патрулировали неподалеку от бухты Суда, наблюдая за кораблями ОГ 60/61. По меньшей мере пять советских «фокстротов» заняли позиции неподалеку от американского пункта базирования на Крите, причем три лодки обладали возможностью запуска управляемых ракет.

Между тем в Вашингтоне разведслужбы проинформировали Белый дом о том, что, «как им кажется», советские воздушно-десантные силы приведены в боевую готовность, а самолеты Ан-22 (необходимые для перевозки войск) отстранены от участия в операциях по доставке арабам военных грузов. «Возможно», в данный момент советские летчики перегоняют в Египет «фоксбаты» (советские фронтовые истребители, предназначенные для борьбы за господство в воздухе). Еще пять субмарин «Фокстрот» следуют в Средиземное море через Атлантику, а крейсер, «ориентировочно идентифицированный» как «Москва» (в то время первый советский корабль, оснащенный противолодочными вертолетами), и еще шесть эсминцев заявили о своем намерении пройти через Дарданеллы и в течение 36 часов войдут в Средиземное море. «Существовала возможность» того, что советские войска в Европе также получили приказ о готовности номер один. После доклада Мэрфи и сообщения разведки в Белый дом поступило письмо Брежнева, датированное 24 октября. По получении этого письма в США объявили состояние боеготовности 3-й степени. Весьма скверно начавшийся для Средиземноморья день 25 октября вскоре превратился в настоящую преисподнюю.

Шестой флот и Пятая эскадра, 25–26 октября

Объединенному комитету начальников штабов потребовалось менее 20 минут, чтобы перевести разбросанные по всему миру американские вооруженные силы в состояние боеготовности третьей степени. Но за эти 20 минут случилось многое. В Соединенных Штатах командование воздушной обороной континента и стратегическое авиационное командование приступили к передислокации своих средств и подняли в воздух дополнительные самолеты. 82-ю воздушно-десантную дивизию, дислоцированную в Форт-Брагге, Северная Каролина, приготовили по тревоге для немедленной переброски в бассейн Средиземного моря, а бомбардировщики Б-52, базировавшиеся на острове Гуам, стали готовиться к возвращению на родину, где им предстояло пройти срочную переподготовку к действиям на Ближнем Востоке. В Европе отозвали из отпусков всех военнослужащих и приступили к развертыванию вдоль «железного занавеса» полностью боеготовых подразделений.

В шесть часов тридцать одну минуту утра по местному времени находившийся на борту крейсера «Литтл-Рок» адмирал Мэрфи получил уведомление о введении боеготовности 3-й степени. ОГ 60/61, ОГ 60.2 и ОГ 60.3 получили приказ как можно быстрее соединиться с ОГ 60 в зоне ее патрулирования. За 72 часа Мэрфи должен был сосредоточить все авианосцы в одном районе, что в дальнейшем позволило бы контролировать обстановку в Восточном Средиземноморье. Шесть эсминцев, находившихся в Атлантике, также получили приказ присоединиться к силам Шестого флота. Покинув свои базы на Атлантическом побережье, пять подлодок спешно направились в Средиземное море. Впрочем, этим подкреплениям требовалось не меньше недели, чтобы достичь вод, омывающих Крит. Мэрфи понадобилось всего несколько минут, чтобы оз-

накомиться с содержанием поступившего приказа, но к сожалению именно в эти минуты над кораблями его оперативных групп распустился огненный бутон.

В шесть часов утра в центральном боевом посту эсминца «Обри» лейтенант Гэдсен начал учения по отражению воздушной атаки. В мирное время такие учения проводились фактически ежедневно, и в случае несанкционированной команды на запуск «синие птицы» (учебные ракеты) практически не создавали опасной ситуации. Вскоре в наушниках раздался голос офицера «Индепенденса», который управлял действиями всех кораблей группы, принимавших участие в учениях ПВО. Услышав команду захватить цель и смоделировать запуск ракет ПВО SM-1, Гэдсен приступил к исполнению приказа, испытывая чувство гордости за эффективность американской техники и профессионализм своих подчиненных. Впрочем, лейтенант не пожелал бы оказаться на месте офицера «Индепенденса», которому приходилось сводить воедино противовоздушную оборону кораблей, разбросанных в радиусе примерно 60 миль вокруг авианосца.

В то утро условным противником «Обри» был невооруженный советский Ту-95РТ, который кружил над головой на протяжении минимум четырех часов. Этот самолет вел наблюдение за американской группой, и его постоянно засекали радары то одного, то другого эскортного корабля. В 06:31 командир эсминца приказал обеспечить безопасность учений и объявил боеготовность 3-й степени (готовность военного времени). Гэдсен немедленно распорядился заменить учебные ракеты боевыми. В этот момент он почувствовал легкий удар по плечу, что означало прибытие сменщика. Из-за учений смена задержалась на полчаса. Передав сменщику наушники, лейтенант направился было к люку, за которым начинался коридор, ведущий на жилую палубу, но тут услышал слова, заставившие его вздрогнуть.

— Готов открыть огонь, — напряженным голосом от-
рапортовал сменщик Гэдсдена.

— Выполняй! Выполняй! — завопил Гэдсден, хотя ви-
дел, что его коллега уже протянул руку к тумблерам пус-
ка двух боевых ракет.

— Бог мой, они, похоже, доигрались... — В широко рас-
крытых глазах сменщика застыло выражение ужаса.

Было 06:36.

Эсминцы — довольно небольшие корабли. Их эки-
пажи всегда славилась тем, что выполняют приказы так
же быстро, как сами корабли реагируют на повороты
штурвала. Именно поэтому эсминец «Обри» уже пять
минут находился в состоянии боеготовности 3-й степе-
ни, в то время как гораздо более крупный «Индепен-
денс» только осваивался в новой обстановке (приказ о
введении боевого режима еще не дошел до офицера —
координатора учений ПВО). В пусковых установках эс-
минца уже оказались боевые ракеты, а этот офицер про-
должал «играть». Поскольку же «Обри» находился в со-
стоянии боеготовности 3-й степени, то, получив приказ
офицера-координатора, эсминец мгновенно выпустил
свои ракеты. В современной войне вопрос жизни и
смерти решается в считанные секунды, единственная
возможность отменить команду «Огонь!» — приказ
старшего по званию офицера. Но еще не все было поте-
ряно. Ракетам SM-1 требовалась целая минута, чтобы
достичь цели. Этого времени было вполне достаточно
для того, чтобы активировать встроенную систему са-
моуничтожения.

Не обращая внимания на ошеломленного сменщика,
Гэдсден бросился к пульта и ударил по тумблеру включе-
ния системы самоуничтожения. Одна ракета взорвалась,
ее обломки упали в море, не причинив никому вреда. Но
другая неуклонно приближалась к своей цели.

— Сволочи! Мы подбиты!.. — Раздался в наушниках
обреченный голос русского пилота.

В этот момент ракета SM-1 разнесла левое крыло самолета¹. И русские, и американцы не отрывая взгляда наблюдали, как бомбардировщик рухнул с высоты в 6 тысяч футов в синие воды Средиземного моря. Никто из летчиков не успел катапультироваться.

С незапамятных времен недобрыми спутниками любой войны были случайности и стечения обстоятельств. Эта случайность произошла по вине американцев, но, рассуждая здраво, ни она, ни другие столкновения между американскими и советскими вооруженными силами, сплошь и рядом происходившие во времена «холодной войны», не должны были привести к серьезным последствиям. Однако на сей раз новое стечение обстоятельств произошло на мостике советского крейсера «Адмирал Ушаков» (класса «Свердлов»), который шел по следу американских оперативных групп. Его командир — настоящий морской волк, питавший ненависть к капиталистам, член компартии, мрачно вглядывался в силуэты двух крейсеров и шести менее крупных американских кораблей, отделявших «Ушакова» и сопровождавшего крейсер эсминца от едва различимого на линии горизонта американского авианосца. Капитан ненавидел этот авианосец — символ агрессивности буржуазной державы, обладавшей господством в Мировом океане. Легкий бриз разгонял столб черного дыма, поднимавшийся в небо за авианосцем. Этот дым обозначал место падения Ту. Завтра в Одессе молодая, беременная первым ребенком жена пилота получит телеграмму, из которой узнает о смерти своего мужа. Командир «Ушакова» ничего не мог сделать ни для

¹ *Gadsden*. Warbirds Away! P. 111—112. Объяснить, почему не удалось уничтожить вторую ракету, так никто и не сумел. Гэдсен в своей книге писал, что всесторонние испытания остальных ракет SM-1, предпринятые ВМФ после инцидента, выявили «всего лишь» 0,1 процента вероятности возникновения неисправностей в системе самоуничтожения.

нее, ни для еще не родившегося ребенка — разве что отомстить за них и за весь мир проклятым американским империалистам.

В 06:45, когда перепуганные политики и кабинетные вояки в Москве и Вашингтоне получили первые сообщения об инциденте в Средиземном море, «Адмирал Ушаков» внезапно развернулся левым бортом и дал залп двенадцатью 152-миллиметровыми снарядами по «Индепенденсу», а батарея орудий меньшего калибра открыла губительный огонь по ближайшему американскому эсминцу. В течение первых, самых важных минут боя на кораблях обоих флотов царило смятение. Русский адмирал, находившийся на борту «Ушакова», не верил своим ушам. Почему открыт огонь? Он бросился на мостик — и чуть не упал, споткнувшись о тело комиссара корабля. Команда крейсера наконец-то занималась тем, к чему готовилась все эти годы: потрошила кишки проклятым американцам. Последним, что увидел в своей жизни адмирал, было лицо командира крейсера — безумное лицо человека, нашедшего выход копившейся 30 лет службы ненависти. В руке капитан сжимал пистолет, из которого он застрелил рискнувшего воспротивиться ему замполита. Ствол оружия еще дымился. Ни один из офицеров не успел заговорить — два снаряда из орудий американского крейсера, угодив в мостик, превратили его в море огня. Для обоих моряков «холодная война» закончилась.

Ход событий, развернувшихся неподалеку от острова Крит, безнадежно запутан в силу гибели участвовавших в них офицеров высшего ранга и отказа правительств обеих стран предать огласке засекреченные материалы. Из немногих опубликованных воспоминаний и немногочисленных интервью уцелевших очевидцев становится ясным, что через несколько минут после катастрофического разрушения мостика «Адмирал Ушаков» потерял боеспособность и в то же утро, но несколько позже, стал тонуть. Погибло более 600 человек его команды. Сопровождавший «Ушако-

ва» эсминец класса «Кашин» открыл огонь, лишь когда подвергся обстрелу двух американских фрегатов. Просьбы командира эсминца объяснить ему, что происходит, так и остались без ответа; спустя 30 минут после начала боя корабль пошел ко дну вместе с командой.

В этом столкновении корабли заслона, выставленного Мэрфи, потеряли один эсминец, а еще один эсминец, два фрегата и крейсер получили значительные повреждения (потери личного состава не превысили 300 человек). Относительно небольшой урон, понесенный кораблями заслона, обошелся дорогой ценой — авианосец «Индепенденс», по которому батарея главного калибра русского крейсера вела непрерывный огонь, получил не менее 11 попаданий 152-миллиметровых снарядов. Хотя силовая установка авианосца осталась в рабочем состоянии, однако беглый осмотр показал, что палуба изрешечена, катапульты разбиты вдребезги, а бушевавшие на корабле пожары подбираются к хранилищам авиационного топлива. Среди 500 погибших и раненых оказались командующий оперативной группой 60.1 и командир авианосца. Если не считать самолетов, находившихся в воздухе, Мэрфи лишился как средств воздушного прикрытия, так и своего главного наступательного оружия. И это была всего одна из множества проблем, внезапно вставших перед человеком, который, образно выражаясь, стал тонуть, едва лед «холодной войны» растаял.

Первые проблемы возникли уже тогда, когда Мэрфи реорганизовал свои оперативные группы. Советская БГНК, которая действовала за линией горизонта, не предпринимала никаких агрессивных действий. Всю минувшую неделю адмирал держал в воздухе ударные силы, которые состояли из штурмовиков А-6 «Интродер» и истребителей-бомбардировщиков F-4F «Фантом», вооруженных противокорабельными ракетами. Они постоянно кружили над кораблями советской БГНК. Теперь же, утратив возможность сесть на авианосец, эта авиagrуппа

должна была взять курс на Крит, а значит, предоставить Советам полную свободу действий как в воздухе, так и на море. Неясным оставалось положение нескольких «фокстротов» — в течение последних часов от них не поступило ни единого доклада. Что касается ОГ 60/61, до тех пор, пока по пятам идет БГНК, не могло быть и речи о выходе этой группы из бухты Суда — русские могли уничтожить ее десантные корабли. Мэрфи оставалось только надеяться на то, что коммунисты не станут обстреливать ракетами нейтральный (по крайней мере, формально) порт. А самым главным оставался вопрос, от ответа на который зависело все остальное: «Находимся ли мы в состоянии войны?»

Между тем в Вашингтоне трудились не покладая рук люди, которые на протяжении последних недель имели слишком много поводов для разочарований и слишком мало возможностей отдохнуть. Именно они посвятили погрязшего в Уотергейтском скандале президента Никсона в суть весьма «многообещающей» катастрофы, которая произошла в Средиземном море. Стало ясно, что СССР, который всерьез намеревался остановить израильское наступление на Сирию и Египет, использовал случайный запуск ракет для того, чтобы оправдать принятие мер, направленных на устранение тех, кто представлял главную угрозу конвоям с войсками и оружием для ближневосточных сателлитов. Киссинджер направил дипломатические ноты протеста в советское посольство в Вашингтоне и в Москву — обе они остались без ответа. В резком послании израильскому правительству он подчеркнул, что во избежание дальнейшей эскалации войны необходимо немедленно прекратить огонь. Никсон наконец приказал Объединенному комитету начальников штабов сделать все возможное для локализации конфликта и предотвращения переброски советских войск на Ближний Восток. Тем временем Киссинджер пытался вступить в переговоры с СССР.

В Москве эти события стали для всех полной неожиданностью. Никто и понятия не имел, почему американцы открыли огонь по разведывательному самолету. Но еще более непонятными были причины, побудившие советский крейсер атаковать американскую оперативную группу. Планируют ли американцы послать свои войска в Израиль? Являлось ли истинной целью американских кораблей, атаковавших советскую БГНК, обеспечение безопасного прохода своей амфибийной группы к берегам Израиля? Слишком много вопросов — и слишком мало ответов. Такое положение дел привело членов Политбюро в замешательство. Брежнев распорядился вплоть до начала переговоров с американцами не предпринимать дополнительных мер в зоне конфликта.

Правительство каждой из сверхдержав передало соответствующие указания командованию своих вооруженных сил, которое, в свою очередь, направило приказы подчиненным. Таким образом, и командующий Шестым флотом, и командующий Пятой эскадрой получили указания, которые, переданные на разных языках, имели весьма схожее содержание: «Соблюдайте дистанцию, не усугубляйте конфликт, но и не позволяйте собой помыкать. Препятствуйте переброске войск противника на Ближний Восток». К сожалению, в бассейне Средиземного моря находилось чрезвычайно большое количество самолетов и кораблей. Их было здесь чересчур много для того, чтобы избежать повторного случайного столкновения.

24 октября во второй половине дня в Средиземное море вошел американский десантный вертолетоносец «Иводзима». Находившийся на его борту батальон морской пехоты вместе со своими вертолетами должен был прийти на помощь батальону, который уже нес службу на кораблях ОГ 60/61. Этот корабль, а также два фрегата сопровождения должны были усилить оперативную группу амфибийных сил. 25 октября в 09:00 отряд американ-

ских кораблей шел полным ходом в бухту Суда, видимо, не подозревая о том, что за ним уже давно следят.

Часом ранее командир советской атомной подлодки «Красный март» получил приказ не допустить вмешательства американских войск в ближневосточный конфликт. Он начал следить за вертолетоносцем США с того момента, как этот корабль проследовал через Гибралтарский пролив. К 10:00 он вывел лодку на позицию для стрельбы по вертолетоносцу и одному из кораблей сопровождения. В миг, когда он отдал приказ выпустить торпеды, американцы почему-то приступили к выполнению противолодочного маневра. А еще через несколько секунд, когда американская торпеда угодила в его лодку, русский капитан понял, что противник все это время знал о его присутствии. Высоко в небе члены экипажа патрульного самолета Р-3С «Орион» поздравляли друг друга с тем, что им только что удалось закрепить свою победу в общевфлотских соревнованиях по противолодочной обороне. В течение следующих 20 часов эскадрилья VP-45 добавила к своему счету еще три советских субмарины.

В 11:45 старший помощник «Индепенденса» доложил адмиралу Мэрфи, что первоначальные оценки ущерба оказались преувеличенными, хотя корабль действительно получил тяжелые повреждения. Пожары удалось локализовать, а достаточно обширную часть полетной палубы залатали, так что она снова могла принимать самолеты. Кроме того, старпом надеялся, что в течение двадцати часов удастся отремонтировать одну катапульту. С учетом самолетов, которые кружили над русской БГНК, авианосец мог бы по завершении ремонта катапульты поднять в воздух 28 истребителей и бомбардировщиков. Старпом запросил разрешение на посадку авиагруппы на авианосец, так как в случае посадки на Крите самолетам наверняка было бы отказано в заправке топливом. Мэрфи согласился, рассудив, что лучше иметь на борту хотя бы несколько самолетов, чем полностью лишиться воздушного прикрытия:

ведь авианосец «Рузвельт» должен был прибыть в район только через 40 часов. Тем временем адмирал стянул свои корабли в более плотный заслон ПВО и перенес управление этим заслоном с «Индепенденса» на «Литтл-Рок».

В 13:45, скрываясь от осуществлявших противолодочное патрулирование «медведей» (Ту-95РТ), американская атомная подлодка «Лейпон» прокралась в Эгейское море. Располагая сведениями о том, что советская БГНК во главе с противолодочным крейсером-вертолетоносцем «Москва» вскоре должна выйти из Дарданелл, лодка стала ожидать советские корабли. Поскольку вертолетоносец «Москва» предназначался для ведения противолодочной борьбы, он представлял собой смертельную опасность для «Лейпона» и других американских атомных лодок, находившихся в Средиземном море. Поэтому, увидев на горизонте корабли БГНК, командир «Лейпона» не знал, радоваться ему или печалиться. Однако в центре боевого ордера он обнаружил не вертолетоносец, а крейсер класса «Кинда». У него совсем не оставалось времени, так как обнаружившие субмарину эсминцы уже бросились в атаку. Выпустив торпеды, «Лейпон» ухитрился потопить крейсер и один эсминец. Получив серьезные повреждения от атаковавших ее советских кораблей, субмарина легла на грунт и оставалась на глубине в течение двух дней. Закончив ремонт, лодка сумела добраться до Афин. В декабре следующего года субмарина была вполне заслуженно отмечена как особо отличившийся корабль военно-морских сил¹.

На исходе дня 25 октября ситуация в Средиземном море уже миновала стадию «чрезмерного напряжения» и

¹ [Http://www.usslapon.com/usslapon/citations.html](http://www.usslapon.com/usslapon/citations.html) Субмарина «Лейпон» действительно была отмечена как особо отличившийся корабль ВМС за свои действия в Средиземном море в период с июня по декабрь 1973 года, хотя причины награждения отличались от тех, которые приводятся в этом очерке.

перешла в гораздо худшее состояние. В ходе боевых столкновений, имевших место помимо уже упомянутых, Пятая эскадра потеряла одну подлодку, несколько «медведей» и два эсминца. Столь же сильно пострадал и Шестой флот, потерявший (предположительно или наверняка) две субмарины, три фрегата и два вспомогательных судна. Поврежденные корабли обеих сторон с трудом добирались до портов дружественных или нейтральных стран. Хуже того, ситуация в Атлантике едва не обернулась тотальной войной. В результате развернувшегося у берегов Норвегии противостояния американской оперативной группы и советской БГНК произошло столкновение двух эсминцев. Вместо того чтобы заняться покрасочными работами, стороны чуть было не обменялись артиллерийскими залпами. На всех морях корабли обеих держав предпринимали энергичные попытки добиться превосходства, рискованно играя друг с другом в прятки. Тем временем дипломаты из всех сил пытались положить конец бессмысленному конфликту, который мог свергнуть мир в огненную пучину.

25 октября политики провели большую часть дня во взаимных обвинениях — признание собственной неправоты означало потерю лица в очередной игре на грани военного столкновения, которые столь часто разыгрывались в годы «холодной войны». В ходе чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН, продолжавшегося всю вторую половину этого дня до глубокой ночи, представители обеих сверхдержав неоднократно покидали помещение, когда помощники приносили им сообщения о новых «актах жестокости» на море. Любопытно, что громче всего в пользу прекращения боевых действий высказывались представители Египта, Израиля и Сирии. В тот день на всем пространстве разорванного войной Ближнего Востока не было сделано ни одного выстрела. Появились планы, согласно которым к полудню следующих суток вводилось полное прекращение огня. Возмож-

но, лучше всех объяснил сложившуюся ситуацию капитан египетских вооруженных сил, имя которого осталось неизвестным. В интервью репортеру «Таймс Пост» он сказал: «Если бы Советы и американцы стали играть в орлянку с ядерными ракетами, то нам (арабам и израильтянам) не о чем было бы спорить, так как все мы оказались бы кто в раю, а кто в аду».

В 23:11 обе сверхдержавы наконец приняли резолюцию ООН № 401, которая призывала стороны 26 октября в 08:00 (14:00 по центрально-средиземноморскому времени) прекратить военные действия, а также отказаться от применения всех видов вооруженных сил в бассейне Средиземного моря, вводила трехмесячный мораторий на поставки вооружений в страны Ближнего Востока и предусматривала в следующем месяце встречу на высшем уровне в Женеве, где должны были выясниться причины возникновения конфликта. Иными словами, война вновь становилась «холодной», и ледниковый период в отношениях сверхдержав вполне мог повториться. Однако эта резолюция оставила достаточно времени для того, чтобы разгорелся еще один, последний пожар войны...

Кровавый финал в море «темном, подобно вину»

Когда последний день ближневосточного конфликта подошел к концу и на Средиземное море опустилась ночь, адмирал Мэрфи решил убрать свою уязвимую оперативную группу амфибийных сил из бухты Суда. За три дня до этого артиллерийские катера 21-го патрульного дивизиона перебазировались из Неаполя в Суду. Именно на эти катера была возложена задача обеспечить безопасность перехода десантных кораблей. 26 октября в 01:20 «Энтилоуп», «Дифайенс» и «Серпрайз» покинули бухту, чтобы атаковать и уничтожить два находившихся в Крит-

ском море эсминца УРО класса «Кашин», которые вели наблюдение за ОГ 60/61. Командир «Энтилоуп», который также командовал всей группой катеров, сообщил своему старпому, что горит желанием поскорее опробовать на «проклятых красных» недавно установленную на корабле систему противокорабельных ракет RIM-66B. Будучи человеком образованным, он даже процитировал, пусть и неточно, описание этих вод Гомером, который назвал их «морем темным, подобно вину». А еще заметил, что греческое красное вино настолько густое и темное, что очень похоже на кровь.

Благодаря применению фоновых радиолокационных помех американские корабли сумели сблизиться с противником незамеченными. Советские радары обнаружили катера, только когда дистанция сократилась до 20 миль. Она продолжала сокращаться, когда эсминцы развернули в сторону катеров кормовые установки ракет SSN-2. Русским все же удалось первым выпустить свои ракеты, но почти в ту же самую минуту скорострельные установки катеров осыпали их градом трехдюймовых снарядов. Выпустив облако дипольных отражателей и не меняя курса, «Энтилоуп» дал залп двумя ракетами — по одной на каждый советский эсминец. Русская ракета угодила в среднюю часть катера «Дифайенс», который накренился на левый борт и стал тонуть. Оставшиеся катера продолжали сближаться с советскими кораблями, развернувшись так, что теперь они могли вести огонь из расположенных в носовой части спаренных 76-миллиметровых башенных установок. Наконец американские ракеты достигли целей. Один из эсминцев исчез в облаке, которое напоминало небольшой гриб, — попадание вызвало детонацию в ракетном погребе корабля. Второй, похоже, отделался лишь незначительными повреждениями и продолжал поливать «Серпрайз» огнем 76-миллиметровой установки. Охваченный пламенем маленький корабль поте-

рял ход, а затем и перевернулся. Члены экипажа либо погибли, либо оказались за бортом.

В отчаянии командир «Энтилоуп» направил свой катер прямо на оставшийся эсминец. Он не изменил курс даже после того, как русский снаряд вывел из строя единственную артустановку катера. У «Энтилоуп» просто не было выбора — уцелей советский корабль, он обязательно открыл бы огонь по якорной стоянке. По системе внутренней громкой связи раздались слова, которые вряд ли можно услышать на современных боевых кораблях: «Я намерен идти на таран. Всей команде собраться в средней части и на корме. Приготовиться к абордажу». Стрелкового оружия, которое хранилось в оружейном отсеке, не хватило бы даже для того, чтобы вооружить часть команды; к тому же не было времени его раздавать. Моряки хватали все, что было под рукой: гаечные ключи из машинного отделения, ножи-секачи и обычные ножи с камбуза, скальпели из медицинского отсека. Один младший офицер, не обнаружив поблизости ничего острого, сбегал в свою каюту и вынес бутылку «Джека Дэниелса» емкостью в четверть галлона. Выскочив на палубу, он ухмыльнулся своим подчиненным, сделал большой глоток из бутылки и поклялся «разбить ее о голову какого-нибудь комми».

«Энтилоуп» под углом вошел в корпус советского корабля. Нос катера смяло, когда он врезался в борт эминца в районе машинного отделения. Уцелившие после удара американцы бросились на палубу своего противника. В ночной тьме раздались дикие крики — скопившаяся за годы «холодной войны» ненависть выплеснулась минутной вспышкой ярости. Даже когда оба сцепившихся корабля стали тонуть, люди продолжали рубить, душить и стрелять. Это продолжалось до тех пор, пока над их головами не сомкнулись кроваво-красные воды Средиземного моря. Спустя несколько часов, на рассвете, корабли ОГ 60/61 извлекли из воды всего двух американцев и пятерых русских.

Возвращаясь к стихотворению

Два человека стояли, прислонившись к лееру эсминца «Обри». Когда-то они были совсем молодыми людьми, но в последние несколько дней случилось столько всего, что молодость бесследно улетучилась. Офицер посмотрел на свои часы — они показывали 02:38. Уже наступило 27 октября 1973 года. Все снова было спокойно, будто ничего и не произошло.

— Лейтенант Гэдсен? — шепотом обратился к нему стоявший рядом младший офицер.

— Да.

— Все это из-за нас. Разве не так, сэр? Столько людей погибло понапрасну, и виной тому наш корабль.

Минуту Гэдсен осмысливал услышанное.

— Нет, — сказал он, тяжело вздохнув, — я так не думаю. Возможно, тому виной наши отцы и деды, которые научили нас бояться и ненавидеть и беспрекословно выполнять приказы. Нет. Это была всего лишь очередная случайность в длинной череде случайностей, выпавших на долю человечества.

— Сэр, думаю, теперь я понимаю ваш стих, — сказал младший офицер. — Ну, тот, в котором говорилось про лед и огонь, — пояснил он, видя, что собеседник совершенно не понимает, о чем речь. — Ненависть, то есть лед, привела нас к «холодной войне». Но ненависть настолько быстро накаляется, что если мы ее не обуздаем, мир погибнет в огне.

Оба смертельно уставших моряка посмотрели друг другу в глаза и на некоторое время словно перенеслись на двое суток назад, в те дни, когда за тысячу и более ярдов от того места, где они сейчас находились, решалась судьба мира, оказавшегося под угрозой гибели в пламени «холодной войны».

В действительности

Все события, описанные в начале этого очерка, вплоть до введения 25 октября в США боеготовности третьей степени, являются подлинными. К счастью, Шестой флот и Пятая эскадра каким-то чудом избежали прямого столкновения, а Египет и Израиль под нажимом главных поставщиков оружия в страны Ближнего Востока (США и СССР) согласились 26 октября прекратить огонь. Патовая ситуация, в которой оказались военно-морские силы сверхдержав на Средиземном море, растянулась еще на неделю. К этому времени СССР обладал превосходством если не в качестве своих кораблей, то, несомненно, в их количестве. Однако ослабление напряженности на Ближнем Востоке привело к тому, что в конце ноября обстановка на море вернулась в обычное для «холодной войны» состояние.

Лейтенант Гэдсен, безымянный младший офицер и эсминец «Обри» являются художественным вымыслом. То же самое относится к командиру крейсера «Адмирал Ушаков» и экипажу американского катера «Энтилоуп». Впрочем, читатели, служившие в 1973 году на Средиземном море, и даже те, кто проходил службу в другое время и в других местах, понимают, что подобные люди и однотипные корабли существовали в действительности. Могло ли стечение обстоятельств, подобное тому, что легло в основу этого очерка, иметь место в действительности? Конечно же. История знает множество случаев непреднамеренного применения оружия, неточного прицеливания и подрыва боезарядов не в том месте и не в то время. Однако почти в каждом из этих случаев сыграл свою роль «человеческий фактор». Именно высокой подготовке военно-морских флотов обеих сторон, разделенных ныне покойным «железным занавесом», мы обязаны тем, что в ходе событий на Средиземном море в 1973 году возможность роковой ошибки по вине людей была сведена к минимуму.

Прочитав этот очерк, проницательные читатели обязательно зададут себе один весьма важный вопрос: «Почему вымышленная конфронтация 1973 года не привела к обмену ядерными ударами?» Есть две веских причины, которые объясняют, почему этот шаг не был предпринят. Во-первых, изучая историю «холодной войны», я не обнаружил ни одного примера, подтверждающего тот факт, что принявшие доктрину взаимно гарантированного уничтожения политики Соединенных Штатов и СССР хоть раз усомнились в полном отсутствии шансов на победу. Паранойя не обязательно ведет к стремлению покончить жизнь самоубийством. Во-вторых, я считал невозможным закончить свою историю таким жутким финалом. Теперь, уважаемый читатель, если вы не согласны с моим решением, пожалуйста, предайте огню эту книгу и представьте себе, что это огненный смерч ядерных взрывов, поднявшийся над большинством крупных городов мира.

Возможно, некоторые читатели не знакомы с коротким стихотворением Роберта Фроста «Огонь и лед». Впервые оно было опубликовано в декабре 1920 года в журнале «Харперс Мэгэзин». Строки Фроста весьма наглядно иллюстрируют дилеммы «холодной войны», и в этом смысле поэта можно назвать провидцем. Размышляя о природе войны, будь то обычная война или «холодная», пожалуйста, вспоминайте эти замечательные строки:

Кто говорит, мир от огня
Погибнет, кто — это льда,
А что касается меня,
Я за огонь стою всегда.
Но если дважды гибель ждет
Наш мир земной, — ну что ж,
Тогда для разрушенья лед
Хорош
И тоже подойдет¹.

¹ Фрост Р. Огонь и лед. Перевод М. Зенкевича. — *Примеч. ред.*

Дэвид С. Исби

АФГАНИСТАН. Советская победа

Начавшееся в декабре 1979 года советское вторжение в Афганистан оказалось переломным моментом в истории «холодной войны». После вывода советских войск из Северного Ирана в 1946 году это вторжение стало первой открытой наступательной операцией СССР за рубежами социалистического лагеря. Эта военная акция была предпринята в тот период, когда второй энергетический кризис 1970-х годов и революция в Иране оказывали значительное влияние на экономику Запада и его отношения с исламским миром. Афганский кризис разразился как раз в тот момент, когда экономика и культура Запада изменялись. Западным странам пришлось учиться тому, как противостоять Советам в новых, нестабильных условиях.

Афганистан продемонстрировал, что сверхдержавы не умеют вести малые войны. Поскольку интересы Советского Союза рас-

пространялись по всему миру, то и уроки афганской войны были восприняты далеко за горами и пустынями этой богом забытой страны. Советские войска, принимавшие участие в войне, уступали по численности войскам Британии, участвовавшим в англо-бурской войне, американским войскам во Вьетнаме или французским в Алжире. Тем не менее эта война оказала на СССР гораздо большее воздействие, нежели любой из других упомянутых конфликтов — на их участников. Эта война совпала по времени с периодом, когда Советы верили, что «соотношение сил» изменилось в их пользу, и когда экономические и социальные издержки эпохи застоя уже давали о себе знать как в Советском Союзе, так и в европейских странах — союзницах СССР. Методы, с помощью которых советское руководство внедряло в обществе перемены, необходимые для адекватного ответа на новые вызовы, аналогичны тем, какие оно применяло в Афганистане.

В течение всей «холодной войны» ее участников постоянно приводили в изумление неожиданные последствия собственных действий. Советы рассматривали вторжение в Афганистан и последующую длительную войну как ограниченные действия оборонительного характера. Однако из-за огромного количества проблем, возникших в ходе афганского кризиса (который вселил энергию в старых противников и породил новых), этот кризис стал решающей фазой «холодной войны». Чтобы осознать результаты «холодной войны», необходимо понять, к чему стремились и чего хотели избежать Соединенные Штаты и их союзники.

«Холодная война» и война в Афганистане

В 1970-е годы США и их европейские союзники рассматривали Афганистан как геополитические задворки. Никто не предполагал, что состоявшийся в апреле 1978 го-

да путч прокоммунистически настроенных офицеров будет иметь далеко идущие последствия, в результате которых Афганистан попадет в передовицы всех газет мира. Уистен Хью Оден весьма удачно назвал 1930-е годы «десятилетием подлого бесчестия»; этот термин вполне применим и к 1970-м годам. В середине 1970-х годов соотношение сил в «холодной войне» изменилось благодаря тому, что на выборах в США в ноябре 1976 года с минимальным перевесом победил Джимми Картер — «президент, более всего запомнившийся тем, что он обещал избавить американцев от кровоточащей раны, но оказался не в состоянии это сделать». Он собирался изменить положение дел в мире, но не сумел предугадать, что эти изменения приведут к афганской войне.

Картер заявил, что Соединенным Штатам нужно покончить с «чрезмерной боязнью коммунизма» и «не замыкаться в убеждении, что советская экспансия почти неотвратима и что ее необходимо всемерно сдерживать». Высказывания Картера в 1976 году свидетельствуют о его стремлении внедрить в политику США «приемлемые этические принципы». Именно эти принципы, а не конфронтацию с Советским Союзом Картер считал главным для своей внешней политики. Он публично пообещал покончить с тайной дипломатией и высказался в пользу более широкого участия общества в принятии политических решений. Однако на практике Картеру пришлось поступиться приверженностью к соблюдению прав человека, так как она провоцировала конфликты в отношениях между авторитарными государствами и США. Впрочем, на нарушения прав человека в Советском Союзе американцы, как правило, закрывали глаза, не желая обострения отношений с этой державой. Но даже когда администрация президента не могла не реагировать (например, когда Картер направил Брежневу письмо по поводу обращения с известным советским диссидентом, ученым Андреем Сахаровым, или когда он открыто принял в Бе-

лом доме высланного из СССР диссидента Владимира Буковского), в ответ она получала гнев Кремля и противодействие со стороны собственной партии. Бывший кандидат в президенты сенатор Джордж Макговерн неоднократно заявлял, что подобные действия «похожи на попытки Джона Фостера Даллеса “опустить” коммунизм, подстрекая Восточную Европу к расколу и мятежам».

Макговерн не догадывался, что в администрации президента попросту некому было бросить вызов Советской державе. Президент не был принципиальным сторонником соблюдения прав человека, но и не испытывал любви к тиранам. Сентиментальному Картеру было трудно совместить собственное мировоззрение с необходимостью иметь твердую и принципиальную стратегию национальной безопасности. Он не сомневался в том, что его подход к дипломатии должен принимать в расчет такие пережитки прагматической политики, как национальная стратегия. Этот подход являлся чисто ситуационным, потому Картера пугала сама идея национальной стратегии.

В этом смысле он пользовался поддержкой госсекретаря Сайреса Вэнса — яростного поборника разрядки, который, тем не менее, сомневался в полезности далеко идущих стратегических планов. Кроме того, Картера частично поддерживал соперник Вэнса, советник президента по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский. Признанный сторонник жесткого политического курса, Бжезинский охарактеризовал политику Картера как признание того факта, что «мир изменяется под влиянием сил, которыми не может управлять ни одно правительство». Отсюда следовало, что ни одна запланированная стратегия не может быть эффективной. Бжезинский быстро осознал бессмысленность обвинений СССР в нарушениях прав человека: «Наша концепция прав человека присутствует разве что в Польше». Политические союзники вскоре назвали политику Картера «макговернизмом без Макговерна».

Иран повышает ставки

Происшедшая в январе 1979 года иранская революция усилила значимость проблем безопасности в Южной Азии и противостояние сверхдержав в этом регионе. В результате сумятицы, наступившей вслед за отречением и изгнанием шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, который в течение долгого времени был правителем Ирана и верным союзником США, к власти пришли клерикалы-фундаменталисты. Во главе настроенных против Америки мусульман-шиитов стоял аятолла Рухолла Хомейни. 4 ноября, спустя две недели после того, как Картер разрешил бывшему шаху приехать в США «на лечение», 3 тысячи иранцев — революционная гвардия и студенты-радикалы ворвались в посольство США в Тегеране, захватили его и взяли в заложники 66 американцев, в основном дипломатов. Главу миссии Л. Брюса Лейнджена и двух его помощников содержали отдельно, в министерстве иностранных дел Ирана. Хомейни и его сторонники потребовали выдачи бывшего шаха, которого они намеревались судить.

Вскоре стало ясно, что, несмотря на все дипломатические усилия, иранское правительство не освободит заложников. Было непонятно только одно: подвергают ли заложников пыткам или уже готовят к казни. Ввиду приближавшейся предвыборной баталии 1980 года Картер склонялся к дипломатическому решению проблемы. Многие из советников президента, в особенности Сайрес Вэнс, были против использования силы. Однако вопреки мнению остальных Бжезинский направил в Пентагон приказ о начале разработки плана спасения заложников или нанесения ответных ударов в случае, если заложникам причинят урон. В течение нескольких часов оперативное воздушно-десантное подразделение сил специального назначения армии США «Дельта» было приведено в состояние полной боеготовности.

Этот приказ стал причиной разгоревшейся междоусобной борьбы за влияние на внешнюю политику администрации Картера. Что касается Афганистана, то вслед за коммунистическим переворотом 1978 года здесь начались жестокие репрессии и систематическое уничтожение образованных афганцев. Все это стало возможным благодаря усилившемуся советскому военному присутствию и привело к подъему антикоммунистического национального движения. В результате Афганистан неожиданно оказался «на передовой» американского идеологического фронта. Вэнс выступал против любых попыток связывать агрессивные действия СССР в какой-либо части света с имевшими приоритетное значение взаимоотношениями двух сверхдержав. Сам Картер считал, что «холодная война» идет главным образом в Европе. Следовательно, нельзя было допустить, чтобы Афганистан разрушил основы взаимоотношений с Москвой. Во всяком случае, Картер полагал, что афганцы никогда не станут для СССР чем-то большим, нежели раздражающим фактором. 5 марта 1979 года ЦРУ представило Картеру план серии возможных тайных операций. 3 июля была получена санкция на оказание моральной поддержки Афганистану, но не финансовой помощью или оружием. Однако через несколько месяцев положение изменилось, афганцы получили финансовую помощь, а из Египта, Пакистана и других государств стало поступать оружие, предназначенное для афганских партизан.

Вторжение и ответная реакция

С 1978 по 1979 год Советский Союз неуклонно расширял свои обязательства перед Афганистаном, направлял туда своих советников, вертолеты и войска, которые оказались втянуты в активные боевые действия. Масштабы внешней помощи, которая приходила к афганским

партизанам через Пакистан, были весьма ограниченными. Однако слабость афганского прокоммунистического правительства и возрастающая сила его противников привели к тому, что Советы решились на военное вторжение. С 24 по 25 декабря 1979 года они нанесли стремительный удар по своим афганским союзникам, убили главу государства и к 27 декабря поставили нового — промосковски настроенного коммуниста Бабрака Кармаля.

Воспользовавшись «горячей линией», Брежнев лично позвонил Картеру и заверил его в том, что действует исключительно в целях обороны. Но внимание американских избирателей было приковано к Южной Азии, где продолжался кризис с заложниками. Казалось, что и в Афганистане, как и в Иране, США вновь окажутся в роли бессильного и безграмотного гиганта. Картер пришел в ярость. Всего шесть месяцев назад он фотографировался в обнимку с Брежневым, и эти снимки разошлись по всему миру. Теперь казалось, что его обвели вокруг пальца. Картер отозвал из Москвы посла. Однако Вэнс считал, что Соединенные Штаты не сумели понять мотивировку действий Советского Союза, которая, как ему представлялось, была главным образом оборонительной. Вэнс продолжал подчеркивать, что нужно оберегать не Афганистан, а разрядку и самый зрелый ее плод — договор по контролю за стратегическими вооружениями ОСВ-2.

Но советское вторжение заставило Картера прислушаться к Бжезинскому и его рекомендациям проявить решимость. В результате президент санкционировал поставки оружия афганским партизанам, а 3 января прервал процедуру ратификации договора ОСВ-2, тем самым предотвратив вето Сената. 7 января президент объявил о введении эмбарго на поставки зерна, а затем ввел временный запрет на экспорт американских высоких технологий в Советский Союз. 20 января он объявил о бойкоте Олимпийских игр. Картер согласился с требованиями Сената увеличить на пять процентов расходы на оборону.

Поставив афганский вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН, Соединенные Штаты добились того, что 114 голосами «за» при 18 «против» Организация Объединенных Наций осудила советское вторжение.

23 января 1980 года президент выступил с речью, в которой изложил свою доктрину — ту самую, которая, как он надеялся, должна была войти в историю как «доктрина Картера». Он предложил рассматривать любую попытку иностранной державы взять под контроль Персидский залив как «прямую угрозу жизненным интересам Соединенных Штатов». Бжезинский изо всех сил отстаивал именно такую формулировку, и его мнение возобладало. Вэнс соглашался, но указывал на то, что ни одна страна данного региона не примет по доброй воле американские базы на своей территории.

Некоторое время жесткая позиция Картера в отношении советского вторжения пользовалась широкой поддержкой. Она помогла ему в ходе предвыборной кампании, где он опередил как соперников-демократов, так и республиканцев. Для фонда Гэллапа общественная поддержка действий президента оказалась крупной неожиданностью. Однако вскоре выяснилось, что администрация склонна к красивым словам, за которыми не следуют дела; президент начал постепенно утрачивать инициативу. Уже в январе Картер отрицал, что изменял своим взглядам на сотрудничество с Советским Союзом, и вновь стал благосклонно внимать Вэнсу.

Значительное влияние на ослабление решимости противодействовать советскому вторжению оказали союзники США. Европейцы были склонны игнорировать вторжение в Афганистан. Среди них широко распространилось мнение, что этот кризис случился слишком далеко и потому не способен ни в малейшей степени повлиять на безопасность Европы. Сразу же после вторжения СССР в Афганистан Франция, Италия, Западная Германия и примкнувшая к ним Япония начали двусторонние торговые пе-

реговоры с Советским Союзом. Советы были только рады тому, что им предоставляется возможность экспортировать товары не из Соединенных Штатов, а из Европы и Японии. В 1980 году доля экспорта США в Советский Союз уменьшилась наполовину, тогда как доля экспорта Британии, Франции и Западной Германии увеличилась более чем на 30 процентов. Политика Франции стала настолько зависимой от СССР, что французская пресса называла ее «политикой финляндизации».

Соединенные Штаты не воспользовались своим положением главы Западного альянса, чтобы принять меры к предотвращению «финляндизации» Европы. Напротив, в ходе пресс-конференции 12 июня Картер заявил, что все еще верит в разрядку. После этого бессмысленно было давить на европейцев и убеждать их в том, что ситуация вокруг Афганистана несет угрозу международной безопасности. В то же самое время германский канцлер Гельмут Шмидт вылетел из Вашингтона в Москву на подписание первого советско-германского контракта о строительстве нефтепровода. Афганский кризис и даже завоевание Афганистана не могли сорвать договоренности о поставках в Европу дешевых энергоносителей. Запрет экспорта высоких технологий не соблюдался (впрочем, остались в силе требования по лицензированию сверхсовременных технологий).

Несмотря на продолжающиеся экономические трудности, казавшееся успешным вторжение в Афганистан убедило Советы в том, что соотношение сил по-прежнему складывается в их пользу, особенно после неудачи, постигшей США, которые в 1970-е годы попытались разместить в Европе нейтронное оружие. Эти попытки вызвали широкое противодействие и эффективную кампанию по дезинформации европейцев, предпринятую Советским Союзом. Принятое в декабре 1979 года решение модернизировать размещенные в Европе ракеты средней дальности должно было стать следующим объектом советского по-

литического давления, которое планировалось осуществлять по схеме, успешно зарекомендовавшей себя в предыдущие годы. Казалось, советская оккупация Афганистана в конце концов будет де-факто признана мировым сообществом, причем без всякого ущерба для политики разрядки, как произошло в 1968 году в Чехословакии.

1980 год был годом выборов, поэтому Картеру требовалось продемонстрировать убедительный ответ на советское вторжение в Афганистан. Тут ему оказали мощную поддержку как Конгресс, так и общественное мнение. Однако в ходе предвыборной кампании Картер постоянно сталкивался с противодействием левого крыла своей партии, которое представлял сенатор Эдвард Кеннеди. Этот сенатор был убежден в необходимости перераспределения расходов на социальные нужды и усиления контроля правительства, на который уповали после двух энергетических кризисов, потрясших экономику США. Если в результате Уотергейта и Вьетнама доверие американцев к своему правительству было подорвано, то доверие к свободному рынку оказалось теперь подорванным в еще большей степени.

Картеру с немалым трудом удалось одержать несколько побед над Кеннеди; в итоге он стал кандидатом на пост президента от демократов и в ноябре победил Рональда Рейгана на президентских выборах. Наиболее важным из факторов, которые способствовали триумфу Картера, оказался «октябрьский сюрприз» — освобождение иранским правительством американских заложников. Этот шаг был предпринят накануне президентских выборов в ответ на не получившие огласки уступки со стороны США. Госсекретарь Вэнс сосредоточил в своих руках всю внешнюю политику администрации Картера. Ему удалось в последнюю минуту предотвратить отправку в Иран подразделения «Дельта», которое готовилось осуществить давно спланированную операцию по спасению заложников (операция намечалась на 24—25 апреля). Раздосадованный Бжезинский ушел в отставку. В ходе теледебатов накануне

выборов Картер сумел продемонстрировать глубокие и всесторонние знания, касающихся вопросов национальной безопасности, тогда как Рейган, который весь вечер вел себя крайне пассивно, казался старым, одиноким и некомпетентным. Все эти события случились за несколько дней до выборов. А еще за неделю до выборов ведущий американский политический обозреватель Мортон Кондрак писал: «Ход президентской гонки свидетельствует о том, что победу одержит Картер»¹. «Октябрьский сюрприз» и теледебаты с Рейганом сделали прогноз реальностью.

Афганистан и второй срок президентства Картера

Во многих отношениях победа Картера была обеспечена триумфом правящей партии в сельской местности. Эта партия имела весьма пессимистичные перспективы в Вашингтоне, который в 1970-е годы стал свидетелем упадка Соединенных Штатов. Многие представители городского населения страны несомненно разделяли этот пессимизм. Согласно данным опроса, проведенного фондом Гэллапа перед советским вторжением в Афганистан, 84 процента американцев считали, что страна идет по неверному пути. Картер, переизбранный на второй срок во многом благодаря тому, что он сыграл на этом пессимизме, не испытывал большого желания менять политический курс. Он просто не понимал, каким образом можно этот курс изменить. Как ни прискорбно, но к числу многих необратимых реальностей он относил и советскую оккупацию Афганистана, даже несмотря на то что оккупация сопровождалась длительной и жестокой борьбой с повстанцами.

Во второй срок своего президентств Картер оказался перед нелегким выбором. Прежний политический курс не пользовался популярностью среди электората ключе-

¹ The New Republik, 25 октября 1980, с. 9.

вых избирательных округов, причем даже там, где президент выполнил свои предвыборные обещания. Проблема нейтронной бомбы, с которой Картер столкнулся во время первого срока президентства, стала «первой ласточкой» происходящих перемен. Еще в ходе предвыборной кампании обозреватели и аналитики отмечали «резкие повороты» Картера.

Двумя ключевыми политическими решениями, которые должны были значительно (если не полностью) изменить курс администрации в период второго срока президентства Картера, были намерения провести модернизацию инфраструктуры НАТО и предоставить помощь афганскому сопротивлению. Ради углубления разрядки и улучшения отношений с Советским Союзом обоими пришлось пожертвовать — впрочем, как и всем остальным, за исключением риторики в защиту прав человека в Восточной Европе и СССР. Американцы по преимуществу поддерживали своего президента — никто из них не был сторонником наращивания ядерного потенциала и не поддерживал афганское сопротивление. Действия Картера вызывали одобрение элитных средств массовой информации и стороны союзников США. Ни один из союзников Америки, даже Британия, где у власти находилась Маргарет Тэтчер, не предложил принять решительные меры в ответ на советское вторжение. Поэтому им не на кого было жаловаться, когда США изменили свою политику в отношении Афганистана. После неудач 1980 года Картер распорядился снять эмбарго на торговлю с СССР.

Изменения в советской политике

После того как в 1982 году умер Брежнев и к власти пришел Андропов, советская политика в Афганистане утратила нацеленность на сохранение промосковского статус-кво, который должен был способствовать «равновесию сил» в регионе, то есть господству Советского Со-

юза. Андропов и думать не хотел о продолжении политики Брежнева, которая осуществлялась с самого начала вторжения. Согласно этой политике действия контингента советских войск в Афганистане носили ограниченный характер. Кроме того, эта политика ограничивала как операции советских войск, проводимые за пределами Афганистана, так и дипломатическое давление на соседний Пакистан. Однако наблюдавшееся в 1980—1981 годах отсутствие военных и политических успехов, которое отчасти было связано с неослабевающим притоком военной помощи, поступавшей в Афганистан через Пакистан, привело к эскалации военных действий в 1982 году, в том числе и к возобновлению крупномасштабных сухопутных операций, таких как весенняя операция по освобождению Панширского ущелья. На самом деле Андропов рассматривал широкий спектр вариантов в отношении Афганистана, начиная с вывода из этой страны советских войск и заканчивая полномасштабной войной. В конце концов он пришел к заключению, что в результате вывода войск слишком многое будет поставлено на карту. Именно поэтому эскалация военных действий, направленная на скорейшее завершение конфликта (и предотвращение более масштабной войны, которая в будущем могла привести к усилению военной помощи как со стороны Запада, так и со стороны исламского мира), должна была стать целью политики Андропова.

Ближайшей целью этой политики было привлечение к боевым действиям в Афганистане дополнительного количества авиации и мотопехотных дивизий. Вскоре эти меры изменили характер войны.

Кризис перемещается в Пакистан

В сущности, политика Картера переместила эпицентр кризиса из Афганистана в Пакистан. Это произошло в результате того, что администрация сочла недееспособным

кабульский режим, который вполне устраивал Москву. США пытались заставить Москву принять в Афганистане режим более националистический, чем она того желала. Несмотря на риторическую поддержку борцов за права человека, Картер испытывал желание уберечь мир от «титоизма».

Сам Пакистан считал, что, вероятнее всего, останется в проигрыше после попыток администрации Картера ускорить процесс разрядки. Пакистан предоставил убежище афганским беженцам, которые наводнили страну после коммунистического переворота, состоявшегося в апреле 1978 года. Вскоре после переворота он стал предоставлять первым афганским партизанам оружие и политическую поддержку. Пакистанцы снабжали афганцев старинными винтовками «Ли Энфилд» и более современным самозарядным оружием, захваченным у индийских войск в 1965 и 1971 году. Глава государства генерал Зия Ульхак, который пришел к власти после свержения режима Зульф리카ра Али Бхутто, отверг первоначальное предложение Картера о помощи, назвав это предложение «смешным». Однако после 1980 года, когда принятые Соединенными Штатами решительные меры помогли Пакистану остаться на плаву, генерал начал оказывать противодействие советскому вторжению на территорию соседнего государства. В период второго срока президентства Картера Пакистан заботило не столько его собственное положение, сколько отношения с Советским Союзом. Генерал Зия понимал, что несмотря на всю помощь, тайно поступающую к партизанам через Пакистан, в целом отношения Восток—Запад строились на основе политики разрядки. Он также понимал, что внешняя политика США, принципы которой вырабатывал Картер, а на практике осуществлял Вэнс, стремилась к поддержанию единства НАТО, что достигалось через уступки, на которые шел Вашингтон, дабы удовлетворить желание европейцев заполучить дешевые энергоносители и увеличить

объем торговли за счет проблем безопасности, возникавших за пределами Европы и не касавшихся стран-участниц альянса. Генерал Зия отдавал себе отчет в том, что Вашингтон считает безопасность Пакистана второстепенным вопросом, что благодаря Пакистану у США имеется возможность демонстрировать свое беспокойство по поводу нарушения прав человека, не подвергая при этом опасности идею возрождения политики разрядки, а значит, не оказывая сильного давления на страны Восточной Европы и Советский Союз. Зия прекрасно знал, что как военный диктатор, режим которого не слишком угрождает себя соблюдением прав человека, он является главным кандидатом на роль «нового шаха Ирана», на превращение из союзника США в жертву.

Зия несомненно знал о победе Вэнса над Бжезинским (эта информация попала на страницы «Вашингтон Пост») и, будучи в достаточной степени реалистом, понимал, что без многолетнего и щедрого финансирования военных программ (к 1981—1982 гг. Картер уже не испытывал желания их поддерживать) «доктрина Картера» останется невыполнимой, а из этого следовало, что Пакистан не сможет рассчитывать на военную поддержку США в случае, если Советы усилят свое военное присутствие в Афганистане и начнут угрожать Пакистану военной акцией. Зия опасался долгосрочной советской стратегии, согласованной с Индией. Советы наверняка воспользуются очередным индийско-пакистанским кризисом, чтобы надавить на Пакистан. Индия уже испытала ядерное устройство и в данный момент находилась в процессе широкомасштабного наращивания военной мощи. Закупая новое советское оружие, она заменяла оружие старого поколения, как правило, западного производства, которое использовала в 1965 и 1971 году во время войн с Пакистаном.

Со временем Пакистану несомненно пришлось бы столкнуться с проблемой войны на два фронта. Пакистан

считал главной угрозой своей безопасности Индию и потому сосредоточил особое внимание на провинции Пенджаб. Даже после советского вторжения в Афганистан Пакистан располагал на западной границе лишь двумя слабыми корпусами со штабами в Пешваре и Кветте, а также войсками, численностью до дивизии, которые находились между этими двумя соединениями. Эти силы считались достаточными для того, чтобы прикрыть традиционные маршруты вторжения со стороны западной границы.

Чтобы противостоять угрозе вторжения, Пакистан обратил взор на своих зарубежных друзей. Саудовская Аравия могла предоставить нефть и деньги и содействовать получению поддержки со стороны остальных государств исламского мира. Но иного, более существенного от нее ожидать не приходилось. Военный авторитет Китая был серьезно подорван в 1979 году, когда предпринятое им вторжение во Вьетнам закончилось провалом. Поддерживая афганское сопротивление и не имея поддержки США, Пакистан мог только отсрочить свое неизбежное поражение.

Между тем советские войска стали действовать более активно в районах Афганистана, прилегающих к пакистанской границе. Еще большее беспокойство вызывало то, что Советы стали проводить специальные операции на территории Пакистана и наносить воздушные удары по лагерям афганских беженцев на пакистанской территории. Помимо прочего, эти лагеря использовались для того, чтобы служить укрытиями бойцам сопротивления. В ответ на обращения Пакистана и США к Совету Безопасности ООН СССР воспользовался своим правом вето. В неофициальных беседах советские дипломаты говорили о применении «израильских правил ведения войны», намекая, что границы не гарантируют неприкосновенности афганским партизанам, которые продолжают нападать на советские войска и войска их союзников. Перед лицом столь откровенных угроз Пакистан признал, что в случае военного нападения Советского Союза, которое может после-

довать в ответ на поддержку афганских повстанцев, он не в состоянии рассчитывать на помощь зарубежных союзников.

После таких заявлений Советы стали действовать еще более решительно. Газеты обошла фотография, на которой советские офицеры обучали белуджистанских повстанцев-сепаратистов, которые в 1970-е годы бежали из Пакистана в Афганистан. Дозоры пакистанских пограничников все чаще становились жертвами хорошо спланированных засад, организованных на пакистанской территории. Не предпринималось никаких попыток скрыть улики, наряду с телами погибших нападавшие оставляли груды ящиков с советскими патронами нового образца, калибра 5,45 мм. Когда одна засада в результате излишней самонадеянности была уничтожена, в руки пакистанского дозора попало несколько трупов спецназовцев в советском камуфляже. Советы действовали довольно грубо. Впрочем, Андропов не особо ценил утонченность.

Пакистан стал объектом применения исходившей из Москвы политики «кнута и пряника», которая сочеталась с организацией на территории этого государства подрывной деятельности и террористических актов. Предложения обеспечить строительство дешевых гидроэлектростанций сочетались с финансированием множества подрывных групп, состоявших из пакистанцев, которые были недовольны режимом Зия Ульхака. Будь то этнические меньшинства, как, например, белуджи, которые в 1970-е годы подверглись гонениям со стороны пакистанских военных, политические оппозиционеры, сторонники покойного Зульфикара Али Бхутто, все еще возмущенные его свержением и казнью, или группы, недовольные своим экономическим положением, как представители малочисленной народности синдхов, разобращенных крупными землевладельцами, — все они получали значительные суммы из Москвы. У этих группировок были свои лидеры, которым устраивали переход через границу и доставляли в Афгани-

стан или в Москву, где они учились жесткой дисциплине, необходимой для бойцов «невидимого фронта», приобрели умение создать основанную на ячейках подпольную организацию, наладить выпуск нелегальной прессы и распространять ее среди малограмотных крестьян, требовать выборов и братья за оружие, спрятанное в созданных при помощи Москвы тайниках.

Этим подрывным действиям Пакистан противопоставил то, что у него лучше всего получалось, — внутренние репрессии, которые привели к усилению напряженности в отношениях с Вашингтоном и побудили администрацию Картера выразить свою озабоченность нарушением прав человека и заявить, что США не хотят выглядеть пособниками авторитарных государств, какое бы геополитическое значение те не имели для Соединенных Штатов.

Таким образом, Пакистан испытывал как внешнее, так и внутреннее давление. Он мог рассчитывать только на выполнение Соединенными Штатами ограниченных обязательств по оказанию поддержки афганским повстанцам, — обязательств, взятых еще в период первого президентского срока Картера. Бойцы афганского сопротивления отличались храбростью и преданностью, но были плохо обучены и плохо организованы. Сопротивление было в значительной степени раздроблено, что отражало характерную для Афганистана этноязыковую разнородность, а также борьбу за власть, которую вели светские вожди, представители традиционных религий и политические движения происламской направленности. Все они призывали к обновлению и революции. Понимая глобальную заинтересованность Соединенных Штатов в успехе политики разрядки, генерал Зия не питал иллюзий в отношении того, что афганскому народу удастся в одиночку справиться с советским вторжением.

Вдобавок Пакистан столкнулся с опасностью того, что Соединенные Штаты не смогут оказать ему помощь, даже

если захотят это сделать. Пакистан стал прибежищем для такого количества беженцев, какого не было ни в какой другой стране мира, — здесь находилось более трех миллионов афганцев. Располагая оружием, необходимым для партизанской борьбы, они в принципе могли повторить в Пакистане то, что палестинцы сделали в Иордании в 1970 году или в Ливане в 1975 году. В обоих случаях палестинцы создали государство в государстве и оказались способны поднять вооруженное восстание. Во время «черного сентября» 1970 года Зия был военным атташе Пакистана в Аммане. Тогда он решил, что сделает все возможное, чтобы подобное никогда не случилось в Пакистане.

Пакистанские власти настояли на том, чтобы именно они распределяли оружие, поступающее в качестве помощи афганским повстанцам. Пакистанская служба внутренней разведки (СВР) взяла на себя контроль за процессом, к участию в котором она была привлечена с самого начала. Разведка отнеслась к выполнению этой задачи с большой долей сочувствия к афганскому сопротивлению, но при этом не совсем понимала стратегические перспективы вооружения афганцев. Пакистанцы отдавали себе отчет в том, что, независимо от развития ситуации в Афганистане, он всегда будет играть второстепенную роль в сравнении с поддержанием баланса сил между Пакистаном и Индией, которая представляла собой главную угрозу дальнейшему существованию Пакистана. Если не считать районов, населенных этническими пуштунами, то СВР не особенно тревожилась по поводу Афганистана. Поскольку большое количество пуштунов проживало на северо-западных окраинах Пакистана и в провинциях Белуджистана, пакистанское руководство желало как поддержать эти группы, так и не допустить появления в Афганистане режима, который мог бы возродить идею «Пуштунистана», притязающую на пакистанскую территорию вплоть до реки Инд. (Именно по этой причине Афганистан в свое время оказался единственной страной,

которая проголосовала против принятия Пакистана в ООН.) Группы, проживавшие в Северном Афганистане и в Хазара Джате, практически не получили поддержки.

Что касается опасений Зия Ульхака по поводу возможного появления на территории Пакистана афганских группировок, похожих на Организацию Освобождения Палестины, следует сказать, что СВР имела дело с семью афганскими политическими партиями. СВР фактически лишила уверенности в себе светских лидеров этих партий, которые были либо офицерами бывшей афганской армии, либо чиновниками прежнего правительства. Вместо них партии возглавили религиозные деятели, исповедовавшие традиционные верования или ислам. Помимо прочего это свидетельствовало об усилившемся дрейфе в направлении стран исламского мира, так как Пакистан стал искать способы расширить возможности получения международной поддержки, необходимой для обеспечения собственной безопасности. Будучи крайне разобщенным, афганское сопротивление вступило в конфликт с Советами. Пакистанцы сделали все, чтобы сохранить эту разобщенность.

Разыгрывая индийскую карту

Наиболее значительная акция, предпринятая СССР против Пакистана в период 1982—1983 годов, была осуществлена не пересекавшими границу отрядами спецназа и не советскими бомбардировщиками, а дипломатами в Нью-Дели. Советско-индийские контакты по вопросам безопасности значительно расширились после того, как в 1971 году страны заключили договор о дружбе. Теперь же Андропов намеревался убедить правительство Индиры Ганди в том, что Индии нужно поддержать советские действия, направленные против Пакистана. Индия не считала ввод советских войск в Афганистан враждебной для себя

акцией и воздержалась от голосования в ООН по вопросу осуждения советского вторжения. Однако она резко осудила ограниченную военную помощь Пакистану, которую начиная с 1980 года стали оказывать США и Китай. Индия выражала солидарность с СССР по вопросам, которые не требовали от нее каких-либо инвестиций, — так, например, она оказывала поддержку советским военным кораблям, действовавшим в Индийском океане, и признала промосковский режим Хенг Самрина в Камбодже.

Сначала Индия не испытывала особого желания вступить в очередной конфликт с Пакистаном. Но когда в период с 1982 по 1983 год СССР форсировал поставки в Индию нового Т-72, ставшего основным боевым танком, а в индийские порты стали заходить танкеры с советской нефтью, правительство Индиры Ганди начало предпринимать шаги в направлении согласованных с СССР военных действий против Пакистана.

Индия мотивировала свои действия давней озабоченностью, вызванной усилиями Пакистана в области разработок ядерного оружия. Ни для кого не было секретом, что в атомном центре в Кахуте пакистанские ученые не покладая рук работали над тем, чтобы достичь результатов, сравнимых с индийскими (ведь Индия к тому времени уже испытала свою первую атомную бомбу). Индия и Пакистан рассматривали возможности принятия взаимных обязательств не прибегать к нанесению упреждающих ударов по центрам атомного производства, но эти обязательства так и не были приняты.

Помимо этого уже давно существовала проблема Кашмира. В отдаленном районе ледника Снячен, расположенного на «крыше Азии», индийские и пакистанские войска противостояли друг другу в суровых условиях высокогорья. Этот ледник стал все чаще привлекать внимание деятелей самого высокого уровня.

Внутренняя напряженность еще более возросла, когда в 1982 году разразился кризис в Ассаме, в результате

которого взаимные акты насилия индуистов и мусульман достигли небывалого уровня. Но еще хуже было то, что участвовавшие проявления жестокости в провинции Пенджаб грозили втягиванием в межконфессиональный конфликт сикхского населения. Уже появились свидетельства того, что пакистанская СВР причастна к этим событиям. КГБ попал в цель, передав индусам правдоподобную дезинформацию о готовности Пакистана принять «асимметричные» меры, в том числе использовать в своих целях внутрииндийские раздоры.

Индия издавна тяготела к разрешению внутренних и внешних проблем через международные конфликты. Эта традиция зародилась еще в годы жизни отца Индиры Ганди — Джавахарлала Неру, премьер-министра независимой Индии. Иногда такие конфликты заканчивались для Индии успешно, например в 1961 году, когда она оккупировала Гоа; порой же складывались неудачно, как в 1962 году, когда Индия спровоцировала ответную военную реакцию Китая. В 1971 году Индии удалось с помощью военных действий разрешить кризис в Восточной Бенгалии и создать на территории, входившей в состав Пакистана, независимое государство Бангладеш. Именно этот эпизод показал, сколь выгодно и эффективно можно использовать военную силу в качестве объединяющего фактора и средства решения проблем. Этот пример произвел большое впечатление на индийское правительство, в особенности на Индиру Ганди. Военные оставались сторонниками использования обычных видов вооружения и не желали вкладывать средства в крупномасштабные атомные разработки. После 1971 года их отстранили от власти, что было частью десятилетнего процесса укрепления национальной безопасности. Они не смогли (не захотели?) остановить сползание Индии к войне.

В конечном счете Индия испытывала желание подготовиться к войне с Пакистаном, поскольку считала эту войну выгодной для себя: война снимала с повестки дня

возможную в недалеком будущем угрозу пакистанского ядерного удара и укрепляла взаимоотношения с Советским Союзом (в том числе способствовала увеличению поставок топлива и вооружений, которые в основном предоставлялись бесплатно). К тому же индийцы считали маловероятной возможность того, что зарубежные сторонники Пакистана, такие как США, Китай и Саудовская Аравия, решатся на военное вмешательство в эту войну. Индийская военная акция планировалась как ограниченный конфликт, целью которого не являлось уничтожение Пакистана, хотя некоторые горячие головы призывали к этому. Скорее целью акции было заставить Пакистан отказаться от притязаний на оккупированный Индией Кашмир и лишить его возможности стать ядерной державой¹.

В течение всего 1983 года индийские военные вносили изменения в оперативный план с целью добиться наилучших политических результатов в ограниченный период времени, вслед за которым предполагалось вмешательство международных сил, направленное на прекращение конфликта. Несмотря на то что индийцы могли рассчитывать на вето СССР в Совете Безопасности ООН, они все же опасались, что США окажут давление, которое, по всей вероятности, будет более эффективным, нежели красивый жест с отправкой в Бенгальский залив авианосца «Энтерпрайз» во время войны 1971 года. Однако, оценив действия второй администрации Картера, Ганди поняла, что решение США ограничить свои обязательства в отношении Пакистана приведет к тому, что американцы не смогут остановить индийскую военную акцию.

¹ Анализ индийско-пакистанского военного баланса и мнение о существовавших в начале 1980-х годов планах потенциальной войны — см.: *Rikhye. The Fourth Round, Indo-Pak War 1984*. Автор может подтвердить, что в то время в Пакистане эту работу об «истории будущего» читали многие высокопоставленные военные и правительственные чиновники.

Индийская армия переместила военные склады ближе к границе с Пакистаном. В ходе проведенных в 1983 году учений «Диг Виджай» индийцы, используя различные виды вооружения, отработывали тактические задачи, связанные с полномасштабным наступлением в пустынной местности. Индийские ВВС осваивали новую советскую технику и вооружение. Между тем в Афганистане СССР перебросил дополнительные подразделения и снаряжение в район Кандагара и Самаркеля, неподалеку от Желалабада. Советские войска проводили тренировочные броски к пакистанской границе в районе Спин Балдака и Торкхама, а затем возвращались на исходные позиции. К началу 1984 года войска, задействованные в этих маневрах (которые, помимо прочего, являлись частью дипломатического наступления на Пакистан), выдвинулись на передовые позиции и уже не вернулись на места своей постоянной дислокации.

Индийско-пакистанская война 1984 года

Как и предыдущие войны 1965 и 1971 годов, индийско-пакистанская война 1984 года началась после длительной мобилизации и целой серии неудачных попыток международного сообщества снизить уровень напряженности в этом регионе. СССР сделал все, чтобы международные усилия остались втуне. Вскоре стало ясно, что Индия намерена нанести удар, пока перевалы, соединяющие ее с Китаем, закрыты. Тем самым она предотвращала возможность открытия Китаем второго фронта, который мог ослабить давление на Пакистан. Кроме того, по Каракорумскому шоссе Китай мог доставлять пакистанцам военные грузы.

Признаки того, что Индия вскоре нанесет удар, заставили Пакистан объявить мобилизацию и приступить к планированию упреждающего удара. Но еще до того, как

Война 1984 г.

пакистанцы сумели предпринять эти шаги, индийцы развязали конфликт, нанеся воздушные удары по пакистанским атомным центрам в Кахута и Камра. В этих воздушных рейдах участвовали истребители-бомбардировщики индийских ВВС МиГ-27 «Флоггер-Ф». Своевременность атаки, предпринятой до того, как мобилизация в Индии была полностью завершена, позволила в некоторой степени сохранить фактор внезапности. В ходе налета, имевшего явное сходство с упреждающим ударом израильягн в 1981 году по иракскому атомному центру в Осираке, широко использовались советские ракеты класса «воздух—земля».

Однако настоящим сюрпризом стало развертывание индийских войск, осуществленное перед началом мобилизации. В период с 1971 по 1984 год численность индийских и пакистанских войск примерно сравнялась, особенно в имеющих решающее значение районах густонаселенного Пенджаба. Именно здесь находились главные города обоих государств и были сосредоточены значительные сельскохозяйственные угодья, промышленные мощности и транспортные узлы. Все это находилось в пределах досягаемости вооруженных сил противной стороны. Противники уже давно разработали детальные планы обороны, противодействия и уничтожения своих наиболее ценных объектов, расположенных в этом районе. В результате обе стороны отказались от массивной концентрации войск, которая могла обеспечить прорыв через оборонительные линии противника. Ситуация изменилась в 1983 году, когда Индия решила перебросить значительные силы на фланги линии противостояния. Одна часть сил была направлена на крайний юг, в пустыню Раджастан, а другая — на крайний север, в Кашмир, и в район ледника Сиячен.

Планировалось, что индийские бронетанковые силы, сосредоточенные в пустыне Раджастан, совершат стремительный бросок в пакистанскую провинцию Синд, в на-

правлении города Карачи, с целью не допустить двойного охвата пакистанцами наступающих в Пенджабе индийских войск. Этот бросок предстояло совершить двум корпусам индийской армии, каждый из которых состоял из трех дивизий. Эти войска должны были нанести двойной удар на довольно широком пространстве фронта. Действия механизированных колонн поддерживали две пехотные дивизии — резерв группировки. 54-я воздушно-десантная дивизия должна была находиться в состоянии готовности, чтобы в любой момент подключиться к действиям основных сил либо посредством парашютного десанта, либо с помощью доставки к месту боевых действий самолетами. Силами одной бригады планировалось высадить морской десант в глубоком тылу противника, в районе устья реки Коранджи, западнее Карачи. На первом этапе наступления два корпуса должны были преодолеть 150 миль, подойти к Хайдерабаду, а затем, пройдя еще 60 миль, выдвинуться к оборонительной линии Рахимьяр Хан-Рейти. После этого им надлежало либо соединиться и совершить бросок в направлении Карачи, либо заключить перемирие с противником на выгодных для себя условиях.

Безопасность флангов главного направления обеспечивали два корпуса по две пехотные дивизии в каждом. Эти соединения должны были продвигаться по территории Пакистана севернее и южнее ударной группировки и блокировать пакистанские войска в случае их выдвижения для контрудара со стороны Пенджаба и центрального Синда.

Индийцы учитывали, что в Пенджабе их войска будут атакованы местными жителями, но надеялись, во-первых, что сумеют свести к минимуму выгоды, которые могли бы извлечь из этих атак пакистанцы, а во-вторых, что бесчинства местного гражданского населения не сумеют подорвать боеспособность индийских войск. И все же для защиты тыла потребовалось бы снять с фронта некоторое количество войск.

Вторым полномасштабным ударом являлась операция «Трезубец», которую планировалось осуществить силами корпуса в составе четырех дивизий. Целью этой операции была оккупация северной части Кашмира и продвижение в направлении Скарду и Гилгита. Поддержку индийским войскам должна была оказать советская бригада, осуществлявшая операцию по захвату Читрала, а также несколько вспомогательных отрядов, состоявших из специалистов по ведению боевых действий в условиях данной местности. Эти отряды должны были прибыть в район боевых действий со стороны Ваханского коридора, расположенного на северо-восточной окраине Афганистана.

Вторжение началось 1 апреля 1984 года. Первые удары индийцев, отличавшиеся дерзостью и неистовым напором, убедили Пакистан в том, что он оказался перед лицом серьезной военной угрозы. А вторжение советских войск переводило индийско-пакистанский конфликт в разряд величайших военных угроз, с которыми когда-либо сталкивался независимый Пакистан. Группировка советских войск, сформированная из разнородных подразделений, общей численностью равная дивизии, и сравнимая с ней по численности группировка войск афганского прокоммунистического режима двинулись по двум традиционным маршрутам, связывающим Афганистан и Пакистан, — Хайберскому проходу, который вел в Пешавар, и Боланскому проходу, который открывал дорогу на Кветту. Кроме того, советская воздушно-десантная бригада нанесла удар по позициям пакистанцев в районах населенных пунктов Банну и Тхал. Другая бригада, находившаяся на самом юге Афганистана, перерезала железную дорогу, которая связывала Пакистан с Ираном. Советская авиация нанесла удары по пакистанским авиабазам и резервным воинским частям. КГБ приступил к выполнению диверсионных операций и к подрывным действиям на всей территории Пакистана.

Международный кризис

Индийско-советское вторжение в Пакистан пришлось на последний год правления второй администрации Картера и привело к величайшему кризису внешней политики США. И индийцы, и русские наряду с военными действиями вели наступление на дипломатическом фронте, которое планировалось с учетом долговременных перспектив в международных отношениях. И те и другие подчеркивали, что были вынуждены пойти на этот шаг из-за непродуманных действий Пакистана в Кашмире и Афганистане. И те и другие сравнивали свои действия с действиями израильтян, которые в 1982 году внезапно вторглись в Ливан, и называли свое вторжение временной мерой, направленной на ликвидацию иностранной угрозы, а не на уничтожение Пакистана. Индия подчеркивала, что обладает репутацией демократического государства, хотя эта репутация изрядно пострадала за годы правления Индиры Ганди, которое становилось все более деспотическим. И те и другие раздували страхи по поводу засилья исламской идеологии, якобы имевшего место в Пакистане, и изо всех сил старались представить дело так, будто Пакистан оказывает поддержку афганским повстанцам потому, что те являются ортодоксальными исламскими экстремистами, представляющими для интересов Запада и США гораздо большую опасность, нежели СССР и индийцы.

Ответная реакция Вашингтона носила ограниченный характер. Еще до вторжения возникла идея направить в Пакистан американские истребители F-15 и самолеты дальнего радиолокационного обнаружения E-3A AWACS, как это было сделано во время иранского кризиса 1979 года, когда США направили такие же самолеты в Саудовскую Аравию. Однако это предложение отклонили, сочтя его демонстративной акцией устрашения, хотя, по

сути, данный шаг носил явно оборонительный характер. Нерешительность администрации в отношении кризиса означала, что этот вариант не был должным образом рассмотрен в период, предшествовавший началу военных действий. Когда же действия начались, было слишком поздно для того, чтобы им воспользоваться.

В очередной раз колебания и полумеры привели к тому, что администрация стала уповать на дипломатические средства, не подкрепленные силовыми аргументами. За те несколько лет, которые разделяли советское вторжение в Афганистан и индийско-пакистанскую войну, Соединенные Штаты успели лишь частично перестроить свои вооруженные силы. Неудавшаяся реконструкция традиционных ВС, в особенности сил быстрого реагирования и средств демонстрации силы, означала, что даже возжелай Вашингтон осуществить военное вмешательство в конфликт, в случае конфронтации с СССР у Соединенных Штатов имелся весьма скудный выбор стратегий, если не считать угрозы ядерного удара, которая, конечно, не отличалась реалистичностью. К тому же администрация Картера не собиралась вставать на защиту страны, в которой нарушались права человека, правила военная диктатура и господствовал исламизм. Все это ставило Вашингтон в крайне неудобное положение.

Поэтому Вашингтон выразил решительный дипломатический протест, перевел свои вооруженные силы в состояние боеготовности и развернул в Саудовской Аравии смешанную группу самолетов F-15/E-3, которые ожидали дальнейших распоряжений. В Аравийское море были направлены две авианосные ударные группы. Но, как и во время вторжения СССР в Афганистан, основные усилия США были сосредоточены на дипломатической конфронтации с Советским Союзом.

Между тем война складывалась совсем не так успешно, как утверждали советские дипломаты. Наибольшее разочарование вызывали советские сухопутные силы. Ар-

мия, которая, как считалось, сможет в будущей европейской войне совершить бросок к Рейну, двигаясь со скоростью 100 километров в день, неуклонно замедляла продвижение в направлении Кветты и Пешавара. За день войска проходили намного меньше 10 километров. Главные пакистанские авиабазы подверглись сильным воздушным ударам, которые нанесли самолеты индийских и советских ВВС. Однако, действуя с запасных аэродромов, пакистанская авиация сумела сохранить свое присутствие в районах боевых действий, тем самым ограничив действия вражеских вертолетов, которым стало трудно оказывать непосредственную поддержку войскам, высаживать десанты и доставлять снаряжение, на что рассчитывали Советы и их афганские союзники.

На юге бросок к Хайдерабаду через пустыню Раджастан также не оправдал ожиданий. Несмотря на крупные полевые склады, созданные на основе пунктов снабжения в Бармере, Джайсалмере и Джодхпуре, два индийских ударных корпуса вскоре столкнулись с проблемами снабжения. Индийская армия оказалась не готова к ведению маневренной войны, в особенности это касалось тылового обеспечения. Сами войска продвигались вперед (подразделения, которые прикрывали фланги, имели собственные пункты снабжения, и их тыловое обеспечение было лучше, чем у основной группировки), но части тылового обеспечения вскоре стали отставать. Кроме того, налеты пакистанских ВВС на бронетанковые колонны оказались более эффективными, чем предполагалось. Для воздушного прикрытия наступавших войск Индия подняла в воздух истребители, базировавшиеся на аэродромах в Биканере, Бармере, Джайсалмере, Джодхпуре и Нулле. Другие истребители, действуя с авиабазы Джамнагар, прикрывали южный фланг наступления. Но с каждой милей продвижения индийских войск их было все труднее прикрывать с воздуха индийским самолетам и легче атаковать пакистанским. Индийским ВВС, всегда

считавшим, что слишком тесное взаимодействие с армией представляет опасность для независимого положения авиации, пришлось задействовать большую часть своих самолетов для нанесения ударов по главным оперативным базам пакистанцев.

Пожертвовав территорией, пакистанцы сумели выиграть время. Чтобы сберечь силы, они не бросили свои бронетанковые дивизии против построенной по принципу «экономии сил» обороне индийцев в Пенджабе, а направили танки на юг, поручив им принять на себя удар наступавшей там группировки. В то же самое время возникшие сложности с воздушным прикрытием и тыловым обеспечением изматывали индийские бронетанковые войска и сдерживали их продвижение. В нескольких случаях решающую роль сыграли небольшие группы пакистанских ударных вертолетов АН-1, которые наносили опустошительные удары по индийским механизированным подразделениям до тех пор, пока сами не стали нести потери от огня самоходных зенитных установок советского производства. После неоднократных атак вертолетов, действовавших из засад, и нападений заградительных пакистанских отрядов, темпы индийского наступления замедлились, так как перед каждым новым броском приходилось проводить тщательную рекогносцировку местности.

Высадка индийского морского десанта оказалась еще менее успешной. Поддержку этой операции осуществляли силы в составе более 40 индийских военных кораблей, в том числе авианосец «Викрант», три ракетных эсминца, четыре ракетных фрегата, шесть корветов, четыре тральщика и большое количество десантных кораблей и транспортных судов. Это соединение было атаковано пакистанскими истребителями «Мираж», вооруженных противокорабельными управляемыми ракетами «Экзосет». Ближе к берегу высадке десанта противодействовали пакистанские мини-подлодки. Вскоре высадившиеся

на берег индийские войска были окружены пакистанскими резервными подразделениями. Для обеспечения поддержки закрепившихся на плацдарме войск индийскому флоту пришлось все время находиться неподалеку от берега. Это привело к целой серии морских сражений. Большинство кораблей пакистанского флота было потоплено. Часть погибла в море, а те корабли, которые не смогли выйти из базы, были уничтожены в гавани Карачи. Тем не менее индийской флот также понес тяжелые потери. Авианосец «Викрант» был поврежден взрывом бесконтактной торпеды, и его пришлось отбуксировать в безопасное место. Индийский морской десант, усиленный высадившимися ночью парашютистами, сумел удержать плацдарм, но заплатил за это высокую цену.

На северном фронте силы, принимавшие участие в операции «Трезубец», должны были, двигаясь через Скарду, в течение двух недель подойти к Гилгиту. Испытывая осложнения, вызванные суровыми условиями высокогорной зимы, индийские войска к установленному сроку едва преодолели треть этого расстояния. Планировалось, что воздушную поддержку наступавшим обеспечат вертолеты советского производства Ми-26, но, вылетев в заданный район, пилоты убедились, что индийские войска явно не в состоянии совершить высокогорный блицкриг, предусмотренный планом операции. В Северном Кашмире индийцы также продвигались медленно.

Советское наступление было неожиданным, но не намного более успешным, чем индийское. Несмотря на то что советские войска столкнулись с численно уступавшим противником и могли воспользоваться воздушной поддержкой, они оказались не в состоянии выполнить поставленные задачи. Причина отчасти заключалась в том, что их союзники из числа прокоммунистически настроенных афганцев действовали против пакистанцев столь же малоэффективно, как недавно действовали против своих соотечественников. Советская группировка численностью

в две дивизии в основном была сформирована из различных воинских частей. Она не располагала достаточным количеством высокопрофессиональных воздушных десантников, которые могли бы возглавить наступление и обеспечить защиту коммуникаций, проходивших через Афганистан. Невозможность выполнения последней из двух упомянутых задач препятствовала достижению большинства поставленных целей.

После 12 дней боев, в течение которых США продолжали оказывать дипломатическое давление и возникла угроза бойкота Индии со стороны ОПЕК, Пакистан согласился с предложенным советской стороной перемирием. Пакистанцы были довольны собой. В одиночку они сумели устоять перед массированным вторжением с двух фронтов и сохранить в целостности основную часть своих вооруженных сил. Индийские и советско-афганские войска были выведены с территории Пакистана, причем первыми покинули свой плацдарм десантники, высадившиеся неподалеку от Карачи. Только на ледниках северного фронта индийцам удалось оставить за собой некоторые из захваченных районов. По сравнению с войной 1971 года в этом конфликте пакистанцы действовали успешно.

Однако последствиям этой войны вскоре было суждено затмить эйфорию, вызванную победами на полях сражений. В Пакистане понимали, что причиной поражения Индии скорее была ее неспособность полностью освоить советскую тактику блицкрига, нежели военная мощь Пакистана. В отношении Афганистана СССР добился своего, и, после уничтожения множества лагерей афганских повстанцев и разрушения приграничной инфраструктуры, которая использовалась для оказания поддержки партизанам, пакистанская помощь афганскому сопротивлению стала фикцией. Впрочем, Советам так и не удалось взять приграничные города Кветта и Пешавар. Кроме того оказалось, что программе ядерных разработок нанесен значительный ущерб и теперь атомная бом-

ба в Пакистане появится в лучшем случае через десять лет. Стало ясно, что ради достижения политических целей в следующий раз индийцы могут прибегнуть к ядерному шантажу.

В Пакистане поняли, что в случае очередного кризиса могут рассчитывать лишь на крайне незначительную поддержку со стороны США. Впрочем, благодаря событиям 1980 года этот вывод не стал большим открытием. Будущее Пакистана зависело от его терпимости к советскому присутствию в Афганистане и еще в большей степени от исламского мира, который все чаще склонялся к крайним мерам. Стало ясно: как только Индия выработает стиль ведения боевых действий, очередной конфликт может привести к тому, что Пакистан, не успев разработать средства ядерного сдерживания, перестанет существовать как самостоятельное государство. С другой стороны, предпринятые Советами в ходе войны попытки раздуть вражду между разобщенными по этническому или экономическому принципу группировками пакистанского населения не привели к национальной катастрофе, а всеобщая приверженность к исламу рассматривалась как фактор, который в будущем поможет сохранить единство нации. Исламизированный Пакистан стал бы для Индии своего рода «ампулой с ядом». Она не смогла бы позволить себе нанести Пакистану окончательное поражение и аннексировать территорию, поскольку радикальный ислам незамедлительно распространился бы среди той части населения Индии, которая исповедовала мусульманство.

Отголоски конфликта

Вторая администрация Картера не отменила решений, принятых в 1980 году. Вместо того чтобы дать им обратный ход, она изменила их контекст. Вместо того чтобы

стать элементами стратегии противостояния Советам, эти решения стали препятствиями к достижению стабильности в мире. Принятые ранее решения относительно инфраструктуры НАТО подверглись пересмотру. В первую очередь это касалось новых видов вооружений, которые должны были храниться в США, а их развертывание в Европе предусматривалось только в случае кризиса. В конце концов задачи, которые предполагалось возложить на новые системы вооружений, стали выполнять уже давно «засвеченные» подводные лодки с баллистическими ракетами, которые использовались для выполнения этих задач еще в 1970-е годы.

В течение всего второго срока президентства Картера Соединенные Штаты ежегодно оказывали поддержку афганскому сопротивлению в размере приблизительно 20 млн долларов. Это позволяло поддерживать конфликт в Афганистане, но поскольку на распределении американской помощи сказывалась политическая обеспокоенность пакистанского руководства, ее было недостаточно для того, чтобы изменить динамику боевых действий. Этого не случилось, несмотря даже на то что СССР не слишком преуспел в своих попытках узаконить правление афганских «подопечных».

Одной из ключевых причин окончательного поражения афганского сопротивления был отказ США предоставить современное высокотехнологичное оружие. Это решение получило поддержку Конгресса, однако госдепартамент, Объединенный комитет начальников штабов и ЦРУ решительно выступили против. Любому президенту было бы сложно преодолеть такую оппозицию. Вторая администрация Картера не испытывала желания жертвовать своим политическим капиталом ради победы в этой схватке. Президент и прочие политики едва ли стали бы отстаивать такие предложения, как поставки афганцам зенитных ракет «Стингер», особенно если против них резко выступал бюрократический аппарат. Ситуация

не изменилась и в 1985 году, когда Джимми Картер покинул Белый дом.

В Афганистане, как и прежде, продолжался конфликт. Когда во главе Советского Союза встал Горбачев, он в период с 1985 по 1986 год содействовал дальнейшей эскалации конфликта, что было частью решения поставленной им задачи «провести реформы и не потерять Афганистан». После этого мир в Афганистане так и не наступил, однако Советы сумели приспособиться к местным условиям и вполне обустроились в этой стране. Советские войска оккупировали территорию Афганистана, но отнюдь ее не контролировали. Потери продолжали оставаться значительными, но Советы все же сумели достичь своих политических целей.

Последствия

Постоянно оказывая тайную помощь афганскому сопротивлению, Соединенные Штаты, тем не менее, не смогли решительным образом поддержать его противодействие советскому вторжению. Этот факт имел решающее значение, поскольку он объяснял суть «холодной войны». В силу имевшегося равновесия ядерных сил, которое играло главенствующую роль в мире, военная конфронтация двух сверхдержав была невозможна. Уинстон Черчилль, который еще в 1946 году первым ввел термин «железный занавес», спустя три года предсказал: «Безопасность станет полнокровным отпрыском террора и выживания, которое является братом-близнецом истребления». По причине того, что война между двумя сверхдержавами обошлась бы слишком дорого, возросло значение войн между их сателлитами. В отношении Афганистана Картер повторил фразу Вудро Вильсона, который в самом начале Первой мировой войны сказал: «Существовало такое понятие, как чувство гордости, вызванное тем,

что воюешь». В своем заявлении Картер настаивал, что был «первым за последние 50 лет американским президентом, который ни разу не отправил свои войска на войну» и что в годы правления его администрации в бою не погиб ни один американский солдат. Помимо прочего, президент был человеком практичным. Его администрация никогда не высказывалась большинством голосов за оказание поддержки далеким и чуждым для американцев народам. Эта тенденция нашла отражение и в отказе Картера вмешиваться в мятежи, происходившие в странах Центральной Америки.

Советский успех в Афганистане не решил фундаментальных проблем в сфере управления и экономики СССР, которые становились все более очевидными в последние годы правления стареющего Брежнева. Тем не менее этот успех показал преемникам Генерального секретаря ЦК КПСС, что от проблем можно избавиться с помощью военной силы. Помимо прочего, это означало, что реформистскую деятельность можно направить на поддержание жизнедеятельности государства, а не на пересмотр отношения к вызовам со стороны США и Запада, которые проявлялись либо в виде ответной военной реакции, либо в поддержке защиты прав человека и рыночной экономики.

Успех в Афганистане показал советскому руководству, что оно не ошиблось, сделав ставку на вложения в развитие вооруженных сил, а не на модернизацию экономики или расширение основ управления, или, скажем, на легитимизацию своих отношений с народами, которые до сих пор считали, что находятся под оккупацией Москвы. Оказалось, что Афганистан не представляет для Советского Союза большой ценности, причем как в отношении природных ресурсов, так и в отношении стратегической ценности как базы для будущих военных операций в двух прилегающих регионах (первый — Иран и страны Персидского залива, второй — Пакнстан и Индийский суб-

континент). СССР получил неоценимый опыт, убеждавший, что эффективная военная сила способна решить любые проблемы. Кроме того, он убедился в том, что, пока угроза советской военной мощи удерживает иностранные государства от предоставления помощи и оказания поддержки силам, которые оказывают сопротивление промосковским режимам, с недовольными можно справиться, применив традиционный метод кнута и пряника. Что касается обещаний, сделанных в отношении «третьей корзины» хельсинкских соглашений, то забота КГБ о каждом, кто проявлял слишком большой интерес к правам человека, заслонила собой проблему защиты этих прав.

Что касается внутривнутриполитического аспекта, успех в Афганистане укрепил положение армии и служб безопасности. В ответ на крупномасштабные вложения, полученные в годы правления Брежнева, эти ведомства продемонстрировали, что умеют платить добром, и выполнили взятые на себя обязательства по защите советских политических интересов. Они также продемонстрировали, что в условиях паритета стратегических ядерных сил издавна превосходивший Запад в обычных вооружениях Советский Союз мог использовать против своего соперника косвенный ядерный шантаж, пускай столь же грубый, как тот, который Советы применили в отношении стран Западной Европы после Суэцкого кризиса 1956 года. Но этот шантаж помог удержать Запад от поддержки Афганистана и от модернизации тактического ядерного оружия, а иного и не требовалось.

О том же свидетельствовала и вялая ответная реакция Запада на вторжение в Пакистан. До тех пор пока Советы не попытаются переписать карту Европы с помощью силы, они, как показывала практика, едва ли столкнутся с прямым противодействием западных вооруженных сил. Советский Союз сумел сосредоточиться на Афганистане (где главной целью было именно применение силы, а не создание законного правительства), поскольку

ку ему не нужно было опасаться ответной угрозы со стороны США. К тому времени как в 1985 году Горбачев взял на себя бразды правления, потери в ходе продолжающегося конфликта в Афганистане были настолько незначительными, что не подорвали ни экономику, ни внутреннюю энергию советского государства, хотя, по всей видимости, этот конфликт не пользовался популярностью в стране. Политика Горбачева (санкционированная администрацией Картера) сводилась к тому, чтобы провести реформы и не потерять Афганистан. В течение четырех лет США проводили такую политику, что у Горбачева не возникло сомнений по поводу дальнейшей эскалации войны. Он несомненно вспоминал слова своего наставника Юрия Андропова, сказанные 17 марта 1979 года на заседании Политбюро: «Нам навесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан».

Имелись неопровержимые свидетельства того, что Советы способны на военное решение проблемы Афганистана. Критикам советского правления в Восточной Европе, таким, например, как блок «Солидарность» в Польше (где было введено военное положение), стало ясно — до тех пор пока доктрина Брежнева подкреплена военной силой, ничто не угрожает основам системы управления из Москвы. Ее могли модифицировать, сгладить наиболее острые противоречия, но без серьезной поддержки Запада не может быть и речи о попытках подорвать советское господство ни там, где оно установилось давно и имело для СССР жизненно важное значение, как в Польше, ни там, где оно установилось сравнительно недавно, как в Афганистане. В результате оппозиция в Восточной Европе и в Советском Союзе оказалась изолированной.

Неспособность Запада оказать эффективную поддержку Афганистану стала ключевым моментом будущих отношений с исламским миром. Нежелание Запада предоставить эффективную поддержку афганскому сопро-

тивлению показало, что Запад скорее отдаст предпочтение промосковскому режиму в Афганистане, нежели исламскому. На самом деле американцы понимали, что доминирующее на Западе убеждение, согласно которому исламский режим наверняка приведет к нестабильности и потенциальному экспорту терроризма, в значительной степени оправданно. Неспособность защитить Афганистан снизила влияние Запада на страны исламского мира. Египет, Саудовская Аравия и другие поняли, что они не могут рассчитывать на США как на преграду угрозам, возникавшим в регионе. Это означало, что другие страны региона не присоединятся к соглашениям, подписанным в марте 1979 года в Кэмп-Дэвиде. Вскоре большинство этих стран вошло в число отказавшихся подписать эти соглашения, в том числе и озлобленный послевоенный Пакистан.

В результате советское влияние на Ближнем Востоке, вопреки прежним тенденциям, стало возрастать. В начале 1980-х годов в результате реакции на израильское вторжение в Ливан масштабы советского военного присутствия в Египте и Сирии превзошли те, что имелись десять лет назад. Пока Иордания и Саудовская Аравия еще противились усилению присутствия Советов в этих странах, Южный Йемен (которому угрожал Северный Йемен) и Ирак рассматривали взаимоотношения с Советским Союзом как гарантию своей безопасности и лучшее средство противодействия угрозам соседей. Расположенная восточнее Индия зависела от увеличения поставок советского оружия, необходимого для залечивания ран, которые получили ее вооруженные силы в ходе войны 1984 года. Таким образом, Индия еще больше сблизилась с Россией.

Но все это не помогло Советскому Союзу улучшить экономическую ситуацию и решить фундаментальную проблему расплаты за брежневскую эпоху и наращивание вооруженных сил. Однако желание Запада поддер-

живать хорошие отношения с Советским Союзом (проявившееся, в частности, в отмене санкций, введенных после советского вторжения в Афганистан) показало, как можно получить доступ к западным технологиям. Поскольку ближневосточные экспортеры все больше сокращали поставки нефти, что было вызвано нестабильностью в регионе и спланированным антизападными элементами искусственным дефицитом нефтепродуктов, Запад (в особенности Западная Европа) попадал во все большую зависимость от поставок советских энергоносителей.

В течение 1980-х годов советские вооруженные силы медленно двигались по пути модернизации, используя как легальный, так и нелегальный импорт компьютерных технологий. Как и в середине XIX столетия, армия стала локомотивом реформ. В конце десятилетия технологическая революция, вызванная появлением микрочипов, проникла и в страны с плановой экономикой. Теперь Советы могли покупать у деморализованного Запада столько новых технологий, сколько они желали, что избавило от необходимости проведения реформ в области общественного устройства.

Все это не решало фундаментальных проблем, связанных с нарушением законности и провалами в отдельных отраслях экономики, зато позволило с помощью вооруженных сил и репрессий разрешать любой кризис в странах Восточной Европы или в Советском Союзе. Московское руководство убедилось в том, что использование вооруженных сил для подавления очагов сопротивления в пределах советской сферы влияния могло вызвать лишь временное ухудшение отношений с Западом. Оказалось, что Горбачев, который всегда помнил об афганском уроке, хотел использовать репрессивные методы для сохранения единства Советской империи с целью выиграть время, необходимое для того, чтобы его реформы заработали и начали бы устранять главные причины недовольства населения. Возможно, Горбачев испытывал весьма серь-

езные опасения по поводу использования вооруженных сил для поддержания советского контроля за границей, но не мог отрицать очевидной эффективности их использования в Афганистане, как не мог противостоять упорству советских военных и КГБ (поражения на полях сражений отнюдь не уменьшили престижа армии и контрразведки), которые убеждали его в том, что этот метод наиболее эффективен. Использование силовых методов против восточноевропейцев несомненно привело бы к охлаждению отношений между Востоком и Западом и на несколько лет отсрочило бы «финляндизацию» Европы. Но в конце концов разрядка обладала слишком большой ценностью, чтобы какие-то поляки или восточные немцы нарушили ее мерную поступь в большей степени, нежели афганцы.

В действительности

Оценивая то, что могло бы случиться, я попытался соблюдать «правило минимального переписывания истории», которое ввел Джеффри Паркер. За исключением отмененного рейда в Иран все, вплоть до «октябрьского сюрприза», является фактическим материалом. В изложении хода событий, обоснованного и продуманного, политика, проводимая Соединенными Штатами и Западом в 1980-е годы, в основном соответствует политике, которая осуществлялась в конце 1970-х годов. Изменено то, что касается действий, которых можно было бы ожидать от переизбранной администрации Картера и получившего от президента внешнеполитический карт-бланш Сайреса Вэнса. Такая администрация вполне могла бы оказать помощь афганскому сопротивлению, причем эта помощь была бы ничуть не меньше той, которую предоставляла стоявшая в то время у власти администрация Рейгана. В то же самое время эта вымышленная администрация оказалась не в состоя-

нии снабжать афганцев зенитными ракетами «Стингер». В действительности первую администрацию Рейгана точно так же сдерживал постоянный контроль бюрократов.

В моем сценарии Афганистан становится спасением для Советского Союза, хотя в действительности он был одним из ключевых факторов, которые обрекли СССР на уничтожение. В Соединенных Штатах отсутствует сильное руководство, хотя в действительности оно было представлено администрацией Рейгана, которая в этом отношении вполне находила точки соприкосновения с премьер-министром Тэтчер и папой римским Иоанном-Павлом II. Кроме того, в действительности стратегия США заключалась не в том, чтобы продолжать «холодную войну» и снизить уровень напряженности, а в том, чтобы выиграть эту войну. Время окончания «холодной войны» и ее результаты никоим образом не были предопределены заранее. На самом деле все вышеупомянутые деятели (а в начале 1980-х и Збигнев Бжезинский) оказались среди тех немногих современников, которые считали подобный конечный результат возможным, если не вполне вероятным.

Сценарий отличается от действительности еще и тем, что Картер оказывает противодействие СССР в период с 1979 по 1980 год, но во время своего второго срока отказывается от этого курса. Политический курс, приписываемый мною администрации Картера, в то время отстаивали те, кто в нее входил, особенно Вэнс и госдепартамент. Идея отказа от поддержки Афганистана, якобы реализованная после вымышленной победы на выборах 1980 года, несомненно имела множество сторонников еще в первый, подлинный срок президентства Картера, как и его весьма изменчивая политика в отношении нейтронной бомбы. На самом деле период 1980—1981 гг. производит такое впечатление, будто вся политика администрации Картера на начальном этапе его президентства оказалась безуспешной. Однако ей удалось заложить основы для более эффективной политики, которая постепенно

вырабатывалась уже при администрации Рейгана. Но если бы в Белом доме оказалась вторая администрация Картера, эта новая политика, вероятно, погибла бы в ходе еще более резких и неожиданных изменений внешнеполитического курса. При Рейгане же эта новая политика вписывалась в более масштабную стратегию США.

Это ключевой момент. Существует отличие между решениями, принятыми для того, чтобы снять отдельную проблему, и решениями, принятыми как часть общей стратегии, даже если это одни и те же решения. И Картер, и Рейган принимали решение оказать помощь афганскому сопротивлению. В данном сценарии долларовой эквивалентности помощи, которую предоставляет афганцам вторая администрация Картера, полностью совпадает с величиной помощи, предоставленной первой администрацией Рейгана. На принятие обоих решений оказывают влияние одни и те же сдерживающие факторы (непримиримость пакистанцев и нежелание американской бюрократии), но именно здесь и видно, что Рейган преуспел в решении афганских проблем, а Картер с этим не справился. И произошло это не потому, что решения были приняты только по Афганистану, а потому, что Картер никогда не вписывал свои решения по Афганистану в более масштабную стратегию победы в «холодной войне». Фактически он никогда не считал, что такая стратегия осуществима и, несмотря на риск ядерной войны, желательна. Некоторые, например Бжезинский, не рассматривали политику Картера как безуспешную. Бжезинский указывал, что политика Картера делала акцент на соблюдении прав человека, поддержке афганского сопротивления и увеличении расходов на оборону. Именно этим и воспользовалась администрация Рейгана для того, чтобы успешно завершить «холодную войну».

В действительности поддержка, которую США оказывали афганскому сопротивлению, сыграла решающую роль в успехе повстанцев. Зная о поддержке со стороны

США, Пакистан, Китай, Саудовская Аравия, Британия, Франция и другие страны смогли присоединиться к усилиям американцев. Данный сценарий показывает, что без мощной руководящей роли США, без масштабного наращивания американских стратегических и обычных вооруженных сил не было бы и столь мощной ответной реакции мирового сообщества. Афганцы без всякой иностранной помощи достигли величайшего за все XX столетие национального подъема. Но только иностранная поддержка, особенно та, которую стала предоставлять вторая администрация Рейгана, позволила им преодолеть недостатки политического развития и нанести Советам такой удар, который заставил Горбачева понять, что он не сможет проводить реформы и удерживать Афганистан. Для проведения реформ следовало улучшать отношения с Западом, а первая администрация Рейгана, несмотря на все наложенные Конгрессом ограничения, продемонстрировала, что Афганистан останется преградой для таких отношений.

Советы оказались не в состоянии принять вызов, брошенный их системе Афганистаном, потому что подвергались давлению с разных направлений. Будь целью США компромисс с Советами, Афганистан никогда бы не сумел поставить Советскую державу в такую ситуацию, с которой она не смогла бы совладать. В различных обстоятельствах одни и те же действия США могли привести к очень разным результатам.

Питер Дж. Цурас

ОПЕРАЦИЯ «КРАСНАЯ МОЛНИЯ». Развал Красной Армии

**Академия Генерального штаба
им. Свечина.**

Москва, 2 декабря 2007 года

Маршал России князь Иван Васильевич Чонкин поднялся на кафедру лекционного зала Академии им. Свечина Генерального штаба Великой России¹. Две сотни пар глаз внимательно рассматривали тощего старика в простой се-

¹ Александр Андреевич Свечин (1878—1938) — во время Первой мировой войны генерал императорской русской армии и начальник штаба генерала Брусилова, затем начальник штаба армии. Во время Гражданской войны вместе с генералом Брусиловым перешел на сторону красных. Последняя занимаемая должность — начальник Академии Генерального штаба. Он внес большой вклад в историю и теорию военного искусства. Был уничтожен Сталиным во время чисток. Его идеи получили второе рождение после крушения Советского Союза и стали важной теоретической основой для новой русской армии.

рой форме, однообразие которой нарушал лишь блеск креста Святого Георгия и двух медалей Героя России. Ходили слухи, что появление на этой форме малейших складок приводило ее владельца в ужас. За его спиной, занимающая почти всю огромную стену аудитории, висела знаменитая картина Константинова, запечатлевшая историческую встречу Чонкина и будущего царя Петра III. Некоторые считали, что эту работу Константинова скорее можно отнести к иконописи, нежели к исторической живописи. Какой-то мистической аурой была окутана сцена судьбоносного сентябрьского дня 1989 года, когда эти два воина получали в Свято-Сергиевском монастыре благословение патриарха. Всем троим суждено было, перешагнув через руины империи, спасти Россию¹.

¹ Петр Третий — Петр Дмитриевич Суворов был молодым полковником воздушно-десантных войск, который обладал личным обаянием и талантами руководителя. Это притягивало к нему всех, кто хотел спасти Россию, воскресшую после агонии Советского Союза. Ему очень помогло то, что он был потомком самого знаменитого и почитаемого в России воина — Александра Васильевича Суворова. Под стать его талантам были блестящие организаторские способности Чонкина. Эти двое составляли надежный тандем, который провел Россию сквозь ужасы гражданской войны 1990—1992 годов. Третьим членом этой команды стал молодой священник отец Павел, который благословил их в том же самом месте, где святой Сергей благословлял Дмитрия Донского, перед тем как тот повел русское войско на монголов и спас Россию в 1380 году. Отец Павел стал духовным руководителем движения петровцев. Ему приписывают немало чудес. В декабре 1991 года Петр был провозглашен царем и основателем новой династии Суворовых. Это произошло в Георгиевском зале Кремля. Спустя несколько лет после кончины старого, имевшего связи с КГБ патриарха Петр известил Священный Синод о том, что благоволил занятию Павлом освободившегося места. Вся Россия с радостью приняла молодого патриарха, а Русская Православная Церковь отметила новое чудо мироточения иконы Святой Троицы в Свято-Сергиевском монастыре.

Перед тем как Чонкин заговорил, на его нарочито суровом лице аскета, которое сравнивали с ликами рублевских икон, на секунду появилось насмешливо-веселое выражение.

— Господа, ростки того несчастья, которое обрушилось на бывший Советский Союз, были выпестованы в Центре военной истории армии США. Позволю себе особо подчеркнуть, что это учреждение представляло собой коллектив самых блестящих интеллектуалов, которые когда-либо занимались военной историей. Вышестоящие инстанции умело направляли и поощряли их плодотворные коллективные усилия. Эти инстанции ценили уроки прошлого гораздо выше, нежели внедрение новых технических игрушек.

Они, конечно, жадно ловили каждое его слово. Чонкин позволил себе роскошь полюбоваться собственной отточенной логикой и изысканной формой выражения. Что ж, сегодня он был в ударе. Зачем отрицать? Впрочем, все это выглядело так убедительно только потому, что было ложью... пусть красивой и логически выстроенной, но, тем не менее, ложью. Чонкин был одним из немногих, кто знал, что в действительности произошло двадцать лет назад.

Центр военной истории, Вашингтон, 15 июня 1987 года

В то утро майор Джон Т. Моран налил свою первую чашку кофе в надежде, что сможет спокойно почитать «*Mes Reveries*» де Сакса в новом переводе издательства «Гринхилл». Эта книга была настоящей жемчужиной, редким переизданием колоритных воспоминаний знаменитого капитана, жившего в начале XVIII века. Моран надеялся написать для армейского журнала «*Military Review*» аналитическую статью, посвященную методам де Сакса. Но, судя по всему, мечта была неосуществимой. В его рабочем рас-

писании не находилось свободного места. Приступив к своим обязанностям, он уже в первую неделю понял, что чтением де Сакса придется заниматься только урывками. Работа Морана заключалась в составлении биографий генералов, которые вот-вот должны были уйти в отставку. Успешно ее выполнив, он мог надеяться, что ему разрешат присоединиться к группе, которая занималась написанием истории введения в армии электронной обработки текстов. Сотрудники с восторгом выполняли это задание и гордились тем, что им доверили такую работу.

Моран наслаждался ароматом кофе и сознанием того, что вскоре ему предстоит вкусить «запретный плод» замечательной книги. Но в этот самый момент сама судьба стала ломиться в дверь, бешено дергая ручку и источая запах тревоги.

— Ваше краткое сообщение! Ваше краткое сообщение для заместителя... Оно готово? — завывала судьба.

Более всего судьба раздражает тем, что вечно является в чужом обличье. На сей раз она появилась в образе шефа, полковника Бенсона, по прозвищу Дикий Билл.

— Какое краткое сообщение? — поинтересовался Моран.

— Какое сообщение! — заорал Бенсон, переходя с воя на визг. — То, о котором мы говорили на прошлой неделе, вот какое! Оно ведь готово, майор?

Моран озадаченно посмотрел на багровое, точно свекла, лицо Бенсона. Он мучительно напряг память, и его тут же осенило.

— Вы имеете в виду мои изыскания в области непрямых действий, сэр?

— Да! Именно! У вас всего тридцать минут на то, чтобы добраться до места. Бегом — марш!

К сожалению, высокая оценка, которую полковник имел неосторожность дать изысканиям своего подчиненного в области непрямых действий в разговоре с начальством, привела к совершенно неожиданному интересу

вышестоящих. Словно утопающий за соломинку, полковник ухватился за не слишком-то обнадеживающую уверенность, которую услышал в голосе Морана.

У самого же Морана не было времени удивляться тому, как пятиминутный разговор в приемной, случившийся более месяца назад, мог столь стремительно превратиться в краткое сообщение для заместителя начальника штаба. По крайней мере, он уже закончил работу над этой темой и по пути к выходу из офиса захватил с собой ее копию. Когда оба буквально вылетели из двери, их заметил Джон Морган, который работал в одном служебном помещении с Мораном. Его удивило то, что Дикий Билл выбежал вместе с Мораном. Должно быть, случилось нечто важное, подумал Морган, если Бенсон отменяет краткий доклад, с которым ему предложено выступить перед заместителем. Но что могло быть важнее краткого доклада о биографии собиравшегося в отставку шефа?

«Маленькая спальня», Пентагон

Плохая примета, когда заместитель начальника штаба армии США появляется на совещании раньше докладчика, особенно когда этот заместитель — генерал Оскар Роч по прозвищу Бритва. Тяжелый дух свершившегося святотатства заполнил «Маленькую спальню», когда раздался стук в дверь комнаты, служившей заместителю помещением для конфиденциальных бесед¹.

Моран был слишком погружен в суть предстоящего сообщения и поэтому не обратил внимания на царившую вокруг зловещую атмосферу. Вытащив из кармана трубку и засунув ее в угол рта (чтобы потом время от времени посасывать), он приступил к своему докладу.

¹ «Большая спальня» — неофициальное название помещения для докладов начальнику Штаба армии США.

— На поле боя войска НАТО постоянно находятся в невыгодном положении из-за подавляющего превосходства Советов в численности личного состава и техники, особенно когда оно усилено приблизительным равенством технологического уровня боевой техники и приемлемым уровнем оперативной эффективности...

Вечно хмурое лицо Роча становилось все более мрачным, по мере того как он рассматривал своего подчиненного. Манеры этого человека наносили оскорбление Рочу как заместителю начальника штаба. Его подчиненный вел себя слишком... слишком легкомысленно и непринужденно. На мгновение Рочу показались напрасными опасения, вызванные недобрим предчувствием относительно того, что ему придется заниматься служебными делами. Это было приятное и успокаивающее ощущение, но оно тотчас исчезло.

— Противостоять советской военной машине, приняв ее условия игры, — значит обречь себя на неудачу. Скорее решение заключается в классическом применении концепции непрямых действий. Не следует ставить себе целью нанести удар по военной мощи Советского Союза. Нужно ударить по самому слабому месту, по какой-то особенности национального характера русских. Ведь среди множества советских народов именно русские являются имперской нацией. Нанесите удар по слабой стороне национального характера русских — и вы нанесете удар по их имперской власти над подчиненными народами.

Моран был доволен собой. Он обладал врожденной способностью учить людей. Роч же, который давно лишился врожденной способности учиться, был совершенно собой недоволен. Сейчас к нему относились с пренебрежением и оскорбляли. Где все принадлежности, необходимые для краткого доклада? Где все эти графики, диаграммы, слайды, а главное, где сравнительные графики? Он обожал сравнительные графики. Какой же доклад без сравнительных графиков? Тот, кто не был столь вынос-

лив, как он, или не разделял его вкусов, обычно мямлил что-то насчет «смертной казни через сравнительные графики» или бормотал о «гибели тысячи сравнительных графиков». Совершенно позабыв об этом, Моран радостно продолжал¹:

— Применив этот метод накануне войны, мы немедленно получим самые действенные результаты. Рухнет самый сложный план советского вторжения, поскольку эшелоны советских войск будут наскакивать друг на друга, это вызовет хаос на всем центральном участке фронта. НАТО обретет возможность атаковать, диктовать противнику собственные условия игры и получит неизмеримо более высокие шансы на выигрыш. В результате военная победа над странами Варшавского пакта из гипотетической станет вполне возможной...

Теперь Роч уже кипел. Каждый новый вызов, брошенный его достоинству, распял в нем ярость. И дело было не в том, что Моран вразумительно обрисовал суть подхода, который несомненно был революционным для искусства ведения войн. На самом деле Роч и слова не услышал из всего сказанного. Скорее причина заключалась в незатянутом галстуке, в кителе, который был покрыт пятнами от кофе и украшен прилипшими к нему крош-

¹ После ухода в отставку Роч был принят на работу компанией по разработке программного обеспечения. Он успешно занимался сбытом программы докладов в армии. Именно он несет ответственность за тот «золотой век докладов», который наступил в армии США в конце 1990-х годов. Именно благодаря ему умение обращаться с программным обеспечением стало считаться важнейшим навыком, которым должен был обладать любой офицер в звании капитана и старше. Эту благодатную картину нарушил некий дерзкий капитан, спросивший генерала, как Джорджу Паттону удалось пройти всю Северо-Западную Европу, не имея программного обеспечения. Роч перекинулся парой слов со своими старыми друзьями, и капитан закончил свою военную карьеру вскоре после того, как получил заштатную должность в Управлении призывников.

ками от сдобных булочек. Но хуже всего было то, что швы на форме этого болтуна выпирали наружу, свидетельствуя об излишке веса Морана.

Вспышка ярости оказалась не из приятных, как, впрочем, и все последующие плотоядные тирады генерала. Потом Моран вспоминал, как Бенсон, взяв майора под руку и болтая всякую ерунду, вел его по коридорам и переходам Пентагона, как они, преодолев акры автостоянок, оказались напротив Центра военной истории и кое-как влезли в свою машину, зажатую между двумя соседними автомобилями. На следующий день было еще хуже. Дикий Билл пришел в чувство, причем настолько, что жадно впитывал каждое слово Роча, которое тот произносил во время личного собеседования с полковником. А после этого полковник возжаждал мести.

Если бы взглядом можно было убивать, Моран уже давно превратился бы в кучку дымящихся углей. После цветистого вступления полковник изрек фразу, которая оказалась самой приятной из всех, произнесенных им во время встречи.

— Мне только что приказали уйти в отставку, майор. Меня до сих пор не заменили только потому, что я могу написать отчет об эффективности вашей работы. Это будет мой последний официальный акт. Позвольте мне начать с того, что вы явно не соответствуете введенным в армии стандартам программы по контролю за избыточным весом.

Офицерский клуб Паттона, Форт-Мейер, Виргиния

Барменша Энни ничего не имела против того, чтобы уделить внимание любому бедолаге, сбежавшему сюда из окопов позиционной войны, которую вели штабные служаки Пентагона. Сегодня вечером облагодетельствован-

ным оказался толстощекий майор, которого она редко видела раньше. Энни сразу же признала в нем очередного несчастного, у которого рухнула карьера.

— Я просто не могу понять, Энни. Ведь это действительно замечательная концепция. Уверен, что она бы сработала. Послушай, ведь русские страдают от ужасающего алкоголизма. Это настоящая проблема. И в этом их слабость, которой нельзя не воспользоваться. Любая работа по военной истории заполнена примерами того, как русских подводила неспособность управлять собой.

— Налить тебе еще легкой кока-колы, милоч? — проворно вмешалась Энни. — Идейка-то и впрямь интересная, — промурлыкала она, размышляя о чаевых. Сегодня их было маловато.

Поверив этому фальшивому проявлению интереса, Моран как следует порылся в своем портфеле и вытащил оттуда толстую пачку бумаг.

— Вот послушай, Энни, что написал один парень, которого звали Владимир Антонов-Овсеенко. Он был одним из большевистских вождей и в 1917 году возглавлял штурм Зимнего дворца.

Не замечая, что глаза Энни осоловели, Моран стал громко читать вслух.

«Охраняя винные подвалы дворца, солдаты Преображенского полка напились до бесчувствия... Павловский полк также не устоял перед соблазном. Послали отборных представителей из различных полков. Они тоже напились. Поручили вмешаться членам полковых комитетов... Эти тоже сломались. Солдатам бронеотрядов приказали рассеять толпу — они помаршировали взад-вперед, а потом стали подозрительно покачиваться... Была сделана попытка затопить подвалы. Напилась пожарная команда... Совет Народных Комиссаров назначил особого представителя, наделив его чрезвычайными полномочиями... Но слишком похоже на то, что и на этого комиссара нельзя положиться».

Подняв глаза, Моран обнаружил, что Энни протирает дальний конец барной стойки. Не в силах удержаться, поскольку дело касалось интереснейшей темы военной истории, майор снизошел до того, что продолжил свою лекцию.

— Видишь ли, Энни, суть культуры питья у русских заключается в том, чтобы как можно скорее вырубиться. Когда под рукой оказывается спиртное, они выпивают его до капли. Ты знаешь, их бутылки со спиртным закупориваются не пробками или винтовыми крышками, а только металлической фольгой. То есть, когда бутылка открыта, ее надо допить до дна.

Прислонившись к стойке бара, Энни внимательно слушала — Моран сыграл на ее профессиональном интересе.

— А ты знала о том, что важнейшим источником доходов советского бюджета является производство и продажа выпивки? Я не шучу! Так было при царе, но сейчас, при коммунистах, они пьют гораздо больше¹. По причине того, что Кастро стал поставлять дешевый сахар, Советам пришлось ослабить контроль за поведением нашего бородатого друга. Теперь все занимаются изготовлением самодельных спиртных напитков, называемых «самогон», или «керосинка». Знаешь, Энни, они проверяют эту гадость, окуная в нее кусочек бумаги, который потом зажигают и смотрят, не дымит ли она, сгорая. Об этом у них даже есть коротенькая песенка:

Спасибо, Куба, за сахар
Все русские говорят.
Две стопочки с килограмма,
Что синим огнем горят!

¹ *Gabriel. The New Red Legions. P. 152–159.* Многочисленные опросы, проведенные среди бывших советских военнослужащих, показали, что 55,8 процентов респондентов видели офицеров пьяными на службе, а 64,6 процентов могли сказать то же самое о сержантах. Более 30 процентов считало, что алкоголизм снизил боеспособность их подразделений. Более трети правонарушений военнослужащие совершили в состоянии алкогольного опьянения.

Все это заставляет меня поразмыслить над тем, что я когда-то читал о Второй мировой войне и о Восточном фронте. Когда в 1943 году немцы отступали после битвы под Курском, им пришлось оставить огромный склад, расположенный в колхозе Фески, неподалеку от Харькова. Этот склад предназначался для обеспечения целой группы армий продовольствием и выпивкой. Вот что, Энни, называется хорошим снабжением! Туда привозили выпивку, награбленную во всех странах Европы. Там было столько французского вина, сколько производилось в этой стране за год, уже не говоря об испанском хересе и итальянском кьянти. Там было столько русской водки, что она хранилась в оплетенных бутылках, в таких огромных стеклянных сосудах. Начальник склада разрешил любому германскому подразделению брать с собой столько спиртного, сколько оно сможет унести. Не забывай, это была армия, которая стремительно отступала. Повсюду были заторы. Немцы забрали все, что хранилось на складе, за исключением водки. Не тронули ни одной бутылки.

Как только немцы убрались, прямо к складу вышел авангард преследовавших их советских войск — части 5-й Гвардейской танковой армии, которая одержала победу в великом танковом сражении под Прохоровкой. Выпив всю водку до последней капли, русские в течение трех дней не могли даже пошевелиться. Спустя еще пару дней их, так и не избавившихся от похмелья, наголову разбила дивизия СС.

Мне пришло в голову, что мы могли бы поставить себе целью добиться того же самого, что удалось сделать немцам благодаря случайности. Вот я и разработал свой великолепный план. Потом выступил с кратким докладом, изложив свой план перед заместителем начальника штаба, а в итоге получил по зубам. Это называется вогнать осиновый кол в сердце новой идеи. Ладно, думаю, я найду себе местечко учителя средней школы.

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

Театрально расправив свои бумаги, в которые он неоднократно заглядывал, Чонкин сделал эффектную паузу.

— Господа, американская армия, разумеется, сразу же признала «Красную молнию» гениальной разработкой. Ей была присвоена высочайшая степень важности. Оперативное командование армии, тыловое обеспечение и учебное командование получили приказ подготовить осуществление этого плана.

Кабинет заместителя начальника штаба, Пентагон, 15 июля 1987 года

В старину говорили, что боги своенравны. Будь то своенравие или просто отсутствие чувства юмора, но судьбе было угодно вмещаться именно в тот момент, когда генерал Роч согласно графику уходил в отставку. Административную неразбериху, обычно сопровождавшую столь значительные события, еще больше усилило резкое поведение офицера, занимавшегося административно-хозяйственными вопросами. Он хорошо усвоил стиль руководства своего начальника.

— Сержант Паркер! — рывкнул офицер через дверь кабинета. — Я не намерен повторять дважды! Немедленно принесите мне на подпись все научные работы.

— Не намерен он, козел вонючий! — шепотом выругалась женщина-сержант. Питая к этим бумажкам отвращение и в то же самое время испытывая к ним благоговейный трепет, она шагала по кабинету. В руках у нее были две пачки научных работ. Как она ни старалась, эти пачки все же выскользнули у нее из рук. — Вот все, что ты хочешь посмотреть, — пробормотала она, сгребая бума-

ги, и на глазок аккуратно разделила кипу на две части, имевшие приблизительно те же размеры, что и до падения. — Разрешите, сэр?

Майор пронзил ее взглядом, в котором читался вопрос: «Что-тебя-так-задержало?» — и схватил пачку, в которой заметил титульные листы с утвердительными пометками. Он стал быстро просматривать безукоризненно воспроизведенные подписи целого ряда офицеров, занимающих чрезвычайно ответственные посты. Сей факт убеждал в том, что эти весьма обстоятельные документы были утверждены всеми инстанциями, отвечающими за подбор кадров. В самом конце списка он обнаружил завитушку подписи Роча.

Благодаря непредсказуемому взмаху крыльев судьбы, план Морана оказался именно в этой пачке, вместе с которой и покинул кабинет Роча. В целостности и сохранности он переходил из рук одного военного бюрократа в руки другого, ощутил на себе дыхание вечной жизни и получил собственное имя — операция «Красная молния».

Будучи армейским проектом, он не сумел найти себе «крестного отца» в других ведомствах. Ни ВМС, ни ВВС не проявили ни малейшего желания взяться за его осуществление. Когда проект изложили на совместном заседании по координации работы плановых комитетов, адмирал Кэллаган по прозвищу Риф опасно повел носом, рассмеялся и сказал: «За это может взяться морская пехота, когда армия выдохнется». Представитель ВВС генерал Уиндем по прозвищу Воздушная Обдираловка явно собирался продемонстрировать снисходительное высокомерие, с которым он относился к любым армейским проектам. Армию легко было одурачить. ВМС и ВВС обладали гораздо более сведущими специалистами в области использования системы вооруженных сил в своих интересах. Смертный приговор уже готов был сорваться с кончика языка генерала, когда какой-то офицер штаба ВВС шепнул ему на ухо: «Генерал,

возможно, этот диковинный план открывает совершенно новые стратегические перспективы, от которых ВВС не может отмахнуться. Я предлагаю уделить ему внимание». Как ни жаль было Уиндему, от снисходительного высокомерия пришлось отказаться.

Целую неделю армия только тем и занималась, что отражала попытки ВВС вырвать из рук армейцев общее руководство операцией «Красная молния». Настойчивость ВВС насторожила армию, и теперь она была готова ко всему. Если ВВС ухватились за этот проект — должно быть, он того заслуживает.

Кабинет заместителя начальника штаба, Пентагон, 7 января 1988 года

Новый заместитель начальника штаба с удовлетворением отметил прогресс, которого достигло осуществление плана «Красная молния». Мелодичный голос пресс-офицера сообщал ему хорошие новости, сопровождая их показом цветных слайдов. Не забыть бы направить в центр графических работ благодарность за чудесную работу.

— ВВС сообщают, что заключенные ими контракты на приобретение специального снаряжения выполняются «своевременно и эффективно». Заключенные нами аналогичные контракты на приобретение небольших небьющихся пластиковых контейнеров также в стадии выполнения. На этом слайде вы видите ярлык на русском языке из числа подготовленных для данного типа контейнеров.

Закупка спиртных напитков через нескольких связанных с ЦРУ оптовых поставщиков не вызвала подозрительного дефицита и роста цен на внутреннем рынке. Стратегическое присутствие делегатов от Кентукки и Теннесси в комитетах по разведке и ассигнованиям обеих палат Конгресса, как и прежде, гарантирует наличие мощной поддержки на Капитолийском холме. Закупка поло-

вины экспорта советской водки марки «Столичная», которая считается лучшей в мире, оказалось более сложным делом, чем ожидалось. Похоже, Советы столкнулись с трудностями, связанными с необходимостью увеличить экспорт, чтобы удовлетворить внезапно усилившийся спрос. ЦРУ сообщает, что, по их мнению, КГБ вскоре начнет вынюхивать причины таких изменений.

Наиболее сложным элементом операции «Красная молния» является реорганизация 50 процентов подразделений Национальной гвардии штата Юта и отборных подразделений гвардии штатов Алабама и Миссисипи, из которых будут сформированы многочисленные батальоны ракетных установок. Наличие в этих подразделениях большого количества мормонов и баптистов, которые являются трезвенниками, сведет к минимуму случаи преступных манипуляций со снаряжением. Темпы переподготовки отстают от графика.

Заместитель поехался. Начальник административно-строевого Управления сухопутных сил Юты едва устоял на ногах, когда ему объяснили, какую роль его штат должен сыграть в осуществлении операции «Красная молния». Губернатор уехал к президенту. Все это было весьма неприятно, но заместитель несколько не соответствовал данному ему прозвищу Чететка. В конце концов штат Юта пришел в себя, хотя этого удалось добиться только ценой обещания построить новый склад и чуть ли не написанного кровью клятвенного обязательства никогда не закрывать Форт-Дуглас в Солт-Лейк-Сити¹. Алабама и Миссисипи тоже сорвали куш.

Между тем на экране появился очередной яркий слайд, и заместитель вновь сосредоточил внимание на докладе.

¹ Роль Юты в осуществлении операции «Красная молния» запечатлена в монументе, установленном в центре Солт-Лейк-Сити. Его провозят по улицам во время ежегодного шествия, посвященного Дню Пioneров.

— Министерство здравоохранения США и Управление военной юстиции дали положительные заключения. Мы убеждены в том, что операция «Красная молния» не нарушает Женевскую конвенцию, правила ведения войны, а также соглашения и протоколы о запрещении химического оружия. На этом я заканчиваю свой доклад, сэр. У вас имеются вопросы?

У заместителя не было вопросов. Он счел доклад столь же безукоризненным, сколь безукоризнен был сам докладчик, майор Массингейл — великолепный офицер, обладавший атлетическим сложением, в идеально подогнанной форме, превосходно излагавший материал и всегда приносивший только хорошие вести.

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

— В процессе планирования американцы столкнулись с проблемой, которая заключалась в том, что операция «Красная молния» могла оказаться успешной только в случае участия в ней всей военной структуры НАТО. Таким образом, потребовалось, соблюдая осторожность, посвятить в нее других членов Альянса и привлечь их к процессу планирования. Проект был настолько великолепен, что сразу же убедил европейцев, которые вскоре стали работать над ним рука об руку с американцами. Должен сказать, что коварство этого замысла имело прямую связь с традиционными для европейских членов НАТО направлениями военной мысли.

Штаб-квартира НАТО, Брюссель, 14 мая 1988 года

Верховный главнокомандующий объединенными войсками НАТО в Европе был поздно посвящен в детали плана. Его реакция оказалась весьма бурной.

— Они что, снова хотят закрепить за штабом армии репутацию дурдома?

Однако Мейер по прозвищу Железный Майк был не из тех, кто станет раскачивать лодку, когда можно воспользоваться более утонченными методами. Он решил пойти в обход и позвонил заместителю начальника штаба армии.

— Том, это Майк. Как Агнес и детишки? Замечательно. А как юная Агнес справляется с этой критической ситуацией? Здорово! Слушай, старина, твой штаб действительно хорошо все продумал? Нет, я не знал, что операцию предложил Оскар, перед тем как уйти в отставку. Тогда совсем другое дело. Оскар всегда знал, что делает. Не могу себе представить, чтобы он позволил чему-нибудь вроде этой «Красной молнии» выйти за пределы штаба без детальной проработки. Само собой, Том, здесь, в Европе, мы все обеспечим. У меня самая что ни на есть крутая команда... Условия? Нет, вообще никаких. Ну, может быть, одно, совсем маленькое. Как, черт возьми, я буду продавать это союзникам, Том? Вот здорово, спасибо. Так ведь для этого я и держу штаб. Ты можешь рассчитывать на нас. Привет от Линды.

На конференции министров обороны стран НАТО разразился настоящий скандал, когда американцы выступили с докладом об операции «Красная молния». Трудно сказать, кто в большей степени был ошеломлен — министры обороны или военные высших рангов. Здесь были люди, которые сделали себе карьеру на том, что всеми способами отгораживались от военного дилетантизма американцев. Для них это оказалось уже слишком. Потомки Цезаря, Мальборо, Наполеона и Клаузевица, люди, обладавшие бесконечным самомнением, — они были основательно посрамлены.

Однако судьба снова взмахнула своим крылом. Единственным, кто сохранил спокойствие, оказался министр обороны Греции. Во время ланча он сделал сногсшибательное заявление.

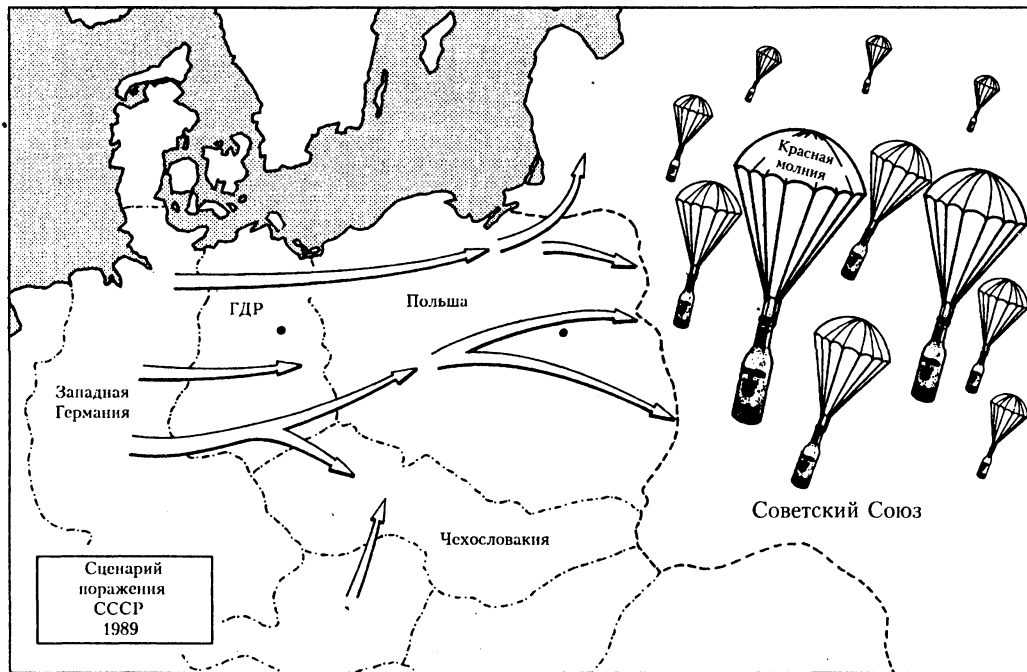
— Господа, я намерен сообщить, что Греция поддерживает этот план, и делает это с энтузиазмом! — Дождавшись, пока все присутствующие обернутся к нему, он продолжил: — За последние несколько лет Греция произвела столько вина на экспорт, что даже французы оказались не в состоянии скупить его и наклеить на него свои ярлыки.

Этой фразой он напомнил о том, что в течение вот уже двух лет виноград, издревле почитаемый на всем пространстве от Лиссабона до Измира, вызывал особый интерес итальянского, французского, испанского и португальского министров обороны. Даже турецкий министр проявил интерес, хотя и весьма поверхностный — ведь это было греческое предложение. Британский министр вспомнил обо всех неиспользуемых винокурнях Шотландии, которые пострадали от резкого падения спроса на их продукцию. Ланч закончился в теплой и дружественной обстановке.

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

— Теперь стоит задать себе вопрос, а что, собственно, знали советские разведслужбы об операции «Красная молния»? Все это время КГБ и ГРУ занимались сбором информации. Беда заключалась в том, что они не могли связать разрозненные сведения в единую картину. Им было известно название «Красная молния», но они никак не могли уловить связи между Национальной гвардией Юты, экспортом советской водки, странными пластиковыми контейнерами и внезапно появившимся спросом на безмерное количество вина, производимого в странах Общего рынка.

Должен сказать, что, проявив вопиющую некомпетентность, разведслужбы не удосужились поделиться добытой информацией с Институтом военной истории для надлежащей оценки связей этой информации с историческими реалиями.

Разгром Советского Союза, 1989 г.

**Институт военной истории, Москва,
27 июня 1988 года**

Начальнику отдела по взаимодействию родов войск аналитического центра Института военной истории подполковнику Ивану Васильевичу Чонкину показали крайне интересными сведения, собранные разведслужбами и «по знакомству» оказавшиеся в его распоряжении. Будучи обладателем бесчисленных научных званий в области истории, одно из которых было присуждено ему Гарвардским университетом, и магистром марксистско-ленинской военной науки, Чонкин сумел понять, что в этих данных имеется некая изюминка.

Запотевший стакан чая, настолько горячего, что, хватив его, любой американец получил бы ожог, не мог вывести Чонкина из состояния глубокой задумчивости. Он пил чай мелкими глотками и с отсутствующим видом смотрел на улицу сквозь высокие старомодные окна. Подполковнику внимал штабной историк майор Василий Драгомиров.

— Знаешь, Василий, британские спецоперации времен последней войны имеют какой-то особый, восхитительный аромат. В этом-то и проблема. Ведь «Красная молния» — проект американский. Их стиль слишком высокотехнологичен, слишком напорист и лишен воображения.

Чонкин чувствовал себя так же неловко, как человек, который страдает от зуда, но не может почесать место, которое его беспокоит. Неужели американцы принялись за то, что не соответствует их национальному характеру? Невозможно! А вдруг? Он быстро встал и поставил стакан с чаем на стол.

— Василий, принеси-ка мне работу об исторической вероятности, ту, которую написала твоя группа.

Эта работа представляла собой наиболее полный марксистско-ленинский научный анализ, на основе истори-

ческих особенностей и свойств национального характера, сводивший вероятность определенных типов поведения оппонентов к точным математическим уравнениям.

Драгомиров щелкнул по строке с заголовком «Стратегия непрямых действий».

— Товарищ подполковник, американцы занимают самую нижнюю часть таблицы, причем имеют коэффициент вероятности, который не показан в виде нуля исключительно ради соблюдения математической точности.

Затем он щелкнул по таблице «Военно-историческое самосознание и соответствующие варианты его практического использования». Здесь действительно стоял ноль. Неказистый маленький кружок, казалось, трепетал при виде глупой улыбки Драгомирова. Улыбка подчиненного заставила Чонкина передернуть плечами.

Кремль, 3 июля 1988 года

В кратком сообщении, сделанном КГБ для Политбюро, наконец-то была озвучена разгадка тайны «Красной молнии». Как только на экране появился слайд, первый секретарь партии прервал докладчика.

— Насколько мне известно, американцы пользуются более современными цветными слайдами. Почему КГБ отстает от американцев? Товарищи, обсуждение этого пробела со слайдами надо перенести на следующее наше заседание. Продолжайте, товарищ докладчик.

Члены Политбюро внимательно слушали доклад; на сей раз количество присутствующих старцев вдвое превышало обычное. Чтобы не пропустить ни единого слова, их слуховые аппараты были включены на полную мощность.

— В итоге, товарищи, мы пришли к выводу, что американское правительство пытается установить контроль над рынком сбыта алкогольных напитков, чтобы увеличить доходы государства и уменьшить общий дефицит.

Заключительная часть доклада вызвала у всех присутствующих самодовольные усмешки.

— Это только подтверждает отсталость капиталистической системы, — заявил от имени всей группы древний старец Григорий Гришин по прозвищу Гулаг. — Просто невероятно, что они только сейчас обнаружили важность спиртного как источника государственного дохода! При социализме мы знали это с самого начала!¹

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

— Причины войны, которая началась утром 15 мая 1989 года, не подлежат рассмотрению в данной лекции. Достаточно сказать, что советскому верховному командованию удалось распространить дезинформацию, которая имела стратегическое значение. НАТО провело мобилизацию, но было уже слишком поздно. В то майское утро единственным американским подкреплением, которое успело прибыть в Европу и занять позиции, оказа-

¹ Пробел со слайдами действительно стал главной темой повестки дня следующего заседания. Политбюро приказало Госплану приступить к модернизации технологии составления докладов и обеспечить производство цветных слайдов. В течение нескольких недель был разработан проект строительства целой сети фабрик по производству слайдов. Основные мощности предполагалось разместить в трех городах Советского Союза — Таллине, Москве и Хабаровске. Когда вспоминаешь времена советской угрозы, поражает количество решений Политбюро, которые наводят на мысль, что они были приняты в состоянии глубочайшего наркотического опьянения, вызванного передозировкой седативных средств. Насколько мне известно, наилучшее изложение истории Политбюро постсталинского периода сделано в недавно опубликованной книге *Владимира Лужкова* «Dreamland and Other Fantasies of the Radiant Future» (Moscow, 2003), особенно с. 334—335.

лись батальоны ракетных установок Национальной гвардии. Генеральный штаб расценил их высадку как доказательство крушения американского плана по переброске подкреплений в Европу.

Где-то в Западной Германии, 15 мая 1989 года

Майор Юрий Виноградов пережил тяжелую ночь, в течение которой один за другим взрывались танки Т-80, входившие в состав его батальона. Все большую неприязнь вызывали воспоминания об инструктаже, проведенном офицером разведки. Все в майоре Андрее Голицыне было лощеным и эффективным. С воистину светской невозмутимостью он буквально промурлыкал инструктаж, произнося слова с заметным московским акцентом.

— Майор, ваша задача крайне проста. Вы перемещаете ваш батальон из пункта А в пункт Б и убираете с дороги всякий хлам, который, насколько мне известно, состоит всего лишь из взвода, входящего в состав 11-го американского мотопехотного полка, этого сборища отъявленных головорезов и наемных убийц, они как бойцы не стоят и ломаного гроша. Впрочем, не надо слишком доверять преувеличенным оценкам наших вьетнамских братьев. Американцы не придумали ничего лучшего, как назвать свое подразделение «Черная лошадь». Вам, майор, досталась действительно непыльная работа, которая принесет славу. Вы собственными глазами увидите то, что нам, штабным, предстоит потом тщательно изучить.

Виноградов с грустью подумал о том, что вставшие у него на пути бойцы «Черной лошади» явно не слышали инструктажа Голицына. После двух часов боевых действий противник истребил два дозорных отряда, которые шли в авангарде колонны. Высланный вперед третий дозор едва ли продержится намного дольше своих предшественников. А полковое начальство требует соблюдения

графика операции! Виноградову было не слишком приятно об этом думать, но он знал, что и его батальон, и даже полк вполне могут быть уничтожены находившимся впереди американским мотопехотным соединением. И все же, раньше или позже, противник будет разбит многочисленными, как полчища саранчи, бригадами, которые, выстроившись друг за другом, заполнили все пространство Европы вплоть до советской границы. Это вполне допускалось планом операции.

В самом начале колонны вспыхнул огненный шар. Отбросив всякие сантименты, Виноградов заорал в микрофон, приказывая полить огнем лесополосу, что тянулась слева от колонны. «Еще один танк, — подумал он. — Сегодня утром в моем распоряжении находилась 31 машина. Теперь их осталось 15 — нет, 14, если принять во внимание тот погребальный костер, что разгорелся впереди. Как называется американская мотопехотная часть, которая держит оборону на этом участке? “Черная лошадь”, вот как». Виноградов дал себе слово, что если переживет эту ночь, непременно даст Голицыну по зубам...

На сей раз снаряд угодил в танк командира второй роты Полшина. Машину подбили в тот момент, когда она преодолевала извилистый участок дороги, который приостановил движение всей колонны. Пламя, поджарившее беднягу Тимофея Полшина и его экипаж, осветило другие машины, с трудом объезжавшие подбитый танк. Выехав на узкую обочину, они стали слишком легкой мишенью для метких стрелков «Черной лошади». Один из прогремевших в этот неудачный миг выстрелов поразил танк самого Юрия Виноградова. Выпрыгнув из вспыхнувшей машины, он заметил лежавшие вдоль дороги и под деревьями картонные коробки и блеснувшее в отсветах пламени стекло.

На рассвете новые батальоны с трудом пробирались по дорогам, объезжая остовы танков, еще недавно входивших в состав передовых подразделений первого эше-

лона, таких как подразделение Виноградова. На всем протяжении фронта заслоны НАТО сделали все, чтобы предотвратить лавинообразный прорыв советских войск и направить атаку в нужное им русло. Они успешно справились со своей задачей. Передовые подразделения советских войск, которые несли тяжелые потери на британском участке фронта, снова и снова докладывали об услышанных ими странных сигналах горна и криках: «Ура!»

То, что Виноградов видел в отблесках пламени горящего танка, прибывшие к месту боя запасные колонны смогли рассмотреть при свете дня. Вдоль дорог выстроились десятки тысяч коробок с бутылками самых разнообразных форм и размеров. Все коробки были открыты, чтобы можно было рассмотреть их содержимое. На аккуратно скошенных газонах, обрамлявших немецкие дороги, и бесчисленных лесных просеках лежали миллионы собранных в кучи бутылок.

Постепенно эти бутылки, разбросанные по всей линии фронта, от Австрии до Балтики, стали привлекать к себе внимание десятков тысяч экипажей военной техники. И если для удовлетворения любопытства кое-кому потребовалось больше времени, чем ожидалось, то уж отнюдь не по причине железной дисциплины. Дело было в скептицизме. Люди, которым следовало заниматься изучением местности или определением местонахождения вражеской авиации, сосредоточились на обочинах дорог. Казалось, определенные участки мозга заставляют их испытывать чувство жажды.

**Академия Генерального штаба им. Свечина,
2 декабря 2007 года**

— Да, господа, не уведомив об этом ни КГБ, ни ГРУ, союзники уже завершили первую, пассивную фазу операции «Красная молния».

Советские вооруженные силы настолько успешно воспользовались маскировкой, что страны НАТО отложили полную мобилизацию, которую впоследствии было уже поздно осуществлять. Но все же натовцы успели приступить к операции «Красная молния». Получив соответствующее уведомление, союзники переместили на восток западноевропейские склады спиртного. Они разместили их в пределах полосы шириной десять километров вдоль границы двух Германий.

Американский участок фронта, Бавария, 16 мая 1989 года

Проведенное после войны исследование, основанное на опросах ветеранов обеих сторон, выявило тот факт, что промежуток между обнаружением выпивки и ее физическим обследованием первым наткнувшимся на нее военнослужащим составил 7 минут 35 секунд. Однако средний показатель этой величины намного ближе к отметке 3 минуты. Как только раздавался восторженный крик, все экипажи бронетанковых колонн покидали свои машины. Впрочем, в этом исследовании нет ссылок на то, что большая часть данных была обнаружена в книге учета заключенных пари, которую вел один из военнослужащих «Черной лошади», аккуратно заносивший в нее все подробности. Драматический ход событий подтверждают данные радиоперехвата (пари заключались и в эфире).

ВЫПИВКА ПАРИ ОДИН, ЭТО КРАСНЫЙ КОГОТЬ ЧЕТЫРЕ. В 06:15 Я ОБНАРУЖИЛ МОТОСТРЕЛКОВЫЙ БАТАЛЬОН, ПОЛУЧИВШИЙ «ПОДДЕРЖКУ» НА ДОРОГЕ В КВАДРАТЕ KL-763432. КАКОЙ-ТО ПАРЕНЕК ВЫПРЫГНУЛ ИЗ ЛЮКА СВОЕЙ БМП И СХВАТИЛ БУТЫЛКУ. СПУСТЯ ПОЛМИНУТЫ ВЕСЬ БАТАЛЬОН ВСТАЛ НА УШИ. ДРУЖИЦЕ, МНЕ ВПЕРВЫЕ ТАК ПОВЕЗЛО С САМОГО УТРА.

ВЫПИВКА ПАРИ ОДИН, ЭТО СИНИЙ МОЛОТОК ТРИ. В 06:21 ЗАСЕК ДЛЯ ТЕБЯ КОЕ-ЧТО В КВАДРАТЕ КМ-759466. ЭТО БАТАРЕЯ ЗЕНИТОК ЗСУ-23-4, КОТОРАЯ СЪЕЗЖАЕТ С ДОРОГИ В ЛЕС. Я-ТО ДУМАЛ, ОНИ СОБИРАЮТСЯ ЗАНЯТЬ ЗДЕСЬ ПОЗИЦИЮ, А ОНИ, УВИДЕВ ОГРОМНУЮ КУЧУ «ДЕРЬМА», СТАЛИ НАРЕЗАТЬ ВОКРУГ НЕЕ КРУГИ. ПОТОМ ВСЕ ЭКИПАЖИ РАЗОМ ВЫПРЫГНУЛИ ИЗ МАШИН.

ВЫПИВКА ПАРИ ОДИН, ЭТО ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА ШЕСТЬ. Я, КАК ПИТЬ ДАТЬ, СТАНУ ПОБЕДИТЕЛЕМ В НОМИНАЦИИ ЗА СОБЫТИЕ ОСОБОГО РОДА. ВРЕМЯ — 07:11, МЕСТО — РАЗВИЛКА ДОРОГ В КВАДРАТЕ КЛ-743453. ТАНКОВАЯ РОТА И АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БАТАРЕЯ ОДНОВРЕМЕННО ОБНАРУЖИВАЮТ ОДНУ И ТУ ЖЕ КУЧУ ВЫПИВКИ. ДВА ОФИЦЕРА ВЫПРЫГИВАЮТ ИЗ ЛЮКОВ И НАЧИНАЮТ МАХАТЬ ДРУГ ДРУГУ РУКАМИ. ЗАТЕМ ОДИН ИЗ НИХ (О БОЖЕ!), УЛУЧИВ МОМЕНТ, СТРЕЛЯЕТ В ДРУГОГО. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ СЛЕДУЮТ ЕГО ПРИМЕРУ. Я НЕ ВИДЕЛ НИЧЕГО ПОДОБНОГО, С ТЕХ ПОР КАК ПАРНИ ИЗ 101-Й ДИВИЗИИ ПЫТАЛИСЬ ЗАПОЛУЧИТЬ НОВЫЙ ЧЕРНЫЙ БЕРЕТ КЕЛЛИ. ДУМАЮ, КРАСНЫЕ НОГИ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС ТАМ, ВНИЗУ, ВЫИГРАЮТ ЭТО ПАРИ¹.

Наклейки на русском языке оказались хорошей идеей, поскольку вызывали у советских военнослужащих мгновенный рефлекс, и они, отбросив всякие сомнения, приступали к решительным действиям, а не к попыткам вспомнить английский, который когда-то учили в средней школе.

¹ «Красные ноги» — прозвище артиллеристов армии США, которые в XIX веке носили красные лампасы. Черный берет — был предметом страстного желания военнослужащих бронетанковых сил армии США, но преобладающая роль пехоты привела к тому, что он так и не был введен в армии. Однако многие военнослужащие покупали такие береты и вызывающе их носили. В офицерских клубах знали: молодые офицеры бронетанковых подразделений дают высокопарные клятвы в том, что введут в армии черный берет, как только кто-нибудь из них станет начальником штаба. Однако введение после войны голубого берета лишило танкистов всякой надежды.

ВОДКА

100% качество

ДАР АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА

Пригодность употребления людьми содержимого этой бутылки подтверждена Министерством здравоохранения Соединенных Штатов.

Факт дарения содержимого этой бутылки не представляет собой какого-либо нарушения Женевской конвенции, правил ведения войн, соглашений и протоколов о запрещении применения химического оружия.

Соединенные Штаты не несут ответственности ни за ущерб, полученный в результате использования этого дара, ни за дисциплинарные мероприятия, предпринятые вооруженными силами второй стороны в результате его использования

Продукция «Блю Грасс Дистиллерис»

Лексингтон, штат Кентукки

Эти правовые предосторожности стали предметом гордости армейских юристов, но были малопонятны советскому солдату. И дело было не в переводе, а в том, что советская правовая традиция не имела ничего общего с ментальностью филаделфийского юриста, которой был насыщен этот текст. В отличие от внезапной отправки в ГУЛаг судебное преследование в Советском Союзе не вызывало большой тревоги.

**Академия Генерального штаба им. Свечина,
2 декабря 2007 года**

Чонкин испытывал воодушевление.

— В момент высочайшего напряжения с лучшей стороны показал себя командный стиль русского офицерства. Самопожертвование и героизм тысяч офицеров, носивших советскую форму, чуть было не сорвали пла-

ны американцев. Существуют бесчисленные свидетельства того, что, столкнувшись с откровенной провокацией, офицеры подавали своим подчиненным примеры мужественного поведения. И все же укоренившаяся склонность к пьянству, навязанная нашему народу советской системой, оказалась сильнее высоких моральных принципов.

Вестфалия, Западная Германия, 17 мая 1989 года

Грозный, словно бог войны, гвардии полковник Владимир Лушин выбрался из своей командирской машины. Его колонна остановилась, и он хотел знать — почему. Перед грудой ящиков и бутылок, широко расставив ноги, стоял молодой лейтенант. Из ствола его АК-74 еще струился дымок. Перед ним лежали два мертвых солдата.

— Товарищ полковник, эти люди нарушили дисциплину и лакали водку. Они отказались прекратить пьянку. Это могло привести к развалу дисциплины во всем подразделении. Я их застрелил, — доложил лейтенант.

— Молодцом, лейтенант! — одобрил полковник. Довольно долго он молча разглядывал груды ящиков, выясняя, не расстрелял ли лейтенант заодно и ящики с водкой. — Возьми отделение и прикажи загрузить в мою машину оставшиеся ящики. Мы должны как следует изучить эту мерзкую хитрость капиталистов и посмотреть, какими ядами или психотропными веществами они наполнили эти бутылки.

Когда полковник отъехал, лейтенант молодцевато отдал честь, испытывая воодушевление, вызванное тем, что он достойно исполнил свой долг. Но его рука обмякла и безвольно опустилась, когда он увидел, как полковник, высунувшись из люка командирской машины, огибавшей извилистый участок дороги, машет ему только что открытой бутылкой.

То там, то здесь какой-нибудь «настоящий» коммунист, обычно младший офицер и крайне редко политработник, пытался воспрепятствовать развалу.

— Товарищ прапорщик Булягин, что вы делаете? Прекратите немедленно! Как вы, член партии, можете совершать такой недостойный коммуниста поступок? — зывал к Булягину младший лейтенант Александр Егоров по прозвищу Все-по-Плану. Вытащив пистолет, он стоял перед прапорщиком, готовый в полевых условиях привести в исполнение крайнюю меру советского военного правосудия. Оторвавшись от ящиков, которые загружал в свою БМП, пожилой прапорщик взглянул на Егорова и вызывающе разбил горлышко бутылки о бронированную дверцу машины. В воздухе резко запахло водкой. Булягин решил, что самое время научить парня уму-разуму.

— Послушай, Саша, — начал он, назвав парня уменьшительным именем. Егоров был неплохим офицером. Он лучше заботился о своих подчиненных, чем многие другие, и поэтому Булягин подумал, что с ним стоит поговорить. — В моем билете написано, что я член партии, но Бог свидетель, я не коммунист, и со временем ты бы все равно это понял...

Советский штаб, Цоссен, Восточная Германия, 18 мая 1989 года

Когда тысячи машин первого эшелона были до предела загружены бутылками, их экипажи предприняли решительную попытку употребить то, что еще осталось лежать на земле. Тысячи литров алкоголя попали в кровеносную систему боевых подразделений трех советских фронтов.

Этот процесс не затронул штабы 25 дивизий первого эшелона, которые уже давно замечали все более ощутимую медлительность передвижения своих полков, а также некоторую несерьезность и пренебрежительный тон

радисообщений. Не приходится и говорить о том, что система кодирования полетела в тартарары. Для натовских подразделений радиоперехвата наступил настоящий праздник. Суровые запросы, направляемые советским верховным командованием, лишь усилили имеющиеся опасения. Командующие и штабные офицеры устремились в войска. Имеются сведения о том, что как раз в это время в боях за Родину погибли командиры 57-й и 207-й Гвардейских мотострелковых дивизий, а также 6-й Гвардейской танковой дивизии.

В конце того же дня в штабы армии и фронтов стали поступать донесения, касающиеся характера ситуации и ее масштабов. В качестве наблюдателя Генштаба подполковник Чонкин находился в главном штабе действующей армии, в местечке Цоссен, неподалеку от Берлина. К этому моменту ситуация наконец стала проясняться. Чонкин немедленно потребовал предоставить ему закрытую линию телефонной связи с Москвой.

— Василий, найди копии той самой работы по исследованию вероятностей и сожги их! Что случилось? Я тебе объясню, что случилось. К настоящему моменту мы должны были продвинуться в глубь Западной Германии на 60 километров, а мы продвинулись, в лучшем случае, на 15. Дивизии первого эшелона застряли намертво. Точнее говоря, напилась вусмерть. Вместо того чтобы сосредоточить силы вдоль границы, они сосредоточились на водке. Скажу тебе, Василий, это, должно быть, работа «Красной молнии». Кто бы мог подумать, что американцы сумеют... Нет, я не был на линии фронта!

**Академия Генерального штаба им. Свечина,
2 декабря 2007 года**

— Обстоятельное планирование и моделирование ситуации помогло американцам весьма точно спрогнозировать кризис советского наступления. Они были полнос-

тью готовы воспользоваться преимуществом, которое получили в результате бедствия, обрушившегося на советские армии первого эшелона.

Штаб-квартира НАТО, Брюссель, 19 мая 1989 года

— Какого черта? — пробормотал себе под нос Железный Майк, когда впавший в эйфорию штаб, сопоставив данные разведки, нарисовал полную картину развала советского наступления. Он не слишком надеялся на «Красную молнию», полагая, что в лучшем случае план лишь внесет некоторое замешательство в ряды наступавших советских войск. Но такого он просто не ожидал.

Многое можно было сказать о Железном Майке, но только не то, что он тугодум. Он уже не сомневался, что советские армии второго эшелона скоро окажутся втянутыми в неразбериху, царящую на всем приграничном пространстве. Теперь он считал важнейшей задачей проблемой тылового снабжения. Все планы ведения войны разрабатывались на основе предположения, что войскам НАТО придется медленно отходить на запад и таким образом пользоваться запасами снаряжения на собственной территории. Именно на эту тему Железный Майк и говорил по телефону с начальником тыла, генералом Найджелом Смит-Уилсоном.

— Кролик! — истошно завопил он в трубку, — Ты что сейчас делаешь?

Смит-Уилсона передернуло от отвращения. «Кролик» было его школьным прозвищем, и лишь немногие друзья могли позволить себе так к нему обращаться. Он терпеть не мог фамильярности этого янки. Черт бы побрал того, кто выдал его прозвище этому тупому американцу. И все же Смит-Уилсон сумел справиться с собой.

— Мы переводим склады на запад и даже опережаем график, — ответил он прохладным тоном.

— Притормози! Готовься к обеспечению позиционной обороны на всем протяжении фронта в течение неопределенного периода.

Только чувство собственного достоинства помогло Кролику сдержаться. Каждый профессиональный снабженец жил в постоянном страхе того, что тип планируемой операции внезапно изменится.

— Но, сэр, такого рода вещи нельзя мгновенно изменить. Ведь время, необходимое для перепланирования...

— Генерал Смит-Уилсон, мне не нужны оправдания, мне нужно ваше служебное рвение.

Позже Смит-Уилсон с недовольной гримасой рассказывал об этом эпизоде полным сочувствия офицерам своего штаба.

— Так что теперь, — добавил он, — если я услышу от какого-нибудь американца слова «служебное рвение», меня обязательно стошнит.

Только когда он обнаружил, что под его опекой оказалось более 250 тысяч советских военнопленных, Смит-Уилсон стал осознавать, насколько все изменилось. А ведь еще не закончилась первая неделя войны.

Для Смит-Уилсона военнопленные не были людьми в прямом смысле слова; они представляли собой множество продовольственных пайков, огромное количество охраны и многочисленные лагеря, которые следовало построить. Если бы он только видел...

Устало двигавшейся на запад колонне советских военнопленных пришлось сойти с дороги, чтобы пропустить колонну французских грузовиков, ехавших на восток. Прапорщик Булягин положил руку на плечо удрученного своим положением Егорова:

— Саша, очнись! Все вокруг меняется. Подумай о возможностях. Ты ведь уже порвал свой партбилет?

Южнее двигалась еще одна колонна, и там охранникам из числа немецких резервистов пришлось вмешаться в драку двух советских офицеров, один из которых явно

одерживал верх над другим. Им пришлось буквально отдирать пальцы черного от копоты майора-танкиста от горла избитого им штабного офицера.

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

— Решающая фаза битвы наступила, когда прибыли советские армии второго эшелона. Союзники уже исчерпали предварительно подготовленные запасы алкоголя. Теперь пришло время выяснить, сумеют ли алкогольные боеприпасы произвести такое же воздействие и на заранее предупрежденного противника.

Фронт, 20 мая 1989 года

Пассивная фаза операции «Красная молния» завершилась. Теперь, когда ход войны приобрел непредсказуемый характер, предварительная расстановка выпивки на путях продвижения противника оказалась малоэффективной. Железный Майк распорядился приступить к активной фазе. По существу эта фаза представляла собой совместную операцию многочисленных подразделений ракетных установок Национальной гвардии США и тактических истребителей-бомбардировщиков НАТО.

Как только батальоны ракетчиков прибыли в Германию, им были выданы боеприпасы, за расходом которых установили жесткий контроль. Это были КУРВАБы (кинетически управляемые разбрасываемые по воздуху алкогольные боеприпасы). Считалось, что на мормонов и баптистов крайнего юга США, которые служили в подразделениях Национальной гвардии, можно положиться и надеяться, что они не станут проверять на себе эффективность боеприпасов. В то же самое время эскадрильи натовских истребителей-бомбардировщиков получили воз-

душный вариант КУРВАБов. Именно это сокращенное название специальных боеприпасов стало причиной введения солдатами в оборот термина, которым они называли предстоящие боевые действия: «Операция “Курва”».

Главные цели КУРВАБов находились на путях продвижения атакующих советских подразделений. Каждая взорвавшаяся ракета должна была раскидать сотни миниатюрных ярко-оранжевых пластиковых шариков, оснащенных собственными маленькими парашютами. Целями истребителей-бомбардировщиков должны были стать районы сосредоточения войск, переправы и штабы. Для нанесения ударов по штабам был разработан специальный подкласс КУРВАБов — АБЗДУСРы (алкогольная бомба замедленного действия для ударов по скоплениям руководителей). Их содержимым была отборная «Столичная», которую большинство русских никогда не видело, так как эту водку придерживали для высших слоев общества и вывозили на экспорт. Считалось, что для ударов по специальным целям, которыми были штабы с их более «изысканными вкусами», потребуются специальные боеприпасы¹.

Это новое оружие применили быстро. Мотострелковая дивизия Рогачева нанесла удар на узком десятикилометровом участке фронта и вырвалась на равнины Нижней Саксонии, дабы, отбросив британский мотопехотный заслон, войти в соприкосновение с частями Британской Рейнской армии. Продвижение русских выглядело весьма впечатляюще — четыре полка наступали волнами танков и боевых машин пехоты.

¹ «Отчеты о заседаниях Комитета по ведению военных действий Палаты представителей Конгресса США», 23 июля 2003 г. Комитет пришел к выводу, что средства на закупку «Столичной» для особых целей были израсходованы без необходимости; он также обвинил армейскую разведку в некомпетентности и «проецировании» на советский генералитет вкусов генералитета американского: по сведениям Комитета, советские генералы вполне довольствовались зерновым спиртом.

В тесном внутреннем отсеке одной из машин сидели и болтали девять пехотинцев. Все они вздрогнули, услышав, как в воздухе над их головами что-то разорвалось. Вместо россыпи стальных осколков в открытый люк машины плавно опустился оранжевый шар с парашютом. Когда поступила команда высаживаться и атаковать, отделение выскочило наружу с таким энтузиазмом, которого командир взвода никогда прежде не наблюдал. Вместо того чтобы построиться в цепь, солдаты разбежались по полю, преследуя маленькие оранжевые шары.

Генерал-полковник Валерий Одинцов уже хотел было забраться в штабную машину, стоявшую неподалеку от полевого штаба его 13-й армии смешанного состава, когда появились летевшие на низкой высоте западногерманские истребители-бомбардировщики «Торнадо». Увидев, что самолеты сбрасывают контейнеры, водитель машины в ужасе застонал. Когда контейнеры раскрылись, Одинцов мгновенно представил себе, как он погибнет. Но что это? Широко открыв рот, он изумленно смотрел в небо. Множество маленьких оранжевых шаров, напоминавших пуховые головки одуванчиков, плавно опускались на своих крошечных парашютах. Парашют одного не раскрылся, и он камнем устремился к земле. Этот шар угодил прямо в раскрытый рот Одинцова. Несмотря на последующий кошмар (иначе советское стоматологическое протезирование назвать нельзя), генерал-полковник мог считать это событие благодеянием. На военно-полевым суде Одинцов имел все основания заявить, что не несет ответственности за явный развал порядка и дисциплины в штабе.

**Академия Генерального штаба им. Свечина,
2 декабря 2007 года**

— Высказывались мнения, что было бы проще и эффективнее вывести из строя штабы с помощью обычных

боеприпасов. Однако, как было указано в работе американского Центра военной истории, на которую опиралась стратегия операции «Красная молния», уничтоженных штабных офицеров сразу же заменили бы штабистами более низкого уровня. А вот штабники, не пострадавшие физически, если не считать отравления алкогольными парами, скорее нанесли бы урон собственным подразделениям, нежели бесконечные военные действия.

Кремль, 19 июля 1989 года

Второй эшелон советских войск подвергся еще более масштабным разрушениям. Армии третьего эшелона остановились в Польше и Словакии и стали окапываться. Однако пора было расплачиваться за фактор этнической избирательности плана «Красная молния».

Члены Совета обороны не спали трое суток. Начальник Генерального штаба мог им только позавидовать — он не спал уже неделю. Его доклад о мобилизации резервных формирований произвел на всех гнетущее впечатление. Ничего хорошего ждать не приходилось.

— Потеря более пятидесяти лучших дивизий и переход на сторону противника армий всех стран Варшавского договора, за исключением болгарской, ставит нас, товарищи, в крайне затруднительное положение. Фронт рухнет, если мы не укрепим его недавно сформированными соединениями. К сожалению, большинство этих соединений укомплектовано жителями неславянских республик Закавказья и Средней Азии. Они либо вообще не пьют, либо имеют более умеренные склонности к употреблению спиртного.

Будучи по своей природе менее уязвимыми для секретного оружия НАТО, эти народы традиционно являются политически неблагонадежными. Они, как и прежде, противятся главенству русского старшего брата и от-

крыто возмущаются советской действительностью. Мы идем на большой риск, отправляя эти соединения на фронт, но у нас нет выбора.

Фронт, июнь—июль 1989 года

Рядовые Юсуф Султанов и Мохаммед Улсанбеков не испытывали радости от того, что стали расчетом пулеметной позиции, расположенной в сыром дубовом лесу в окрестностях польского города Лодзь. Еще свежи были воспоминания об их родном чистеньком и сухом оазисе, расположенном неподалеку от узбекского города Самарканда. Они были резервистами, как и толстый русский капитан, командовавший их ротой. Капитан Петров был из Ташкента и занимал какую-то административную должность в министерстве сельского хозяйства. Родившись в Узбекистане, он не удосужился выучить и слова по-узбекски, если не считать набора самых грязных ругательств.

Форма была тесной для капитана Петрова. Гораздо проще быть начальником, сидеть за столом и командовать всеми этими смуглыми чурками, которые, как и положено, кланялись и устраивали между собой потасовки. Но сейчас он испытывал страх. Существовала некая устойчивая закономерность: чем ближе к фронту оказывались эти чурки, тем меньшую степень послушания они проявляли.

Он уже в третий раз за утро подошел к пулеметной позиции, чтобы продолжить свои бесконечные проверки.

— И что мне делать, если у меня 112 человек, из которых 83 узбека, 12 туркмен, 2 таджика, 8 татар, 3 украинца, эстонец, монгол, грек и только четверо русских? — пробормотал капитан себе под нос.

Посмотрев вниз, на позицию двух рядовых, он подумал: «А эти две желтые собаки, пожалуй, не самые худ-

шие бойцы. Мне кажется, они, по крайней мере, понимают по-русски».

— Вы, двое, — рявкнул он по-русски тоном колониального аппаратчика, — заметили что-нибудь?

В ответ узбеки лишь улыбнулись. Их черные глаза выражали полное непонимание. Петров снова испытал болезненное ощущение страха. Пожав плечами, он вышел на грязную тропинку и потащился к следующей позиции. За деревьями раздался смех, который был для него словно нож в спину. Неужто они и впрямь так его называют... да еще и по-русски — «капитан Оранжевые Шары»?

Штаб действующей армии, ставка Верховного главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе, местоположение не установлено

Генерал Смит-Уилсон побледнел, когда ему сказали, что Железный Майк на проводе закрытой линии связи. Он не желал новых сюрпризов. Ему вполне хватало 1 миллиона 300 тысяч военнопленных из состава армий стран Варшавского договора. Он никогда не планировал, что делать с таким количеством военнопленных, а они все прибывали и прибывали. Он даже думать не желал обо всех этих восточных немцах, поляках и чехах. Его приводила в ужас мысль, что величайшим делом его жизни окажется участие в операции «крупнейший-в-мире-резервуар-с-пойлом».

— Кролик! Вторая смена! — проорал в трубку Мейер.

— Так точно, сэр, — сказал Смит-Уилсон, чувствуя слабость в коленях, — мы приготовились к передислокации на запад.

— Черт тебя подери, Кролик, забудь ты весь этот вздор. Мы идем на восток!

Академия Генерального штаба им. Свечина, 2 декабря 2007 года

— Лишенная своих вооруженных сил, Советская держава быстро рухнула. Кто, господа, мог предвидеть такие перемены? Отделение союзных республик, введение капитализма и восстановление монархии! Но мы, по крайней мере, обошлись без жульничеств либеральной демократии и сохранили границу с Польшей. Только я не уверен, хорошо ли, что у нас появилась граница с Украиной!

Последняя фраза, как и ожидалось, вызвала в зале смехок. Всякий раз он старался закончить свое выступление этой шуткой.

В тот вечер Чонкин работал допоздна. Он отпустил своих помощников и удостоверился в идеальной чистоте поверхности письменного стола. Выдвинув небольшой ящик, извлек личные канцелярские принадлежности. Взяв несколько листов, на мгновение восхитился качеством веленовой бумаги и черно-золотым двуглавым орлом гравировки его собственного герба, дарованного благодарным монархом.

Окунув старинное перо в позолоченную чернильницу, Чонкил стал писать на английском:

Дорогой Джон.

Должен поблагодарить тебя за твое любезное согласие просмотреть рукопись моей новой книги. В особенности мне понравились твои комментарии относительно того, почему искусство не прямых действий действительно является разновидностью несимметричного ведения войны. Однако есть один вопрос, в отношении которого я бы с тобой поспорил. Это вопрос касается роли человеческого фактора...

Потратив еще несколько часов и два десятка листов бумаги, Чонкин закончил письмо. Наслаждаясь мягким скольжением чернильного пера по дорогой бумаге, написал на конверте адрес получателя:

*Мистеру Джону Морану
Исторический отдел средней школы Джеба Стюарта,
Фоллз-Черч, Виргиния.*

В действительности

Печальная реальность этой главы заключается в том, что пристрастие русских к алкоголю еще более усилилось из-за морального банкротства советского эксперимента. В 1980-х годах этот факт вызывал наибольшее беспокойство у коммуниста-реформатора, первого секретаря партии Михаила Горбачева. Гибель молодых людей из-за пристрастия к алкоголю стала обычным социальным явлением и главной причиной стремительного снижения средней продолжительности жизни мужского населения России. В то время Советский Союз был единственной страной, которая проводила исследования в области умственного отставания детей, вызванного алкогольной интоксикацией отцов в момент зачатия; единственной страной, которая нуждалась в этих исследованиях. В советских вооруженных силах пьянство оставалось огромной проблемой. Однако западные наблюдатели отмечали, что появление пьяных советских офицеров в общественных местах было довольно редким явлением.

Проблема алкоголизма не исчезла вместе с Советским Союзом. Она присуща и современной России.

Привело бы к положительным результатам использование алкоголя в качестве оружия? Мы никогда этого не узнаем. Мы знаем лишь, что эта проблема представляет собой самое уязвимое место национальной культуры рус-

ских и что, по большому счету, искусство ведения войны заключается в том, чтобы нанести удар по уязвимому месту. Нам также известно о существовании достаточного количества исторических свидетельств, которые показывают, что в прошлом алкоголь влиял на ход военных действий. Но важнее этого непредвиденного обстоятельства то, что насыщенные техникой армии Запада обращают все меньше внимания на человеческий фактор ведения войны. «Люди ничто. Человек — все», — цитируют высказывание Наполеона. Мы напрасно пренебрегаем изучением поведения человека на войне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Андрей Столяров

ОККУПАЦИЯ. Последний сценарий «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

ОТ АВТОРА

Эта статья была написана в августе 1999 года и в последующие месяцы безоговорочно отклонена сразу несколькими московскими и петербургскими журналами. Насколько можно судить, содержание ее сильно противоречило господствовавшему тогда популистско-демократическому мировоззрению. Напечатать эту работу удалось только в июле 2000 г. в петербургском журнале «Нева». С тех пор ситуация, описанная в статье, принципиально не изменилась, и потому при подготовке нынешней публикации, избегая соблазна осовременить текст задним числом, я внес в него лишь небольшую стилистическую правку, нисколько, на мой взгляд, не затрагивающую смысла данной работы. Что же касается политических и социальных реалий, то здесь доработка производилась только на уровне макияжа: партию

«Наш дом — Россия» сменила партия «Единая Россия», а вместо благополучно забытого ныне блока «Отечество» появился патриотический блок «Родина». Впрочем, никакого значения эти изменения не имеют.

*Андрей Столяров
16 января 2004 г.*

Звездно-полосатые сумерки

Оккупация России странами НАТО представляется неизбежной. Дым над Югославией еще не развеялся, а в Европе — как, впрочем, и во всем мире — возникла новая геополитическая реальность. Ее можно охарактеризовать как «Рах Америгана». Отныне только Америка будет решать, что в мире хорошо и что плохо. Отныне только Америке будет дано выносить приговоры, миловать или казнить, спасать или низвергать в бездны. Отныне только Америка, как некогда Советский Союз, тоже, кстати, претендовавший на мировое господство, будет направлять страны и регионы к светлому будущему. Очередная «империя зла» выросла так стремительно, что мировое сообщество, особенно страны Третьего мира, еще не успели полностью осознать этот факт. Однако не вполне представляя себе конкретную политическую ситуацию ближайшего будущего, мир тем не менее понял законы, по которым он теперь будет жить. Стало ясно отныне, что все предшествующие договоры, упорядочивающие, насколько это возможно, отношения между странами, все международные институты, пусть даже такие давние и авторитетные, как ООН, все прекрасноразумные рассуждения о праве для каждого и свободе для всех утратили смысл и не имеют никакого значения. Теперь они играют лишь роль буфера, смягчающего геополитические удары, роль наркотика, позволяющего не чувствовать боли при оперативном вмешательстве. В мире снова, как в первобытные времена, господствует только сила, грубая сила, сила дубины и топора, и в какую бы привлекательную оболочку,

например защиты прав человека, ни упаковывали ее западные средства массовой информации, она остается именно силой, силой как таковой, насилием — и больше ничем. Насилие же цивилизовать нельзя. С насилием можно либо бороться, рискуя, что оно в этом случае будет обращено против тебя, либо смириться с ним, приспособиться, воспринимая политический произвол как неизбежную данность.

Именно это в последние месяцы и произошло. Европа окончательно признала главенство Старшего Брата из-за океана. Отброшены все представления о независимости европейской политики, поставлен под сомнения сам факт существования «государства Европа», следующего традициям Просвещения, «политика канонеров», казалось бы, уже давно отошедшая в прошлое, вновь стала способом достижения цели. Случилось то, что и должно было случиться после краха СССР. Баланс сил, удерживавшийся в течение нескольких десятилетий, был нарушен. Америка получила неограниченную власть над миром. Сменилась историческая эпоха. Тысячелетие просветительства и надежд неожиданно завершилось. Наступила эра передела мира по американскому образцу. Неизвестно, сколько продлятся эти звездно-полосатые сумерки. Империи быстротечны, особенно те, которые претендуют на мировое господство. Видимо, и Соединенные Штаты не составят здесь исключения. Однако пока незаметно средств, способных морально или технически воспротивиться разворачивающейся агрессии. Мир в большей своей части приведен к покорности. Судьба его в обозримом будущем предрешена. Слабые молчат, не без оснований опасаясь участи Югославии¹. Сильные же потворствуют произволу, надеясь получить свою часть всемирного пирога. «1984» год, предсказанный Оруэллом, позади. Часы бьют тринадцать. «Американский английский», в основном в виде военных команд, распространяется по континентам.

Теперь важнейшим препятствием для США на пути к мировому господству является все та же Россия. Дело здесь

¹ А теперь и Ирака. — *Примеч. автора.*

вовсе не в том, что Россия, будучи правопреемницей СССР, сохранила, пусть лишь на подсознательном уровне, статус великой державы и потому всегда будет стремиться этот статус восстановить. Данное стремление утопично и угрозы для Соединенных Штатов не представляет. Дело даже не в том, что еще имеющихся у России ядерных сил вполне достаточно, чтобы затопить огнем любой континент. Сейчас более эффективны совсем иные военные технологии. Тут дело в другом. Дело в том, что Россия, по-видимому генетически, не приемлет американской культуры. «Прагматическая цивилизация» является для нее абсолютно чуждой. Культ денег может ослепить на мгновение, но никогда не станет подлинным образом жизни. Высшие ценности, такие как, например, «справедливость», представляют в российском сознании не средство, а конечную цель. России по природе ее назначено стать в оппозицию ко всему сугубо «материальному». Это противоречие — неустранимо. Оно никогда не будет преодолено. Противостояние «духа» и «косной материи» станет, видимо, центральной коллизией начинающегося столетия.

Правда, существует еще необозримый Китай, вес которого в мировой политике явственно возрастает. Этому способствует неуклонное, год за годом, наращивание его экономического могущества. А Китай в силу давних политических обстоятельств не испытывает ни к США, ни к Западу вообще никаких симпатий. Однако «желтой цивилизации», исторически замкнутой и представляющей для прочих этнокультур вечную «вещь в себе», невозможно стать лидером нового мирового единства. Слишком велика разница западного и восточного образа жизни, слишком не совпадают на Западе и на Востоке основополагающие понятия «личности» и «свободы», слишком сильны шовинистические предубеждения обеих сторон. «Культура церемоний» может оказаться для европейцев (и не только для них) более тиранической, чем «культура денег». К тому же Китай обременен историческим соперничеством с Японией. Процветание Страны Восходящего солнца еще долго будет

ограничивать гегемонистские намерения Поднебесной империи. Китай в обозримом будущем, скорее всего, увязнет в решении региональных проблем. В качестве «лидера оппозиции» он для остального мира вряд ли приемлем. Кстати, по тем же причинам на роль «главного оппонента» не подойдет ни Япония, пусть сильно вестернизированная и вроде бы не имеющая больше имперских намерений, ни загадочная Малайзия, только еще начинающая обретать экономический и политический авторитет, ни рыхлый исламский мир, не выдвинувший до сих пор внятной идеи развития и пугающий малые и большие страны непредсказуемостью своих действий. Зато Россия, хотя бы в силу своего географического положения, связывающего Запад с Востоком, Юг с Севером, всегда будет полюсом притяжения антиимперских, антиамериканских, антинатовских сил. Именно Россия способна на моральное сопротивление «американской мечте». И потому прежде всего Россию требуется устранить с международной арены как наиболее опасного игрока. Потому что если сомкнуть российские минеральные и энергетические ресурсы с китайским упорством или исламской пассионарностью, то в мире возникнет такая сила, перед которой будет беспомощна вся западная цивилизация.

Этого США, разумеется, допустить не могут. Тотальная власть над Россией — основа их стратегического выживания. А поскольку средствами традиционной политики сделать этого не удастся, будут применены те технологии, которые характерны для новой, информационной эпохи.

Все боги мира

Ситуация для вторжения складывается исключительно благоприятная. Еще никогда Россия не была так беспомощна и так растеряна, а Соединенные Штаты так удачливы и так сильны, как на исходе затянувшейся индустриальной эпохи. После Югославии (и еще раз напомним: после

Ирака) мир психологически подготовлен к внезапному повороту событий. К нему готова Америка, уверовавшая за последние десять лет в свое превосходство над всеми прочими странами, к нему готова Европа, панически опасаящаяся возрождения мощной имперской России, к нему готовы страны Третьего мира, осознавшие опять-таки в результате югославской войны, сколь сомнительны и ненадежны их собственные суверенитеты. (Теперь даже Ливия, видимо, уstraшенная судьбой Саддама Хусейна, соглашается допустить инспекторов ООН на свою территорию.)

Более того, к оккупации готова сама Россия. Годы после распада СССР, повлекшие за собой катастрофические изменения в судьбах миллионов людей, годы неудачных реформ, годы кризисов, годы внезапных экономических катаклизмов не прошли бесследно для общества, которое просто устало от бесконечных преобразований. Первоначальный импульс движения, начатого перестройкой, давно исчерпан. Силы, вызванные к жизни реформами, растрочены в бесплодных экспериментах. Раз за разом наблюдают российские граждане одно и то же: приходит очередное правительство, очередной президент, берутся очередные кредиты, даются очередные социальные обещания, намечаются очередные меры, провозглашаются лозунги, объявляется очередной новый курс по выводу страны из кризиса. А в результате — опять обвал, опять хаос, опять катастрофическое обнищание. В лучшем случае — новый застой, выдаваемый прикормленными экспертами за долгожданную стабилизацию. И все это — на фоне непрерывных разоблачений в правительственных кругах, на фоне обвинений в коррупции, сообщений о взятках, которые, не стесняясь, берут высокие государственные чиновники, на фоне умопомрачительных состояний, вынутых буквально из воздуха так называемыми олигархами. Год за годом прокручивается этот порочный круг. Год за годом страна, как в трясиине, вязнет во множестве неразрешимых проблем. Никакие усилия переломить ситуацию не способны. Идея, что «в этой стране» всегда будет именно так, все больше утверждается в об-

ществе. Возникает психология национального поражения. Психология тех, кто, потерпев неудачу, уже не верит в собственные возможности. Россия более не рассчитывает на самое себя. Будто тень, поднимается из давнего прошлого легенда о призвании на Русь варягов. Ситуации, как многим кажется, обладают некоторыми чертами сходства. Тот же развал в стране, та же слабая власть, те же призрачные амбиции, затмевающие рассудок. Соответственно и рецепт потребует тот же самый. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами...»

Историческое оправдание для оккупации таким образом существует. То, что уже один раз было в истории, воспринимается далее как традиция. Внутренне «повтор» таких событий гораздо более приемлем, чем самые обоснованные инновации. Старое всегда лучше нового, поскольку требует для осуществления меньших усилий. Дело за малым: этот «повтор» должен приобрести черты неизбежности. Он должен стать единственным, без каких-либо вариантов путем развития. Только тогда он будет как-то оправдан в глазах россиян. Только тогда вторжение будет не оккупацией, а долгожданным освобождением.

Решающим здесь, видимо, окажется следующее обстоятельство. Россия как мировая держава уже давно проиграла Западу невидимую технологическую войну. Средства массовой информации, если рассматривать проблему глобально, замкнуты в единую сеть и за редкими исключениями находятся в распоряжении развитых западных стран. Западные концерны контролируют большую часть прессы, распространяемой сейчас в мире, мировые телеканалы, агентства, крупнейшие радиостанции. Доля России в создании общего «информационного пула» пренебрежимо мала. Даже собственную территорию от Пскова до Владивостока она контролирует лишь частично. А уж о пространствах мирового сообщества и говорить не приходится. Между тем именно средства массовой информации синтезируют и впечатывают в сознание миллионов людей «истинную» картину мира. Они отбирают факты и в рамках обывательской

логики увязывают их между собой, они объясняют события и придают им определенное нравственное значение, они соотносят «контент» с главными мировоззренческими аксиомами и на основе внятных идеологем формируют мнение и народов, и отдельных людей. Говоря иными словами, они создают тот «текст», который сильнее любой реальности. Невозможно существовать вне этих «миросозидающих технологий». Событие становится таковым, лишь попадая в газеты или, что лучше, на экран телевизора. То, чем раньше занималась религия, пытавшаяся создать мистическое единство, теперь стало практикой мировых информационных агентств. Бога заменил мерцающий голубой экран, проповеди — круглосуточное вещание молодежных радиостанций. Никакая нацистская или коммунистическая пропаганда не сравнится с воздействием этой тотально организованной демократии. Причем неважно, насколько образуемая «картина» соответствует исходной действительности. Люди видят не то, что есть, а то, что им видеть предписано. В крайнем случае — то, что они стремятся увидеть.

В конце XX — начале XXI века возникла не просто новая «империя зла». Словно мрак, проступающий из иномирья, возникла тотальная, невидимая, вне всяких границ, «империя единомыслия». Мощь ее превосходит все, до сих пор известное человечеству. Круглые сутки, в течение многих недель, многих месяцев по всем радио- и телеканалам местного и общемирового вещания, во всех газетах, вплоть до самых мелких провинциальных изданий, во всех журналах, информационных листках, сводках, бюллетенях, обзорах, диспутах аналитиков, сначала в косвенных признаках, а потом уже вполне откровенно, будет создаваться образ страны, самим фактом существования своего представляющей угрозу стабильности. «Делатели новостей» отберут сведения, имеющие тревожный оттенок, комментаторы придадут им смысл надвигающейся на планету масштабной угрозы, публицисты напишут статьи, где эта угроза будет приобретет конкретный характер, политологи создадут концепции, способные вызвать панику даже у трезво

мыслящих интеллектуалов. И весь этот шумный идеологический кордебалет, срежиссированный в Вашингтоне, точнее — в одном из закрытых американских аналитических центров, вопреки реалиям будет демонстрировать лишь одну, очень простую мысль: Россия не способна к самостоятельному политическому бытию, необходима международная «помощь», необходимо вмешательство, которое, возможно, предотвратит катастрофу, ситуация перерастает в критическую, надо что-то предпринимать, медлить, оглядываться, откладывать больше нельзя.

России нечего будет противопоставить этой информационной агрессии. У нее после краха идеологии коммунизма нет вообще никакого мировоззренческого идеала. Лозунг «Обогащайтесь!», выдвинутый поначалу теоретиками реформ, странно звучит в стране, где большинство населения колеблется между бедностью и нищетой. Отсутствует даже государственная идея, объединяющая разные социальные категории. Приоритеты не выставлены, нравственная ориентация не произведена, «сюжет развития», который бы должен был в идеале образовывать некую перспективу, обрывается вместо этого в пугающую неизвестность. Короче, в России не создано доктринальное смысловое пространство, защищающее страну от трансляции разрушительных смыслов. В «войне образов» Россия терпит поражение за поражением. Она последовательно проиграла Чечню, Югославию, «русскую мафию», ставшую представлением о России за рубежом. Теперь же она проигрывает для себя самое главное — государственный суверенитет, проигрывает изначальное право на то, чтобы управлять собственными территориями. Тем более что слово «оккупация» в этой, пока бескровной войне, скорее всего, произнесено не будет. Вместо него возникнет ряд устойчивых, строго специализированных, внешне совершенно безобидных иносказаний. Например, «совместный контроль над стратегически рискованными объектами». Например, «помощь международных сил в организации коллективных мер безопасности». Не имеет значения, как это будет называться конкретно. Важ-

но начать обсуждение, чтобы общество, российское и мировое, постепенно осваивалось с новой реальностью. Протесты, если они и будут, понемногу ослабеют. Абсурд, разворачивающийся день за днем, перестанет восприниматься как таковой. Потребуется, вероятно, не более года, чтобы оккупация по крайней мере части России стала казаться вполне естественной. Время пустых ожиданий заканчивается. «Ясный холодный августовский день» уже наступил. Второй такой случай может не представиться никогда. Все боги мира сейчас на стороне Соединенных Штатов Америки. Им остается сделать только последний шаг. От войны незримой, войны словесной, информационной перейти к непосредственным военным действиям.

Гляйвиц—Сараево

Поводом для вторжения может послужить все что угодно. Это может быть авария на одном из крупных заводов, производящем ядовитые вещества, каковая повлечет за собой серьезные экологические последствия. Это может быть самопроизвольный запуск ракеты — неважно, оснащенной ядерной боеголовкой или пустой. Это может быть очередной экономический кризис, на которые так богата Россия — причем кризис, поддержанный и, возможно, организованный западными банками-кредиторами. Конкретика в данном случае значения не имеет. Важно лишь то, что инцидент этот будут ждать, к нему будут готовы заранее, и вся мощь зарубежных средств массовой информации обрушится на Россию. Инцидент немедленно попадет в фокус общественного внимания. Масштабы его будут раздуты до невероятной степени.

Если это окажется какая-нибудь технологическая катастрофа, значит, следы отравляющих соединений обнаружатся на огромном пространстве от Швеции до Италии. В случае самопроизвольного запуска речь пойдет о чуть было не потрясшем мир ядерном апокалипсисе. Если же возникнет

вспышка инфляции, что, кстати, наиболее вероятно, то представлена она будет как крушение всей экономики, ввергающее к тому же в безнадежный хаос соседей. И пусть российские специалисты-экологи неопровержимо докажут, что следы ядовитых веществ в атмосфере указанных стран пренебрежимо малы, на здоровье, во всяком случае, они отразиться не могут; пусть военные специалисты заявят, что рассуждения о ядерном апокалипсисе в данном случае просто абсурд: стрельбы были учебными, западные державы были о них заранее оповещены; пусть правительство России упорно свидетельствует, что никакого экономического распада страны на отдельные регионы нет: локальный кризис, вызванный тем-то и тем-то, постепенно преодолевается, — это уже не будет иметь никакого значения. Голоса их утонут в потоке упреков и обвинений. На одну российскую экспертизу будет приходиться десять-пятнадцать «международных», более авторитетных. На одно российское заявление — двадцать-тридцать громогласных опровержений и дополнений. Пена вымысла, как всегда, окажется важнее реальности. Западный обыватель (да и российский тоже не в меньшей степени), сбитый с толку, напуганный тем, что, как ему объяснят, он едва-едва избежал верной гибели, разумеется, не желающий повторения ничего подобного в будущем, потребует от своих правительств самых решительных мер.

А когда истерия в средствах массовой информации достигнет предела, когда вал возмущения «безответственностью, ставящей под угрозу жизнь на Земле», прокатится по всем континентам, когда головы пойдут кругом и утрачены будут всякие разумные ориентиры, страны НАТО, имеющие «опыт» разрешения острых международных проблем, предложат простой и ясный выход из создавшейся ситуации. В совместном обращении к правительствам, парламентам и народам «цивилизованных стран» они заявят, что глобальная безопасность есть линия, определяемая всем Международным сообществом, что права человечества выше права каждого отдельного государства и что они, руководствуясь этими высокими принципами, берут на себя ответ-

ственность за «неуправляемые территории». На практике это будет означать введение в Российскую Федерацию «ограниченного контингента специалистов» (разумеется, с обслуживающим персоналом и воинскими подразделениями для их охраны), а также — «прямое и непосредственное сотрудничество с российским правительством в деле разрешения кризиса», с тем чтобы взять под контроль главные «стратегически рискованные объекты» и таким образом предотвратить глобальную катастрофу.

Напрасно будет Россия протестовать против «грубого вмешательства в свои внутренние дела». Напрасно будет она взывать к международной общественности и разным региональным форумам. Напрасно будет требовать от ООН положить конец наглой агрессии. Общественное мнение в мире будет уже сформировано. Самые резкие заявления останутся сотрясением воздуха. Срочно созванный Совет Безопасности будет парализован демаршами Англии, Франции и США. Генеральная Ассамблея ООН увязнет в дискуссии о «неотъемлемых правах человечества». Что же касается Совета Европы, где тон задают опять-таки страны Северо-Атлантического альянса, то здесь России будет дано однозначно понять, что ни о какой агрессии и нарушении российского суверенитета вопрос даже не ставится; Совет Европы как раз и стоит на страже глобального мирового порядка; речь идет лишь об оказании «экстренной международной помощи» в тех проблемах, с которыми Россия не может справиться самостоятельно; это меры временные и направленные на то, чтобы стабилизировать ситуацию.

Одиночество России в мире станет вполне очевидно. Вот когда созреют плоды бездарной внешней политики последнего десятилетия: политики непрерывных уступок Западу, политики колебаний и следования чужим интересам. Россия останется даже без своих традиционных союзников. Отчаянные протесты ее будут поддержаны только Сербией и Белоруссией (если, конечно, обе эти страны еще будут к тому времени существовать), и, возможно, в достаточно резкой форме возражать против нового передела мира бу-

дет Китай, однако неофициально дав понять, что если китайские интересы в Сибири будут должным образом учтены, то протест в данном случае ограничится чисто словесной риторикой. Китай пока еще не способен противостоять блоку НАТО.

России не поможет даже наличие у нее стратегических ядерных сил. Мало иметь возможность уничтожить весь мир простым нажатием кнопки. Надо еще иметь психологическую готовность совершить, если потребуется, этот самоубийственный акт. Между тем никаких оснований для вспышки ядерного безумия иметься не будет: врагов у России нет, формально на нее никто нападать не намерен. Речь и в самом деле идет лишь о помощи в разрешении якобы непреодолимых проблем. Идеологическая упаковка агрессии будет безукоризненна. Начинать в этих условиях ядерный Армагеддон может только безумец. Политическая решимость России исчезла вместе с имперским социализмом СССР. Никому не захочется предстать обвиняемым перед Международным судом в Гааге. Пример президента Милошевича здесь будет весьма показателен. Тем более что открытый военный конфликт не будет поддержан даже внутри страны. Народам России уже давно безразлично, кто будет находиться у власти: правые, левые, рыночники, сторонники командно-административной системы, демократы, национал-либералы, коммунисты, хозяйственники, русские, евреи, немцы, китайцы. Хоть инопланетяне, лишь бы в стране был, наконец, наведен элементарный порядок. Воевать никто ни за что не хочет. В России нет сейчас ничего такого, что стоило бы отстаивать и защищать. Криминальная демократия не вызовет прилив гражданского энтузиазма. Дикий рынок — не та святыня, ради которой следовало бы жертвовать жизнью.

Апатия в послекризисном российском обществе чудовищная. На объединение и поддержку гражданских сил рассчитывать не приходится. Государство для россиян само является худшим из возможных работодателей и уже не раз демонстрировало пренебрежение любыми законами. В этой

крайне невыгодной ситуации правительству России останется только одно. Оно будет вынуждено, сделав хорошую мину при плохой игре, начать переговоры с представителями Северо-Атлантического альянса. Это уже само по себе явится крупнейшим политическим поражением. Потому что впервые в своей истории Россия, не проиграв ни одного сражения на поле боя, имея пусть частично дезорганизованную, но все-таки еще достаточно сильную армию, достаточно сильный флот, авиацию и стратегические ракетные части, не раздираемая внутренней смутой, мятежами или гражданской войной, начнет тем не менее переговоры о капитуляции.

Правда, не следует полагать, что это будут простые и необременительные переговоры. Каждая из сторон будет знать: речь, фактически, идет о господстве в мире ближайшего будущего. От конфигурации соглашений будет зависеть расклад политических сил в Европе, Азии и в самой России, а потому взаимная ожесточенность примет крайне напряженные формы. Не раз будет казаться, что переговоры безнадежно зашли в тупик. Не раз будут делаться резкие заявления и проводиться «заключительные» пресс-конференции. Не раз вроде бы уже достигнутое соглашение будет откладываться на неопределенное время, и не раз делегации будут демонстративно покидать место переговоров. И тем не менее эти переговоры будут идти — шаг за шагом продвигаясь к намеченной натовскими стратегами цели. Трагический финал их можно предвидеть заранее. Когда все аргументы сторон, военные и политические, будут исчерпаны, когда терпение мировой общественности истощится и станет ясно, что переговорам необходим новый принципиальный толчок, главное же, когда в силу длительности самого процесса переговоров россияне привыкнут к тому, что контроль за их чисто внутренними проблемами неизбежен, произойдет то, что и должно будет произойти. Случится второй инцидент, возможно спонтанный, возможно, спровоцированный теми или иными спецслужбами, и уже независимо от его специфики и масштабов он явится для России полной политической катастрофой. Не-

важно, где этот инцидент будет иметь место. Неважно, какой характер, военный или промышленный, он в действительности обретет. Неважно, что подобные инциденты будут также происходить и в других странах — многие десятилетия и чуть ли не каждый месяц. Важно будет лишь то, что, опять-таки подхваченный западной прессой, он как ураган прокатится обвинениями от Лондона до Нью-Йорка. Последствия его будут неописуемы. Теперь даже самому твердокаменному оппоненту станет ясно, что Россия не в состоянии управлять имеющимися у нее технологиями. Разбираться в сути происходящего никто не станет. Призрак всеобщей гибели заставит забурлить континенты. Встревожатся даже те, кто не испытывает к США никаких особых симпатий. Грянет гром. Государственная воля России будет подавлена. Политическое безволие овладеет парламентом, правительством, президентом. Еще, наверное, пройдут несколько раундов более никому не нужных переговоров, еще будут страстные препирательства и российская сторона еще выторгует себе несколько мелких уступок, еще будут сделаны какие-то заявления и попытки оправдаться в глазах россиян. Однако это уже ничего, в принципе, не изменит. Карты будут сданы. Стрелки судьбы неумолимо укажут на полночь. Решение будет принято независимо ни от каких оправданий.

В торжественной обстановке, которая тем сильнее подчеркнет значительность поражения, в присутствии иностранных гостей, множества российских и зарубежных корреспондентов, в великолепном Георгиевском или другом каком-нибудь не менее пышном зале Кремля будет подписано соглашение «О принципах международной помощи, предоставляемой Российской Федерации странами Северо-Атлантического альянса». Последуют дружеские рукопожатия обеих сторон. Звон хрустальных бокалов поплывет по всем телевизионным каналам. Будет объявлено, что начинается новая эра в отношениях между Россией и Западом, что впервые в истории достигнуто всеобъемлющее и выгодное компромиссное соглашение. Будет провозгла-

шена победа сил разума, справедливости и ответственного подхода к решению международных проблем. Торжества отзовутся, по-видимому, во всех европейских столицах. Ликование стран и народов будет самое искреннее. И однако вся эта патетическая риторика не сможет, по-видимому, заслонить главного. Век мечтательного гуманизма незаметно истек. «Мир, устроенный по-американски» отныне стал тотальной реальностью. Свобода, равенство, демократия отошли в область преданий. То, чего не сумели с помощью танков и авиации сделать в свое время страны Оси, сделали с помощью телевидения и газет страны НАТО. Новая прекрасная эра действительно началась. Россия перестала существовать как независимое государство.

Под пятой

Без барабанного боя, без звонких реляций и победных фанфар, тихо и скромно начнется то, что в дальнейшем войдет в историю как «первый раздел России».

Сначала будет сформировано так называемое «ответственное правительство». «Группа международных экспертов» предложит президенту России соответствующие кандидатуры. Сейчас трудно сказать, кто может это правительство возглавить. Однако ясно, что это должен быть человек, во-первых, западного мышления, другого на таком посту «эксперты» не утвердят, а во-вторых, лишенный ярких лидерских качеств. Сильная личность на этой должности тоже может оказаться опасной. По такому же принципу будут подобраны и министры, особенно для силовых министерств: просто специалисты без каких-либо политических устремлений. Никакой реальной властью в стране такое правительство обладать, конечно, не будет. Оно станет ширмой для той же, укомплектованной в основном США, «группы международных экспертов». Это правительство будет заведомо обречено на заклятие. Дума указом президента будет распущена, а работа Совета Федерации — приоста-

новлена на неопределенный срок. (Разумеется, с сохранением за думцами и сенаторами всех выплат и привилегий.) Особого резонанса в России это не вызовет. Будет объявлен, скорее всего, трехлетний период «экономической стабилизации». Он, естественно, может быть и продлен, если потребуется. Затем — выборы, разумеется, с соблюдением всех демократических процедур. Приобщение к цивилизации, таким образом, состоится. Россия как полноправный участник вольется в сообщество европейских народов.

Одновременно начнется и собственно военная операция. Сперва под обусловленный недавно подписанным Соглашением «международный контроль» будут поставлены все имеющиеся у России межконтинентальные баллистические ракеты, потом — стратегическая авиация и пусковые установки ракет средней дальности. Часть из них будет сразу же демонтирована под предлогом аварийного состояния. «Консультанты» стран НАТО потребуют возвращения с боевых дежурств российских подводных лодок. Далее они проникнут в Генштаб, в командование военно-воздушными и военно-морскими силами. Точно бесшумные метастазы расползутся во всей стране. Каждый род войск получит своих «международных экспертов». И когда во исполнение какого-нибудь «пункта шестнадцатого параграфа В» того же капитулянтского Соглашения «группы экспертов», срочно собранные из Англии, Германии, Франции, Италии, США, состоящие, разумеется, из профессионалов самого высокого класса, образуют «объединенные комитеты» — сначала для контроля над ФСБ и сразу же вслед за этим — в Министерстве внутренних дел, процесс оккупации бывшей империи будет окончательно завершен, колосс повержен, сознание его одурманено, теперь ничто в притихшей России не ускользнет от западных «друзей и союзников».

А чтобы предотвратить опасный накал страстей во время вторжения, чтобы выпустить лишний пар и направить возможный протест россиян в безопасное русло, «ответственное правительство», не имеющее ни политических, ни экономических рычагов управления, предпримет ряд мер,

заведомо обеспечивающих быстрый популистский эффект. Оно, например, объявит широкомасштабную войну коррупции «не на словах, а на деле» и провозгласит своей целью «вернуть награбленное народу». Такая позиция, разумеется, вызовет всеобщее одобрение. Будут проведены процессы над несколькими наиболее одиозными фигурами российской политической сцены. Скорее всего, ими станут Борис Березовский, которого Запад в этих условиях немедленно выдаст, Владимир Брынцалов, Роман Абрамович и некоторые другие. Позже к ним будет присоединен ряд слишком «высунувшихся» деятелей из регионов. Маловероятно, кстати, что это будет Анатолий Чубайс. Чубайса западные державы не отдадут ни при каких обстоятельствах. И вовсе не потому, что, выполняя задание американских спецслужб, он способствовал развалу страны, как об этом постоянно твердит «патриотическая оппозиция», а по той лишь, сейчас уже вполне понятной, причине, что и вторжение, и оккупация не могут продолжаться до бесконечности. Рано или поздно России придется вернуть известную политическую самостоятельность, что в свою очередь породит риск социального взрыва. «Ответственное правительство» может быть сметено возмущенными массами, и в стране снова может начаться длительный хаос. Запад в этом абсолютно не заинтересован, а потому здесь нужен некий посредник между настоящим и будущим. Требуется человек, который хорошо знал бы правила западного лицемерия, и Анатолий Чубайс подходит для этой роли лучше всего. Сдержанность — вот что притягивает к нему даже ярких политических оппонентов. В данном случае не послужит препятствием и образ «главного реформатора», ввергшего страну в кризис. Ничто так быстро не переходит от ненависти к любви, как общественное сознание. Достаточно будет всего десятка статей, написанных талантливыми журналистами, достаточно нескольких телепрограмм, где будет представлена совершенно иная картина событий недавнего прошлого, достаточно будет блоков особо отформатированных политических новостей — и народ, вдруг очнувшись

от морока, увидит перед собой совершенно иного Чубайса: вдумчивого аналитика, серьезного и ответственного политика, страстного человека, днем и ночью радеющего о благе России. Все остальные политические фигуры будут проигрывать в сопоставлении с ним. Наступит «прозрение», маятник симпатий качнется в другую сторону. Растерянный обыватель внезапно поймет, откуда придет спасение. Ненависть к «приватизатору, ограбившему народ» будет мгновенно забыта. Обманул нас — тем более обманет американцев. Под восторженные аплодисменты Анатолий Чубайс поплывет к заветной финишной ленточке.

Однако все это еще впереди. А пока процессы, транслируемые на весь мир, произведут должное впечатление. Они укажут, кто есть «истинный виновник» национальной трагедии. Они «назовут поименно» всех тех, кто нажился на горе и обнищании россиян. В итоге они уподобятся маслу, вылитому на поверхность бурного моря. Вполне возможно, что эта тонкая пленочка будет сметена первым же ураганом. Возможно, что ярость и ненависть к ренегатам станет потом гораздо сильнее. Однако на какое-то время это успокоит грозные волны. Излишние эмоции выгорят, российский корабль перестанет крениться с борта на борт. У правительства появится шанс проскочить самый трудный участок.

Именно так, скорее всего, и произойдет. Тем более что процессы эти будут иметь и очень важное практическое значение. В результате их будут конфискованы в пользу государства громадные капиталы. Ощутимая часть денег, осевших за рубежом, будет возвращена в Россию. Этому поспособствуют иностранные банки под нажимом как США, так и ведущих европейских держав. Там же не идиоты: транснациональные корпорации будут заинтересованы в том, чтобы производство в России хоть немного работало. За счет этого будут ощутимо повышены минимальные пенсии и зарплаты. За счет этого будет улучшено положение рабочих, учителей, военнослужащих, ученых, врачей. А как только будут произведены первые реальные выплаты и как только первые деньги проступят на рынке, оживляя своим на-

личием экономику, сразу же станет ясно, что победа «сил разума и прогресса» одержана, правительство, какое бы ни было, в общем контролирует ситуацию, возмущаться и протестовать в данном случае — значит впасть в безумие; пусть все будет как будет, лишь бы снова не окунуться в муторную российскую безнадежность.

Ведь для большинства граждан России, по сути, ничего не изменится. Никаких ограничений политических и гражданских свобод при оккупации введено не будет. Разве что резко усилится ответственность за экономические преступления, да на радио, на телевидении и при редакциях крупнейших газет будут образованы «наблюдательные советы», давно лелеемые «патриотами». Это будет представлено как забота о нравственности и гражданском спокойствии. Запрещать оппозиционную прессу, разумеется, никому и в голову не придет. Просто ряд изданий увянет в судебных процессах «за призывы провоцирующего характера», а финансовые возможности ряда других будут незаметно сведены к минимуму.

Сопrotивления оккупации, скорее всего, не будет. Ни одна из существующих ныне в России политических партий не только не сможет организовать действенную «городскую герилью», «войну под крышами» или партизанское движение в сельской местности, где, впрочем, «ограниченный контингент» частей KFOR вообще не появится, но даже серьезное моральное противостояние оккупантам, «сатьяграху», акции гражданского неповиновения, наподобие тех, что использовались индийским сопротивлением в борьбе против Великобритании. Ни одна из партий не обладает для этого достаточным политическим авторитетом, ни одна из них не способна на деятельность по созданию подпольных террористических групп, ни в одной партии нет людей, могущих день за днем, подвергая себя опасности, разъезжать по стране и вести нелегальную «провоцирующую» агитацию.

Главное же, что ни одна партия не сможет предложить для борьбы внятный идеологический позитив. «Независимость» и «свобода» будут начертаны, разумеется, на всех

партийных знаменах. Вероятно, не останется в России лидера, который их не использует. И вместе с тем конкретизировать эти расплывчатые понятия ни одна партия, скорее всего, не сумеет. Для этого в российской интеллектуальной сфере нет соответствующих наработок. Просто же лозунги, призывы и обещания теперь вряд ли привлекут россиян. «Свободу», обернувшуюся нищетой, они уже пробовали, а «независимость», связанная, как правило, с ломкой привычного образа жизни, пугает их и предвещает лишь новые экономические неурядицы. Доктринальную пустоту оппозиции почувствуют все. Мощного патриотического ядра на базе сопротивления, по-видимому, не возникнет. Вялый протест будет раздроблен на множество мелких акций, и выступления против агрессии примут чисто демонстративный характер.

ЛДПР открыто призовет добровольцев на «всенародную борьбу против американских захватчиков». Несколько сот человек гордо промаршируют по одной из центральных улиц Москвы. Будут созданы «роты», «батальоны», «полки», якобы готовые выступить по первому же требованию своего темпераментного вождя. После чего добровольцы без шума разъедутся по домам и на «пунктах народной мобилизации» более никогда не появятся.

«Единая Россия», по-видимому, займет очень сдержанную позицию. Разумеется, вторжение НАТО будет безоговорочно осуждено руководителями этой бюрократической партии. Разумеется, будет заявлен резкий протест против «нарушения равновесия сил в мире» и, разумеется, «фракция власти» в Госдуме еще успеет проголосовать за выход России из Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Однако поскольку выяснится, что ни на «Газпром», ни на ЮКОС войска НАТО не претендуют, и поскольку предложена будет мягкая интеграция этих структур в международные транснациональные корпорации, то позиция «Единой России» станет более «взвешенной», «сбалансированной», а верхушка ее, скорее всего, войдет в «ответственное правительство».

Сходной точки зрения будет придерживаться и блок «Родина». С той лишь разницей, что в правительство «национальной измены» оно, скорее всего, не войдет. Здесь упор будет сделан на мягком «хозяйственном» противостоянии оккупантам. Впрочем, что это означает на практике, никто из лидеров блока, скорее всего, объяснить не сможет.

Коммунисты в очередной раз заклеят «преступный антинародный режим», а всегда несогласная партия «Яблоко» сосредоточится «на поисках конструктивного выхода из создавшейся непростой ситуации».

Возможны будут лишь единичные террористическое эксцессы против зарубежных «специалистов». Отношение к ним россиян, конечно, будет самое негативное. Взрывы, аварии и поджоги популярности у народа не сыщут. Маргинальное сопротивление будет без особых усилий подавлено органами ФСБ. Помощь деньгами и аппаратурой здесь охотно окажут западные спецслужбы. Не пройдет и нескольких месяцев, как в стране воцарится давно ожидаемое спокойствие. Цены постепенно стабилизируются. Уровень преступности существенно упадет. Срочно выделенные МВФ кредиты ускорят денежное обращение. Возрастет качество жизни; россияне приобретут наконец уверенность в завтрашнем дне. Эпоха реформ забудется, как кошмарный сон. Появятся перспективы. Жизнь перестанет пугать ужасами и гримасами. Распахнется будущее. Россия погрузится во мглу. Третье тысячелетие потечет под могучий клекот пернатого заокеанского хищника.

Пиршество демонов

Теперь странам НАТО останется самое легкое. Им останется лишь нарезать пирог, который окажется у них на столе. Вряд ли здесь можно рассчитывать на какие-нибудь серьезные противоречия. План раздела России, скорее всего, будет подготовлен заранее.

Можно полагать, что произойдет это так.

Прежде всего в особые административные единицы будут выделены Урал, Сибирь и Дальний Восток. Мотивироваться это будет трудностью управления большими территориальными образованиями. Во главе «экономических автономий» встанут законно избранные губернаторы. Избраны они, конечно, будут «народом», но администрации (команды) свои сформируют все из тех же «международных экспертов». Соответствующим образом будет строиться и политика. Денежное обращение с центром, то есть с Москвой, будет временно разобщено. «Гении» из Чикаго, Лондона и Парижа объяснят, что это необходимо для оздоровления экономики. Конвертацию и устойчивость местных «кредитных знаков» гарантирует и обеспечит резервами Международный валютный фонд. О фактическом отделении от России речь, разумеется, не пойдет, но отныне потоки товаров и средств будут полностью переключены на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Москва утратит реальную власть над этими территориями.

Далее решительно и бесповоротно отпадет Кавказ. Вдохновленные примером Чечни, Северо-Кавказские республики давно присматриваются к такой возможности. Теперь наступит время для конкретных шагов. В первую очередь независимость провозгласят Ингушетия, Дагестан и Северная Осетия. Глядя на них, потянутся к «незалежности» и другие республики. Обострятся тлеющие противоречия; немедленно вспыхнут очередные конфликты на национальной почве. Погасить их Россия окажется не в состоянии, и после ряда трагических инцидентов Кавказ будет взят под международный протекторат. Опеку над ним, разумеется по мандату ООН, будет, скорее всего, обеспечивать Турция. Это послужит спусковым механизмом всего последующего распада. О своем государственном суверенитете заявят Башкортостан, Татарстан и Якутия. Затем, видимо, — Чувашская Республика, Удмуртия, Республика Марий Эл. Провозгласят независимость Бурятия, Алтайский край, Хакасия и Тува. Чукотка и Республика Коми заявят о стремлении своих коренных народов к национальному возрождению.

Парад суверенитетов окажется настолько стремительным, что в его водоворот будут втянуты даже те, кто ранее ни о какой независимости не помышлял. Об образовании «Свободного экономического района» с центром во Владивостоке заявит Приморский край. То же самое сделают в Хабаровском крае, Амурской области и на Камчатке. Все они постараются ввести свои «денежные эквиваленты». А на Сахалине, недолго думая, просто объявят об открытых, безвизовых и бестамозженных границах острова. То, с чем несколько лет назад столкнулся распадающийся Советский Союз, теперь в полной мере испытает на себе и демократическая Россия.

Более того, начнется поглощение некоторых ее периферических территорий. Латвия займет Пыталовский район Псковской области, на который уже давно, неважно на каких основаниях, претендует Япония — после некоторых колебаний — спорные острова Курильской гряды. (И одновременно расширенное японское военно-экономическое представительство будет образовано на Сахалине.) Китай — тоже после некоторых колебаний — часть Южной Сибири. А население анклавной, полузабытой в России Калининградской области, так и не переименованной во что-нибудь более подходящее после распада СССР, однажды утром из официальных сообщений в прессе узнает, что отныне находится в сфере «экономического пространства» Германии и теперь немецкое правительство берет на себя ответственность за его социальное благополучие. На практике это, конечно, не будет означать введение в Калининград частей бундесвера, но свободное расселение немцев в анклаве отныне станет реальностью; немецкая марка в качестве средства денежного обращения быстро вытеснит рубль, а глава калининградской администрации получит место в рейхстаге.

Ничто не сможет остановить эту лавину. Не помогут протесты ни партий, ни граждан, ни общественных организаций России. Резкие по форме, но беспомощные по существу заявления «ответственного правительства» будут «приняты к сведению» и благополучно заболтаны в различ-

ных международных инстанциях. Ассамблея ООН начнет очередную дискуссию о праве наций на самоопределение. Совет Европы будет «тщательно изучать сложившуюся неоднозначную ситуацию». Страны бывшего СНГ ограничатся невнятными комментариями. А руководство Северо-Атлантического альянса, давно уже следующего исключительно своим интересам, заявит, что все его действия находятся в полном соответствии с международными нормами. Все республики, провозгласившие независимость, получают статус «временных государственных образований». Будут срочно введены собственные валюты, армии, конституции, полицейские силы. Кое-где пройдут «свободные» выборы или референдумы, и сегодняшние весьма условные президенты республик обретут полноправный статус глав независимых государств. Часть держав, по ранее достигнутой договоренности, признает их не только фактически, но и официально. Будут выделены кредиты и тайно (впрочем, без особой секретности) произведены поставки оружия. А когда под давлением США и некоторых европейских стран-участниц агрессии большинство самопровозглашенных республик получит положение «ассоциированных членов» ООН, разумеется с перспективой полного равноправия в самом ближайшем будущем, то любому станет понятно, что раздел, по крайней мере на этом этапе, необратим, стратегические цели «нового рейха» достигнуты, более никто и ничто не сможет сдерживать США на пути к мировому господству.

Третье тысячелетие окончательно вступит в свои права. Мир приобретет совершенно иные геополитические очертания.

Бесплодные земли

Пока такой сценарий кажется абсолютно неосуществимым. Кажется диким, будто Россия, имеющая многовековую историю, смирится перед накатывающимся на нее валом агрессии. Кажется совершенно невероятным, что Ев-

ропа, прошедшая две мировые войны, очертя голову бросится в рискованную милитаристскую авантюру. Кажется невозможным, что народы Земли без борьбы и протестов пойдут в услужение к новой расе господ. Слишком велико, на первый взгляд, разнообразие мира. Слишком долго питают его культуру принципы европейского гуманизма. Слишком привычными уже стали для нас свобода и демократия и слишком сильна еще память о недавних «коричневых» или «красных» империях. Нового «деления на сословия» не захочет никто. Тысячи факторов, военных и политических, будут препятствовать этому.

И тем не менее было бы опрометчиво объявлять, что «у нас это невозможно». Ход истории неодолим; будущее всегда не такое, как мы его себе представляем. Совсем недавно абсурдом казалось крушение могущественной системы социализма. Казался невозможным распад на отдельные государства величественного СССР. Совершенной нелепостью представлялось, что в центре просвещенной Европы будут бомбить города и толпы беженцев устремятся в соседние страны. Однако все это внезапно осуществилось. Будущее — это тогда, когда осуществляется невозможное. Нет ничего такого, что не нашло бы себе в конце концов места под солнцем. Пламенные тени грядущего, и время рукой забвения смывает правых и виноватых. Бесплодны земли истории, ибо зарастают они только чертополохом. Сгущаются сумерки. Будущее Средневековье уже стоит на пороге. Вырваться из мучительного перемалывания столетий не удавалось еще никому. Народы выходят из небытия, и народы вновь исчезают бесследно. Ничто не впервые, и ничему нельзя положить предел. «И если даже кто-нибудь скажет: вот смотри, это новое, то и это уже было в веках, бывших прежде нас...»

Август 1999 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Питер Дж. Цурас. ВВЕДЕНИЕ

M. Djilas. Conversations With Stalin. London. Rupert Hart-Davis 1962.

Майкл Р. Хатауэй. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Allied Control Authority, Air Directorate. Flight Rules for Aircraft Flying in Air Corridors in Germany and Berlin Control Zone. 22 Oct 48. DAIR/P(45)71-Second Revision, RG: 341 Entry: 335 Box: 806, NA.

Bradley Omar N. and Blair Clay. A General's Life: An Autobiography by General of the Army Omar N. Bradley and Clay Blair. New York. Simon and Schuster, 1983.

Eisenhower Dwight D. Crusade in Europe. New York. Doubleday, Garden City. 1948.

Headquarters European Command. APO 403, 30 Aug 48, «Orderly Evacuation of Berlin by Air». Appendix C, RG 341, Entry 335, Box 806, NA.

* *Howley Frank.* In the Berlin Hot Seat. New York. 1953.

Leebaert Derek. The Fifty-Year Wound: The True Price of America's Cold War Victory. Boston. Little, Brown. 2002.

LeMay Curtis E. and Kantor MacKinlay. Mission with LeMay: My Story. New York. Doubleday, Garden City. 1965.

* *Martin Roger E.* Paris Corridors. New York. 1977. Memorandum for General Norstad «Preliminary Appreciation of the Defense of the Rhine River».

26 Oct 48. Signed S.E. Anderson, MG, USAF, Director Plans & Operations, RG 341, Entry 335, Box 807, National Archives.

* *Metzger Gordon*. USAFE and the Airlift. New York. 1977.

Newton Verne W. The Cambridge Spies: The Untold Story of Maclean, Philby and Burgess in America. New York. Madison Books. Lanham. 1991.

Parrish Thomas. Berlin in the Balance, 1945—1949: The Blockade, The Airlift, The First Major Battle of the Cold War. Massachusetts. Addison-Wesley, Reading. 1998.

Pogue Forrest C. George C. Marshall: Statesman, 1945-1959. New York. Viking Penguin 1987.

Radzinsky Edvard, tr. Willetts H.T. Stalin: The First In-Depth Biography Based on Explosive New Documents from Russia's Secret Archives. New York. Doubleday. 1996.

* *Russell Brown*. Flashpoint: Berlin, 1948. New York. 1994.

* *Richmond Lawrence*. The Airbridge. New York. 1954.

* *Sokolovsky Vassily Danilovich*. My Service: Stalin's Red Army. Moscow. 1993.

* «Summary of Corridor Incidents». App VII-B: «USAF and the Berlin Airlift. 1949».

Tusa John and Tusa Ann. The Berlin Airlift. New York. Sarpedon. 1998.

United States, Department of State. Foreign Relations of the United States, 1944, vol. 1. Washington, DC. 1966.

Zubok Vladislav and Pleshakov Constantine. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press. 1996.

Джеймс Р. Арнольд. ПУСАНСКАЯ КАТАСТРОФА, 1950 год

Appleman Roy E. South to the Naktong, North to the Yalu, June-November 1950. Washington, DC. Department of the Army. 1961.

- *Blair Clay*. The Forgotten War. New York. Times Books 1987.

Futrell Robert F. The United States Air Force in Korea, 1950—1953. Washington, DC. US Air Force. 1983.

* *Lee Hak Ku, General*. Planning for the Final Victory. Kim Il Sung City. Unified People's Army Press. 1958.

Matloff Maurice, ed. American Military History. Washington, DC. US Army. 1969.

* *Orlov Vladimir Ivanovich, Colonel-General*. Tank Commander! My Experiences in Three Wars. Moscow, Kim Il Sung City, Ho Chi Minh City. Red Hero Press 1976.

* *Pak Ho San, General*. Memories of Comrade Mu. Kim Il Sung City. Veterans' Collective Press. 1972.

* *Pang Ho San, General*. War and Reunification. Kim Il Sung City. Unified People's Army Press. 1963.

Robertson William Glenn. Counterattack on the Naktong, 1950. Fort Leavenworth, KS. US Army Command and General Staff College. 1985.

Sandler Stanley, ed.. The Korean War: An Encyclopedia. New York. Garland Publishing. 1995.

Truman Harry S. Years of Trial and Hope. NY. Doubleday, Garden City. 1956.

* *Ushakov Sergei V and. Golitsyn Vasili G (Kutuzov Artillery Academy)*. An Analysis of the Preliminary Bombardment Preceding the War for Korean Unification. Sevastopol. Red Artillery Press. 1962.

Пэдди Гриффит. ВЬЕТНАМ. Война, которую никто не заметил

Blaufarb Douglas S. The Counter-insurgency Era. New York. The Free Press. 1977.

Donovan D. Once a Warrior King. New York. 1985.

Frizzell D.D. and Thompson W.S. The Lessons of Vietnam. New York. 1977.

Galloway Joseph L. and Moore Harold G. We were Soldiers Once... and Young. New York. Harper Collins. 1992.

Griffith Paddy. Forward Into Battle. Crowood Press, Swindon, Wilts., 1990.

Halberstam David. The Making of a Quagmire. London. Bodley Head. 1965.

Race Jeffrey. War comes to Long An. Berkeley. University of California Press. 1972.

Starry Donn A. Mounted Combat in Vietnam. Washington, DC. Department of the Army. 1978.

Valentine Douglas. The Phoenix Program. New York. Avon. 1990.

Джон Б. Берт. НА КРАЮ ПРОПАСТИ. Ближний Восток, июнь 1967 года

Bar-Siman-Tov Yaacov. Israel, the Superpowers, and the War in the Middle East. New York. Praeger, 1987.

Bond Larry, and Carlson Chris. HARPOON-4: Rules for Modern Tactical Naval Combat. Phoenixville, PA. Clash of Arms Games. 1996.

Burdett Winston. Encounter with the Middle East: An Intimate Report on what lies behind the Arab-Israeli Conflict. New York. Atheneum. 1969.

Dupuy Trevor N. Elusive Victory: The Arab-Israeli Wars, 1947–1974. New York. Harper & Row. 1978.

Gerges Fawaz A. The Superpowers and the Middle East: Regional and International Politics, 1955–1967. Boulder, CO. Westview Press. 1994.

Glassman Jon D. Arms for the Arabs: The Soviet Union and War in the Middle East. Baltimore, MD. John Hopkins University Press. 1975.

Howe Jonathan T. Multicrisis: Sea Power and Global Politics in the Missile Age. Cambridge, MA. MIT Press. 1971.

Laquer Walter. The Road to Jerusalem: Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1967. New York. MacMillan. 1968.

Parker Richard B. The Politics of Miscalculation in the Middle East. Bloomington, IN. Indiana University Press. 1993.

Шон М. Мэлони. ЕЩЕ ОДНА ЖЕСТОКАЯ ВОЙНА В МИРНОЕ ВРЕМЯ. Квебек, 1968 год

* *Archambault Peter.* Between Faith and Reality: The Impact of Ayn Rand on Canadian National Security Policy. Toronto. University of Toronto Press. 2008.

Black Eldon. Direct Intervention: Canada–France Relations, 1967–1974. Ottawa. Carleton University Press. 1996.

Bosher J.F. The Gaullist Attack on Canada 1967–1997. Kingston, Ontario. McGill-Queen's University Press. 1999.

* *Hennessy Michael and Whitby Michael.* Uncle Louis's Destroyers At War: The St Laurent Class from Design to Dismemberment, 1950–1990. Ottawa. Queen's Printers. 2010.

Lisee Jean-François. In The Eye of the Eagle: Secret Files Reveal Washington's Plans for Canada and Quebec. Toronto. Harper Collins. 1990.

* *Llambias John and Gravelle Deryk.* Up Yer Kilt! The Black Watch Goes to War 1951–69. St Catherines. Vanwell Publishing. 2006; and its sequel: If It Isn't Scottish, It's Crap! The Black Watch Goes to War 1970–2001. St Catherines. Vanwell Publishing. 2008.

* *Maloney Andy.* Bravo Uniform Lima Lima: The Untold Story of the SAS in Canada, 1969–1975. Lausanne. Winged Dagger Press. 2004.

Maloney Sean M. War Without Battles: Canada's NATO Brigade in Germany, 1951–1993. Toronto. McGraw-Hill Ryerson. 1997.

Maloney Sean M. «A Mere Rustle of Leaves: Canadian Strategy and the 1970 FLQ Crisis». Canadian Military Journal, Vol. 1 No. 2. Summer 2000, p. 73–86.

* *Martin Richard.* «The Origins of Canadian Stabilization Operations: Licking the Coin, 1955–1975». Unpublished PhD dissertation. Royal Military College. 2005.

* National Archives of Canada, Manuscript Group 666, volume 107 file: «Political Violence in Occupied Quebec».

* National Defence, Directorate of Corporate Understanding, RG 200, file «NATO and Canada».

Porch Douglas. The French Secret Services: A History of French Intelligence from the Dreyfus . Affair to the Gulf War. New York. Farrar, Strauss and Giroux. 1995.

Powe Bruce. Killing Ground: The Canadian Civil War. Toronto. Peter Martin Associates. 1968.

* *Robertson Scott.* Strike Hard, Strike Sure, Strike Now, Or Else: The RCAF and the FLQ War. Directorate of Corporate Memory. 2003.

* *Rosenberg David A.* Operation RIVET: Arleigh Burke, Nuclear Weapons, the FLQ Crisis, and the Collapse of NORAD. International Security, Vol 900, No. 4. Winter 2006.

Форрест Р. Линдсей. ВОЙНА БРАТЬЕВ. Китайско-советская драма, 1968 год

Erickson John. Soviet Military Power. London. Royal United Services Institute. 1971.

Garthoff Raymond I. Soviet Military Policy, A Historical Analysis. New York. Praeger. 1966.

Griffith William E. Sino-Soviet Relations 1964–1965. Cambridge, MA. MIT Press. 1966.

Hazard John N. The Soviet System of Government. Chicago. University of Chicago Press. 1964.

Hinton Harold C. The Bear at the Gate, Chinese Policymaking Under Soviet Pressure. Washington, DC. American Enterprise Institute for Public Policy Research. 1971.

Hudson G.F., Lowenthal Richard, and MacFarquhar Roderick. The Sino-Soviet Dispute. New York. Praeger. 1961.

Jackson WA. Douglas. The Russo-Chinese Borderlands, Zone of Peaceful Contact or Potential Conflict? Princeton, NJ. Van Nostrand. 1962.

Pretty R.T. and Archer D.H.R. Jane's Weapon Systems. London. 1968.

Tanner Henry. «Moscow is Quiet,» New York Times, October 16, 1964.

Кевин Ф. Кайли. ДЕРЗКО УДАРИТЬ ИМ В ТЫЛ. Вторжение в Северный Вьетнам

* *Abrams Creighton.* Memoir of an Invasion. Fort Knox, KY. Patton Press. 1974.

Burke't B.G. and Whitley Glenna. Stolen Valor: How the Vietnam Generation was Robbed of its Heroes and its History. Dallas, TX. Verity Press. 1998.

- * *Collins Tom*. The Last Combat Jump. New York. Venable House. 1990.
- * *FitzHugh Samuel R*. Wild Weasels. London. Collins. 1980.
- * *Herrington Stuart*. The History of Soviet Involvement in the War in Southeast Asia. Boulder, CO. Schlaeger Books. 1985.
- Palmer David*. Summons of the Trumpet: U.S. — Vietnam in Perspective. San Rafael, CA. Presidio Press. 1978.
- Schemmer Benjamin F*. The Raid. New York. Harper and Row. 1976.
- * *Simons Arthur*. Into the North: The US Invasion of North Vietnam. New York. McGill. 1975.
- Stanton Shelby*. The Rise and Fall of an American Army: U.S. Ground Forces in Vietnam, 1965—1973. Time-Life. The Vietnam Experience. Boston. Boston Publishing. 1986.

Уэйд Дж. Дадли. ОГОНЬ И ЛЕД. Шестой флот против Пятой эскадры, октябрь 1973 года

- Aker Frank*. October 1973: The Arab-Israeli War. Hamden, CT. Archon Books. 1985.
- * *Boishov Ralucca*. A Family Affair: Wives, Children and War. Moscow. Free Press. 1993.
- * *Chernikoff Vassily and Brown Sam*. Prepare to Board! We Survived. Washington. Truth Press. 1993.
- * *Fakir I.M.A.* Delivering the Goodies: VP-45 in Peace and War. Shelmerston. NOVAT Press. 1987.
- * *Gadsden R.A., Rear Admiral. USN (ret.)*. Warbirds Away! New York. Callihan Press. 2002.
- Hagan Kenneth J., ed*. In Peace and War: Interpretations of American Naval History, 1775—1984. Westport, CT. Greenwood Press. 1984.
- Hartmann Frederick*. Naval Renaissance: The US Navy in the 1980s. Annapolis, MD. Naval Institute Press. 1990.
- Herzog Chaim*. The War of Atonement: October, 1973. Boston. Little, Brown. 1975.
- Israelyan Victor*. Inside the Kremlin Daring the Yom Kippur War. University Park, PA. Pennsylvania State University Press. 1995.
- * *Times Post*. «Armageddon». Special Edition, October 26, 1973.
- Vego Milan*. Soviet Naval Tactics. Annapolis, MD. Naval Institute Press. 1992.
- Watson Bruce W. and Susan M., eds*. The Soviet Navy: Strengths and Liabilities. London. Arms and Armour Press. 1986.
- Winkler David F*. Cold War at Sea: High-Seas Confrontation between the United States and the Soviet Union. Annapolis, MD. Naval Institute Press. 2000.
- Zumwalt Elmo R. Jr*. On Watch: A Memoir. New York. Quadrangle. 1976.

Дэвид С. Исби. АФГАНИСТАН. Советская победа

Allin Dana. Cold War Illusions. New York. St Martin's. 1994.

Calrey Demetrios James, ed. The New American Interventionism. New York. Columbia University Press. 1999.

Churchill Winston S. In the Balance: Speeches 1949–50. Boston. 1951.

Cogan Charles G. «Partners in Time: The CIA and Afghanistan since 1978». World Policy Journal, v.10, n.2, 1993, p. 73–98.

Friedman Norman. The Fifty Year War: Conflict and Strategy in the Cold War. Annapolis. Naval Institute Press. 2000.

Gaddis John Lewis. Strategies of Containment. Oxford. Oxford University Press. 1982.

Gates Robert M. From the Shadows. New York. Simon & Schuster. 1996.

Hayward Steven F. The Age of Reagan. New York. Random House. 2001.

Kaufman Burton I. The Presidency of James Earl Carter Jr. Lawrence. University of Kansas Press. 1993.

Kaufman Robert G. Henry M. Jackson: A Lift in Politics. Seattle. University of Washington Press. 2000.

Morris Kenneth E. Jimmy Carter: American Moralizer. Athens. University of Georgia Press. 1996.

Muravchik Joshua. The Uncertain Crusade: Jimmy Carter and the Dilemmas of Human Rights. Lanham, MD. Hamilton Press. 1986.

Ranney Austin, ed. The American Elections of 1980. Washington. AEI. 1981.

Rikhye Ravi. The Fourth Round, Indo-Pak War 1984. New Delhi. ABC Publishing House. 1982.

Rikhye Ravi. The War That Never Was. Delhi. Chankaya Publications. 1988.

Thomas Raju G.C. Indian Security Policy. Princeton. Princeton University Press. 1986.

Vance Cyrus. Hard Choices. New York. Simon & Schuster. 1987.

Westhold Arne, ed. «Meeting of the Politburo, March 17, 1979». Cold War International History Project Bulletin, issues 8–9, Winter 1996–97 (internet edition).

**Питер Дж. Цурас. ОПЕРАЦИЯ «КРАСНАЯ МОЛНИЯ».
Развал Красной Армии**

Antonov-Ovesyenko V.A. Zapiski o grazhdanskoi voine. Moscow. 1924.

Baron John. MiG Pilot: The Final Escape of Lt. Belenko. New York. Avon Books. 1981.

* *Bulyagin and Yegorov*. How We Brought Walmart to Russia. New York. 2002.

Carrell Paul. Scorched Earth: The Russo-German War 1943–1944. Boston. Little Brown. 1970.

* *Chonkin I.V.* The Human Factor in Asymmetrical Warfare. Moscow. 2008.

* *Chonkin I.V.* The Masterpiece of War: Rid Lightning and the Fall of the Soviet Union. The Chonkin Lectures. Moscow. 2009.

* *Colliers Edward*. Black Horse Bookies. New York. 1997.

Gabriel Richard A. The New Red Legions: An Attitudinal Portrait of the Soviet Soldier. Newport, CT. Greenwood Press. 1980.

Goldhammer Herbert. The Soviet Soldier: Soviet Military Management at the Troop Level. New York. Crane Russak. 1975.

* *Koriopoulos Panayiotis*. How Greece Won World War III. Athens. 1993.

* *Meyers Michael L.* How I Wielded the Red Lightning: Command in World War III. Boston. 1991.

* *Rauch Oscar S.* Godfather to Red Lightning: A Memoir. New York. 1997.

* Red Lightning: Conception and Planning. Washington, DC. Center of Military History. 1995.

Seaton Albert. Battles: Moscow 1941–1942. New York. Jove Books. 1971.

* *Smith-Wilson Nigel*. How Logistics Won World War III. London. 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
-------------------	---

ПЛАМЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Введение	11
Об авторах	19
От составителя	26

Майкл Р. Хатауэй

ПЕРВАЯ КРОВЬ. Берлин, 1948 г.	30
------------------------------------	----

Джеймс Р. Арнольд

ПУСАНСКАЯ КАТАСТРОФА, 1950 г. Триумф Северной Кореи	73
--	----

Пэдди Гриффит

ВЬЕТНАМ. Война, которую никто не заметил ...	110
--	-----

Джон Б. Берт

НА КРАЮ ПРОПАСТИ. Ближний Восток, июнь 1967 года	149
---	-----

Шон М. Мэлони

ЕЩЕ ОДНА ЖЕСТОКАЯ ВОЙНА В МИРНОЕ ВРЕМЯ. Квебек, 1968 год	203
---	-----

Форрест Р. Линдсей

ВОЙНА БРАТЬЕВ. Китайско-советская драма, 1968 год	244
--	-----

<i>Кевин Ф. Кайли</i>	
ДЕРЗКО УДАРИТЬ ИМ В ТЫЛ. Вторжение в Северный Вьетнам	273
<i>Уэйд Дж. Дадли</i>	
ОГОНЬ И ЛЕД. Шестой флот против Пятой эскадры, октябрь 1973 года	313
<i>Дэвид С. Исби</i>	
АФГАНИСТАН. Советская победа	353
<i>Питер Дж. Цурас</i>	
ОПЕРАЦИЯ «КРАСНАЯ МОЛНИЯ». Развал Красной Армии	399

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Андрей Столяров</i>	
ОККУПАЦИЯ. Последний сценарий «холодной войны»	443
Библиография	469

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Пламя «холодной войны» Победы, которых не было

Ответственный редактор А.М. Лактионов

Выпускающий редактор О.К. Юрьева

Художественный редактор О.Н. Аласкина

Технический редактор Л.Л. Подьячева

Корректоры Г.В. Горянова, О.В. Гриднева, Т.В. Христинич

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;

953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

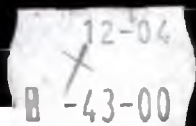
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

История не знает сослагательного наклонения, но тем не менее в последние десятилетия все большее признание приобретает интеллектуальная игра под названием «альтернативная история».

Темой этой книги стала недавно завершившаяся «холодная война», альтернативные версии которой предлагают американские, английские и канадские военные историки.

ISBN 5-17-024051-1

9 785170 240517